

ГРУЗИНСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО
ЗНАМЕНИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ

ბერძენი
ბიბლიოთეკა

501

1961

№51

ТРУДЫ LVI

ГРУЗИНСКАЯ ОБЩЕСТВЕННО-
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 19 ВЕКА

7

ГРУЗИНСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО
ЗНАМЕНИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
Т Р У Д Ы Т. LVI

საქართველოს

სოციალისტური

Г. И. МЕГРЕЛИШВИЛИ

ГРУЗИНСКАЯ ОБЩЕСТВЕННО-
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА
И НАЧАЛА XX ВЕКА

Т. I

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

РЕДАКТОР

доктор экономических наук, проф.
Н. К. Лачкепиани.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ГРУЗИНСКОГО ОРДЕНА ТРУДОВОГО
КРАСНОГО ЗНАМЕНИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО
ИНСТИТУТА

ТБИЛИСИ - 1961

6078

Handwritten signature or stamp

საქართველოს
ხალხთა ეროვნული
ბიბლიოთეკა

НЕОБХОДИМЫЕ РАЗЪЯСНЕНИЯ

Предлагаемая вторая часть первого тома «Грузинской общественно-экономической мысли» тем отличается в структурном отношении от вышедших первой части первого тома и от второго, что она включает кроме исследования, касающегося представителей общественной мысли освободительного движения 70—80-х годов прошлого столетия, первоисточники, т. е. произведения представителей грузинской революционно-демократической и революционно-народнической общественно-экономической мысли указанного периода. Мы в дальнейшем продолжим публикацию на русском языке литературы грузинской экономической мысли, что даст возможность русским советским ученым экономистам включиться в ряды исследователей грузинской экономической мысли и будет способствовать созданию научной истории экономической мысли народов СССР.

Во второй части первого тома нашего исследования включены некоторые произведения Н. Я. Николадзе, выдающегося нашего публициста, друга и соратника Чернышевского и его семьи, активного участника русского революционно-демократического движения шестидесятых — восьмидесятых годов прошлого столетия.

Эти произведения Н. Я. Николадзе представляют библиографическую редкость и трудно доступны широкому кругу исследователей. Включенные во вторую часть первого тома произведения Н. Я. Николадзе и другие материалы являются яркими показателями великой дружбы передовых людей России и Грузии, этих непримиримых врагов самодержавия, расизма и национального угнетения, которые исключительно глубоко понимали, что братское единение народов и их массовая борьба во главе революционной партии сломят русское самодержавие и откроют доро-

гу трудящимся к светлому будущему. В этом отношении включенные в данное издание произведения Н. Николадзе и другие материалы имеют не только историческое, но и познавательное значение. Сказанное следует распространить о «Процессе 50-ти» известного революционного народника И. С. Джабадари.

«Процесс 50-ти» впервые был опубликован в «Былое» 1907 г. и давно стал библиографической редкостью, между тем он является одним из основных источников для освещения вопросов истории революционно-народнического движения и русской и грузинской народнической идеологии 1874 — 77 гг.

В «Процессе 50-ти» изложены также революционно-народнические взгляды самого И. С. Джабадари.

Во многих отношениях представляет интерес «Речь» Здановича-Маиашвили и его «Письмо». В свое время широко на шумевшая «Речь» Здановича-Маиашвили в России и за границей впервые была опубликована в пятой книге Лавровского «Вперед» в 1877 г., вышедшей в Лондоне¹. «Речь» произнесенная непосредственно перед знаменитой речью Алексеева 9 марта 1877 г. на процессе 50-ти, представляет не защитительную речь, а изложение взглядов ее автора на вопросы освобождения «угнетенного народа». В этой «Речи» признается интернациональный характер социалистического движения. Она проникнута глубокой верой «в победу народа, в торжество социальной революции».

«Одна из характерных сторон современного европейского рабочего движения, — говорил на процессе 50-ти в своей «Речи» Зданович, — заключается в том, что народы сознали солидарность своих интересов, одинаковость своего положения и подали друг другу руку для общей борьбы, так что новейшая постановка социального вопроса делит человечество не на национальности, а на притесняемых и притесняющих». Нет сомнения, что в этом признании интернациональности революционного социалистического движения, отражено влияние Первого Интернационала, марксизма. И подобные высказывания имел в виду Ленин.

¹ См. «Вперед», 1877 г., Лондон, т. V, разд. 2, стр. 42—49.

как это отмечено в нашей советской науке, когда указывал о «попытке русских социалистов-народников перенести в Россию самую передовую и самую крупную особенность «европейского устройства — интернационал»¹.

«Письмо» Здановича-Маиашвили, опубликованное в 1882 г. в «Иверия» на грузинском языке и статьи Умидфаридзе и Бослевели переведены с грузинского на русский известным нашим общественным деятелем, доцентом кафедры русского языка Тбилисского Государственного университета им. И. В. Сталина Александром Мдивани. Литература эта, посвященная животрепещущим вопросам революционного движения, вопросам взаимоотношения экономики и политики, их роли в историческом развитии народов и т. д., представляет попытку решить одну из труднейших проблем революционного движения того времени, дают нам представление о характере идейной борьбы в грузинском освободительном движении начала 80-х годов прошлого столетия.

Хотелось еще пару слов сказать вот о чем: некоторые исследователи думают, что я неправильно подошел к оценке общественной деятельности Д. Кипиани, не признав его демократом. Как будто наша точка зрения исключает выдающегося общественного деятеля Д. Кипиани из рядов прогрессивных деятелей нашей страны. Его деятельность в обществе распространения грамотности среди грузин, в обществе Кавказского сельского хозяйства, его переводческая деятельность, его педагогические идеи и т. д., его мужественная негибкая борьба против русских колонизаторов, против политики обрусения и национального гнета — все это прогрессивные стороны его многогранной деятельности несмотря на то, что он был представителем грузинского дворянства. Наше освободительное движение, как нам представляется, в эпоху жизни и деятельности Д. Кипиани включало не только демократические элементы, но и «аристократические». Мы считаем фактом, что известные слои привилегированного дворянства, чувствуя национальный гнет, и ущемление сословных интересов выступало против этого гнета, представляя правое, дворян-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 1, стр. 260.

ское крыло освободительного движения. Таким образом я не вывожу Д. Кипиани из рамок освободительного движения при утверждении, что в период подготовки реформы и падения крепостного права Д. Кипиани не был либералом. Действительно в период перехода от феодализма к капитализму Д. Кипиани не стоит на передовых дворянских позициях в вопросе о феодализме, но это по моему не дает права считать Д. Кипиани не прогрессивным деятелем. Не нужно забывать, что Д. Кипиани был сыном колониальной, угнетенной страны.

Конечно ошибка полагать, что в мировой истории и у нас против национального гнета боролись только демократические и социалистические классы и их идеологи, что у нас только демократические и революционные элементы боролись за демократизацию языка¹ и против обрусения и упускать из виду, что в эту борьбу включались и представители привилегированных классов. И, конечно, в данном случае следует резко различать плебса от дворянина. Но временами и борьба дворянина несмотря на узость этой борьбы против колониальной политики безусловно представляет положительный факт и имеет прогрессивный характер, т. к. способствует развитию национального языка и культуры, способствует сплочению прогрессивных сил грузинского народа против колониализма, т. к. раскрывает агрессивный-реакционный характер политики царизма перед народом.

К сожалению к этому изданию мы не могли приложить предметный, а также именной указатель, а также список основной библиографии и использованной литературы по главам. Следует заметить, что по недосмотру в вышедших томах выпало несколько ссылок на использованную литературу и архивные источники.

В третьем томе «Грузинской общественно-экономической мысли» будут приложены предметный и именной указатели, а также список основной библиографии, исполь-

¹ См. Нашу статью к вопросу о мировоззрении М. Туманишвили, «Мнатоби» № 12, 1958 г.

зованной литературы и архивных источников, разбитый по главам и томам. К третьему тому мы приложим полную библиографию грузинской научной литературы по проблемам истории общественной мысли нами изучаемого периода.

Не излишне сказать, что мы пытаемся увязать историческую проблематику с современностью.

20. XII. 1960 г.

А. ПУРЦЕЛАДЗЕ — ИДЕОЛОГ ГРУЗИНСКОЙ
КРЕСТЬЯНСКОЙ ДЕМОКРАТИИ 70—80-х ГОДОВ

§ 1. ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ
ВЗГЛЯДОВ А. ПУРЦЕЛАДЗЕ

Литературное и научное наследство А. Пурцеладзе монографически еще не изучено. Между тем, А. Пурцеладзе был многогранным общественным деятелем. Он активно участвовал в борьбе за лучшее будущее нашего народа с 50-годов XIX века. Поэт и беллетрист, социолог и историк, страстный публицист и литературный критик, драматург и экономист, А. Пурцеладзе оставил большое литературное и научное наследство, которое, к сожалению, еще не выявлено, не собрано и не издано.

До сих пор не подверглись серьезному анализу его поэтические и литературные произведения, не изучены основательно его социально-экономические взгляды. Это отчасти объясняется тем, что как при жизни, так и после смерти А. Пурцеладзе за свои революционно-демократические взгляды был оклеветан либеральными литературоведами и историками, чьи оценки его литературно-научного наследия имеют, к сожалению, хождение и среди советских ученых.

Либералами отрицается его высокая художественность литературных произведений и его принципиальность в публицистике. Как представитель художественного слова грузинской революционной демократии 60—70-х годов и как теоретик А. Пурцеладзе—крупное явление в истории общественно-политической жизни Грузии.

Своим пером и своей деятельностью он многое сделал для разоблачения крепостничества и капитализма, показав его как антинародного строя.

Антон Николаевич Пурцеладзе родился в 1839 году в селе Мерети в Карталинии, в бедной дворянской семье. Детство он провел в родном селе, среди крестьян. Получив домашнее образование, в 1850 году он поступает в Орловский кадетский корпус, показав себя весьма одаренным и прилежным учеником. В 1854 году, благодаря несчастному случаю (повреждение ноги во время гимнастических упражнений), уволенный из кадетского корпуса он возвращается в свою родную деревню и до 1858 года живет там, недалеко от одного из культурных центров Грузии гор. Гори. Имея доступ к великим произведениям мировой и русской художественной и социальной литературы, А. Пурцеладзе усиленно занимается самообразованием. Ищет в книгах ответа на злободневные вопросы общественной жизни.

Естественные науки, литература, история, экономика, философия входят в круг его интересов. В этот период А. Пурцеладзе знакомится и близко соприкасается с крестьянской жизнью, непосредственно наблюдает противоречия и борьбу, которые развивались между классами в деревне в этот период.

В 1858 году А. Пурцеладзе переезжает в Тбилиси и после некоторых хлопот устраивается на должность переписчика в канцелярии богадельни. Живет он бедно. Будучи связан с группой учащейся молодежи, А. Пурцеладзе упорно занимается пополнением своих знаний¹. В 1861 году он сдает экзамен на звание учителя и поступает на должность воспитателя в Тбилисскую мужскую гимназию.

В этот период и до конца своей жизни Антон Николаевич Пурцеладзе, как об этом вспоминает его дочь, «был страстным поклонником Чернышевского, Добролюбова, Некрасова и Писарева. Хотя он обижался, когда ему, между прочим, говорили, что его взгляды об искусстве оформились под влиянием Писарева». Можно сказать, что «Что

¹ См. А. Пурцеладзе «Наши общественные дела», газ. «Закавказская речь», 1911 г., № 256.

делать» Чернышевского было его евангелием. Особо же он любил Некрасова. Мой отец, — пишет Ивлиа Нанаишвили — наизусть знал и переводил его стихи. Том стихов Некрасова был его настольной книгой. Осталось в памяти изречение отца: «Тот, кто Некрасова любит, не может быть плохим человеком, потому что поэзия Некрасова, это поэзия любви к человеку»¹.

Антон Николаевич Пурцеладзе выступает на литературное поприще в 1858 году в журнале «Цискари». Он печатает стихотворение «Моему другу», выражающее демократическое настроение автора. С этого момента и до смерти А. Пурцеладзе оставался активным участником литературного движения своей родной страны. Он активный сотрудник нашей демократической периодики — «Мнатоби», «Гутнис деда», «Имеди» и др. В 1866 году, получив звание частного поверенного, А. Пурцеладзе работает следователем в Зугдиди. В 1870 г. он переезжает в Гори, в один из тогдашних крупных центров революционно-демократического движения Грузии, и занимается адвокатурой. Есть указание, что на это дело его направили революционные народники.² В Гори же он втягивается в работу революционного подполья и является видным деятелем «социально-революционной организации пропагандистов». В 1877 году привлекается за революционную деятельность «к дознанию»³.

С 80-х годов XIX века до 1911 года А. Пурцеладзе работает в Тифлисском дворянском банке сначала оценщиком, затем после ухода И. Чавчавадзе с поста директора, избирается директором банка. В 1911 году он оставляет банк и переезжает в село Арбо.

А. Пурцеладзе скончался в 1913 году 3 ноября и похоронен в родном селе Мерети, согласно его завещания.

¹ См. журн. «Мнатоби», № 1, 1953 г., стр. 110, статья «Некрасов и грузинская литература».

² С. Мгалоблишвили сообщает, что А. Пурцеладзе было поручено, как адвокату, отстаивать интересы крестьян, что он выполнял с честью. См. Мгалоблишвили, Воспоминания, стр. 310, на груз. языке.

³ ЦГИА ГССР, фф. 7, 7с, 7/20, д. 19, 21, 2506 и т. д.

По свидетельству старого большевика Раждена Каладзе, А. Пурцеладзе перед смертью хотел вступить в ряды революционной социал-демократии¹.

Научно-литературная и общественная деятельность А. Пурцеладзе продолжалась ровно 55 лет. Он был свидетелем двух исторических событий огромного значения — крестьянской реформы 60-х годов и буржуазно-демократической революции 1905 года. В обоих исторических моментах, в периоды острой борьбы угнетенных классов против господствующих, он стоял на стороне народа против эксплуататоров и угнетателей, восторженно приветствуя 1905 год. Вместе с народом он тяжело переживал поражение революционных сил.

Как мы отметили выше, литературная и научно-политическая деятельность А. Пурцеладзе недостаточно исследована нашими литературоведами, историками и экономистами. Вся многогранная деятельность А. Пурцеладзе не стала еще объектом серьезного и вдумчивого исследования.

В грузинской научной литературе нет ясности в вопросе к какому идейно-политическому направлению общественной мысли следует отнести литературно-научное наследство А. Пурцеладзе. Проф. С. Хундадзе указывал, что А. Пурцеладзе колеблющийся мыслитель и раздвоенный общественный деятель, что А. Пурцеладзе в 70-х годах, участвуя в революционной организации народников, все же не прощается с реформизмом, оппортунизмом. «А. Пурцеладзе обособленно стоит среди наших общественных деятелей», — замечает профессор С. Хундадзе². «Он, — по утверждению проф. С. Хундадзе, — в теории до конца остается социалистом-утопистом, а на практике оппортунистом, соглашателем с существующими условиями»³.

¹ См. Р. Каладзе, «Антон Пурцеладзе», 1929 г., на груз. яз., стр. 57—58.

² См. С. Хундадзе, «К истории социализма в Грузии», т. I, стр. 223, 224, 238, 239.

³ См. С. Хундадзе, там же, стр. 240.

А. Джорджадзе, который искаженно представил идейную борьбу классов Грузии в период падения крепостного права, утверждал, что не вместе с либералами воевал А. Пурцеладзе против старого и отжившего, а с реакционерами, консерваторами отстаивал старое и боролся против нового¹, что он выступал как враг «нового поколения», борющегося против национального гнета, боролся против «нового поколения», которое строило новую Грузию и все свои молодые силы отдавало развитию национальной культуры и экономики².

Некоторые советские ученые и до сих пор не освободились от влияния джорджадзевской, да и вообще от буржуазно-либеральной оценки литературно-научного наследия и общественной деятельности А. Пурцеладзе. Так например, историк новой грузинской литературы проф. М. Зандукели пишет:

«Когда мы постараемся оценить все литературное наследие А. Пурцеладзе, то перед нами вырисовывается писатель, крупный мыслитель 60—80-х годов, который находится под сильным влиянием общественной мысли как русского передового общества, так и Западной Европы (конечно, через Россию). Эти влияния: либерально-буржуазное, либерально-национальное, либерально-демократическое, радикал-демократическое, мелкобуржуазное (народническое, социалистическо-утопическое). Основное из этих влияний на А. Пурцеладзе, конечно, мелкобуржуазное, народническое. Те центральные вопросы, которые выдвинули народники: общественное владение землей, всестороннее урегулирование крестьянской жизни (экономическое, юридическое, общественное), показ новых путей и «нового человека» (хотя бы в лице «кающегося дворянина»...) характерно было и для А. Пурцеладзе. Изучение жизни и деятельности его продолжает проф. М. Зандукели, нас ведет к тому выводу, что писатель, довольно способный, передовой радикальный мыслитель, всегда колеблется в поисках соответственного пути, кренится влево к радикализму. Но он все же ни в одном периоде не нашел

¹ См. А. Джорджадзе, т. V, стр. 157, 158.

² См. А. Джорджадзе, там же, стр. 159.

такого пути в идеологии, который его совсем удовлетворит бы и сделал бы сторонником определенного направления»¹.

На это, прежде всего, необходимо заметить следующее: несмотря на то, что вопрос о формировании общественных взглядов того или иного общественного деятеля — сложный вопрос и требует конкретного анализа фактов и событий, приведших на ту или иную классовую позицию того или иного общественного деятеля и писателя, но как бы там ни было основным источником формирования социально-экономической идеологии любого общественного деятеля является историческая обстановка страны, а затем уже «влияния». Это историческая обстановка ставит на решение определенный круг политико-экономических проблем, и общественный деятель, ища на эти проблемы ответы, обращается к историческому опыту других стран, к фактам идеологической борьбы классов, к данным науки и при решении выдвинутых историей родной страны вопросов может попасть под влияние того или иного идейного «направления» чужой страны, т. е. выбрать то или иное решение выдвинутых вопросов, но несмотря на такое влияние, фактом остается то, что именно историческая обстановка страны определяет характер и направление этого влияния, а этого не учитывает М. Зандукели.

Почему именно русские революционные народники влияли на А. Пурцеладзе, почему для решения исторических задач, выставленных ходом общественного развития страны, он нашел ответ в их произведениях, а не у Маркса? Ведь он читал и Маркса. Или возьмем для примера Н. Николадзе. Почему знакомство с Марксом, с его произведениями в 70-х годах не оформило Н. Николадзе как марксиста? Не ясно ли, что грузинский общественный деятель 60—70-х годов, сколько бы не знакомился с марксизмом, марксистом стать не мог. Не мог и Пурцеладзе стать теоретиком пролетарской революции потому, что в Грузии не было тех социальных отношений, которые мог-

¹ М. Зандукели, «Новая грузинская литература», т. III, стр. 346, изд. 1936 г.

ли сформировать такого теоретика. Ясно, что если мы констатируем, что теория импорта является неправильной в отношении русского умственного движения, то это же мы можем сказать и в отношении грузинских условий.

Мы много раз отмечали в предлагаемой работе, что если некоторые западные идеологии возникли и распространились и в Грузии, то причина этого явления — не просто чтение книг теми или иными интеллигентами и «знакомство» с произведениями Сэя и Маркса, а историческая обстановка страны.

Несмотря на то, что А. Пурцеладзе вышел из революционной школы Чернышевского и на него оказала сильное влияние русская революционная демократия, он остался оригинальным национальным мыслителем, а не плагиатором мысли. Это буржуазные либералы, как А. Джорджадзе, возвели клевету на А. Пурцеладзе, будто он А. Пурцеладзе, простой подражатель, будто он не разбирался в исторической обстановке страны, занимался слепым подражательством и этим самым отрицательно влиял на грузинскую интеллигенцию, мешая ей выполнять свою историческую задачу — быть слугой грузинских помещиков и буржуазии. На эту либеральную удочку попался видный советский ученый М. Зандукели, утверждая что А. Пурцеладзе вечно колеблющийся мыслитель, меняющий свою классовую позицию. На деле же А. Пурцеладзе в наших условиях, в 60—70-х годах и позже представлял крестьянскую революционную демократию и в этом смысле он принадлежит к «определенному» направлению общественной мысли. Нас интересуют здесь общественно-экономические взгляды А. Пурцеладзе в 70-х годах. Классовая направленность социально-экономических взглядов А. Пурцеладзе — это представительство интересов крестьянства, угнетаемого крепостничеством, а после реформы, в период капитализма, в условиях существования сильных крепостнических пережитков — интересов мелких производителей—крестьян.

Мы считаем А. Пурцеладзе крупным представителем грузинского крестьянского социализма, революционным демократом, активным участником революционно-народнического движения в Грузии.

Утверждение, что А. Пурцеладзе мирный социалист-утопист, по существу западно-европейского толка, не соответствует действительности. А. Пурцеладзе формировался в период острой классовой борьбы между крестьянством и помещиками. Он с ранних лет с увлечением читал Белинского, Добролюбова, Чернышевского, Писарева, Щеглова и других, прекрасно знал всю русскую революционно-демократическую литературу, следил за «Колоколом» Герцена. Книги «Современника», сочинения Чернышевского были его настольными книгами. Он изучал произведения великих утопистов, читал Маркса, Лассаля, Милля по Чернышевскому, был человеком широкообразованным. Но его литературно-научно-политические и экономические взгляды формировались под решающим влиянием революционных выступлений грузинского крестьянства, с одной стороны, а с другой — под сильным влиянием мировоззрений Чернышевского и Добролюбова, под сильным влиянием Парижской коммуны и нелегальной русской революционно-демократической литературы, которую он изучал и пропагандировал в организации грузинских пропагандистов в 70-х годах. Он высоко ценил критику капитализма утопических социалистов Оуэна, Фурье, Сен-Симона и во многом солидаризировался с ними, но что его не удовлетворял социализм великих западных утопистов это видно, помимо всего прочего, из факта участия А. Пурцеладзе в революционном освободительном движении. Один тот факт, что он судьбу социализма (правда, в его социализме по существу ничего социалистического не было) связывал с массовым движением, с крестьянской революцией, говорит о том, что А. Пурцеладзе не удовлетворял мирный социализм-утопизм. По отношению к А. Пурцеладзе вполне применимо положение Г. В. Плеханова, выставленное им относительно передовых русских людей 40-х годов XIX века. Плеханов писал, «что передовые русские люди 40-х годов не могли сделаться основателями научного социализма, это в достаточной мере объясняется экономической отсталостью России и их неполным знакомством с экономикой Запада. Но что эти люди дошли до сознания неудовлетворительности утопического со-

циализма, это свидетельствует об их выдающейся даровитости»¹.

А. Пурцеладзе, как революционный демократ оформился в 50-х годах, в период глубочайшего кризиса крепостничества: его революционный демократизм направлен против царизма и помещиков. Социальные проблемы в стране А. Пурцеладзе не мыслит без революции, а революцию без участия народа. А. Пурцеладзе принадлежит к числу тех общественных деятелей, которые не только теоретически обосновали необходимость крестьянской революции, но и стали на путь практической подготовки ее и, в первую очередь, на путь создания нелегальной конспиративной организации, призванной подготовить революцию и руководить ею. Революционно-демократическими идеалами пропитана не только публицистика, но и многочисленные художественные произведения А. Пурцеладзе.

Следует заметить, что эти художественные произведения из-за пропаганды ими революционно-демократических идей и положений были объектом яростных нападок либеральных болтунов, которые отрицали их художественное достоинство, тогда как А. Пурцеладзе удалось создать немало прекрасных вещей. Как художественные, так и публицистические, и другие произведения его всегда касались актуальных вопросов современности, крепостничества и методов его ликвидации, экономического развития страны в пореформенный период, вопроса положения крестьян в пореформенный период и классовой борьбы в деревне, капитализма, его противоречий и его природы, роли личности и народных масс в истории, проблемы перехода от одного общественного строя к другому, национального вопроса, задач и значения литературы в общественном развитии и т. д.

Выступив на общественную арену до крестьянской реформы, А. Пурцеладзе сразу же проявляет себя непримиримым врагом крепостного строя и русской монархии, как силы, поддерживающей крепостнический гнет над народом. Глубока его ненависть к крепостническим порядкам

¹ Г. В. Плеханов, Соч. т. XXIII, стр. 408.

и феодальным отношениям. А. Пурцеладзе ни на одном этапе исторического развития Грузии не признает феодализм прогрессивной общественной ступенью. В период кризиса крепостничества и отмены крепостного права он выступает за революционный слом феодализма, за окончательную очистку страны от феодально-крепостнических отношений. Он подходит к критике крепостничества, а позже и капитализма не только с этической стороны; для него ни феодализм, ни капитализм неприемлемы, потому что ни тот, ни другой не обеспечивают материального благосостояния трудящихся, так как они эксплуататорские строи. Ни феодализм, ни капитализм не способны управлять производительными силами общества.

По глубокому убеждению А. Пурцеладзе люди являются бедными не потому, что они размножаются более быстро, чем растет производство средств существования, а потому что их грабят, присваивают их труд. Высмеивая утверждения сторонников Мальтуса, А. Пурцеладзе указывает, что подобные мысли отвергнуты давно наукой и не требуют мобилизации новых научных аргументов.¹ Он указывал, что размножение народа является фактором роста средств существования, а тем самым и фактором благосостояния народа, если этот рост происходит не в условиях эксплуататорских отношений. Критика феодализма и капитализма ведется у А. Пурцеладзе в широком плане, разносторонне.

Он, до отмены крепостного права, в первую очередь выступает как враг крепостничества, а после крестьянской реформы, как враг крепостнических пережитков и капитализма, и ставит вопрос о переходе от феодализма к социализму. Его позиция по всем этим вопросам в ту пору, революционно-демократическая.

Следует заметить, что в деле революционного преобразования общества А. Пурцеладзе отводит высокую роль литературе, искусству и интеллигенции. Взгляды А. Пурцеладзе на роль и значение литературы и искусства, на направленность литературной деятельности писателя, на роль интеллигенции в общественной жизни, оформились

¹ См. А. Пурцеладзе, «Человечество и природничество», стр. 12.

под сильным влиянием идей Чернышевского и Добролюбова. В этих вопросах А. Пурцеладзе, по существу разделяя взгляды русских революционных демократов, Задача чей литературы, искусства и науки он ставил противоположные их гражданскими мотивами, борьбу против различных форм общественной жизни; обязанностью литератора он считал обличение крепостничества и показ народу того общественного строя, который он должен организовать и характерной чертой которого должны быть гармония между людьми, материально-правовое равенство, установление и обеспечение благосостоятельной трудовой жизни народа. Интеллигенция должна обличать крепостничество, пропагандировать истину, т. е. социализм, просветить народ, направляя его деятельность в сторону осуществления социализма. Интеллигент должен быть слугой народа, поглощенным осуществлением общественных идеалов, борьбой за народные интересы. И он должен быть готов пожертвовать собою, если этого требует победа намеченного идеала, т. е. социализма.

В нашей научной литературе до сегодняшних дней бытует созданная грузинской буржуазно-либеральной критикой легенда о том, что А. Пурцеладзе являлся теоретиком «нигилизма», в области эстетики, что А. Пурцеладзе отрицал, разрушал искусство¹. Проф. М. Зандукели склонен считать, что у А. Пурцеладзе имелись нигилистические тенденции и что не случайно его называли нигилистом².

Либеральный критик К. Абашидзе тоже считал его нигилистом³. А еще в 1923 году Хомцели писал в газете «Ломиси» следующее: «Антон Пурцеладзе, став на позиции крайнего крыла русского нигилизма, стал на путь отрицания и дискредитации нашей жизни и нашей литературы... Он к оценке любой культурной ценности подходил с точки зрения узко понимаемого принципа полезности и

¹ См. об этом проф. Ш. Радвани, «Новая грузинская литература», кн. 2-ая, стр. 114, на груз. яз., изд. 1953 г.

² См. М. Зандукели, «Новая грузинская литература», т. III, ч. I, стр. 290, 1936 г., на груз. яз.

³ Кита Абашидзе, Этюды.

все то, что не удовлетворяло этот принцип отрицал и дискредитировал»¹.

--Следует отметить, что сам А. Пурцеладзе, возмущался против такой клеветы, распространяемой о нем либералами разного толка².

Защищаясь от нападков либералов, А. Пурцеладзе обличал их в том, что они отказываются направить литературу и искусство против самодержавия и крепостничества и поставить их на службу борющейся демократии.

Следует заметить, что в идейной борьбе классов по вопросам о задачах и назначении литературы и искусства А. Пурцеладзе защищал передовые взгляды корифеев русской революционно-демократической мысли Белинского, Чернышевского, Добролюбова, Шелгунова в борьбе против либерально-реакционного направления грузинской общественной мысли. Он выступал против реакционной, идеалистической теории «искусства для искусства»³. А. Пурцеладзе выступает за утверждение высоко-идейной реалистической литературы и искусства. Он против того, чтобы видные литературные силы и таланты тратились на описание житейских бесполезностей, уклонялись от политико-экономических проблем эпохи, от реальных коренных вопросов общественной жизни, классовой борьбы. А. Пур-

¹ См. газ. «Ломиси», № 19, 1923 г. Цитируется из кн. Ш. Редиани, «Новая груз. литература», кн. 2, стр. 114.

² См. статью А. Пурцеладзе «Я, Писарев, Сандаля и Коте», газ. «Иверия», 202—203.

³ См. ст. А. Пурцеладзе «Сурамская крепость», журн. «Цискари», № 1, 1853 г.; журн. «Цискари», «Грузинская литература», № 3, 7. Неопубликованная статья о творчестве Г. Эристави, Груз. литературный музей, рукопись № 883/4; статья о «Кация Адамнани» (Человек ли он?) И. Чавчавадзе, «Литературный листок» № 3, 9, 1864 г., на русском языке. «О нашей литературе и печати», журн. «Цискари», № 1, 1867 г. Журнал «Мнатоби», № 10, 12, 1872 г., Маленькое воспоминание об А. Казбеге, газ. «Иверия», № 52, 53, 1898 год.

целадзе указывал, что великие литературные произведения возможно создать только на принципах реализма, на базе насыщения художественной литературы, передовой идеологией революционных сил общества, что теория «чистого искусства», «искусства для искусства», либерализма, активизма против теории тенденциозности нужна угнетателям, чтобы отвлечь внимание народа от борьбы за социальное переустройство общества, нужна для служения интересам господствующей, угнетающей части общества, что для теории «искусства для искусства», социальной задачей является задержать общественный прогресс, сохранить в неизблемости существующие общественные порядки, помешать просвещению масс, в том числе и политическому просвещению, росту «национального самознания» и т. д.

Характерны в этом отношении высказывания А. Пурцеладзе в статье «О Сурамской крепости» Д. Чонкадзе, где он замечает, что «В поэзии нам нужны не обманчивые мечты, дора бы понять, что время мечтаний, праздного оханья и нудного нитья прошло. Мы хотим и в поэзии видеть истину, получить ответ на наши стремления, наши искания»¹.

В этой же статье А. Пурцеладзе писал: «...Всякий доброкачественный журнал должен преследовать следующие цели: открыть глаза народу, вывести его из застоя и показать путь к истине»².

А. Пурцеладзе подходил к оценке литературных фактов того времени с позиции революционной демократии и как литературный критик он ставил своей целью разоблачение перед народом вредных художественных произведений, а также либеральных иллюзий этих произведений. Он разоблачал перед народом чуждые народным интересам художественные произведения, поддерживал и популяризировал прогрессивных писателей, которые обличали отжившие общественные формы и вместе с тем рисовали

¹ См. А. Пурцеладзе, статья «Сурамская крепость» Д. Чонкадзе, журнал «Цискари», 7, 1863 г.

² Там же.

общественный идеал и пути, ведущие к переустройству общества. Таким образом, в качестве теоретика и критика литературы, А. Пурцеладзе развивал революционные антикрепостнические идеи.

ბაქრაძის
განცხადება

§ 2. КРИТИКА ГРУЗИНСКОГО ФЕОДАЛИЗМА И ФЕОДАЛЬНОЙ АПОЛОГЕТИКИ

В первых литературно-критических выступлениях А. Пурцеладзе (1858—1859 гг.) с предельной ясностью формулирована направленность его будущей общественно-литературной деятельности.

А. Пурцеладзе выступил против крепостничества в 1863 году в журнале «Цискари». Свою статью он посвятил разбору повести «Сурамская крепость» умершего писателя Даниеля Чонкадзе. Повесть «Сурамская крепость» была напечатана в декабрьской книжке журнала «Цискари» (Заря) 1859 г., и в январской 1860 года. Это было первое резкое, прямое литературное выступление крестьянского демократа Д. Чонкадзе против крепостного права. Ужасающее, безжалостное угнетение человека человеком, бесправие крестьян и ничем не ограниченная власть помещика, его зверское лицо, запятнанное кровью крепостных людей были показаны Д. Чонкадзе с огромной силой и смелостью. Смело поворачивая литературу от романтизма к реализму, Чонкадзе направил «Сурамскую крепость» против крепостничества и впервые в литературе потребовал его слома, дыша глубочайшей ненавистью ко всему крепостному, к эксплуататорам-помещикам. «В эпоху, когда крепостничество было еще очень сильно в Грузии и самые скромные либеральные высказывания сковывались цензурой, «Сурамская крепость» не могла не произвести ошеломляющего впечатления смелой трактовкой социальных вопросов. Это была агитационная книга, полная гражданского гнева, впервые разоблачающая весь ужас крепостной зависимости грузинских крестьян от своих господ-помещиков. Примечательно, правильно замечает В. Гольцев,—что идеи борьбы с крепостным правом сложились у Д. Чонкадзе под влиянием великих русских революционных демокра-

тов-шестидесятников Чернышевского и Добролюбова, а также чтения некрасовского «Современника».

Опубликование «Сурамской крепости» Д. Чонкадзе вызвало протесты со стороны крепостников, а также либеральствующих помещиков, была даже попытка физической расправы с автором. Пресса хранила гробовое молчание о «Сурамской крепости». Это гробовое молчание удалось нарушить в 1863 году А. Пурцеладзе².

А. Пурцеладзе выступил в защиту «Сурамской крепости». Он указал, что «Сурамская крепость» правильно отображает крепостнические отношения в Грузии, принявшие характер рабства. А. Пурцеладзе отметил, что господа крепостники третируют «Сурамскую крепость», а в прессе ее обходят молчанием потому, что в повести сказана правда об этих крепостниках и показано, что больше нельзя терпеть этот позорящий человека крепостнический строй. Все должно идти на слом. А. Пурцеладзе утверждал, что Д. Чонкадзе сказал правду, показав крепостников как чудовищных насильников, показав горестную бесправную жизнь народа, грузинского крестьянина. В этой статье, как и в других своих произведениях, А. Пурцеладзе разбивал теорию грузинских крепостников, а также либеральствующих литераторов и публицистов о социальной идиллии, якобы существовавшей в прошлом феодально-дворянской Грузии, разбил их представление о крепостнических отношениях, что они были не жестокой системой эксплуатации и угнетения, а отеческой заботой и опекой помещика-барина над крепостным крестьянином.

А. Пурцеладзе разоблачал А. Д. Орбелиани и других представителей крепостничества в литературе, создавших теорию о крепостнической Грузии, как о форме общественной организации, пропитанной гуманностью и человеколюбием, представляемой взаимное мирное облагораживающее сотрудничество классов. Еще в ноябрьской книжке «Цискари» 1859 года А. Д. Орбелиани в своей статье

¹ В. Гольцев, «Грузинские писатели XIX века», Гослитиздат, 1948 г., стр. 34.

² См. А. Пурцеладзе, «Цискари», № 1, 1863 г., ст. Керели-бека о «Сурамской крепости».

«О крепостном праве в Грузии в прошлом» идеализировал это прошлое и требовал его сохранения. Он писал: «В старое время пришелец только и искал барина, чтобы стать под его защиту, ибо знал, что барин смотрел за рабом, как за родным сыном и болел за него душой, как за родного». ¹ Взаимная глубокая любовь, взаимная ² ~~любовь~~ ^{дружба} и содружество, глубокое уважение друг к другу были характерными чертами отношений барина-крепостника и крестьянина. Одним словом, А. Орбелиани представлял старое грузинское крепостничество как царство великой любви, дружбы и спокойствия.

Подобную теорию развивал известный государственный деятель и один из крупных поэтов из высшего дворянского сословия Г. Орбелиани, дослужившийся до исполняющего должность наместника Кавказа в период подготовки крестьянской реформы. Подобно другим представителям верхушки грузинского дворянства Г. Орбелиани идеализировал феодально-дворянское прошлое Грузии. Представители дворянской знати в лице А. Д. Орбелиани, Вахтанга и Григола Орбелиани, не видели в истории Грузии классовой борьбы между угнетенными и угнетателями, фактов угнетения, эксплуатации и разбоя. Старое и современное им крепостничество, как социально-политическую действительность, они характеризовали не как «мрачная грабежа и насилия», а как отношение помещиков к крестьянам, похожее на отношение добрых, милых родителей к своим любящим детям» ².

Такое понимание исторического процесса, охватывающего весь период феодализма и крепостнических отношений, особенно энергично пропагандируемое в период подготовки крестьянской реформы в Грузии, имела своей первейшей задачей максимальное ограждение помещичьих интересов. Представляя грузинские крепостнические от-

¹ См. А. Орбелиани, «Цискари», № 11, 1859 г.

² Так рисовал также крепостнические отношения Д. Кипиани. См. его доклад к дворянству Тифлисской губернии «Об улучшении быта помещичьих крестьян». ЦГИА СССР, ф. 219, № 10—102, а также Д. Кипиани, «О крепостном праве», Государственный музей Гр. ССР.

ношения как лучшие формы отношений между господами и крестьянами, как отношения, пропитанные человеческими мотивами. грузинская знать хотела убедить тем самым правительство, что в этом лучшем из лучших миров ничего менять не нужно.

А. Пурцеладзе сразу угадал крепостнический характер теории идеализации Грузии. Антон Пурцеладзе вместе с другими передовыми людьми Грузии выступил против этой крепостнической теории, против реакционного патриотизма литераторов и публицистов грузинской дворянской знати. Его подход к вопросам истории Грузии, в частности к истории крепостничества, к сущности феодализма, к оценке роли дворянства в истории Грузии был критическим.

Если взять историю Грузии в целом, А. Пурцеладзе видит в этой истории и положительные, и теневые стороны, видит и борьбу классов, а что же касается истории Грузии в период феодализма, то феодализм в Грузии представляется А. Пурцеладзе как система грабежа и насилия, а дворянство — лишенным чувства национального достоинства и общественных интересов.

Представители грузинской знати в литературе и в науке указывали, что дворянство национальная гордость Грузии, что это оно боролось испокон веков за государственные интересы Грузии, за ее самостоятельность и могущество, это оно спасало страну в критические, тяжелые периоды ее существования, оно, дворянство — ведущая и руководящая сила народа.

А. Пурцеладзе оспаривает эти положения, доказывая обратное. Он отрицает прогрессивную роль феодализма в истории Грузии и высшей дворянской знати. Подчеркивая свое резко отрицательное отношение к феодальной аристократии, А. Пурцеладзе утверждал, что именно феодальные отношения были главной помехой в деле объединения страны, создания мощного сцементированного политического организма — грузинского государства, способного отразить удары злейших внешних врагов Грузии и обуздать непокорных сепаратистов.

«Если грузинский народ не сумел создать сильное политическое государство, то ответственность за это, по

взглядам А. Пурцеладзе, целиком ложится на феодальную аристократию. В усилении власти царя, в политическом объединении Грузии крупные феодалы видели ослабление своей мощи. В трагедии «Великий Моурвизи» и в историческом очерке «Георгий Саакадзе и его время» Ан. Пурцеладзе искусно раскрыл дворцовые интриги и склоки против грузинских царей Луарсаба II и Теймураза I, инспирируемые феодалами. Именно эти феодалы, мешая упрочению царской власти и укреплению политической мощи Грузии, отдавали родную страну на попиране внешнему врагу. Они же, создавая распри внутри страны, препятствовали мирному развитию государства. В результате страдал народ, уничтожаясь физически и разоряясь экономически»¹.

Подходя с разных сторон к критике феодальных отношений, А. Пурцеладзе утверждал, что феодальные отношения вызывают физическую и умственную деградацию господствующего феодального класса, придают феодалу облик тупого зверя — кровопийца, который душит народ, держит его в темноте, невежестве, не давая возможности развиться его прекрасным качествам. Феодальные отношения сковывают инициативу народа, его активность, мудрый ум, его энергию и этим самым мешают производительным силам развиваться на благо народа. На базе феодальных отношений возникают распри между отдельными феодалами, стремление поглотить или ослабить соседа — феодала, замкнуться внутри своего поместья, ничего не видя за его пределами, перейти на сторону врага родины, если это выгодно феодалу — крепостнику. Феодализм выхолащивает в господствующем классе, в высшей его прослойке, общественное; особенно реакционными являются крупные феодалы; для этой прослойки не существует государственных интересов, они поглощены узко-поместными интересами.

Имея такое представление о прошлом Грузии, А. Пурцеладзе в прежних исторических формах общественной

¹ М. Зандукели, Очерки по истории Грузинской литературы XIX в., стр. 210, изд. 1941 г. Тбилисского государственного университета имени И. В. Сталина (на русском языке).

жизни не находил ничего хорошего для народа и потому он смотрел не назад, а вперед.

Он требовал ломки старых отношений и организации новых, обеспечивающих народу безбедное существование. Но он не выступал как буржуазный демократ, как бытует в литературе капитализма; будучи врагом крепостничества, в то же время оставался и врагом капитализма. Отрицая старые крепостнические отношения, требуя их слома, он не считал капитализм совершенной общественной формой вопреки буржуазным либералам. Наоборот, в период крестьянской реформы он порвал с сотрудниками самого передового журнала «Вестник Грузии», возглавляемого известным классиком грузинской литературы И. Чавчавадзе, из-за того, что, как ему казалось, «Вестник Грузии» нарядился в одежду «Современника», но на путь «общественной пользы» он не встал, т. е. к социализму не примкнул¹.

Из художественных произведений А. Пурцеладзе, в которых дается критика крепостничества, оценка его исторической роли в истории Грузии и обрисовывается социально-экономическая программа самого автора, в первую очередь следует указать на большой исторический роман «Мацц Хвития», роман, который еще не стал предметом подробного анализа литературной критики².

Важной идеей этого произведения является одно из знаменитых положений домарксистского материализма, гласящее, что жизненные условия формируют характер людей, что сами люди изменяются с изменениями общественных отношений и что социальное зло происходит не оттого, что люди сами по себе плохи, а потому, что плохи социальные отношения. А. Пурцеладзе из этого положения делает вывод, что улучшение быта людей, ликвидация эксплуатации и угнетения человека человеком возможны не путем нравственного самоусовершенствования людей.

¹ А. Пурцеладзе, Грузинская литература, журн. «Цискари» № 7, 1863 г., стр. 353.

² Не понял идейные установки этого романа Р. Каладзе, который специально останавливается на нем в монографии «А. Пурцеладзе», см. стр. 146 — 156.

а путем коренного изменения существующих социальных отношений.

Этой теорией А. Пурцеладзе сразу противопоставляет себя толстовской теории нравственного самоусовершенствования и народнической теории «малых дел». В «Мацц Хвითია» А. Пурцеладзе критикует не только крепостнические отношения, но показывает и азиатский характер колониальной политики русского царизма.

В отличие от крепостников и либералов разного толка А. Пурцеладзе с демократической позиции подходит к критике феодализма.

Он считает феодализм основным социальным злом, существование которого вызывает и нравственный упадок людей, и их бедственное, полуголодное существование. В «Мацц Хвითია» феодально-крепостнические отношения представляются как система эксплуатации, грабежа и насилия над народом, над крестьянством. А. Пурцеладзе далек от крепостнической теории о положительной исторической роли феодализма Грузии и ее помещичьего класса. Крепостники идеализировали феодальные отношения и класс помещиков. Крепостники выставляли теорию, будто благодаря феодальным отношениям и дворянскому руководству страной, Грузия устояла против внешних врагов и защитила свое самостоятельное существование. А. Пурцеладзе развитием феодальных отношений объяснял политическое обесслабление Грузии, ее ослабление как государства. Как в «Мацц Хвითია», так и в исторической монографии «Георгий Саакадзе и его время», помещики, высшее сословие, показываются в отрицательном свете. По убеждению А. Пурцеладзе концентрация в руках высшего сословия экономики и политики, земли и права насилия, ничем не ограниченное политико-экономическое господство превращают людей этого класса в людей с узкоэгоистическими интересами, превращают их в грабителей народа. А. Пурцеладзе считал, что именно узко-поместные интересы крупных феодалов и их дворцовые интриги против уравнения внутрисословных прав, против усиления центральной политической власти, этой базы могущества государства, мешали Грузии стать единым государством, мешали ей собираться и консолидироваться против внешних врагов. Все это убедительно показано в произведе-

ниях о Георгии Саакадзе, над которыми А. Пурцеладзе работал неустанно свыше 20 лет.

Не только в «Мацн Хвითია» и в большой исторической монографии «Георгий Саакадзе и его время», но и в других произведениях А. Пурцеладзе изображены крупные феодалы, всех без исключения, как паразитов, живущих грабежом крестьянства, чуждых труду и какой-нибудь полезной общественной деятельности. Феодалы, это лицемерные, жадные развратники, попирающие права человека, губители жизни массы людей, продажные политики, для которых чужды и непонятны государственные интересы. Это апостолы дворцовых грязных интриг, реакционеры и в политике, и в экономике. По глубокому убеждению А. Пурцеладзе Грузия ослабела и не стала могущественным государством, благодаря тому, что прогрессивные силы народа — крестьянство и отчасти «низшее дворянство» — не могли сокрушить крупных феодалов. В «Мацн Хვითია» и в других произведениях антикрепостнического характера ярко проведена мысль, что феодалы — это антиобщественный, лишний, никому не нужный класс, зло, задерживающее общественный прогресс и попирающее производительные силы страны. А. Пурцеладзе признает, что при феодализме общество делится на феодалов и крестьян, и что между ними существуют не патриархальные отношения, как это утверждали грузинские крепостники, а эксплуататорские. Помещик не «отец и кормилец крестьянина», а эксплуататор и грабитель; кроме того, потеряв человеческий облик, он занимается работоторговлей: продажей и вывозом своих крестьян в чужие страны, массовым обесцениванием крестьянских девушек. Крепостные крестьяне, — это трудовой элемент народа, его пот и труд содержат помещиков; при феодализме крестьянин бесправен и поставлен в нечеловеческое положение, его мучениям и лишениям нет предела. В «Мацн Хვითია» А. Пурцеладзе констатирует, что взаимоотношения между феодалами и крестьянами все более и более принимают форму рабских отношений. «Крестьяне полностью принадлежали своему барину... Крестьянин должен прокормить своего барина, удовлетворить все его

прихоти. Женами и дочерьми крестьян владели и распоряжались, как вещью, помещики»¹.

Феодализм в Грузии возникает, по мнению А. Пурцеладзе, путем насилия (что неправильно — Г. М. [?]) благодаря концентрации в руках крупных феодалов [?] экономической и политической власти, отношения между людьми — между феодалами и крестьянами — не могут не принимать эксплуататорский характер, не могут не превратиться в систему грабежа и насилия, не могут не превратить феодалов в паразитов, в праздный, тупой и реакционный класс.

Так представляет дореформенные крепостнические отношения в «Мацц Хвятия» и в других своих произведениях А. Пурцеладзе. В период падения крепостного права А. Пурцеладзе защищает требование черного передела земли, а после крестьянской реформы является решительным борцом за ликвидацию крепостнических пережитков. Представляет интерес обоснование А. Пурцеладзе требования ликвидации крупной феодальной собственности на землю и собственности капиталистической. В «Мацц Хвятия» он утверждает, что только трудящиеся массы имеют право быть распорядителями земли и других средств производства, что ни феодалы, ни капиталисты, как нетрудовые элементы, не имеют права быть собственниками средств производства. Только народ, трудящиеся, вправе владеть ими. Это положение у А. Пурцеладзе в «Мацц Хвятия» обосновано следующим образом: «Человек есть сын природы. Природа любого человека естественно наделяет только умом и энергией, способностью к труду, они и есть источники существования человека и ими должны жить все люди. Кроме способности к труду и ума, у человека ничего не имеется естественно наделенным. Остальное все принадлежит природе. Человек своим трудом должен получить от природы средства существования. Кто занимает землю, тот трудится и трудом добывает средства пропитания. Кто отдает в аренду земли, или займы хотя бы деньги, тот сидит праздно и свою энергию — способность к труду — праздно расхищает, губит бесполезно

¹ А. Пурцеладзе, Из. соч., стр. 79, изд. 1951 г. на груз. яз.

в роскоши и тысячах развлечений. Почему отвечает трудя-
вой человек продукт своего труда землевладельцу? Тот
(землевладелец) в праздности растрчивает свою энергию,
а трудовой человек полезно использует свою способность
к труду на этой земле, которая принадлежит природе. Но
право на владение природными богатствами имеет тот, кто
трудится, а не тот, кто не трудится. Трудящийся обязан со-
держивать нетрудоспособных членов общества и больных,
а не тех, кто может трудиться, но не трудится. Присвое-
ние одной частью общества (землевладельцами и фабри-
кантами — Г. М.) труда трудящихся есть воровство и
насилие»¹.

В вопросах возникновения и ликвидации феодальной и
капиталистической форм собственности А. Пурцеладзе
занимает противоречивую позицию. Источником возникно-
вения частной собственности он ошибочно считает наси-
лие. Его теорию насилия мы разбираем ниже.

Что касается вопроса обоснования ликвидации круп-
ной феодально-земельной собственности, то у А. Пурцела-
дзе научное понимание вопроса переплетается с ошибоч-
ными положениями. Крупная феодальная земельная соб-
ственность рассматривается в других его произведениях
как помеха развитию производительных сил, и с этой точ-
ки зрения обосновывается необходимость ее ликвидации,
что является безусловно единственно научным подходом к
вопросу.

А. Пурцеладзе в «Маци Хвития» и в других произве-
дениях пореформенного периода проводил мысль, что вла-
деть природой — значит владеть и землей; быть ее рас-
порядителями и собственниками имеют право только тру-
дящиеся, именно потому, что они трудящиеся.

В «Маци Хвития» и в других своих произведениях
А. Пурцеладзе изобличает колониальную политику ца-
ризма в Грузии.

В период падения крепостного права А. Пурцеладзе
выступает обличителем национально-колониальной полити-
ки самодержавия, он изобличает эту политику, как поли-
тику угнетения и подавления нерусских народов, направ-
ленную против элементарных человеческих и националь-

А. Г. Пурцеладзе, Из. соч., 1951 г., стр. 147—148.

ных свобод. А. Пурцеладзе выявляет гнилость, мерзость «кавказской администрации» царизма, рисует типы мелких и больших чиновников из этой администрации карлюдей, вооруженных расистской человеконенавистнической идеологией, ненавидящих все нерусское, в среде которых господствует бездушное отношение к судьбе человека, взяточничество, пьянство и бездушный бюрократизм. А. Пурцеладзе показывает, что власть царизма на месте это до корня прогнившая власть сыщиков, спекулянтов, комбинаторов, развратников и грабителей, душивших всякое живое народное дело.

В период падения крепостного права А. Пурцеладзе близко подошел к правильному пониманию вопроса о расстановке классовых сил в Грузии. Он дошел до понимания того, что русский царизм есть антидемократическая сила, защищающая интересы помещиков, что грузинское высшее дворянство и царизм составляют единое целое, что царизм находится в союзе с привилегированным сословием грузинских князей и дворян, что как показала крестьянская реформа, литераторы и публицисты из высшей дворянской знати, — это борцы за помещичьи экономические интересы, это враждебная народу дворянская партия.

А. Пурцеладзе показал, что факты классовой борьбы в период падения крепостного права подтвердили, что помещики и крестьяне антагонисты, они политико-экономически враждебны друг другу и непримиримы. А. Пурцеладзе показывает множество раз, что помещичий класс остается социальной группой с узкоэгоистическими дворянскими интересами, что помещики дальше феодальных форм эксплуатации, грабежа, насилия и разврата ничего не видят, что они сами добровольно не откажутся от своих прав и привилегий. Все это резко отличает А. Пурцеладзе от утопистов Запада. Насчет «благородства» высших классов у А. Пурцеладзе не имеется и тени утопических иллюзий. Он дает понять своему читателю, что только восстания народа, политическая его победа, может установить общественные порядки, отвечающие интересам трудящихся.

Политико-экономическая программа, сторонником которой выступал А. Пурцеладзе в период падения крепост-

ного права, изложена в «Мацц Хвითია» устами адвоката-француза.

А. Пурцеладзе разоблачал и либералов. Кто они такие эти либералы; они друзья народа, защитники народа, или не защитники? В произведении «Конец нашего дела», в статьях о Гарибальди, а так же в статьях о повести И. Чавчавадзе «Человек ли он?» и о Д. Чонкадзе, А. Пурцеладзе нарисовал политический облик либералов. Это враги народа, прикрывающиеся фразами; на словах они за интересы народа, а на деле враги демократического прогресса; они не способны на решительную борьбу против реакционных учреждений и правопорядков, они на словах друзья, а на деле изменники народным интересам. В этом заключается их отличие от открытых реакционеров, от крепостников.

В произведении «Конец нашего дела», где в качестве либерала-бездельника выведен Василий Нацреташвили, автор характеризует либералов как шарлатанов. «Взамен дела — бесконечные разговоры о высоких материях, неопределенность позиции даже во время болтовни, вечное колебание, вечно и да, и нет — характерная болезнь у этих шарлатанов и их друзей. Словословие и примиренчество — их боги. Чтение модных книг и модных писателей и бесконечная полемика — дальше этого не идут их дела. Этим начинается и кончается все»¹.

В деле изучения пореформенной экономики Грузии А. Пурцеладзе еще в 70-х годах проявляет большую прозорливость; он не оставляет без внимания наметившуюся экономическую тенденцию и отражает процесс развития капитализма и его последствия в целом ряде художественных и публицистических произведений. Его «Китеса» одно из крупных явлений грузинской художественной прозы. Здесь мастерски показано расслоение деревни, появление на селе богача-крестьянина, угнетающего крестьянскую бедноту, мастерски раскрыто тупоумие и бездушность, подлость царских чиновников, их бюрократизм.

Повесть «Китеса», благодаря своей могучей эмоциональной силе, была в свое время одним из популярных

¹ А. Пурцеладзе, назв. соч., стр. 364.

произведений нашей классической художественной литературы второй половины XIX века.

В пореформенный период А. Пурцеладзе является идеологом крестьянских низов: наблюдая за жизнью, близко соприкасаясь с крестьянством, считает, что наряду со старым антагонизмом рождается и развивается новый вид антагонизма между богачами, кулаками и беднотой, полупролетарскими слоями деревни.

А. Пурцеладзе, в отличие от либеральных народников, которые отрицали существование и возможность развития капиталистических отношений в деревне, отразил в своих художественных и публицистических произведениях факт развития капиталистических отношений и расслоение деревни, возникновение новых социальных группировок среди крестьян и наличие двух социальных войн в деревне.

§ 3. О ПРОТИВОРЕЧИЯХ КАПИТАЛИЗМА И ПРОБЛЕМА НЕКАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ПУТИ РАЗВИТИЯ

А. Пурцеладзе выступает как критик капитализма. Отношение его к капитализму противоречивое: высказав некоторые правильные мысли о противоречиях капитализма, он все-таки не мог раскрыть основные законы капиталистического развития, выработать научное представление о месте и роли капитализма в общественном развитии. А. Пурцеладзе понимал прогрессивность капитализма в том смысле, что при капиталистических отношениях производительные силы получают мощное развитие, достигается высокая производительность труда, быстрый темп технического развития. Но все же над ним довлеет подход к капитализму с точки зрения мелкого производителя, он боится развития капитализма и, в конце концов, выставляет программу минования капитализма. Он понимает и знает, что капиталистическое общество разделено на классы — буржуазию и пролетариат, но не может возвыситься до понимания исторической роли пролетариата, до научного социализма, до понимания того, что социализм может наступить через капитализм, что историческая миссия, прогрессивность капитализма, заключается в том, что он готовит материальные предпосылки для осуществления социализма и рождает историческую

силу в лице рабочего класса, который является социаль-
тическим классом и который своей борьбой обеспечивает
победу социализма.

В 70-х годах А. Пурцеладзе выступает против капита-
листического развития. Почему он выступает против ка-
питализма, почему капитализм был неприемлем для него?

Выше мы отметили, что А. Пурцеладзе отрицательно
относился к капитализму, потому что он считал капита-
лизм той формой общества, которая не обеспечивает без-
бедного существования народа. Раз так, идеалом общест-
венного устройства должен быть не капитализм, а та фор-
ма общественной жизни, которая своим устройством ис-
ключает возможность угнетения человека человеком, ис-
ключает эксплуатацию, дает простор народному труду
и оставляет продукт в руках трудящихся, создающих его.

Для А. Пурцеладзе капиталистический общественный
строй — это эксплуататорский строй, эксплуатация и
угнетение человека человеком зиждется на частной собст-
венности на средства производства. Но по А. Пурцеладзе
экономическое неравенство, деление общества на богатых
и бедных, на рабовладельцев и рабов, на феодалов и
крестьян, на буржуазию и пролетариев, на угнетателей и
угнетаемых не всегда существовало, оно возникло путем
насилия. В 1871 году А. Пурцеладзе писал: «С самого
начала жизнь человека пошла по неправильному пути:
насилие, обман и стремление жить чужим трудом стало
характерной чертой человека. Благодаря этому возник
тот порядок, когда в руках некоторых оказались огромные
богатства, а остальные очутились без средства существо-
вания. И это неравенство растет в самых просвещенных
странах, и если наука не найдет путь к решению, челове-
чество не ждет благоприятного конца»¹. В книжке «Об-
щинное землевладение» изд. 1873 г., повторяя это поло-
жение автор наряду с фактором насилия, который вызывает
экономическое неравенство, деление общества на богатых
и бедных, вводит и фактор наследственного права. В
упомянутой выше книге между прочим написано: «Внача-
ле же человечество не пошло по правильному пути: чем
дальше, тем быстрее росло неравенство между богатством

¹ «Наша цель», журнал «Мкатоби», май, 1871 г., стр. 98.

и сословиями»¹ Вначале установилась власть главы семьи, потом в роде — власть главы рода и так вплоть до возникновения государственной власти и царя. Сначала возникло правовое политическое неравенство в следствии все усиливалось, в результате этого во стало возникать и развиваться и в области экономических отношений. Вначале, утверждает А. Пурцеладзе, все безгранично пользовались продуктами природы. В дальнейшем все сильные общины и роды, кто имел наибольшую силу, присвоили лучшие земли и никому не разрешали пользоваться ими. Потом возникло экономическое неравенство внутри общины и рода, возникла частная собственность и право наследования, купля и продажа, присвоение и захват земли. Это привело к тому, что земля оказалась монополизированной. Так произошло и с другими средствами производства, с другим имуществом, как их называет А. Пурцеладзе².

На странице 5-й своей книги А. Пурцеладзе опять утверждает, что рост личной власти и права были использованы для присвоения огромных материальных благ и возникновения и укрепления собственности.

В дальнейших утверждениях явно чувствуется влияние на А. Пурцеладзе сенсимонистского, бакунинского положения. А. Пурцеладзе утверждает, что установленное право наследования и право купли и продажи способствуют концентрации богатств на одном полюсе и бедноты — на другом; право наследования А. Пурцеладзе возводит чуть не в источник классового неравенства при капитализме.

К чему, — спрашивает он, — привели возникновение собственности и права наследования? Привели к измельчанию собственности и появлению неимущих людей. «Представьте, читатель, следующий пример: скажем у Петра Харебашвили 100 десятин земли и пять сыновей. После смерти Петра сыновья делят 100 десятин земли между собой. Каждому достанется по 20 десятин. Далее, допустим, что младший брат из них имеет одного сына, а

¹ См. А. Пурцеладзе, «Общинное землевладение», стр. 3.

² А. Пурцеладзе, «Общинное землевладение», стр. 4.

остальные имеют по 5 сыновей. При дальнейшем наследовании сыну младшего брата остается 20 десятин, а у остальных сыновей по 4 десятины земли, потому что они делят отцовские наследства между собой. И если допустить, что при дальнейшем размножении единственный сын имеет опять одного сына, а остальные по 4 сына, то у единственного сына остается 20 десятин земли в пользовании, а у остальных по 1 десятина и т.д.»¹ Но затем при дальнейшем размножении земля станет явно недостаточной в многочисленных семьях, и малоземельные должны вступить в арендные отношения с многоземельными семьями. Эти последние пользуются безвыходным положением малоземельных и устанавливают высокую арендную плату. При так сложившихся обстоятельствах у малоземельных нет другого выхода, как продать землю многоземельным, и так происходит концентрация земли в немногих руках, тогда как остальная часть населения обезземеливается и попадает в рабство к богатым.

А. Пурцеладзе заключает: такие общественные отношения складывались потому, что еще на заре исторического развития стали присваивать землю и наследовать ее². При капитализме, — по утверждению автора, — происходит дальнейшая концентрация богатства в руках богатых, а народ нищает. Богатые еще более богатеют, а количество бедных растет и растет.

Далее А. Пурцеладзе указывает, что кто прибрал власть и имущество к рукам, для укрепления, умножения и защиты своего привилегированного положения, издают законы и создают государственный строй. Так первое поколение имущих создало рабство и стало безгранично угнетать народ. Когда угнетение народа достигло невыносимых границ, народ восстал и свергнул власть имущих. Но не имея представления о том, какой общественный строй отвечает его интересам, народ передает власть опять выходцам из имущих. И эти последние показывают вид, будто рабство отменено, но сами создают взамен рабства крепостничество, рабство в новых формах, если не хуже,

¹ А. Пурцеладзе, «Общинное землевладение», стр. 5—6.

² Там же, стр. 7.

то и не лучше первоначального рабства. Народы Европы, где было учреждено крепостничество, восстали против крепостничества и уничтожили его. Но народ опять не взял власть в свои руки и опять попрежнему передал в руки старых политических деятелей, узаконившую личную свободу и признавших господство капитала. Имея государственную власть в руках, эти политические деятели издали законы, твердо охраняющие интересы капитала¹.

Далее в книге дается характеристика общественных отношений при капитализме. Но на этом мы прекратим дальнейшее изложение положений книги А. Пурцеладзе «Общинное землевладение». Из нашего изложения видно, что взгляд А. Пурцеладзе на ход общественного развития не научный, идеалистический. В его понимании все стоит вверх ногами. А. Пурцеладзе понимает, что общественным строем, который установился вслед за первобытно-общинным строем, было рабство.

Он замечает далее и то, что рабство было ликвидировано революцией, которую он называет революцией народа. Но так как народ передал власть «прежним политическим деятелям и имущим людям» они взамен рабства установили крепостничество.

Так повторилось и при крепостничестве: восставший и победивший народ опять допустил старую ошибку, опять не создал свое политическое господство и потому на место свободы и желаемого общественного строя получилось господство капитала, эксплуатация народа еще более углубилась.

Мы указали, что концепция Пурцеладзе идеалистическая — у него все стоит вверх ногами и все сводится, как у Дюринга, к силе и обману. А. Пурцеладзе не признает существования на заре истории частной собственности, классов, эксплуатации, государства и т. д. Он указывает, что общественная собственность, коллективное присвоение и распределение — характерная черта на первых ступенях человеческого общества, но далее насилие, соединенное с обманом и наследственным правом творит всю

¹ А. Пурцеладзе, «Общинное землевладение», стр. 8—9.

нам известную историю. Для А. Пурцеладзе форма политических отношений, составляет основу истории, экономических отношений, они производные от них, что, в конечном счете, на творец, нам известной истории.

Таким образом А. Пурцеладзе извращает историю исторического развития человеческого общества. Он рассматривает акт насилия как решающий, определяющий фактор возникновения форм общества, раскола общества на классы и порабощения человека человеком.

Политическое насилие, как видно из нашего изложения его взглядов, создало не только рабство, но и крепостничество и капиталистические отношения. Таким образом политические надстройки, вырастающие из экономического базиса общества, А. Пурцеладзе представляет как основу исторического развития, что экономика лишь следствие политики, нечто вторичное, производное от политических надстроек. А. Пурцеладзе ставит действительный процесс общественного развития вверх ногами, превращая первичное в производное. Он представляет историю как функцию насилия; это какая-то чудотворящая сила захочется ей творит рабство, раскалывает общество на классы и т. д. и т. п.

А. Пурцеладзе не понимал, что «прежде чем рабство становится возможным, должна быть уже достигнута, известная ступень в развитии производства и известная ступень неравенства в распределении. А для этого, чтобы рабский труд стал господствующим способом производства во всем обществе, требуется еще гораздо более значительное повышение уровня производства, торговли и накопления богатств»¹.

Громя теорию насилия, показывая ее ненаучность Энгельс отмечал: «При всяком принуждении людей к подневольному труду, во всех его формах, необходимо предположить, что тот, кто принуждает, предварительно запасся орудиями труда, с помощью которых он только и может использовать порабощенного, а при существовании рабства — сверх того — жизненными средствами, необходимыми для прокормления раба. Во всех случаях предполагается таким образом, обладание известным имуществом, превышающим средний уровень. Откуда же взялось оно? Ясно, во всяком случае, что оно хотя и могло быть

¹ Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, стр. 150, изд. 1952 г.

награблено, следовательно, могло основываться на насилии, но что вовсе не является необходимостью. Оно могло быть добыто также трудом, украдено, награблено, получено обманом. Оно вообще должно быть сперва добыто трудом, а уже после можно отнять его грабежом». А Турецеладзе не понимал, что частная собственность возникает вследствие изменившихся условий производства, вследствие развития производительных сил, следовательно создавалось экономическими причинами, что насилие не играет тут никакой роли. Само собой понятно, как это отмечал Энгельс, что «институт частной собственности должен уже существовать, прежде чем грабитель может присвоить себе чужое добро, что следовательно, насилие, хотя и может сменить владельца имущества, но не может создать частную собственность как таковую».²

Ненаучность теории насилия доказывается тем, что весь процесс исторического развития собственности объясним без привлечения к анализу фактов грабежа и насилия. «... если даже исключить возможность всякого грабежа, насилия и обмана, если даже допустить, что всякая частная собственность первоначально была основана на личном труде собственника и что во всем дальнейшем ходе вещей обменивались друг на друга только равные стоимости, — то мы и тогда при дальнейшем развитии производства и обмена неизбежно приходим к современному капиталистическому способу производства, к монополизации средств производства и жизненных средств в руках одного малочисленного класса, к низведению другого класса, составляющего громадное большинство, до положения немущих пролетариев...»³

И действительно ложность теории насилия доказывается историей развития самой буржуазии. Если насилие, политические факты порождают экономику, экономический строй, то современная буржуазия должна была бы добровольным порождением феодализма, детищем его политического строя. В действительности буржуазия достигла своего господства именно в борьбе против феодализма. Поли-

¹ Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, стр. 151, изд. 1952 г.

² Ф. Энгельс, там же, стр. 152.

³ Ф. Энгельс, там же, стр. 153.

тическая власть феодализма стояла против буржуазии и охраняла старые экономические отношения, но буржуазия, благодаря своей нарастающей экономической мощи разбила феодальное насилие, политические условия ей стали господствующим классом: благодаря экономической мощи буржуазии феодалы оказались не в состоянии держать в стесненном положении буржуазию. И в настоящее время то же экономическое развитие, экономика превратила буржуазию в реакционный класс и подготовила условие для его поражения. «И этот переворот в своем собственном положении, как и создание нового класса, пролетариата, буржуазия осуществила без какого-либо насильственного фокуса, чисто экономическим путем. Более того, буржуазия отнюдь не желала того результата своей собственной деятельности, напротив: результат этот проложил себе путь с непреодолимой силой, против воли буржуазии и вопреки ее намерениям; ее собственные производительные силы переросли ее руководство и как бы с естественной необходимостью гонят все буржуазное общество навстречу — либо гибели, либо перевороту»¹.

Антон Пурцеладзе подобно другим теоретикам насилия не понимал, что именно политическому насилию экономика дает силу. А. Пурцеладзе не уяснял, что когда одни завоевывают, поработачают других — именно экономическая мощь дает им возможность совершать все это, он не заметил, что ничто так непосредственно не зависит от экономики, как основные средства насилия — армия и флот.

Современная буржуазия и ее головной отряд захватчиков и душителей свободы народов, — американские империалисты, — думают, что путем насилия можно сохранить господство буржуазии и изменить непреложный ход мирового развития; они думают, что атомными бомбами и налетом авиации можно отстреляться от действия экономических законов развития истории. Они забыли, что применение политического насилия в прошлом не помогло ни русской буржуазии, ни буржуазии других стран, сохра-

¹ Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, стр. 154—155, изд. 1952 г.

нить свое господство и помешать пролетариату совершить общественный переворот, ликвидировать капиталистическую форму эксплуатации. Современная буржуазия слепа и не может или не хочет понять уроки истории. Они по-прежнему зывают к силе, к третьей мировой войне. Но этим они не могут задержать ход мировой истории. Уже давно производительные силы буржуазного общества переросли буржуазные производственные отношения и с неумолимостью самой природы гонят теперь буржуазное общество к социалистическому перевороту.

А. Пурцеладзе не понимал, что решающими причинами возникновения и развития частной собственности, разделения общества на классы и образования государства были экономические процессы; в конечном счете развитие производительных сил, рост производительности труда.

Развитие производительных сил взорвало первобытно-общинные отношения, вызвало замену первобытно-общинной собственности частной собственностью, неравенство между людьми, раскол общества на антагонистические классы. В результате разделения общества на классы необходимым стало возникновение государства, как органа насилия в руках господствующего класса.

Таким образом, именно в результате развития экономики возникли и развились политические отношения между людьми, а не наоборот. Ясно, что процесс экономической и классовой дифференциации общества сопровождали акты насилия, но они не играли и не могли играть определяющей роли в этом процессе.

Насилие, политическая власть функция экономики, вырастает из развития экономики, но она не пассивна по отношению к экономическому развитию. «Либо она действует в духе и направлении закономерного экономического развития. Тогда между ней и этим развитием не возникает никакого конфликта, и экономическое развитие ускоряется. Либо же политическая власть действует наперекор этому развитию, и тогда, за немногими исключениями, она, как правило, падает под давлением экономического развития».¹

¹ Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, стр. 171, изд. 1952 г.

Несмотря на то, что А. Пурцеладзе не понимал диалектику взаимоотношения насилия, политики и экономики, он на насилие не смотрит как на абсолютное зло. А. Пурцеладзе считает насилие общественным злом, но не потому, что пользуются господствующими классами, эксплуататорскими классами, для укрепления своего господства, с целью грабежа, для борьбы против революционных выступлений народных масс, для порабощения народов и утверждения националистического гнета.

В отношении народа А. Пурцеладзе непрестанно провозглашал право на насилие, он утверждал, что народ имеет полное право на насилие, на революцию, ибо его насилие и его революция направлены на слом негодных общественных порядков, имеет целью организацию тех общественных порядков, которые отвечают интересам народа. А. Пурцеладзе признавал насилие, как средство, применяемое угнетенными классами для ликвидации эксплуататорских отношений, как средство, при помощи которого только и можно было свалить самодержавие и ликвидировать остатки крепостнических отношений. Правда, у него не было правильного понимания роли «насилия» в историческом процессе, он думал, что политический строй является творцом экономики, он не имел никакого научного представления о предстоящей революции, о характере ее, о движущих силах ее. Но в его представлениях о ходе общественного развития было рациональное зерно: ликвидацию существующего политического и экономического порядка он мыслил путем насилия масс.

Признавая политические формы насилия творцом капиталистических отношений, Пурцеладзе имеет своеобразную теорию «умножения» капитала, т. е. накопления капитала.

Считая капитализм эксплуататорским строем, он опровергает «теорию воздержания» вульгарной политической экономии, которая скрывает настоящий источник возникновения и роста капитала. Источником роста, «умножения» капитала, обогащения капиталиста, А. Пурцеладзе не считает ни труд капиталиста, ни его воздержание.

Источником роста капитала А. Пурцеладзе считает факт эксплуатации, присвоение капиталистами чужого необходимого труда. Учение, которое говорит, что для «создания капитала человек должен трудиться и воздерживаться», — А. Пурцеладзе считает ненаучной теорией. Потому что она не является научной, указывает А. Пурцеладзе, что она противоречит фактам действительности, ибо в действительности, кто трудится и воздерживается, у того нет никакого капитала, тот не богат, а беден².

При капитализме труд и капитал, труд и богатство разьединены, труд и капитал — антагонисты, труд и бедность неразлучны. Теория воздержания неправильна, потому что бедны трудящиеся и богаты люди не производящие, праздные паразиты, именно те, которые не знают никакого воздержания. При капитализме, утверждает А. Пурцеладзе, именно не накапливает тот, кто базирует свою жизнь на личном, собственном труде. Рост капитала происходит оттого, что капиталист имеет возможность присвоить даром чужой труд. «Величайший экономист нашего века Карл Маркс говорит, — пишет А. Пурцеладзе, — что капитал всегда борется за то, чтобы довести до нуля зарплату, т.е. чтоб рабочий совсем не получал цену своего труда»³. Ускоренный рост капитала связан с ускоренным обеднением народа. Маркс, пишет Пурцеладзе, в своем произведении «Капитал» утверждает, что как бы не трудился человек, он может создать столько продуктов, сколько необходимо для его безбедной жизни.

И действительно, — продолжает А. Пурцеладзе, — где вы видели, чтоб рабочему, который имеет возможность трудиться в меру своих сил и не эксплуатируется, собственный его труд давал бы ему столько продуктов, чтобы он был сыт, одет, имел бы неплохую квартиру, а также умеренные средства для сохранения здоровья, развития и т. д. и еще накапливал бы капитал в результате своего труда. Такого рабочего, — по утверждению А. Пурцеладзе, — история не знает⁴.

¹ А. Пурцеладзе, «Банки, деньги и их значение», стр. 15.

² Там же.

³ А. Пурцеладзе, там же, стр. 16.

⁴ А. Пурцеладзе, назв. соч.

А. Пурцеладзе повторно ставит вопрос: как происходит накопление капитала, какими методами он создается? На этот вопрос он дает, уже знакомый нам ответ. Так как естественно дело обстоит так, что трудящийся своим трудом не может накопить что-нибудь большее, чем считать какой-нибудь остаток и образовать капитал. Следовательно, тот, который накапливает, имеет какую-то силу, владеет какими-то средствами заставить человека трудиться и урезывать с его труда известную часть, заставить трудиться больше, а получить за труд меньше, что и представляет источник накопления капитала.

После всего этого ясно, что владелец капитала не своим трудом, не путем воздержания накапливает капитал, а путем присвоения чужого труда, путем получения доли с чужого труда.¹ Весь общественный труд, состоящий из труда отдельных трудящихся, А. Пурцеладзе рассматривает как необходимый труд для обеспечения сносного существования и когда из этого необходимого труда известную часть присваивает владелец капитала, тогда неминуемой является бедность, пауперизм народа.

Бедность трудового народа, пауперизм, его отделение от средств производства, с развитием капитализма усугубляется и растет по мнению А. Пурцеладзе. Этому факту он не может дать действительного научного объяснения, но для него растущее **обнищание** народа при капитализме является фактом. У А. Пурцеладзе своеобразная теория о капиталистической форме эксплуатации. Несмотря на то, что он читал «Капитал» Маркса, он не понял его. Отдельные положения безусловно выведены А. Пурцеладзе под сильным влиянием Маркса. Но понять сущность марксизма, понять его как единственную подлинно научную систему социалистических взглядов, раскрывающих законы капиталистического развития, А. Пурцеладзе не мог. Его взгляды о характере капиталистической формы эксплуатации безусловно сложились под влиянием Маркса, но это отнюдь не марксистские взгляды.

А. Пурцеладзе понимал, что источником обогащения эксплуататорских классов является труд рабочего, труд

¹ А. Пурцеладзе, назв. соч.

народа, понимал, что они присваивают часть труда народа безвозмездно, но все же до теории прибавочной стоимости А. Пурцеладзе не дошел.

Изложим его взгляды на характер капиталистической эксплуатации и на процесс обнищания рабочего класса (народа, как часто он говорит) при капитализме. Мы знаем взгляды А. Пурцеладзе на возникновение капитализма. Капиталистические отношения вначале сложились путем политических форм насилия. Политические деятели, получая власть и право от восставшего народа, который после победы ни в одной стране не смог установить свою власть и порядок, исключаящей эксплуатацию и возвышение одних над другими, установили власть капитала, самое жестокое рабство, какое знала история. Разными грязными методами имущество народа оказалось в руках имущих и властвующих, а народ остался без средств производства, лишенным возможности самостоятельного применения труда. При таких условиях трудовой народ вынужден вступать в наемные отношения с имущими. Эти последние нуждаются в рабочем народе, но предложение рабочих рук превышает спрос на них. После введения машин этот спрос начинает сильно сокращаться, что создает постоянную армию безработных, возможность рассасывания которой не имеет никаких перспектив. Постоянное существование и рост армии безработных остается характерной чертой капитализма. Существование этой армии снижает зарплату до самого крайнего предела и дает возможность нанимателям диктовать свои цены за работу¹. Интересно проверить, продолжает ли А. Пурцеладзе, какая из знакомых человечеству форм эксплуатации хуже, страшнее для народа: рабство, крепостничество или власть капитала.

Анализируя все эти общественные формы эксплуатации, А. Пурцеладзе приходит к выводу, что капитализм является самым страшным, безжалостным, беспощадным видом эксплуатации. Капиталистические отношения обрекают трудовую часть народа на гибель. Какие основания имеются у А. Пурцеладзе для такого вывода о капитализме? Вот какие. При рабстве, указывает А. Пурцеладзе,

¹ А. Пурцеладзе, «Общинное землевладение», стр. 9.

рабовладелец обязан содержать раба, иначе раб не смог бы служить ему и защищать его от врагов. То же самое при крепостничестве. Крепостник обязан был обеспечить землей крепостного крестьянина, чтобы этот крестьянин смог содержать свою семью и размножаться, а также защищать себя и своих хозяев от врагов. А что видим мы при власти капитала? — спрашивает А. Пурцеладзе. Видим, что владельцы капитала абсолютно не заинтересованы судьбой народа, его обеспеченностью. Капиталиста не пугает рост смертности населения. На это он смотрит равнодушно, он знает, что умрет один, останется другой, который займет место умершего на его фабрике. Владелец капитала старается превратить рабочего человека в своего настоящего раба и придумать такие методы эксплуатации, благодаря которым он мог бы выжать все из несчастного рабочего, а потом обессиленного выбросить на улицу, заменив его другим, ожидающим получения работы. При капитализме, утверждает А. Пурцеладзе, у капиталистов нет никаких побудительных мотивов пощадить народ, выдать зарплату в таком размере, чтобы обеспечить хотя бы полуголодное существование трудовому народу. Нет, этого он не может сделать. Наоборот, объективные условия толкают его к систематическому стремлению снижать зарплату, ибо с снижением заработной платы связан рост его капитала и богатства. До чего дошла жажда роста богатства у имущих и беспощадное отношение к народу — это показывают нам, говорит А. Пурцеладзе, честные писатели разных европейских стран¹.

В 1871 году А. Пурцеладзе подошел к критике капитализма еще с другой стороны. Для него капитализм неприемлем не только потому, что он — эксплуататорский строй, но еще и потому, что капитализм не может рационально управлять производительными силами, рационально и полностью использовать их. Бедность народа при капитализме вызвана не только эксплуатацией, но тем фактом, что капитализм не способен использовать, во-первых, всю трудовую энергию народа, во-вторых, кого способен использовать, — не может использовать рационально. В статье «Наша цель», помещенной в журна-

¹ А. Пурцеладзе, «Общинное землевладение», стр. 11.

ле «Мнатоби» в 1871 году А. Пурцеладзе писал, что при капитализме «несчастьем народа является неравенство в труде... почти больше половины человечества не трудится или занимается бесполезной трудовой деятельностью»¹.

Подытоживая все основные положения А. Пурцеладзе можно сделать следующие выводы: капиталистический, грабительский строй, капиталисты грабят трудовой народ, путем присвоения его труда, пользуясь его безвыходным положением; с развитием капитализма в силу присущих ему черт обнищание народа усиливается. Кроме того, капитализм не может даже, если не учитывать факта эксплуатации, обеспечить средствами существования трудовое население, потому, что, во-первых, он не может втянуть все трудовое население в процесс труда, по крайней мере добрую половину трудовых ресурсов человечества капитализм выключает из процесса труда или использует нерационально. Капитализм неприемлем для А. Пурцеладзе еще и потому, что втягивая крестьянство и другие слои населения, — мелких ремесленников, кустарей и т. д., — в товарно-денежные отношения, он вызывает их пролетаризацию, их гибель. Капитализм — враг мелкого производителя, мелкий производитель имеет только одну перспективу — перспективу разорения и гибели.

Обращаясь к фактам грузинской действительности, А. Пурцеладзе находит в условиях современной ему Грузии зачатки капитализма. Он отметил, что капиталистические отношения складываются и в Грузии. Повод для такого вывода ему дает факт существования наемных отношений в городах, появление новых социальных групп, которых раньше не знала история Грузии и которые характерны для складывающихся капиталистических отношений. Но к проблеме значения капиталистического развития для страны он подходит не как диалектик, а как метафизик.

Выше мы указывали, что отношение А. Пурцеладзе к капитализму критическое и отрицательное. В отличие от

¹ А. Пурцеладзе, журнал «Мнатоби», 1871 г., № 5, стр. 88—89, статья «Наша цель».

буржуазной науки, которая считает капитализм лучшей и лучшей формой общества, А. Пурцеладзе осуждает капитализм за порожденную им нищету и гнет трудящихся и требует его замены. Таким образом А. Пурцеладзе апологет капитализма, а его критик, причём осуждает капитализм в целом как общественную систему, а не только его систему распределения продуктов, но его критика капитализма — это критика с позиций мелкого производителя, боящегося развития капитализма. Конечно, А. Пурцеладзе не мог раскрыть законы возникновения, развития и гибели капитализма и понять его историческое место в развитии человечества. А. Пурцеладзе, как представитель мелкого производителя, видит главным образом «отрицательные» черты капитализма. Маркс, как об этом писал Ленин, «видел прогрессивную, революционную работу капитализма в том, что он, обобществляя труд, в то же самое время, механизмом самого процесса «обучает, объединяет и организует рабочий класс», обучает борьбе, организует его «возмущение», объединяет для «экспроприации экспроприаторов», для захвата политической власти и отнятия средств производства из рук «немногих узурпаторов» для передачи их в руки всего общества»¹.

Анализируя капитализм, А. Пурцеладзе не понимал, что капитализм своим развитием подготавливает предпосылки, создает объективные условия для более высокого, по сравнению с капитализмом, коммунистического строя. Он не понимал, что дальнейшему развитию капитализма сопутствует крайнее обострение присущих ему противоречий, что это подготавливает в лице рабочего класса ту силу, которая способна будет выполнить великую историческую миссию революционного свержения капитализма и построения коммунизма через диктатуру пролетариата.

И так, А. Пурцеладзе утверждает, что в Грузии факт капиталистического развития налицо, складываются капиталистические отношения, но задача заключается в том,

¹ Ленин, «Что такое друзья народа», т. I, стр. 292.

² А. Пурцеладзе, «Письма о селе», журнал «Гутнис деда», № 14, 1873 г.

чтобы прекратить дальнейшее развитие капитализма, ибо это вызовет обеднение народа, пауперизм, страшную болезнь «пролетариата». «До сих пор нашей радостью было то, что мы почти не имели пролетариата. Но если мы хорошо вдумаемся и проанализируем перспективу будущего развития, а также осмыслим те условия, в которых мы непременно втягиваемся, у нас не только пролетариат, но и пауперизм неминуем».¹ Подобно грузинским буржуазным демократам Г. Церетели и др., А. Пурцеладзе в насаждении европейской «цивилизации», т. е. капитализма не видел фактора возрождения нации. Он далек был от того мнения, что открытие дверей для иностранных капиталистов излечит Грузию от бедности, наоборот, привлечение в страну иностранного капитала, по убеждению А. Пурцеладзе, толкнуло бы народ на путь порабощения, он не советовал грузинскому народу броситься в объятия европейских капиталистов, ибо хорошо понимал хищническую миссию этого капитала в экономическом отношении в отсталых странах. В своих письмах о селе в 1873 году А. Пурцеладзе писал, что «по мере приближения к нам европейская цивилизация действует на нас как угнетающее явление».² Сразу же после первых шагов развития капитализм вызовет у нас в Грузии пролетаризацию, пауперизм народа, ведь развитие капитализма вызовет приспособление экономики страны к рыночной конъюнктуре, вовлечение крестьянства и ремесленников, кустарей в широкие товарно-денежные отношения, а все это—дифференциацию мелкого производителя, отделение его от средств производства и от земли.

Таков был результат капиталистического развития в других европейских странах и таковыми будут результаты его развития и в Грузии. А. Пурцеладзе отмечал, что наглядный пример дает в этом отношении Англия. Приспосабливая свое хозяйство к рынку, к высоким ценам на шерсть, английские помещики начали самыми бесчеловечными методами сгонять крестьян с земли, расширять пастбища, зерновые культуры заменять кормовыми травами для овец. Крестьяне потеряли пахотные земли, мил-

¹ А. Пурцеладзе. «Письма о селе».

² Там же.

лионы людей в Англии, Шотландии, Ирландии были истреблены и изгнаны из своей страны. Взамен людей, со-цы, фабрики, заводы взамен хлеба — кормовые травы, взамен деревни — пастбища»¹.

Вот перспектива в результате развития капитализма в будущем у нас. «Нет сомнения в том, что если, пи-сал А. Пурцеладзе, — начавшийся развиваться капитализм не будет приостановлен и общественные порядки не будут изменены, сегодня или завтра мы окажемся на нашей родине, на нашей земле, которая пропитана кровью наших предков еще в более страшном положении, в котором находятся сегодня ирландцы, пролетарии и пауперы некоторых стран Европы и Англии. У тамошнего обездоленного народа все же имеется мало-мальски возможность, — указывает Пурцеладзе, — не умереть совсем от голода, обратиться к заводам и к другим местам работы. У нас нет этой возможности, если мы упустим нашу землю и наше хозяйство из наших рук».²

А. Пурцеладзе утверждает, что развитие капитализма в Грузии будет более катастрофическим для трудового народа, чем в европейских странах, потому что в европейских странах развитая промышленность может приютить и дать работу обездоленному мелкому производителю. А в Грузии освобожденный от средств производства и от земли крестьянин не найдет нигде работы, не будет иметь возможность применить свою рабочую силу за неимением в стране фабрик и заводов. Таким образом, развитие капитализма означает национальную катастрофу. Где же выход? Выход в том, чтобы не допустить развитие капитализма в Грузии, организовать общественную и экономическую жизнь страны разумно, на социалистических началах — по рецепту крестьянского социализма.

Нельзя не заметить, что по вопросу о роли развития капитализма в Грузии у А. Пурцеладзе нет ясности, он противоречив. На наш взгляд, в 90-х годах он склоняется к признанию прогрессивности капитализма и считает

¹ А. Пурцеладзе, журнал «Гутинс деда», № 9, 1875 г.

² А. Пурцеладзе, «Письма о селе», журнал «Гутинс деда», № 14, 1873 г.

что только развитая промышленность и торговля могут вывести страну из отсталости, спасти ее от колониального закабаления. И в связи с этим рождается у него и другая концепция победы социализма путем «экспроприации экспроприаторов», т. е. если в 70-х годах он считал, что возможен переход от феодализма к социализму путем крестьянской революции, то в 90-х годах, признавая факт развития капиталистических отношений, не опасаясь такого развития в отличие от народников склоняется все же к признанию прогрессивности его — перехода к социализму путем «экспроприации экспроприаторов».

Тот факт, что он в легальной прессе благосклонно отнесился к марксовской теории «экспроприации экспроприаторов» и в 1906 г. оказался на стороне революции, говорит за то, что он оставался до конца жизни социалистом-революционером. Его политико-экономические взгляды в 90-х годах отличаются от либерально-народнических взглядов на экономическое развитие страны и характерно, что в 90-х годах А. Пурцеладзе в идейной борьбе классов мы не видим в лагере врагов марксизма, ни в рядах либеральных народников, выступавших тогда против марксизма, ни в рядах буржуазных врагов марксизма. Наоборот, он прокламирует себя сторонником марксовской теории «экспроприации экспроприаторов». Но мы не располагаем данными, чтобы судить, каков его взгляд о роли классов в осуществлении «экспроприации экспроприаторов».

Есть и другие факты, говорящие о том, что он в последний период своей жизни явно клонился к марксизму и защищал революционную социал-демократию от нападок и клеветы.¹

§ 4. СОЦИАЛИЗМ И РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПУТЬ ЕГО ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ, УТОПИЧЕСКИЙ СОЦИАЛИЗМ А. ПУРЦЕЛАДЗЕ

Антон Пурцеладзе считал, что безбедное существование народа, полное физическое и духовное его развитие, расцвет культуры и экономики может обеспечить только социализм.

¹ См. Р. Каладзе, «Антон Пурцеладзе», стр. 55 и др.

Но так как социализм, исключает деление народа на привилегированных и безработных, эксплуататоров и эксплуатируемых, означает утверждение политико-экономического равенства, ликвидацию всех возможностей для возникновения эксплуатации, то он не может быть осуществлен мирным путем.

Богатые и привилегированные слои, являясь эксплуататорами народа, являются врагами социализма, ибо социализм идет в разрез узкоэгоистическим интересам этих дармоедов. За осуществление социализма будут бороться только народные массы, если социалистический идеал будет доведен до народа революционной партией, революционной интеллигенцией. Между тем, в грузинской советской науке господствует мнение, что А. Пурцеладзе принадлежал к социалистам-реформистам, тогда как факт принадлежности А. Пурцеладзе к революционно-демократической организации грузинских пропагандистов в 70-х годах, анализ его публицистических и художественных произведений, анализ его книги «Общинное землевладение» говорят о неосновательности причисления А. Пурцеладзе к лагерю социалистов-реформистов в 70—80-х годах. Свое отношение к вопросу о методах осуществления социализма он высказал на страницах журнала «Мнатоби» в 1872 г.¹ в полемике против некоторых литературных сотрудников газ. «Дроеба»,² а также в статье «Несколько слов о сельскохозяйственных банках».³

А. Пурцеладзе в полемике против теоретиков производственной кооперации, т. е. против теоретиков реформистского пути перехода к социализму, и, в частности, против грузинских сторонников теории производственных ассоциаций Лассалья указывает, что Лассаль и его грузинские последователи хотят миром кончить дело между рабочими и буржуазией, перевести революционную борьбу против капиталистов на реформистский путь, тогда как без револю-

¹ См. А. Пурцеладзе, «Десять врагу, одно другу», журнал «Мнатоби», № 8, 1872 г., август, стр. 173.

² Газета «Дроеба», № 4, 1871 г., передовая статья «Потребительские и производственные ассоциации».

³ См. газ. «Гутнис деда» (Пахарь), № 1, 1875 г. и т. д.

ции и насильственного общественного переворота никакого счастья для народа ожидать невозможно. А. Пурцеладзе писал:

«Безысходное положение рабочих давно Европу и держит ее постоянно под страхом. Рабочие постоянно чувствуют, что все сословия в прошлом путем борьбы добились своих прав и того, к чему они стремились и что наступило время борьбы за свои интересы. Борьба коммуны во Франции была сигналом для рабочих бороться за установление справедливости. Но так как в прошлом у рабочих не было соответствующей организованности, победа оставалась и останется на стороне тех сословий, в чьих руках жизнь рабочих.

Чтобы такое волнение рабочих не вышло из рамок и не перешло границы, чтобы Европа не стала свидетельницей страшного кровопролития, которое последует, если рабочие договорятся между собой и объединятся—стали выдумывать такие мероприятия, посредством которых возможно было миром кончить дело между рабочими и хозяевами. К таким лицам принадлежали Шульце-Делич и Лассаль».¹

В 1875 г. в статье специально направленной против Шульце-Делич, А. Пурцеладзе писал:

«Отцом этих сельскохозяйственных и ремесленных банков является немец Шульце-Делич. Шульце-Делич принадлежит к числу тех лиц, которые хотят, чтобы собственными мероприятиями народ поставил себя в такое положение, чтобы они не нуждались в государственной помощи и чтобы он не захотел посредством революции сперва разрушить и сбросить современные порядки, а затем создать новый наилучший порядок. Одним словом, он хочет, чтобы сохранились современное государство и общественный строй и чтобы народ оставался в благополучии. Лучше сказать, он хочет, чтобы и волки были сыты, и овцы целы и так совершить невозможное дело.

Выдвижение такого положения и попытка его осуществить говорят о том, каким поверхностным должен быть

¹ А. Пурцеладзе, «Десять врагу, одно другу», журнал «Мнато-би», № 8, 1872 г.

человек, — сторонник такой мысли и такого дела, если он вообще не двурушник.

Мы не будем доказывать, — продолжает Пурцеладзе, — как невозможно осуществить... всеобщее благополучие в условиях сохранности современного общественного и государственного строя».¹

В его художественных произведениях, написанных под впечатлением Парижской коммуны 1871 года или относящихся к ней, А. Пурцеладзе выступает сторонником революционного переворота и все его симпатии на стороне восставших рабочих. Он восхищенно говорит об их героизме, об их социальных идеалах.

В романе «Горе праведным», А. Пурцеладзе посылает своего излюбленного героя на баррикады Коммуны и тот, защищая ее дело, героически гибнет, думая перед смертью о том, что не только он, но и его возлюбленная Лиза должна была вместе с ним погибнуть, что и ее место было на баррикадах Коммуны! Герой романа Михаил не пропускает случая восхвалять революционные методы действия народа. Пропагандируя социалистические идеи, он пропагандирует и революционный метод установления новых социальных отношений, он верит в революционную силу народа.

...«И действительно история говорит о том, продолжает герой романа, что в народах идеи Франции нашли распространение и в недалеком будущем эти идеи будут осуществлены народами».²

Описывая поражение Коммуны, А. Пурцеладзе не делает из этого вывод, что революция порочный метод переделки социальных отношений; наоборот, поражение он считает временным явлением, дело Коммуны непобедимым, он уверен, что поражение сменится победой, что после поражения необходимо накапливать силы и готовиться к новому взрыву. Это выражено у А. Пурцеладзе в «Горе праведным» в словах старого коммунара Делеклю-

¹ А. Пурцеладзе, «Несколько слов о сельскохозяйственных баках», журнал «Гутнис деда», № 1, 1875 г.

² А. Пурцеладзе, «Горе праведным», стр 85 — 86.

за: «Уходите, спасите себя! — говорил старый стоящим на углу, — дело проиграно! Ваша гибель бесмысленна. Вы должны спастись, вы еще молоды и будете нужны в будущем для нашего дела. Вы еще будете нужны Франции и делу человечества! Вашим спасением спасает наше дело».¹

В работе «Наша цель»², излагая взгляды великих утопистов, А. Пурцеладзе расходится с ними, ибо они мирные социалисты. В статьях, направленных против Прудона, он отрицает как самый его план переделки социальных отношений, так и его реформистский метод осуществления этого плана.³

Следует заметить, что статьи, относящиеся к 60-м годам, о Гарибальди и о борьбе итальянского народа за объединение и освобождение Италии⁴ написаны А. Пурцеладзе под влиянием аналогичных статей великого сына русского народа, революционного демократа, гениального соратника Чернышевского — Н. А. Добролюбова.⁵ В них А. Пурцеладзе проводит мысль, что только революционной борьбой народа можно было объединить Италию и освободить ее от иностранного ига: все симпатии А. Пурцеладзе на стороне Гарибальди и Мадзины. В этих статьях он выступает и на стороне революции 1848 г., он определяет ее как борьбу «почти всей Европы против своих государей».⁶

Следует заметить, что А. Пурцеладзе в 1863 г. в своем отзыве об произведении «Отец Александр Гавацци и

¹ А. Пурцеладзе, «Горе праведным», стр. 118.

² А. Пурцеладзе, «Наша цель», журнал «Светоч» (май), 1871 г.

³ А. Пурцеладзе, «Банки и их значение», «Гутнис деда», № 1, 1875 г.

⁴ Речь идет о статьях опубликованных в журн. «Цискари» в 1862 — 1864 гг.

⁵ См. А. Пурцеладзе, «Жизнь Гарибальди», журнал «Цискари», № 1, 2, 14, 1863 г.; журнал «Цискари», № 10, 12, 1862 г.; журнал «Цискари», № 4, 1864 г.

⁶ См. А. Пурцеладзе, «Жизнь Гарибальди», журнал «Цискари», № 2, 1863 г., стр. 282.

его проповеди»¹ Н. А. Добролюбова, написанном по поводу появления грузинского перевода этого произведения в «Сакартвелос моамбе», называет ее «благородной и прекрасной статьей»², и указывает, что переводчик поступил правильно, предложив ее вниманию грузинских читателей. Он раскрывает, насколько это возможно было в легальной прессе, революционно-демократический характер произведения. «Гавацци проповедует, — отмечает он, — единство, братство, любовь и свободу. Он своей сильной и смелой проповедью сокрушает притеснителей народа, государей и других лиц: раскрывает глаза народу, показывает выход. Он порицает духовенство, которое из-за своих эгоистических интересов, каких только злодейств не совершает».³

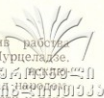
Необходимость применения народного насилия с целью утверждения социализма обосновывается в его «Общинном землевладении», написанном в 1874 г. Одно из основных положений этой книги заключается в том, что имущие классы в истории всегда выступали на защиту и укрепление эксплуататорских отношений и при рабстве и при крепостничестве, что они всегда использовали политические рычаги в целях укрепления их господства, подавления народных стремлений и усиления эксплуатации. Здесь дается знать, что социализм противоречит имущественным интересам господствующих классов, что класс мародеров, паразитов и грабителей, какими являются землевладельцы и буржуазия не может добровольно идти на какие-нибудь серьезные демократические реформы, так как это противоречит их групповым, эгоистическим интересам.

Одно из основных положений его «Общинного землевладения» заключается в том, что политические формы насилия — рычаги, благодаря которым возможно перестроить экономику в желаемом направлении. В прошлом, не-

¹ Перевод на груз. яз. был сделан и опубликован в «Сакартвелос моамбе», в январской книжке в 1863 г., стр. 55—110, с указанием, что переведено с произведения Добролюбова.

² См. журнал «Цискари», № 3, 1863 г., стр. 441.

³ Журнал «Цискари», № 3, 1863 г., стр. 442.

смотря на то, что народ восставал и против рабства и против крепостничества, по мнению А. Пурцеладзе, не был установлен общественный порядок, исключающий эксплуатацию, угнетение и насилие над народом, благодаря тому, что народ отказывался от власти и передавал ее имущим и политическим деятелям. Это было ошибкой и этого не следует повторять, если только народ хочет избавиться от угнетения частно-собственнических отношений, от власти капитала.¹ Между тем эта ошибка раскрыта социалистической наукой.

Вот что писал он в «Общинном землевладении». После того как заметили, что в связи с дальнейшим развитием капитализма «дело народа идет к худшему, страна остается в руках немногих, а народу угрожает гибель от голода, верные народу глубоко задумывались над тем, как помочь народу, чтобы спасти его от власти богатства (т. е. капитала — Г. М.). Обозревая историю, анализируя прошлую жизнь и деятельность человека, ученые наглядно увидели, что всякое несчастье возникает оттого, что народ, настоящий народ никогда не держал власть в своих руках и что народ предоставлял власть и право владения над самим собой и над имуществом своим меньшинству. Эти правители не защищали интересов народа, потому что исполнение желаний народа и удовлетворение его потребностей было для них вредным и причиняло им ущерб. Раз это poznали ученые, раз это признали благодаря исследованиям преданные народу люди, они стали вразумлять народ. Они прямо стали проповедывать народу, что пока твои дела, твоя личность, твой труд и имущество не будут в твоих руках, пока народного правления и власти народа не установишь, до тех пор не ожидает тебя ничего доброго и ты останешься в руках богатых и властвующих для эксплуатации, как немое животное и машина».² Частно-собственни-

¹ А. Пурцеладзе, «Общинное землевладение», стр. 8—9. См. также «Гутнис деда», № 17, 1872 г.

² А. Пурцеладзе, «Общинное землевладение», стр. 13.

ческие отношения и власть капитала должны быть ликвидированы, в противном случае разорение народа неминуемо.

Из анализа «Общинного землевладения» видно, что А. Пурцеладзе придерживается того мнения, что одна политическая революция недостаточна, должны быть уничтожены частная собственность и те общественные порядки, которые вызывают эксплуататорские отношения и неравенство между людьми.

А. Пурцеладзе обосновывает, почему необходим социализм. Социализм необходим, потому что ни феодализм ни капитализм как формы общества, как общественные организации невыгодны. С этой точки зрения критикуется мелкое хозяйство крестьян и мелкое хозяйство в области промышленности, а также крупное капиталистическое производство.

Социализм не может быть построен ни на базе мелкого производства, ни на базе крупного капиталистического производства, они тоже негодные системы производства. Социализм не может сохранить мелкое производство, потому что оно исключает возможность развития техники, кооперации труда, рациональное использование элементов производства и этим самым крутой подъем производительности труда, оно имеет тенденцию превращения в эксплуататорский строй и способствует сохранению эгоизма в производителе, оно не может быть барьером возникновения эксплуататорских отношений. Социализм не может сотрудничать и с капиталистическим крупным производством, ибо оно разрушает более мелкие формы производства и развивает эксплуататорские отношения. Таким образом, социализм представляется А. Пурцеладзе как ликвидация любых форм частной собственности и индивидуального производства.

Какой же представлялась А. Пурцеладзе структура социалистического общества, что представлял собой его социализм? Во-первых, из анализа его произведений видно, что социализм у него не результат общественного развития, его необходимость диктуется непригодностью феодализма и капитализма. Социализм не может сразу утвердиться, он начинает свое существование с низших социали-

стических форм общественных отношений и переходит к высшим формам, т. е. постепенно принимает форму обобщественного производства и распределения по труду. Это социализм не уравнилельный социализм, а отрицание частно-собственнических и эксплуататорских отношений. Социализм именно как система обобщественного производства и распределение по труду представляет совершенную форму общества, чем феодализм и капитализм. Это потому, что социалистические отношения людей исключают эксплуатацию, утверждают не только полное равенство всех членов общества, ликвидируя систему привилегий, свойственных и феодализму и капитализму, но вводит систему равных обязанностей; социализм гарантирует равенство членов общества, полную свободу для всех членов общества. Социализм совершенная форма производства по сравнению с феодализмом и капитализмом, потому что общественные формы производства и социалистический принцип распределения не дают возможности возникновения эксплуатации и угнетения, обеспечивают безудержное развитие техники, одного из мощных средств поднятия благосостояния народа, рациональное использование элементов производства; социализм — работа на себя, дисциплинирует труд и превращает его в жизненную необходимость, что обеспечивает полный подъем производительности труда, и все это превращает социализм в мощный родник благополучия народа, дистиллирует его моральные качества и неслыханными шагами двигает человеческую культуру вперед. Благодаря всему этому, жизнь становится гармоничной, физически и духовно здоровой, счастливой.

А. Пурцеладзе замечает, что социализм не попирает и не издевается над чувствами человека, как это имеет место при феодализме и капитализме; здесь нет места ни для права первой ночи, для насилия и разврата феодалов, ни для проституции; социализм обеспечивает разворот чувства любви и дружбы между людьми, сотрудничество и союз и дает полам возможность свободного выбора и нормальных отношений.

Касаясь вопроса о переходе Грузии к социализму, А. Пурцеладзе думал, что в 70-х годах у Грузии имелась во-

зможность для такого перехода. Налицо было недовольство крестьянства существующими порядками, требовалась пропаганда идей социализма среди крестьянства и организации борьбы крестьян за революцию с целью осуществления социалистического переворота. Он обосновывал общинный путь перехода к социализму для Грузии. Пропанду общинного пути перехода к социализму он считал важным моментом в деле подготовки крестьянской революции.

Почему строительство социализма необходимо начать с общинных порядков, почему русские общинные порядки ядро социализма? Почему надо с общинных отношений начать и так двигаться к более высоким формам социализма? Дело в том, что только эту форму примет крестьянство, ведь Грузия страна дворового землевладения и мелкого производства и в такой стране насаждать высшие формы социалистических отношений нельзя, на это крестьянство сразу же не пойдет. Говоря об общинных порядках, А. Пурцеладзе и здесь полагает начать с низших форм, с общинного землевладения, хотя его идеалом является общественно-кооперативная форма производства. Описывая русские общинные порядки, он утверждает, что они имеют все преимущества перед феодализмом и капитализмом и как начальные формы социализма вполне могут обеспечить безбедное существование народа, они уничтожают все возможности возникновения эксплуататорских отношений, они являются непреодолимой преградой для капитализма при поддержке государственной власти народа и дают широкую возможность применения и развития техники.

«Как выше стоит для пользы народа общинный строй, — указывает А. Пурцеладзе, — по сравнению с капитализмом, об этом говорят данные Гакстгаузена об общинном землевладении России, который вначале описывает формы землевладения, а далее показывает преимущество общинного владения и, наконец, пути ее изменения и улучшения для общей пользы»,¹ т. е. с целью улучшения благосостояния народа.

А. Пурцеладзе, «Общинное землевладение», стр. 21.

А. Пурцеладзе, чтобы показать преимущество русского общинного строя, подробно описывает его, пользуясь данными Гакстгаузена. Вот что представляет собою русская община.

Жители каждой деревни России, все до единого являются равноправными владельцами всего — леса, пастбища, рек, озер и т. д., всего того, что находится во владении села. Все мужчины имеют равное право на равную часть владения села. Леса, реки, пастбища и охотничьи места неделимы и все имеют равное право ими пользоваться. Деление происходит так. Чтобы никого не угнетать, учитывают соотношение между плодородными и неплодородными, между отдаленными и близлежащими землями и после этого делят всю землю по участкам и распределяют по жеребьевке, кому что достанется. Новый передел в большинстве случаев приурочивается к сроку камерального описания.

Но не везде так. В некоторых местах передел происходит в 5 лет раз, в некоторых местах в 10 лет раз, в некоторых в более короткий срок. Передел и жеребьевка происходят на общем собрании села. Земли делят, мерят, соотношения устанавливают специальные землемеры, которые хорошо знают это дело и так точно и справедливо мерят, делят и уравнивают, что редко кто бывает недоволен полученной долей. Вместе с тем, в некоторых местах установлено по традиции, что удобренная и улучшенная земля при переделе остается у старого владельца, а также сады, если они не превышают новую норму доли при новом переделе, но этого не бывает. Стало быть, если кто-нибудь хочет удобрить и насадить сады, может все это сделать без страха, ибо никто у него не отнимет улучшенной земли. При переделе замечательное спокойствие на селе. Нет случаев обиды и угнетения. Замечательно то, что не допускается черезполосица. А. Пурцеладзе восхищается тем, что в некоторых деревнях средства производства принадлежат не отдельным дворам, а ими коллективно владеет село.

А. Пурцеладзе разделяет взгляды Гакстгаузена на то, что общинные порядки России беспредельно выше стоят для благосостояния государства, чем порядки других

стран. Во-первых, общинное владение не допускает возможности возникновения пауперизма в русском народе, т. е. образования обездоленного народа без работы, который так быстро умножается в государствах Западной Европы.

В России никто не имеет права закладывать и продавать землю... Жители села могут распоряжаться созданными своим трудом средствами производства как хотят, потреблять или выбросить; но относительно земли они так поступать не могут, они лишены права свободного распоряжения землей, и потому их детям всегда остаются средства существования.

А. Пурцеладзе очаровывается общинными порядками уральских казаков и он чуть ли не возводит их в конечный идеал человечества. А. Пурцеладзе подробно описывает общинные отношения уральских казаков. Он восторгается коллективным владением землей, отсутствием переделов, коллективной обработкой полей.

Подробно изложив все это, он показывает какое преимущество имеет русский общинный порядок владения землей и ведения хозяйства перед индивидуальным владением и ведением хозяйства с правом наследования, которое имеет место в Грузии.

Этому индивидуальному владению землей, особенно мелкой собственности с индивидуальным ведением хозяйства наносится удар с двух сторон — со стороны права наследования и со стороны капитализма. Право наследования вызывает измельчание и собственности, и хозяйства, дело доводит, если даже не принимать во внимание нажима капитала, до потери жизненных средств, до пауперизма. А капитал своей конкуренцией, своим насилием, грабежом убыстряет этот процесс и устанавливает капиталистические отношения, которые в понимании А. Пурцеладзе были показаны нами выше.

Таким образом, благодаря действию права наследования и конкуренции капитала, мелкая частная собственность с мелким хозяйством неустойчивы, они гибнут.

А. Пурцеладзе подчеркивает, если даже оставить в стороне права наследования и все грязные методы наси-

лия, на которые способен капитал, поддерживаемый государственной властью против мелкого крестьянского хозяйства, налицо факт неравенства в конкурентной борьбе между мелким крестьянским хозяйством и крупным капиталистическим. Благодаря применению машин, крупные капиталистические хозяйства, во-первых, создают избыток, во-вторых, поднимая производительность труда, они давят на рынке мелких производителей. Кроме того, приспособляя свое хозяйство к получению высокой прибыли, т. е. к рынку, крупные капиталистические хозяйства сокращают посевные площади и этим самым вызывают повышение цен на сельскохозяйственные продукты, что ускоряет также упадок мелкого производителя и ухудшает положение наемных рабочих. **Всего этого не допускают русские общинные порядки.** Они не допускают этого потому, что характерной чертой их является — общинное владение с правом на равные доли, изъятия земли из товарооборота, отсутствие права наследования.

«Тот народ, у которого защищено общинное землевладение, никогда не останется без продуктов питания, наоборот, всегда будет иметь средства существования».¹

Но все же русские общинные порядки А. Пурцеладзе не считает конечным общественным идеалом, он считает, что с этого надо начать и двигаться вперед в сторону окончательного утверждения общественной собственности и владения не только землей, но и другими средствами производства, двигаться в сторону обобществленного производства.

Полный переход на общественную форму производства у А. Пурцеладзе вызывается общественным развитием. Обеспеченность, которую создают общинные порядки для народа, вызывает размножение народа, а задача удовлетворения возросшей потребности народа, вследствие его размножения, требует улучшения способов производства, с целью повышения производительности труда. Обобществлением производственных процессов, применением техники и улучшением плодородности почвы решается задача

¹ А. Пурцеладзе, «Общинное землевладение», стр. 30.

удовлетворения возросшей потребности народа. Раз необходимым является расширенное воспроизводство, распределение А. Пурцеладзе не мыслит, как переброску всего вновь созданного продукта в фонд личного потребления. Раз необходимым является расширение воспроизводства, общество должно создать фонды для покупки необходимой техники, удобрения и других средств производства, а также для содержания агрономов, без которых нельзя вести крупное хозяйство, решать связанные с искусственным удобрением вопросы, вопросы улучшения породы животных, агротехники, полеводства, садоводства и т. д., одним словом решить вопросы научного ведения крупного хозяйства.¹

Как явствует из вышеизложенного, А. Пурцеладзе способ распределения связывает с характером производства, с законами производства; он не отрывает распределение от производства, от законов производства. А. Пурцеладзе далек от лассалевской путаницы «о справедливом распределении», он ясно видит, что так называемый лассалевский «неурезанный доход» — фикция, которую отвергают законы расширенного социалистического воспроизводства. А. Пурцеладзе признает, что при социализме распределение не может иметь эксплуататорского характера, но труд при социализме не может идти только на покрытие потребительских нужд трудящихся, что немислимо развитие социалистического общества, если часть общественного труда не будет отдана на расширение производства, образование и управление.

А. Пурцеладзе понимал, что теория неурезанного трудового дохода — это ложная теория, так как при социализме общественный труд не может быть не направленным, с одной стороны, на покрытие растущих потребительских нужд трудящихся, и с другой на дальнейшее расширение производства.

¹ А. Пурцеладзе, «Общинное землевладение», стр. 31.

Знаменательно то, что на социалистические принципы распределения А. Пурцеладзе смотрел как на один из рычагов, закрывающих каналы возникновения паразитизма и накопления общественного богатства в руках немногих.

А. Пурцеладзе разбивает тезис, имеющий своим исходным пунктом теорию народонаселения шарлатана Мальтуса, что как будто «социализм не может устранить нищеты, обусловленной самой природой, а может лишь сделать ее всеобщей, равномерно распределив ее по всей поверхности общества».¹

А. Пурцеладзе не перестает подчеркивать преимущество социалистического коллективного труда, основанного на общественной собственности по сравнению с «индивидуальным» трудом, основанным на частной собственности. Полного расцвета народ может достигнуть только при социализме. Социализм обеспечивает мощное движение по пути прогресса. Критикуя мальтузианцев, А. Пурцеладзе указывает, что «обеспечить ровно всех счастьем—достижимо, и достижимо только объединенным трудом, товариществом»,² ибо сегодня не требуется доказывать, «что объединенный коллективный труд во сто раз производительнее, чем индивидуальный. Чем больше проходит времени, тем сильнее становится необходимым то обстоятельство, что труд должен быть коллективным, продукт труда должен принадлежать трудящемуся, капитал и прибыль должны представлять общественную собственность».³

Знаменательно замечание А. Пурцеладзе о роли машин, техники при социализме. Применение машин в условиях капитализма, указывает он, говорит о том, что этот строй пагубен для большинства народа, для трудовой его части, и этот строй необходимо заменить социализмом. Машина в условиях социализма не опасна,⁴ наоборот, уве-

¹ К. Маркс, «Критика Готской программы», стр. 22, изд. 1953 г.

² А. Пурцеладзе, «Человечество и народничество», стр. 68.

³ А. Пурцеладзе, «Человечество и народничество», стр. 69.

⁴ При социализме, пишет он, «—те машины, которые будучи в руках богатых губили бедных, облегчат народу труд и жизнь во сто раз», А. Пурцеладзе, «Общинное землевладение», стр. 32.

личивая производительность труда при социализме, она является необходимым условием для поднятия благосостояния народа, фактором мощного развития его интеллектуальных и физических способностей, облегчая труд и увеличивая в тысячу раз производительность труда, машина не истощает организма человека в процессе труда и, во-вторых, сокращая труд, необходимый для материального производства, тем самым дает возможность всем без исключения заниматься умственным трудом, что с своей стороны положительно повлияет на дальнейшее развитие культуры и науки. Раз сократится труд, необходимый для материального производства, тогда у всех будет возможность изучения природы, упражнения ума, научного исследования, развития философии, лучшей организации общего порядка; станет вполне возможным сблизиться с природой, познать ее законы и держать в руках управляющие ее пружины. Человеку откроется возможность властвовать над природой, легко подчинять ее».¹

Обеспечить народу физическое здоровье, процветание его физических и интеллектуальных сил, избавить его от опасностей голодной смерти — вот что может сделать социализм. Все это говорит человечеству о том, что выход только в социалистической организации труда, материального производства. Сознвая эти преимущества товарищеского труда, человечество пойдет по пути социализма, где все будут трудиться, все будут получать цену своего труда с вычетом только того, что необходимо для общих нужд развития общества.²

Социализм притягивает угнетенных и становится знаменем времени, знаменем тех, «кто должен защищаться, спастись от поглощения другими. Знамя всех обездоленных — коллективный труд, с правом трудящихся на полную цену за свой труд. Горе тем, кто не станет под это знамя, кто свернет с этого пути: где нет социализма, там господствует рабство и тирания».³

Из нашего изложения взглядов А. Пурцеладзе на со-

¹ А. Пурцеладзе, «Человечество и народничество», стр. 71.

² А. Пурцеладзе, «Человечество и народничество», стр. 71.

³ А. Пурцеладзе, там же.

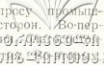

циализм видно, что в них имеются научные элементы и ряд правильных положений. Ценно в этих взглядах то, что осуществление социализма не мыслится реформистским путем. Но А. Пурцеладзе не поднялся до научного социализма и не понял, что основное орудие строительства социализма — диктатура пролетариата, а единственный социалистический класс — пролетариат, борьба которого прокладывает путь к социализму. Однако его социалистические взгляды были безусловно прогрессивными и играли положительную роль в развитии социалистического сознания масс в 70—80-х годах, ибо они звали к борьбе против существующих общественных порядков.

§ 5. О ПУТЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ГРУЗИИ

Мы не раз отмечали, что в своих политико-экономических взглядах А. Пурцеладзе по существу выражал демократическую тенденцию исторического развития и, таким образом, занимал почетное место среди грузинских передовых общественных деятелей. По вопросам экономического развития страны он стоял на передовых демократических позициях.

А. Пурцеладзе придавал особое значение для Грузии всестороннему развитию сельского хозяйства. Но народное хозяйство, указывал он, не исчерпывается одним сельским хозяйством, наряду с сельским хозяйством существует и выделенная от него промышленность, которая путем переработки сельскохозяйственных продуктов дает нам средства существования и, кроме того, — и это главное. — средства производства, технику производства, как их называет А. Пурцеладзе. Он, в отличие от некоторых дворянских либералов, требует дальнейшего развития промышленного производства. А. Пурцеладзе стоит за развитие промышленности в форме артелей и ассоциаций. Следует отметить, что А. Пурцеладзе занимает противоречивую позицию по вопросам промышленного развития Грузии. Часто это развитие представляется как чисто капиталистическое, но в его взглядах берет верх кооперативная форма промышленного развития. И здесь господ-

ствуют у него артели и ассоциации. К вопросу промышленного развития он подходит с разных сторон. Во-первых, он указывает, что задача обеспечения благосостояния народа требует промышленного развития. Для обеспечения экономической самостоятельности страны он не мыслит без развития национальной промышленности. Далее выдвигаются более частные мотивы — А. Пурцеладзе указывает, что интересы развития сельского хозяйства требуют развития национальной промышленности, которая тем самым создает рынок для сельскохозяйственных товаров и обеспечивает техникой сельское хозяйство.

Еще в 1882 году в своей газете «Иверия» известный общественный деятель Илья Григорьевич Чавчавадзе писал: «... Творцом нации и национального богатства были и будут только земля и плуг».¹ Антон Пурцеладзе ни в 70-х годах, ни позже не делал ставку только на развитие сельского хозяйства. Такую программу экономического развития он считает невыгодной для страны; он утверждал, что те, которые рост могущества страны видят только в развитии сельского хозяйства, исходят из устаревших теоретических положений физиокватов и их главы Ф. Кенэ. «Но в современных условиях сельскохозяйственное производство не представляет основу могущества страны, как учили Кенэ и физиократы. Главное могущество современных наций это торговля, промышленность и фабрики. В последнее время убедительно доказано, что только одно развитие сельского хозяйства губит народ, если упустим из рук торговлю, промышленность, фабрично-заводскую деятельность. Исследователи этого дела цифрами доказали, что где развиты промышленность, фабрично-заводская деятельность, торговля, там и сельское хозяйство получило более высокое развитие, нежели там, где народ больше занимается сельским хозяйством, чем промышленно-торговым делом. Но в тех странах, где благодаря фабрикам, промышленности, торговле высоко разви-

¹ И. Чавчавадзе, «Иверия», № 7, 1882 г.

лось сельское хозяйство, в этих странах гораздо более высокую прибыль приносят народу фабрики, торговля и промышленность, чем сельское хозяйство».¹

Правда, это писалось А. Пурцеладзе в 1895 году, но подобные мысли он развивал и в 1869 — 1871 годах. Он не переставал выступать за промышленное развитие Грузии. В 1871 году в «Мнатоби» в статье «Наша цель» он так обосновал необходимость промышленного развития страны: «у нас обильный урожай шелка и хлопка. Раз мы не умеем перерабатывать их, не умеем ткать ситец и шелк, то наше сырье направляется в чужие страны по грошевой цене, а оттуда мы получаем в переработанном виде по дорогой цене. Если бы у нас были знания и мы имели перерабатывающие фабрики и заводы для нашего сырья, тогда бы мы не имели такой дороговизны, какую имеем сейчас, потому что мы не платили бы за вывоз, за ввоз и т. д. Дешевизна вызвала бы улучшение материального положения народа и способствовала бы его культурному подъему и приобретению знаний».²

В работе «Человечество и народничество», написанной в 70-х годах, А. Пурцеладзе указывал: «Из всего выше сказанного ясно, что отсталый народ, если не хочет быть стертym с лица земли в этой скрытой, но более страшной, нежели другие формы, экономической борьбе, он должен энергично взяться за фабрично- заводское дело, за промышленность и коммерцию, занимаясь параллельно сельским хозяйством. Народ самое серьезное внимание должен обратить, в первую очередь, на развитие торговли и промышленности и остерегаться развития одного только сельского хозяйства, ибо в таком случае нацию ожидает страшный конец».³

В работе «Человечество и народничество» А. Пурцеладзе указывает, что для развития нации и ее благосостояния немалое значение имеют политические формы правления. Передовые формы правления способствуют выдвиг-

¹ А. Пурцеладзе, «Человечество и народничество», «Иверия», № 21, 1895 г.

² А. Пурцеладзе, «Наша цель», журн. «Мнатоби», 1871 г., стр. 93 — 94.

³ А. Пурцеладзе, «Человечество и народничество», стр. 68.

жению нации в ряды первых. «Большое значение имеет, пишет он, — в деле развития и успеха нации общественное положение нации, система демократического управления. Все те нации, у которых самоуправление, выборная система управления, и народ имеет возможность контролировать избранных, свое правительство, а так же установлен принцип разноправия, такие нации выдвигаются вперед в мире».¹

А. Пурцеладзе в работе «Человечество и народничество» придает большое значение и экономике. Он указывает, что для того, чтобы нация быть передовой, нужны не только демократические формы правления, но и экономическая сила; нация должна быть сильна в экономическом отношении, тогда только она может сохранить, развить демократический строй, обеспечить свою самостоятельность, избежать колониального режима. Он указывает, что нация, если она не хочет быть превращена в колонию капиталистическими хищниками, должна иметь свою развитую промышленность, торговлю, сельское хозяйство.

У И. Чавчавадзе развитие промышленности, особенно посредством привлечения иностранного капитала, вызывало боязнь и он был против всестороннего развертывания товарно-денежных отношений в стране; он ратовал за урегулирование этих отношений, опасаясь, что развитие товарно-денежных отношений и промышленности свяжет Грузию с рынками, вызовет приспособление ее экономики к рынкам и разделение труда в стране, диктуемое рыночной конъюнктурой. В случае потери рынка, — утверждал И. Чавчавадзе, — страна окажется в катастрофическом положении, не имея возможности прокормить себя, так как фундаментом ее экономики является не сельское хозяйство, а торговые отрасли экономики. И потому И. Чавчавадзе признавал в целях сохранения самостоятельности страны и обеспечения ее благополучия, необходимость развития сельского хозяйства в такой мере, чтобы оно обеспечивало страну всеми средствами существования.² Причем в 70 — 80 годах он ограничивал в известной мере

¹ А. Пурцеладзе, «Человечество и народничество», стр. 60.

² Подробно о социальных взглядах И. Чавчавадзе см. монографии П. Ратиани о нем, а также В. Бахтадзе, Очерки..., стр. 175—188 и др., на русс. языке, изд. ТГУ, 1960 г.

товарно-денежные отношения в области сельского хозяйства. Он был против перевода сельского хозяйства на капиталистический путь развития. Его идеалом было мелкое товарное хозяйство. А. Пурцеладзе в эти годы выступает против чавчавадзевского понимания экономической развития страны; он категорически заявляет: сельское хозяйство не может обеспечить страну ни передовыми политическими порядками, ни самостоятельностью, ни благополучием народа. Грузия немедленно должна стать на путь промышленного развития, не откладывая дело до осуществления социализма, в противном случае она будет раздавлена в «этой безжалостной экономической борьбе, которая так обострена между народами».¹

Насколько выгодно для нации развитие промышленности и торговли, доказывается, по утверждению А. Пурцеладзе, высокой доходностью этих отраслей народного хозяйства. «Из этих данных ясно видно, пишет он, какую силу содержит в себе промышленность, торговля и как бессильно без этих отраслей сельское хозяйство. Ясно, что это так должно быть. Если рядом с земледельцем не находится фабрика, нет около него покупателя, торговца, то продукт своего труда и земли он должен направлять в те чужие страны, где имеются отрасли промышленности, перерабатывающие сельскохозяйственное сырье. И поскольку эти страны находятся далеко от стран сельского хозяйства, постольку земледелец должен отдать свой продукт по низшим ценам. Таким образом, та прибыль, которую должны были получить местные торговцы, если бы внутри страны имелись сырьеперерабатывающие фабрики и т. д., остается в руках иностранного купца. Страна терпит убыток, благодаря вынужденному вывозу сырья в промышленные страны. Но страна терпит убытки не только от экспорта сырья, но и при ввозе переработанного сырья из чужих стран. И так как страны, перерабатывающие сырье, отдалены от стран — покупателей, цены на эти товары высоки. И торговцы получают более высокую прибыль при отдаленности и плохих дорогах и эта прибыль тоже вывозится в чужие страны. Ясно, что сельскохозяйственные страны не могут конкурировать со странами с развитой промышленностью и торговлей».²

¹ А. Пурцеладзе, «Человечество и народничество», стр. 61.

² А. Пурцеладзе, там же, стр. 64 — 65.

А. Пурцеладзе указывает, что только развитая промышленность создает мощный стимул и возможность для процветания сельского хозяйства.¹

Однбокое развитие сельского хозяйства вызывает истощение почвы, а последнее — понижение урожайности. А. Пурцеладзе констатирует, что сельскохозяйственные страны бедны, а промышленные страны с сельским хозяйством, т. е. промышленно-аграрные страны богаты, свободны.² Отсюда вывод: необходимо развить в Грузии промышленность, чтобы вывести страну из бедности. Требуя направить страну на путь промышленного развития, А. Пурцеладзе ничуть не задумываясь о конкретных возможностях этого развития, мечтает о том, чтобы хоть в конечном итоге это развитие было направлено по социалистическому пути, в форме ассоциации. При анализе его произведения создается впечатление, что в понимании автора капиталистически развитая промышленность создает материальные условия для ликвидации частной собственности в промышленности и утверждения общественной собственности, кооперативно-объединенного труда и получения «полной цены за труд».³

§ 6. БОРЬБА А. ПУРЦЕЛАДЗЕ ПРОТИВ КОЛОНИАЛИЗМА

В развернутой идейной борьбе по национальному вопросу во второй половине XIX века А. Пурцеладзе занимал передовую позицию. Национальный вопрос по разному решали разные идейные течения, отражавшие отношения классов по национальному вопросу. Наиболее реакционные теории защищала и реакционно решала национальный вопрос верхушка класса помещиков, крупные землевладельцы и крупные чиновники, вышедшие из среды крупных помещиков; буржуазный либерализм вырабатывал национальную программу с точки зрения грузинской буржуазии, программу национальных перегородок и национальной замкнутости, отвечающей рыночным интере-

¹ А. Пурцеладзе, «Человечество и народничество».

² А. Пурцеладзе, «Человечество и народничество».

³ А. Пурцеладзе, «Человечество и народничество».

сам слабой грузинской буржуазии. А. Пурцеладзе подошел к национальному вопросу с позиции революционного демократа, с точки зрения революционно-демократического движения.

Во-первых, А. Пурцеладзе разоблачает теоретические теории, которые явились оправданием национального гнета и политики насильственной «ассимиляции» народов и которые были выдвинуты грузинскими помещичьими реакционерами. А. Пурцеладзе разоблачает отечественных реакционных «социал-дарвинистов», которые утверждали, что история развития народов подчиняется основному историческому закону борьбы за существование, что если какой-нибудь народ ослаб в этой борьбе, стал малым, то он обречен на исчезновение, его удел быть ассимилированным, поглощенным сильным народом. Закон борьбы за существование — сильные народы побеждают, слабые гибнут. А. Пурцеладзе показал, что, во-первых, законы развития природы нельзя смешивать с законами развития истории и народов; во-вторых, что закон борьбы за существование не является ни законом исторического развития, ни законом развития народов, что развитие народов, его подъем или падение — сложный исторический процесс и определяется многообразными историческими условиями, в которых приходится существовать и бороться народу.

Если в современных условиях или в прошлом происходили порабощения, угнетения или исчезновения народов, то виной этого являются существующие негодные общественные отношения, феодальные, капиталистические; слабость или подъем, процветание каждого народа, зависят от внешних условий и от внутренней социальной организации самого народа.

А. Пурцеладзе разоблачил так называемую возрастную теорию развития народов и наций. По этой теории народы и нации суть социальные организмы, которые подчинены биологическим законам, как вообще живые организмы, как например, человек: они имеют свое младенчество, зрелость и старость. Народы и нации «старческого возраста» неминуемо умрут и умирают, как гибнут ста-

рые биологические организмы, так как они не имеют реальной силы для существования и развития.

А. Пурцеладзе показал абсурдность, ненаучность этой реакционной теории, по которой выходило, что молодые нации имеют право господства и развития по отношению, ассимиляции и национального угнетения к старикам народов — «стариков».

Возражая против реакционной «биологической социологии», возрастной теории развития народов и нации, А. Пурцеладзе указывал, что выдумкой и ложью является положение Дрепера о старости Европы; разве, говорит он, в Европе не происходит борьба между старым и новым, и разве прогрессивные силы Европы не борются за то, чтобы устранить старые отношения и породить новые, «где все должны быть равными в производстве, в политике, в общественной жизни».¹ Посмотрите на Францию, говорит А. Пурцеладзе, «разве Америка показывает стремление к новым социальным отношениям, которое имеет место во Франции. Серьезное изучение существующих социально-экономических отношений, выяснение их характера и показ будущего говорят разве о приближении старости Франции и подтверждает мысли Дрепера?» Или, пишет А. Пурцеладзе, пример Америки не противоречит теории Дрепера, по которой Америка, как молодая нация, должна стоять на низком уровне культуры и общественного развития.²

Критикуя «биологическую социологию» Дрепера, возрастную теорию возникновения и развития народов, А. Пурцеладзе сам не разобрался в этом вопросе; но в его взглядах есть рациональное зерно: «подъем или расцвет того или иного народа зависит не от биологических законов», народы суть не биологические организмы, а социальные, судьба каждого народа в конечном счете определяется внутренним его общественно-государственным порядком самого народа, от того, какие политико-экономические порядки господствуют в стране передовые или отсталые. Он утверждает, что в странах феодализма не

¹ А. Пурцеладзе, статья «Грузия», журн. «Мнатоби», № 1, 1872 г., стр. 165.

² Там же, стр. 167.

биологические законы являлись причиной отсталости, а долгое господство феодализма; чтобы понять развитие того или иного народа, нации, объяснить нынешнее ее положение, нужно обратиться к историческим фактам биологии, ибо господство отсталых социальных отношений, как, например, крепостничество, обрекают народы на застой, на слабость.

Национальный вопрос в Грузии, по мнению А. Пурцеладзе, разные либералы хотят превратить в самодовлеющий, главный вопрос освободительного движения, тогда как основным вопросом является вопрос социальный, вопрос перехода от негодных социальных отношений к хорошим социальным отношениям. А. Пурцеладзе утверждает, что главное — стремиться к социальному перевороту, к слому старых экономических отношений, что демократизация политики и экономики, осуществление социализма попутно решает и социальный вопрос.

А. Пурцеладзе, в отличие от буржуазных либералов, был проникнут духом интернационализма, он был непримиримым врагом национальных привилегий, он требовал уважения к правам и интересам всех народов, населяющих земной шар. Он не верил в патриотизм господствующего класса, он понимал, что господствующие классы, крича о патриотизме, свои классовые интересы ставят выше, чем национальные.

Патриотизм он понимал, как борьбу за счастье своего народа. Любовь к своей родине он всегда сочетал с уважением достоинства другого народа. Он был врагом деления народа на избранных и на неизбранных, и указывал что это выдумка реакционных сил мировой истории.

§ 7. ВОПРОСЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ В ТРУДАХ А. ПУРЦЕЛАДЗЕ

Взгляды, развиваемые А. Пурцеладзе по проблемам политической экономии, это взгляды деятеля, представляющего интересы мелкого производителя, в условиях разложения феодализма и возникновения и развития капитализма, и рабочего, еще не осознавшего своей исторической роли и питавшегося иллюзиями.

Заслугой А. Пурцеладзе перед грузинской общественно-экономической мыслью является постановка вопроса о **противоречиях капитализма**. Но разобраться в закономерностях развития капитализма он не сумел. Несмотря на то, что его критика капитализма ведется трудящихся и несмотря на то, что развиваемые им взгляды на проблемы политической экономии отражают и мелкобуржуазную точку зрения, А. Пурцеладзе имеет известные научные заслуги перед политической экономией Грузии. Показать слабые и сильные стороны его взглядов по вопросам политической экономии является нашей задачей в данном случае.

Понимание предмета политической экономии у А. Пурцеладзе не выходит за рамки понимания экономического романтизма. Основной задачей политической экономии А. Пурцеладзе ставит критику капитализма и тех способов производства, основой которых являлась частная собственность. По мнению А. Пурцеладзе политическая экономия должна показать, что возникновением и развитием частной собственности вызвано социальное неравенство, деление людей на богатых и бедных. Показав это, политическая экономия, по мнению А. Пурцеладзе, должна найти такую форму общественной организации, которая исключает частную собственность, эксплуатацию, экономическое и классовое неравенство.

Таким образом, политическая экономия есть наука, которая в своей критической части обосновывает нецелесообразность частнособственнических отношений в любой их форме, а в своей позитивной части политическая экономия есть учение о **должном**, она должна **конструировать** такую форму общественных отношений, которая дает возможность осуществить социально-экономическое равенство людей. Борясь за дискредитацию религиозных учений, за выкорчевывание их влияния на народные массы, А. Пурцеладзе огромное значение в деле разгрома религиозных предрассудков, в деле дискредитации капитализма и утверждения социалистических отношений, придавал развитию общественных и естественных наук.

В 1874 году в своем «Общинном землевладении» А. Пурцеладзе указывал, что сравнительно с другими науками наука об обществе еще молода: по его мнению, она

должна указать пути установления братства, единства и равенства.

Политическая экономия — общественная наука, она уже доказала, утверждает А. Пурцеладзе, вместе с психологией, что «частная собственность является причиной неравенства людей и деления их на богатых и бедных, особенно частная собственность с правом наследования. Политическая экономия показала гибельность для трудящихся частно-собственнических отношений, доказала необходимость замены этих отношений такими порядками и отношениями, которые требуются для социального и экономического равенства людей».

Ясно, что такое определение предмета политической экономии ничего общего не имеет с научным пониманием предмета политической экономии. А. Пурцеладзе политическую экономию превращает в абстрактную, субъективистскую науку, в науку о должном. В его политической экономии социализм выводится не из действительности, социализм представляется не как результат хода исторического развития, а как какое-то **желаемое**, которое выводится из **головы**, причем обосновывается необходимостью его введения требованиями **человеческой** морали.

Вопросам стоимости А. Пурцеладзе уделяет немалое внимание, но вопросы, связанные с теорией стоимости, он не выделяет как отдельный объект анализа. Анализ стоимости у А. Пурцеладзе вкраплен в труды, где он дает критику капитализма или критику разных вариантов утопического социализма и апологетических буржуазных теорий, прикрывающих противоречия капитализма и идеализирующих его. В вопросах теории стоимости он находится в плену мелкобуржуазной морали и справедливости, в теорию стоимости А. Пурцеладзе вносит этический момент, т. е. исходя из теории, что труд источник богатства, он считает эксплуатацию несправедливой и требует ее уничтожения. А. Пурцеладзе защищает теорию трудовой стоимости, и она является **основой** его критики капитализма, с точки зрения мелкого производителя.

Что такое стоимость в понимании А. Пурцеладзе? Стоимость — это овеществленный в товаре труд рабочего и мелкого производителя; величина ее определяется количеством труда, потраченным на производство продукта.

т. е. товара. Считая, что величина стоимости определяется затраченным на производство товара трудом, он не ставит вопроса о том, каким именно трудом определяется величина стоимости. Категория общественного труда, как определяющая величины стоимости, для А. Пурцеладзе отсутствует. Кроме того А. Пурцеладзе между продуктом труда и товаром ставит знак равенства и нигде не рассматривает товар как форму продукта труда. У Пурцеладзе отсутствует и категория абстрактного труда.

А. Пурцеладзе выступает против тех школ буржуазной политической экономии, которые меновую стоимость товаров определяют потребительной стоимостью. А. Пурцеладзе утверждает, что те количественные пропорции, по которым продукты труда обмениваются друг на друга и которые устанавливаются между товарами при обмене, не представляют собой чисто случайные пропорции и не определяются потребительной стоимостью. В основе тех пропорций, по которым обмениваются товары, лежит их стоимость, трудовые затраты, труд.

А. Пурцеладзе не разбирает вопроса, как приравниваются продукты самого сложного труда к продукту простого труда, проблемы редукции он не замечает. Труд является регулятором меновых отношений при капитализме, за исключением самого труда, который не оплачивается по полной цене.

А. Пурцеладзе теорию трудовой стоимости поворачивает против капитализма и обосновывает необходимость введения социалистического строя, теорию трудовой стоимости он ставит на службу интересов мелкого производителя и рабочего. Для него теория трудовой стоимости — это теоретическая база для доказательства несправедливости существования капиталистических отношений и необходимости их ликвидации.

И действительно, что происходит при капитализме по утверждению А. Пурцеладзе? Капитализм нарушает закон стоимости, уклоняется от справедливости. Раз труд является источником богатства, создателем продукта, создателем стоимости, то ясно, что результат труда должен принадлежать тому, кто создает продукт, стоимость. Капиталист не имеет права полностью не оплачивать труд, ведь

он ничего не создает, капиталисты — непроеводительный класс.

Из теории стоимости А. Пурцеладзе делает революционный вывод: раз стоимость создается трудом, труд должен полностью доставаться производителю. Он считает, что капиталисты не имеют права нарушать нравственный закон, по которому всякий человек имеет право владеть всем тем, что он создал своим честным трудом. Капитализм является несправедливым общественным строем, раз нарушает этот неизблемый закон этики. А. Пурцеладзе не может примириться с капитализмом, раз капитализм является несправедливым строем, и требует замены его социализмом, который способен осуществить закон стоимости и право рабочего на продукт труда.

«Деньги, капитал и товар имеют стоимость благодаря тому, что они суть продукты труда. К чему не приложен труд то не имеет стоимости. Следовательно, кто трудился, тому и должен принадлежать продукт».¹

Но что мы видим при капитализме, спрашивает А. Пурцеладзе и отвечает: при капитализме бедные трудятся, следовательно и создают продукт труда, но этим продуктом владеют и пользуются богатые (т. е. капиталисты).²

В своей своеобразной теории трудовой стоимости и в сделанных им на базе этой теории выводах, А. Пурцеладзе отразил чаяния и стремление рабочего, который, еще не осознав своей исторической роли и не имея представления о настоящих путях ликвидации капиталистической эксплуатации пытался разными утопиями и чаяниями мелкого производителя города и деревни, который боялся конкуренции крупного производства, который был бит и опасался быть битым конкуренцией крупного производства, который вздыхал о таком обществе, где без всяких исключений продукты обменивались бы по их трудовой стоимости, т. е. сохраняя товарное производство, стремился устранить присущие ему законы.

Выходит, что политическая экономия А. Пурцеладзе,

¹ А. Пурцеладзе, «Полезны или нет для народа сельскохозяйственные банки», журнал «Пахарь» («Гутинис деда»), № 6, 1875 г.

² Там же.

политическая экономия трудящихся, в которой оставлено место и для мелкобуржуазной, романтической критики капитализма, — это видно на примере рассмотрения вопроса **цены и стоимости** в капиталистических условиях. А. Пурцеладзе утверждает, что благодаря тому, что при капитализме существует возможность несоответствия спроса и предложения, цены отклоняются от настоящего своего **основания**, от стоимости, в результате чего трудящиеся не получают полной цены своего труда и разоряются. Таков результат нарушения капитализмом закона стоимости в **сфере обращения**.

Итак, что из себя представляет капитализм в сфере производства и в сфере обращения для рабочих и для мелких производителей. Рабочих эксплуатируют на капиталистическом производстве. Рабочий на производстве трудится, создает стоимость, продукт труда и имеет право получить полную цену своего труда, т. е. полный продукт труда, но это так не делается — он получает в виде зарплаты мизерную часть своего затраченного труда.

Так обстоит дело в капиталистическом производстве, а в обмене, благодаря отклонению цен от стоимости мелкие производители не могут реализовать продукты своего труда по содержащейся в них стоимости и разоряются.

А. Пурцеладзе требует создания **условий для возможностей** эквивалентного обмена. По мнению А. Пурцеладзе, капитализм, благодаря присущим ему противоречиям, исключает возможность эквивалентного обмена.

Приведем высказывания А. Пурцеладзе о цене и стоимости.

«Нам говорят представители старой экономической школы, — пишет А. Пурцеладзе, — что основой цены является спрос и предложение. При превышении спроса над предложением повышаются цены товара, при превышении предложения над спросом происходит наоборот — понижается цена товара. Это значит, что спрос и предложение являются причинами колебания цен, а не основой цены. Мы говорим, что колебание цен может вызвать не всякий спрос, а только **состоятельный спрос** (т. е. высокая покупательная способность — Г. М.). Основа цены сама цена (т. е. стоимость — Г. М.), на производство товара

затраченный труд, физический и умственный. Не трудится человек, не будет и продукта труда, даже если будет миллион покупателей. Всякий одинаковый труд имеет и одинаковую стоимость. К чему не приложен человеческий труд, не имеет и стоимости. Почему несмотря на это некоторые предметы, в которых не овеществлен человеческий труд, имеют не только цену, но и чрезмерно высокую цену? Почему состоятельный спрос имеет такую силу, что может вызвать повышение или понижение цены? Ответ на эти вопросы можно дать только один. Это потому, что богатые имеют большие накопления, в их распоряжении миллионные средства. Поэтому, раз состоятельному спросу что-то понадобится, причем это что-то имеется в малом количестве, а спрос достаточно большой и конкурентов среди покупателей много, тогда человек с состоятельным спросом покупает товар не по своей стоимости, т. е. не по величине овеществленного в товаре труда, а платит больше, гораздо больше стоимости товара, во-первых, потому, что состоятелен, а во-вторых, не беспокоится, потому что хорошо знает, что переплаченное он возместит эксплуатацией своих рабочих. Измените это обстоятельство, чтобы богатые не могли покупать по повышенным ценам, и вы увидите, что продукты равны труда и усилия будут иметь равную цену, т. е. у всех трудящихся останется в своих руках цена своего труда».¹

Позже, в другой своей работе А. Пурцеладзе заявлял, что человеческий труд является субстанцией стоимости и указывает, что великий экономист К. Маркс ясно доказал это. А. Пурцеладзе представителей классической политической экономии А. Смита и Д. Рикардо считал представителями теории трудовой стоимости, и их великой заслугой именно то, что они защищали и развивали теорию трудовой стоимости.

Чтобы показать, что спрос и предложение вызывают только отклонение цен от стоимости и не могут определить ни уровень цен, ни величины стоимости, что первую определяет стоимость товара, а величина стоимости в свою очередь определяется количеством овеществленного в това-

¹ А. Пурцеладзе, «Значение банков», журнал «Пахарь», № 9, 1875 г.

ре труда А. Пурцеладзе ссылается на Маркса и для выяснения роли спроса и предложения, а также стоимости в деле образования цен он приводит высказывание Маркса, причем не совсем удачно, ибо в приводимом Маркс стремится выяснить сущность заработной платы, как бессильна классическая политическая экономия согласовать факты капиталистической действительности с теорией стоимости, не имея понятия об отличии труда от рабочей силы, от «цены труда», от стоимости рабочей силы.

Вот что пишет Маркс, по свидетельству А. Пурцеладзе, о цене товара, о стоимости и о спросе и предложении: «Классическая политическая экономия без всякой критики позаимствовала у обыденной жизни категорию «цена труда», чтобы поставить затем вопрос: чем определяется эта цена? Она быстро убедилась, что изменение отношения между спросом и предложением ничего не может объяснить в цене труда, как и в цене всякого другого товара, кроме ее изменения, т. е. колебания рыночных цен ниже или выше определенной величины. Если спрос и предложение покрывают друг друга, то при прочих равных условиях прекращается колебание цен. Но тогда спрос и предложение перестают и объяснять, чтобы то ни было».¹ Из этого явствует, — продолжает А. Пурцеладзе от имени Маркса, — что ценой товара и ценой труда является труд, который не зависит от спроса и от количества товаров и выражает естественную цену».²

Если подытожим все сказанное А. Пурцеладзе о теории трудовой стоимости, получится следующее: во-первых, он терминологически не отличает «цену» от стоимости, он их путает, под одним термином «цена» он подразумевает то цену товара, как денежное выражение стоимости, то стоимость товара. Субстанцией стоимости А. Пурцеладзе считает труд, величину стоимости он определяет количеством труда, затраченным на производство товара. Цены, которые он считает денежным выражением стоимости, имеют тенденцию колебания ниже и выше стоимости.

¹ К. Маркс, «Капитал», т. I, изд. 1950 г., стр. 539—540.

² А. Пурцеладзе, «Значение банков».

которая представляет основу. Колебание цен вызвано колебанием спроса и предложения, когда спрос превышает предложение, т. е. товаров мало, как выражается в Пурцеладзе, а состоятельных покупателей много, цены поднимаются вверх, когда наоборот — вниз от стоимости. Нарушение равновесия между спросом и предложением при капитализме А. Пурцеладзе объясняет существованием состоятельных людей, существованием состоятельного спроса, т. е. если капиталистов не было бы и они были бы удалены, тогда не искажался бы закон стоимости и происходил бы эквивалентный обмен.

Во взглядах А. Пурцеладзе по вопросу **цены** товаров важно то, что он борется против тех буржуазных теорий, которые объясняют цены колебанием спроса и предложения, он понимает, что отношение между спросом и предложением объясняет отклонение цен от стоимостей, он понимает, что в результате постоянных колебаний спроса и предложения цены товаров постоянно колеблются, но он утверждает и твердо убежден, что центром, вокруг которого происходят эти колебания, является стоимость, не спрос и предложения меняют центр колебания цен товаров, а величина самой стоимости, которая в свою очередь зависит от изменения количества труда, необходимого для производства товара.

Но А. Пурцеладзе, как видно из нашего изложения его взглядов, не мог научно объяснить, от чего зависят колебания спроса и предложения в товарно-капиталистическом хозяйстве? Эти колебания он приписывает, главным образом, существованию состоятельного спроса, т. е. существованию буржуазии, а не присущим противоречиям капиталистического хозяйства, которые порождают в нем анархию производства и вечные колебания спроса и предложения. Перейдем к изложению взглядов А. Пурцеладзе о деньгах и банках. Свои взгляды А. Пурцеладзе на деньги, денежное обращение развил в борьбе против прудонизма и теории рабочих денег. В борьбе с разными мелкобуржуазными и утопическими теориями он сам оставался на мелкобуржу-

азной точке зрения, его система взглядов на эти мирор-
сы, — как мелкобуржуазная система взглядов. — содер-
жит научные элементы. Ясно, что невооруженный марк-
систским мировоззрением, А. Пурцеладзе не мог не рас-
критиковать ни прудонизм,¹ ни представителем теории
рабочих денег.

Изложение своих взглядов на деньги он начинает с
вопроса возникновения денег. Как возникли деньги по
его представлению? Его взгляды на этот вопрос примыка-
ют к договорной теории или теории соглашения. А. Пур-
целадзе не понимает, что «денежный кристалл есть необ-
ходимый продукт процесса обмена, в котором разнород-
ные продукты труда фактически приравниваются друг к
другу и тем самым фактически превращаются в товары.
Исторический процесс расширения и углубления обмена
развивает дремлющую в товарной природе противопо-
ложность между потребительной стоимостью и стои-
мостью. Потребность дать для оборота внешнее выраже-
ние этой противоположности ведет к возникновению само-
стоятельной формы товарной стоимости и не дает покоя
до тех пор, пока задача эта не решается окончательно пу-
тем раздвоения товара на товар и деньги. Следовательно
в той же самой мере, в какой осуществляется превраще-
ние продуктов труда в товары, осуществляется и превра-
щение товара в деньги».²

Развитие товарного хозяйства приводит к необходи-
мости возникновения всеобщего эквивалента. «По мере
того как обмен товаров разрывает узко-локальные грани-
цы и поэтому товарная стоимость вырастает в материа-
лизацию человеческого труда вообще, форма денег пере-
ходит к тем товарам, которые по самой своей природе
особенно пригодны для выполнения общественной функ-
ции всеобщего эквивалента, а именно к благородным
металлам».³

¹ «Взгляды Прудона, — пишет А. Пурцеладзе, — не оригиналь-
ны, они раньше его были высказаны Греем и Ф. Криманзелом,
Прудон взял все от них». А. Пурцеладзе, «Банки, деньги», стр. 20.

² К. Маркс, «Капитал», т. 1, стр. 93—94.

³ К. Маркс, там же, стр. 96.

А. Пурцеладзе не понял необходимости возникновения денег, не понял, что «...деньги — не продукт размысливания и соглашения, а созданы инстинктивно в процессе обмена...»,¹ что появление денег результат развития существующих противоречий товарному производству, между частным и общественным трудом, конкретным и абстрактным трудом, потребительной стоимостью и стоимостью, не понял он и сущности денег.

По нашему мнению, его взгляды на сущность денег примыкают ко взглядам Чернышевского, который существенно отличие денег от других товаров видел в том,² что «...деньги служат всеобщей покупательной силой, дают возможность удовлетворения не одной какой-нибудь потребности, как дает продукт, прямо служащий для потребления, а общую возможность удовлетворения всяким вообще наклонностям и желаниям».³ Подобно Чернышевскому, А. Пурцеладзе по существу отличает деньги, как всеобщую потребительскую стоимость, от товаров, как особенных потребительных стоимостей, и считает их орудием обмена.

Подобно Чернышевскому, А. Пурцеладзе близко подошел к пониманию классовой сущности денег — он их считает в капиталистических условиях орудием эксплуатации. Деньги, утверждает А. Пурцеладзе, способствуют концентрации богатств в руках имущих, содействуют росту экономического неравенства и имущественной дифференциации, деньги являются важным орудием экономического господства богатых над бедными.

А. Пурцеладзе стоимость денег определял трудом, необходимым для его производства, он не был сторонником

¹ Карл Маркс, «К критике политической экономии»; К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XII, ч. I, стр. 36.

² О взглядах Чернышевского о деньгах, см. Э. Я. Брегель — «Денежное обращение и кредит капит. госуд.», стр. 392, а также его статью «Сущность и роль денег в освещении Чернышевского», «Советские финансы», № 8, стр. 32—39. См. также проф. Г. А. Козлов, «Теория денег и денежного обращения», стр. 77 и далее.

³ Н. Г. Чернышевский, «Очерки из политической экономии (по Миллю)», Избранные экономические произведения, т. III, ч. 2, Госполитиздат, 1949 г., стр. 308.

количественной теории денег, определяющей стоимость денег количеством денег в обращении. Бумажные и кредитные деньги А. Пурцеладзе правильно рассматривает как знак или представителя денег.

А. Пурцеладзе правильно сформулировал закон обращения бумажных денег.

Сильное влияние Чернышевского на А. Пурцеладзе чувствуется еще и в том, что он, как и Чернышевский, в противоположность Прудону и Грею не считал власть денег причиной присущих капитализму внутренних противоречий и потому, подобно Чернышевскому, решительно отвергал утопические проекты исцеления капитализма от всех его язв и болезней путем преобразования денежной системы. Подобно Чернышевскому, он был совершенно чужд утопии «рабочих денег». Его критика теории «рабочих денег» содержит мало научных элементов, но исходная ее позиция правильна. Это то, по его правильному утверждению, что деньги являются не коренными фактами, а производными и «потому бороться против самого этого факта совершенно напрасно, надобно обратиться к понятиям и фактам, его порождающим».¹

Корень зла заключается, по А. Пурцеладзе, не в деньгах, как таковых, а в капиталистической системе хозяйства в целом, и поэтому, в противоположность мелкобуржуазным утопистам, А. Пурцеладзе понимал, что ключ к общественному преобразованию и исцелению от капиталистических язв лежит не в реформе денежной системы, а в указанной Марксом «экспроприации экспроприаторов»,² т. е. в коренном изменении самого способа производства. Правда, А. Пурцеладзе по цензурным условиям не мог разъяснить нам, как он понимал путь, указанный Марксом — «экспроприацию экспроприаторов». Он указал только, что он не согласен с некоторыми, неправильно толкующими Маркса в этом вопросе. Но это не меняет сути дела. Из высказываний А. Пурцеладзе ясно видно его убеждение, что частичные реформы, вроде реформы

¹ Н. Г. Чернышевский, Избранные произведения, т. III, ч. 2, стр. 563, примечание 120.

² А. Пурцеладзе, «Десять врагу—один другу», журн. «Светоч», № 9, стр. 43, 1872 г., а также его «Банки, деньги и их значение», стр. 43.

денежно-кредитной системы, не вызовут никаких общественных преобразований и не уничтожат капиталистические противоречия и эксплуататорских отношений.

Несколько правильных мыслей высказал А. Пурцеладзе о природе бумажных денег, о законах бумажного обращения, хотя в вопросах, связанных с бумажными деньгами, у него очень много неясных и противоречивых положений.

Бумажные деньги — знак стоимости по А. Пурцеладзе. Но это положение не нашло в его статьях развернутого обоснования. Он не заостряет внимания на вопросе: «почему же золото может быть замещено не имеющими никакой собственной стоимости знаками его самого?»¹ Он не уяснил себе, что «если само обращение денег отделяет реальное содержание монеты от номинального содержания, отделяет ее металлическое существование от ее функционального существования, то в нем уже скрыта возможность заместить металлические деньги в их функции монеты знаками из другого материала или простыми символами».²

Он не понимает, что «лишь постольку, поскольку в процессе обращения золотые деньги сами становятся простым знаком своей собственной стоимости, лишь постольку могут их замещать простые знаки стоимости».³

А. Пурцеладзе не уяснил себе, что причина существования бумажных денег связана с развитием обращения, конкретно с тем фактом, что «монетное существование золота окончательно отделяется от его стоимостной субстанции. Благодаря этому вещи, относительно не имеющие никакой стоимости, — бумажки, получают возможность функционировать вместо него в качестве монеты. В металлических денежных знаках их чисто символический характер еще до известной степени скрыт. В бумажных деньгах он выступает с полной очевидностью. Как видим... (труден только первый шаг)».⁴

¹ К. Маркс, «Капитал», т. 1, стр. 133.

² Там же, стр. 132.

³ К. Маркс, «К критике политической экономии», стр. 133, изд. 1932 г.

⁴ К. Маркс, «Капитал», т. 1, стр. 133.

Развитие функционирования бумажно-денежного обращения А. Пурцеладзе правильно связывает, с одной стороны, с развитием рыночных отношений, с возникновением и развитием капитализма с его национальным рынком, с другой стороны, созданием кредитной системы.

Касаясь закономерности бумажно-денежного обращения, А. Пурцеладзе отмечает, что нормальное функционирование бумажных денег возможно в том случае, как это установил Маркс, если в обращение брошено столько бумажных денег, сколько необходимо золота. «Функционирование бумажных денег, как денег, возможно только тогда, когда они функционируют как представители золота, если бумажных денег выпущено в обращение столько, сколько необходимо золота или серебра, символами которых являются бумажные деньги».¹

Таким образом, высказывания А. Пурцеладзе о законе обращения бумажных денег примыкает К. Марксом в «Капитале» сформулированному известному положению: «Бумажные знаки, на которых напечатаны их денежные названия, как, например, 1 ф. ст., 5 ф. ст. и т. д., бросаются в процессе обращения извне государством. Поскольку они действительно обращаются вместо одноименных сумм золота, они отражают в своем движении лишь законы самого денежного обращения. Специфический закон обращения бумажных денег может возникнуть лишь из отношения их к золоту, лишь из того, что они являются представителями последнего. И закон этот сводится просто к тому, что выпуск бумажных денег должен быть ограничен тем их количеством, в каком действительно обращалось бы символически представленное ими золото (или серебро)».²

Стало быть, по правильному утверждению А. Пурцеладзе относительная стоимость бумажных денег зависит от того, насколько их количество соответствует количеству золота, необходимого для обращения. Если, указывает А. Пурцеладзе, бумажных денег в несколько раз больше, чем должно было быть золота в обращении то бумажные

¹ А. Пурцеладзе, «Банки, деньги и их значение», стр. 25, 1883 г., на груз. языке.

² К. Маркс, «Капитал», т. I, стр. 134.

деньги соответственно обесцениваются. Рассматривая вопрос обесцениения бумажных денег, он не отличает «обесцениение» от инфляции. Из причин, которые вызывают обесценивание, он знает только одну причину — чрезмерный выпуск бумажных денег. Он не рассматривает вопрос влияния обесцениения денег и инфляции на трудовые массы населения и на народное хозяйство. Нет анализа классовой сущности инфляции. **А. Пурцеладзе пришлось анализировать капиталистический кредит и банки.** Он показал лицо представителей докапиталистических ростовщиков и купцов, действующих в Грузии как в городе, так и в деревне. Он их показывает как врагов и безжалостных кровопийц мелкого производителя города и деревни.

Не заостряя внимания на вопросе возникновения ростовщичества и на условиях существования ростовщического кредита в докапиталистических способах производства, А. Пурцеладзе немало внимания уделяет ростовщичеству в современных ему условиях. Корни существования ростовщичества А. Пурцеладзе видит в развитии товарно-денежных отношений. Он наглядно показал, что невероятно высокий ростовщический процент и жесточайшая ростовщическая эксплуатация грузинского крестьянства и до, и после крестьянской реформы, главным образом связана и обусловлена, с одной стороны, с крепостническими отношениями и развитием капитализма, с другой — царским самодержавием, т. е. с феодально-крепостнической эксплуатацией крестьян помещиками и государством. Крестьянин, указывал А. Пурцеладзе, попадает в лапы ростовщика, потому что он обременен непосильной рентой, которую он должен все больше и больше платить как денежную ренту, и государственными налогами, вот что дает жизненную силу ростовщичеству. Находя корни ростовщичества в производственных отношениях, в развитии капитализма в условиях существования крепостнических пережитков в государственном строе, А. Пурцеладзе сделал вывод, что только коренная реорганизация производственных отношений на социалистических началах спасет мелкого производителя-крестьянина от ужасной ростовщической кабалы, ведущей его к разорению и гибели.

К анализу капиталистического кредита он подходит с точки зрения их пригодности, как рычагов преобразования эксплуататорских отношений, и приходит к выводу, что кредит и банки в свою очередь инструментализации. Хотя капиталистический кредит, как инструмент эксплуатации, он понимает своеобразно. Но об этом ниже. Раскрыть всестороннюю сущность капиталистического кредита А. Пурцеладзе не удалось. Не имел он ясного, научного представления о роли кредита в капиталистическом производстве. Он не понимал, что кредит, способствуя развитию капиталистического производства, производительных сил, кредит вместе с тем развивает и обостряет все свойственные капитализму противоречия, способствует обострению классовой борьбы, что «кредит ускоряет материальное развитие производительных сил и создание всемирного рынка, доведение которых, как материальных основ новой формы производства, до известной степени развития и составляет историческую задачу капиталистического способа производства. Вместе с тем кредит ускоряет насильственные взрывы этого противоречия, кризисы, и тем самым усиливает элементы разложения старого способа производства».¹

Но, помимо всего этого, кредитная система капитализма, ускоряя процесс концентрации капитала и развитие производительных сил, содействует созданию материальных предпосылок социализма. А. Пурцеладзе не понимал этот двойственный характер роли кредита в капиталистическом производстве, что «с одной стороны, развивать движущую силу капиталистического производства, обогащение эксплуатацией чужого труда, до чистейшей и колоссальнейшей системы азарта и мошенничества и все более сокращать число немногих, эксплуатирующих общественное богатство; а с другой, составлять переходную форму к новому способу производства».²

Представляя капиталистический кредит только в форме банковского кредита, А. Пурцеладзе отрицает его демократический характер. Сколько бы не трубили об этом апологеты, в условиях капитализма, демократизация кре-

¹ К. Маркс, «Капитал», т. III, ч. I и II, стр. 454, изд. 1950 г.

² К. Маркс, «Капитал», т. III, ч. I и II, стр. 454, изд. 1950 г.

дита невозможна, справедливо утверждает А. Пурцеладзе, это исключается самим характером капиталистического кредита. Он думает, что банки концентрируя свободный денежный капитал, и таким образом монополизировав его, тем самым создают реальную возможность понижения нормы процента, т. е. как он его называет приносимой ссудным капиталом и, с другой стороны, развивают ростовщичество в области мелкого кредита.

Банки, указывает А. Пурцеладзе, насаждают ростовщичество, потому что банки, кредитуя крупных торговцев, капиталистов и землевладельцев, дают этим самым возможность им пользоваться тяжелым материальным положением народа, который ссужают деньгами по ростовщическим процентам.¹

По неправильному утверждению А. Пурцеладзе, процент имеет тенденцию не к понижению, а к повышению. Тенденция процента к повышению вызывается, по его мнению, тенденцией монополизации и концентрации свободных денежных капиталов в крупных банках, которые, влияя на буржуазное государство, приобретают разные привилегии в области кредита, в том числе и право диктовать свои условия при ссужении денег.

Немало внимания уделял А. Пурцеладзе вопросам заработной платы. Взгляды на зарплату А. Пурцеладзе определялись под сильным влиянием работ Чернышевского.

Вначале А. Пурцеладзе выступал сторонником, хотя не ортодоксальным, лассалевского железного закона заработной платы: в дальнейшем его высказывания о заработной плате безусловно сложились под сильным влиянием взглядов Чернышевского, развитых последним в «Очерках из политической экономии (по Миллю)».²

Впервые свои взгляды на зарплату А. Пурцеладзе развил в 1872 г. в полемике против буржуазной либеральной группы «Дроеба», в тот период, когда он включился в нелегальную организацию революционных народников в Гори и Тбилиси, в статье «Десять врагу — один другу».³

¹ А. Пурцеладзе, «Банки, деньги и их значение», стр. 13.

² См. Н. Г. Чернышевский, «Очерки из политической экономии (по Миллю)», Полное собрание сочинений, т. IX, 1949 г.

³ См. журнал «Светоч», № 9, 1872 г.

Характерно, что в этой статье Шульце-Делитц А. Пурцеладзе характеризует как мелкого реформатора, осуществление планов которого не имело решающего значения в деле улучшения материального положения трудящихся. В этой статье А. Пурцеладзе дает меткую характеристику деятельности и взглядов Лассалья. Он его характеризует как реформатора, не признает его революционным социалистом, который спасение трудящихся видит в свержении капитализма революционным путем и в установлении социализма. Наоборот, анализируя деятельность Лассалья и его взгляды, он приходит к выводу, что Лассаль стремился направить рабочее движение не по революционному, а реформистскому пути. Он указывает, что в расчеты Лассалья не входила организация рабочих для революционной борьбы, и своей деятельностью он мешал организации революционного рабочего движения. Паллиативные же меры, предлагаемые мелким дельцом Шульце и Лассалем, ничему в сущности помочь не могут. Основной вывод, который А. Пурцеладзе делает из своих взглядов на зарплату, заключается в том, что не реформа в рамках капитализма, а замена капитализма, социализмом есть путь к благосостоянию простого трудового народа, ибо капитализму присущи характерные черты, обрекающие народ на разорение, на жестокую эксплуатацию. Если начальная стадия капитализма выносима для трудящихся масс, то развитие капитализма, отделяя трудящихся от средств производства и концентрируя капиталы и производства в руках капиталистов, вызывает и развивает абсолютное ухудшение материального положения рабочих и трудящихся масс.

Надо отметить, что железный закон заработной платы А. Пурцеладзе, как критик капитализма, использует против капитализма, а не ставит перед собой апологетические цели. Железный закон в руках А. Пурцеладзе теоретическая база для социалистических выводов для доказательства неприемлемости и неразумности капиталистических отношений. Два основных вывода он делает из

железного закона заработной платы: первое, — благодаря наличию капиталистического строя рабочий класс нищает, и второе — в условиях капитализма трудовому народу нельзя обеспечить безбедное существование, как бы ни реформировать и ни чинить эти условия. Не реформа капитализма, а замена его социализмом может вызвать коренное улучшение материального положения трудящихся.

А. Пурцеладзе думает, что железный закон заработной платы характерен для развитых капиталистических отношений и что он действует в таких странах, где отношения найма приняли чисто капиталистическую форму, где существует рабочий класс, отделенный от средств производства, и капиталисты, концентрирующие в своих руках эти средства, а в таких странах как Грузия, где капитализм не развит, железный закон заработной платы не действует.

Спрашивается, почему железный закон заработной платы действует в сравнительно высоко развитых странах капитализма, а в странах с низким уровнем капиталистического развития не действует? На этот вопрос А. Пурцеладзе отвечает следующим образом: «Господство в капиталистических отношениях найма является базой действия этого закона, и это потому, что рабочий в условиях господства капиталистических отношений представляет собой человека, отделенного от средств производства и в случае роста рабочего населения в результате высокой заработной платы будет расти и предложение труда. Превышение предложения труда над спросом на труд с своей стороны вызовет падение зарплаты ниже минимума средств существования, а это вызовет сокращение размножения рабочего населения, эмиграцию рабочих в другие страны и, в конечном итоге, сокращение предложения труда, превышение спроса на труд, и вновь повышение зарплаты и т. д. — повторение вышесказанного.

В таких странах как Грузия размножение населения не может стать непосредственной причиной снижения заработной платы, потому что здесь капиталистический наем не является господствующим и потому подавляющее

большинство производителей не отделено от средств производства. Поэтому всякий прирост рабочего населения найдет свое применение в собственном хозяйстве. Это будет означать не усиление эксплуатации, ибо рабочий себя не эксплуатирует, а умножение богатства. Таким образом, только определенные общественные отношения, по утверждению А. Пурцеладзе, ставят зарплату в причинную связь с ростом рабочего населения, вызывают действие железного закона заработной платы. А. Пурцеладзе лассалевский железный закон заработной платы понимал как один из вариантов теории минимума средств существования.

В полемике против газеты «Дроеба» он указывал, что буржуазно-либеральные публицисты неправильно толкуют железный закон заработной платы с целью приукрашивания капиталистических отношений. Во-первых, А. Пурцеладзе указывает, что неправильно, будто Лассаль отрицал колебание вверх и вниз заработной платы от известной точки, т. е. что она имеет тенденцию понижения и повышения. Во-вторых, точка, вокруг которой колеблется заработная плата, представляет необходимый минимум средств существования для поддержания жизни и для размножения рабочего. А публицисты газеты «Дроеба» эту точку понимают как безбедное существование рабочего, как возможность удовлетворения рабочим полностью своих потребностей. Такого понимания, отмечает А. Пурцеладзе, точки, вокруг которой колеблется зарплата, у Лассалья не было. Лассаль, — говорит он, — не признавал возможности повышения заработной платы надолго выше этой точки и надолго понижения ее ниже. Относительно подъема заработной платы Лассаль говорит, отмечает А. Пурцеладзе, что заработная плата «не может надолго подняться выше этого среднего размера, потому что тогда, вследствие улучшения положения рабочих, браки между ними стали бы чаще, усилилось бы размножение, рабочее население умножилось бы и, таким образом, увеличилось бы предложение рук, что низвело бы рабочую плату к прежнему размеру или ниже».¹

¹ Лассаль, Собрание сочинений, т. II, стр. 67, 1-ое русское издание.

Относительно отклонения заработной платы вниз от точки колебания, отмечает А. Пурцеладзе, Лассаль говорит: «Заработная плата не может долго продержаться и ниже размера, безусловно необходимого для существования, потому что тогда наступают выселения (т. е. эмиграция М. Г.), безбрачие, воздержание от деторождения, нищета, уменьшение числа рабочих вследствие нищеты, что ослабляет предложение рабочих рук и потому возводит заработную плату до прежнего размера».¹

Вот так понимаемый железный закон господствует в капиталистических странах по утверждению А. Пурцеладзе, а не закон сносного обеспечения рабочего класса, каким хотят представить железный закон публицисты из газеты «Дроеба». Но в дальнейшем по существу А. Пурцеладзе отошел от железного закона заработной платы под сильным влиянием, с одной стороны, Чернышевского, с другой — Маркса. И раньше, он не переставал отмечать под влиянием Чернышевского, что в капиталистических странах все время усиливается обнищание рабочего класса, т. е. что его положение ухудшается и абсолютно. Признавая это, стало быть, он признавал отклонения вниз заработной платы от стоимости рабочей силы, хотя этого еще не понимал. Но признавая растущее обнищание рабочего класса, он должен был понять, что признаваемый самим Пурцеладзе закон обнищания рабочего класса опровергает теорию железного закона заработной платы.

А. Пурцеладзе не замечал главных пороков этой теории. Во-первых, в корне ошибочным является утверждение этой теории о том, что положение рабочего класса не изменяется. По этой теории выходит, что заработная плата держится на уровне минимума средств существования, т. е. приравнивается к стоимости рабочей силы и в исключительных случаях опускается ниже стоимости рабочей силы, но это противоречит фактам. Положение рабочего класса при капитализме не остается неизменным, а ухудшается и относительно, и абсолютно, как это доказал марксизм-ленинизм. Стало быть, А. Пурцеладзе, который при-

¹ Лассаль, Собрание сочинений, т. II, стр. 68, 1-ое русское издание.

знавал обнищание рабочего класса при капитализме, объявляя себя сторонником железного закона заработной платы, не сводил концы с концами.

Во-вторых, теория железного закона заработной платы ставит все вверх ногами. Раз движение капитала в зависимости от абсолютного движения рабочего населения, то по этой теории никак нельзя объяснить непрерывный процесс расширенного воспроизводства.

«Прежде чем, отмечает Маркс, вследствие повышения заработной платы могло бы наступить какое-нибудь положительное увеличение действительно работоспособного населения, при этих условиях несколько раз успел бы миновать тот срок, в течение которого необходимо провести промышленную кампанию и дать решительную битву».¹

А. Пурцеладзе не понимал, что в теории железного закона заработной платы в корне неправильным было ставить в причинную связь возрастание капитала с увеличением спроса на труд, и что предложение труда не тождественно с ростом рабочего класса.

«Капитал, — писал Маркс, — одновременно действует на обе стороны. Если его накопление, с одной стороны, увеличивает спрос на труд, то, с другой стороны, оно увеличивает предложение рабочих путем их «освобождения», а давление незанятых рабочих принуждает в то же время занятых давать большее количество труда и, таким образом, делает предложение последнего до известной степени независимым от предложения рабочих».²

А. Пурцеладзе не понимал, что основная теоретическая ошибка теории железного закона заработной платы заключается в том, что его представители, начиная с Рикардо и кончая Лассалем, игнорируют существование промышленной резервной армии рабочих, являющейся неизбежным и необходимым спутником развития капитала, что колебание зарплаты благодаря этому обуславливается не колебанием естественного роста рабочего насе-

¹ К. Маркс, «Капитал», т. 1, стр. 643, изд. 1950 г.

² Там же, т. 1, стр. 645 — 646.

ления, оно всегда находится в избытке, а состоянием резервной армии.

«В общем и целом, писал Маркс, всеобщие изменения заработной платы регулируются исключительно расширением и сокращением промышленной резервной армии, соответствующими смене периодов промышленного цикла. Следовательно, они определяются не движением абсолютного числа рабочего населения, а тем изменяющимся отношением, в котором рабочий класс распадается на активную армию, и резервную армию, увеличением и уменьшением относительных размеров перенаселения, степенью, в которой оно то поглощается, то снова освобождается».¹

«Промышленная резервная армия, или относительное перенаселение, в периоды застоя и среднего оживления, оказывает давление на активную рабочую армию и обуздывает ее притязания в период перепроизводства и пароксизмов. Следовательно, относительное перенаселение есть тот фон, на котором движется закон спроса и предложения труда. Оно втискивает размах этого закона в границы, абсолютно согласные с жадной эксплуатацией и стремлением к господству, свойственными капиталу».²

А. Пурцеладзе не заметил, что наблюдения, положенные в основу теории железного закона заработной платы, неправильно понимаются ее представителями. По этому поводу Маркс указывал, что «эта экономическая фикция смешивает законы, регулирующие общее движение заработной платы, или отношение между рабочим классом, т. е. совокупной рабочей силой, и совокупным общественным капиталом, с законами, регулиющими распределение рабочего населения между отдельными сферами производства. Если, например, вследствие благоприятной конъюнктуры накопление в известной сфере производства особенно оживленно, прибыль выше средней прибыли и туда устремляется добавочный капитал, то, разумеется, увеличивается спрос на труд и заработная плата.

Повышенная заработная плата увеличивает приток рабочего населения в эту сферу, находящуюся в благо-

¹ К. Маркс, «Капитал», т. 1, стр. 642 — 643.

² Там же, стр. 645.

приятных условиях, пока она не будет насыщена рабочей силой; тогда заработная плата на продолжительное время опять падает до своего прежнего среднего уровня или даже ниже его, если приток был слишком велик. Приток рабочих в данной отрасли производства прекращается, но даже сменяется отливом. В таких случаях экономист воображает, будто ему удастся наблюдать, «где и каким образом» при увеличении заработной платы происходит абсолютное увеличение числа рабочих, а при абсолютном увеличении числа рабочих — понижение заработной платы; но в действительности он наблюдает лишь местное колебание рынка труда одной отдельной сферы производства, он наблюдает лишь явления распределения рабочего населения между различными сферами приложения капитала, в зависимости от изменяющихся потребностей последнего».¹

Наконец, являясь яростным врагом «закона» народонаселения пошляка Мальтуса, А. Пурцеладзе не подозревал, что железный закон заработной платы зиждется на гнилом фундаменте мальтусовского «закона» народонаселения. И в тот момент, когда он считал лассалевский железный закон заработной платы характерным законом развития капиталистической Европы и в частности Германии, хотя и тогда сводил этот закон к закону обнищания рабочего класса, он не соглашался с теми выводами, которые были сделаны из этого «закона» его сторонниками, в частности Лассалем. А. Пурцеладзе боролся против грузинского лассальянизма. Он не соглашался с тем положением, что борьба рабочего за защиту своих экономических интересов в условиях капитализма бесплодна. Он выступал против лассальянского плана построения социализма, т. е. через производственные ассоциации при помощи кредита со стороны буржуазного государства. Лассальянскому плану построения социализма он противопоставил свой революционный план построения социализма, который он выработал под сильным влиянием взглядов великого Чернышевского. Во-первых, подобно

¹ К. Маркс, «Капитал», т. 1, стр. 644—645.

Чернышевскому, он думает, что смена определенных форм общества происходит путем революции масс, а не путем реформ, поддерживаемых государством, как это думали грузинские реформисты социалисты. На эту революцию он мыслил, как революцию рабочих и крестьян.

Анализируя причины поражения Парижской коммуны, которую он понимал как попытку рабочих стать политически господствующей силой с целью установления социализма, он отмечал, что Коммуна пала благодаря недостаточной организованности рабочих, и пока рабочие не будут представлять на базе высокой классовой сознательности крепко организованную единую силу, они капиталистов не одолеют. Но рабочие, отмечает А. Пурцеладзе, осознали ту истину, что в истории все сословия путем революции приобретали господствующее положение, и они этим путем смогут установить желаемый общественный строй.

Что касается России и Грузии установление социализма в них он мыслил через крестьянскую революцию.

К чести А. Пурцеладзе надо сказать, что воспитанный на великих творениях Чернышевского и Добролюбова он не разделял теории буржуазно-помещичьих либералов о внеклассовости самодержавия, он не верил в то, что царское самодержавие было способно сверху провести какую-нибудь серьезную реформу в интересах народа.

Борясь против грузинских лассальянцев, которые отрицали пользу развития потребительской кооперации, он указал, что, правда, через потребительскую и производительную кооперацию мирно в социализм не войдешь, но в условиях Грузии, в условиях, когда торговый капитал имеет грабительский характер, потребкооперации могли улучшить положение мелких производителей, как потребителей. Он проводил мысль, что революционеры не только должны воспитать крестьянские массы политически и толкнуть их на революцию, но и должны возглавить борьбу за улучшение их материального положения.

Борясь против публицистов газеты «Дроеба», А. Пурцеладзе отмечал, что некоторые публицисты правильно думают, что социализм способен ликвидировать бедность, который они мыслили как строй, где все будет производиться и сами будут владеть не только продуктами труда, но и средствами производства.² Они думают, что главное сейчас пропаганда этих идей, но это ошибка, не в этом суть вопроса. Это, — говорит Пурцеладзе, — знает такой малосведущий публицист из старшего поколения, как Иван Кереселидзе, это неоспоримая истина, замечает он. Основное, на чем обязан заострить внимание революционер, это вопрос: «как установить такой строй?»³

Значит, для А. Пурцеладзе основным вопросом является вопрос о путях осуществления социализма. Но как он решил этот, по его утверждению, центральный вопрос, мы об этом говорили выше.

О капитале и труде при капитализме. В отличие от классической политической экономии, А. Пурцеладзе капиталистический способ производства не считает «естественным», вечным способом производства, а считает исторической категорией. Несмотря на это, А. Пурцеладзе не мог понять, что капитал общественное отношение и это тогда, когда он был усердным читателем первого тома «Капитала».

Он капитал приравнивает то к его денежной форме, то к средствам производства, превратившимся в условиях капитализма в средства эксплуатации.⁴ Ничего не говорит он об оборотном и основном капитале, нет у него деления капитала на переменный и постоянный и, не имея теории прибавочной стоимости, он не находит различия между формами капитала: денежной, производительной, товарной. Получается, что капитал для него — и деньги, и товар, и средства производства, превратившиеся при капитализме в средства эксплуатации. Капитал, отмечает

¹ См. статью «Что уничтожит бедность», «Дроеба», № 27, 1871 г.

² А. Пурцеладзе, «Десять врагу — один другу», «Светоч», № VIII—IX, 1872 г.

³ Там же.

⁴ См. его «Общинное землевладение», 1874 г., а также «Банки, деньги и их значение», 1883 г.

А. Пурцеладзе, является жестоким орудием эксплуатации, порабителем и угнетателем труда.

А. Пурцеладзе направляет удары против буржуазной апологетической теории, которая изображает в виде результата «сбережения», результата «экономии» капиталиста. Он отрицает эту глупенькую выдумку лакеев буржуазии.

В борьбе против гнусной буржуазной теории воздержания А. Пурцеладзе пытается опираться на «величайшего экономиста XIX века»¹ на Маркса. Он выставляет следующие аргументы против теории воздержания. Маркс, говорит он, в своем труде «Капитал» утверждает, что как бы ни трудился человек, он не может создать больше, чем необходимо для его сносного существования.² Это утверждает Маркс, — убеждает нас А. Пурцеладзе. Он продолжает дальше и отмечает, что если проверим это положение Маркса, оно окажется незыблемым. Действительно, если дадим рабочим возможность трудиться, не эксплуатируя их, окажется, что они могут произвести продукты труда, достаточные для безбедного существования и никакого капитала в их руках не окажется, — заявляет А. Пурцеладзе.

Если это так, откуда получается капитал? — спрашивает А. Пурцеладзе и отвечает: «Раз действительно дело обстоит так, что трудовой человек не может создать лишнее сверх необходимого и таким образом составить капитал, то ясно, чтоб накопить капитал, человек должен владеть какой-нибудь силой, средством, чтоб иметь возможность урвать из труда, держать трудящегося в голодном состоянии, заставить его трудиться чрезмерно много и так начать накопление капитала...

Ясно, что владелец капитала (т. е. капиталист — Г. М.) не своим трудом и сбережением, а присвоением про-

¹ См. А. Пурцеладзе, «Банки, деньги и их значение», стр. 16, 1883 г.

² Там же, стр. 17.

дукта чужого труда, обманом и эксплуатацией составляет капитал».¹

Капитал составляется «не трудом его владельца, не сбережением, не самоотречением, капитал накапливается эксплуатацией труда других, обречением других на нищету и нужду».²

Словом, как Маркс говорит, отмечает А. Пурцеладзе. «...Капитал источает кровь и грязь из всех своих пор, с головы до пят».³

Возникнув таким образом, указывает А. Пурцеладзе, капитал в своем развитии концентрируется в руках немногих; благодаря концентрации капитала растет сила угнетения и порабощения им рабочих и трудящихся. И в подтверждение этого он опять цитирует следующее место из «Капитала» Маркса. «...что по мере того как капитал накапливается, положение рабочего должно ухудшаться, какова бы ни была, высока или низка, его оплата... накопление богатства на одном полюсе есть в то же время накопление нищеты, муки труда, рабства, невежества, одичания и моральной деградации на противоположном полюсе, т. е. на стороне класса, который производит свой собственный продукт как капитал».⁴

А. Пурцеладзе приводит еще много цитат из «Капитала» говорит, как видно из слов Маркса, другие экономисты подтверждают это, — концентрированный капитал стремится к тому, чтобы заработную плату низвести до минимально крайних пределов, за бесценок нанять трудового человека.⁵

¹ См. А. Пурцеладзе, «Банки, деньги и их значение», стр. 17.

² См. там же.

³ А. Пурцеладзе, «Банки, деньги и их значение», стр. 19, см. эту цитату в «Капитале», т. 1, стр. 764, изд. 1950 г.

⁴ А. Пурцеладзе, «Банки, деньги и их значение», стр. 16. К. Маркс, «Капитал», т. 1, стр. 651: «т. е. на стороне класса, который производит свой собственный продукт как капитал», Пурцеладзе перевел: «на стороне трудящихся».

⁵ А. Пурцеладзе, там же.

В передовых капиталистических странах, отмечает А. Пурцеладзе, рабочего заставляют чрезмерно работать и он там превращен в животного.

Отвергая буржуазно-апологетическую теорию поддержания и доказывая, что капитал — это сгусток «теоретического чужого труда, результат эксплуатации рабочего, это накопленный чужой труд, присваиваемый капиталистами с самого начала его возникновения». А. Пурцеладзе приходит к выводу, что капиталист не должен иметь на капитал права собственности и что такой строй, который дает такое право капиталисту несправедливый, грабительский строй, и он должен быть заменен социализмом.

«Из всего этого вышесказанного, пишет А. Пурцеладзе, читатель ясно видит: первое, что капитал создается трудом и деятельностью других, а не капиталистов, и второе, что благодаря этому он не может составлять собственности капиталиста, и владелец его не имеет права получать за него прибыль и процент». ¹ А. Пурцеладзе утверждает, что капиталистические порядки, — и в этом сказывается влияние на него Чернышевского, — «это порядки, установленные по интересу классов, живущих чужим трудом». ² Изуродован труд при капитализме, труд — источник богатства, счастья и радостной жизни сам по себе — при капитализме превращен в источник нищеты и угнетения, тяжел и чрезмерно напряжен труд в условиях капитализма, отмечает А. Пурцеладзе, и задача заключается в том, чтобы освободить его от уродующей его социальной оболочки.

Техническое развитие при капитализме и его влияние на рабочий класс. А. Пурцеладзе констатирует, что при капитализме происходит быстрое развитие техники, чем при предыдущих способах производства. Он понимает, что движущей силой развития техники при капитализме

¹ А. Пурцеладзе, «Банки, деньги и их значение», стр. 20.

² См. Н. Г. Чернышевский, «Очерки из политической экономии (по Миллю)», Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 422, изд. 1949 г.

является стремление капиталистов обеспечить получение высоких прибылей, а не облегчение труда. «Машины бросят трудящихся в страшную беду. Ручным трудом тысячи рабочих не могут сделать, что может сделать машиной. При господстве машин, когда один человек делает то, что раньше делали тысячи человек, ясно что это вызывает безработицу... Это еще ничего. Машина делает несчастным и занятого рабочего. Конкуренция, усилившаяся среди рабочих, благодаря освобождению рабочих, снижает заработную плату занятых рабочих. Рабочий вынужден согласиться на нищенскую зарплату. В дальнейшем безработица принимает постоянный характер, благодаря этому занятые в производстве получают такую нищенскую зарплату, что они не могут прокормить себя... Таким образом, машина, природа которой такова, что должна облегчить труд, умножить средства существования, сделаться орудием общественного счастья, при капиталистическом строе делается ужасным злом, средством бедствия».¹

И действительно, отмечает А. Пурцеладзе, сами по себе машины, повышая производительность труда и сокращая время для производства товаров, должны были бы облегчить труд рабочего, но машина при капитализме вместо того, чтобы облегчить труд рабочего, сделать его радостным, стала для рабочего **средством** новых бедствий, средством еще более тяжелого порабощения.

Не разбирая вопроса о влиянии введения машин на рабочий класс всесторонне, А. Пурцеладзе заостряет внимание на одном вопросе — на влиянии на материальное положение рабочих. Он приходит к выводу, что применение машин при капитализме ухудшает материальное положение рабочих, поднимая производительность труда, машина вытесняет рабочих, выбрасывает их из фабрик на улицу. Но он не понимает, что само по себе повышение производительности труда не может стать причиной вытеснения рабочих; оно становится причиной вытеснения рабочих при росте органического состава капитала. Превращая рабочих в безработных, машина, отмечает А. Пурцеладзе, становится причиной превышения

¹ А. Пурцеладзе, «Человечество и народничество».

предложения труда над спросом на труд, это с своей стороны вызывает снижение зарплаты и количества занятых рабочих. Машина усиливает власть капитала над нами и создает возможность диктовать свои условия.

Его вывод: тенденция технического развития порождает тенденцию ухудшения положения рабочего класса, тенденцию, как Чернышевский сказал бы, понижения благосостояния рабочего класса;¹ применение техники в капиталистических условиях умножает богатство только капиталистов.

Было бы все это небольшой заслугой А. Пурцеладзе, если он на всем этом остановился бы. Ведь еще Рикардо писал, «... мнение, которого придерживается трудящийся класс, что применение машин часто наносит большой ущерб его интересам, не основано на предрассудке или заблуждении, а соответствует правильным принципам политической экономии».²

Не одному буржуазному экономисту приходилось это констатировать. Небезызвестный Джон Стюарт Милль отмечал в своих «Основаниях политической экономии»: «Сомнительно, чтобы все оделанные до сих пор механические изобретения облегчили труд хотя бы одного человеческого существа».³ Из этого, в отличие от буржуазных экономистов, А. Пурцеладзе делает социалистические выводы. Он указывает, что способ производства, который средство облегчения труда и умножения богатства превращает в средство угнетения, вытеснения и грабежа, должно быть заменено справедливым социалистиче-

¹ Н. Г. Чернышевский, «Очерки из политической экономии (по Миллю)». Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 627, 1949 г.

² Д. Рикардо, «Начало политической экономии и налогового обложения», Соч., т. I, стр. 256, 1941 г.

³ Цитирую по Марксу, см. «Капитал», т. I, стр. 377, 1950 г., Маркс замечает: «Миллю следовало бы сказать, «хотя бы одного человеческого существа, не живущего чужим трудом», потому что машины несомненно, сильно увеличили число знатных бездельников». Маркс, там же, примеч. 86.

ским строем. Он один из первых в 70-х годах боролся против апологетов капитализма Грузии, которые утверждали, что развитие капитализма, вызывая рост и мощное развитие производительных сил, вызовет обогащение рабочего класса. Представители вульгарной политической экономии в Грузии пропагандировали положение, что развитие капитализма будет нивелировать экономическое неравенство людей, что по мере развития капитализма положение пролетариата будет улучшаться и жизненный уровень пролетариата приблизится к жизненному уровню буржуазии. А. Пурцеладзе отвергал вздор, выставленный грузинскими вульгаризаторами и признавал факт усиленного ухудшения материального положения по мере развития капитализма в Европе.

Мы должны заметить, что А. Пурцеладзе в условиях Грузии в 1871 г. один из первых, если не первый, выступил против пресловутого Мальтусовского закона народонаселения. А. Пурцеладзе оспаривает основные положения, выдвинутые литературным вором — Мальтусом.¹ А. Пурцеладзе отвергает утверждение попа Мальтуса, что население размножается более быстро, чем возрастает количество средств существования и что бедность широких масс при капитализме является результатом несоответствия между количеством средств существования и числом населения.

В упрек А. Пурцеладзе должно быть сказано, что он был знаком с критикой этого закона Чернышевским и Марксом, и он мог свою критику сделать более всесторонней и глубокой.

Основное положение, которое выдвигает А. Пурцеладзе против Мальтуса, заключается в том что не существует какой-то абстрактный закон народонаселения, и никаких законов народонаселения нельзя вывести и обосновать без учета и анализа общественных отношений: не природа создает закон народонаселения, а общественные от-

¹ К. Маркс в «Капитале» отмечал: «...Мальтус вообще мастер на плагиаты (вся его теория населения представляет бессовестный плагиат)», см. «Капитал», т. 1, стр. 510, 1950 г., примечание 325.

ношения, экономические формы общества. Не биологическое размножение порождает нищету и нужду, а нищета определяет степень размножения.¹ Это как у Чернышевского² — «не законы природы, а взаимные отношения людей, общественные отношения причиняют бедность рабочего класса».³ В обществе, в котором не будет эксплуатации, грабежа, угнетения, присвоения чужого труда, капиталистической частной собственности, размножение не может вызвать перенаселения, а **станет условием умножения общественного богатства.**⁴

А. Пурцеладзе понимает, что социальную проблему бедности мастер на плагиаты Мальтус превращает в проблему естественного порядка и этим самым отводит обвинение капиталистическим порядкам в виновности порождения нищеты рабочего класса.

А. Пурцеладзе осмеивает мальтусовское решение проблемы — чтобы ликвидировать бедность, нужно приспособлять рост населения к производству средств существования. Он научно не мог объяснить, почему при капитализме «накопление богатства на одном полюсе есть в то же время накопление нищеты, муки труда, рабства, невежества, одичания и моральной деградации на противоположном полюсе, т. е. на стороне рабочего класса...»,⁵ но правильно утверждал, что решение проблемы заключается не в искусственном урегулировании законов природы, а в реорганизации капиталистических общественных отношений, в установлении социализма. «Инди-

¹ См. А. Пурцеладзе, «Наша цель», журн. «Светоч», май 1871 г.

² См. Н. Г. Чернышевский, «Основания политической экономии», Полное собрание сочинений, т. IX, 1949 г., стр. 421 — 422.

³ Г. В. Плеханов, Соч., т. VI, стр. 223.

⁴ См. А. Пурцеладзе «Наша цель», журнал «Светоч», май 1871 г.

⁵ К. Маркс, «Капитал», т. I, стр. 651, 1950 г.

видуализм не обеспечивает счастье», человечество, отмечает А. Пурцеладзе, только тогда станет счастливым, когда установится такой строй, который исключит грабеж и обмен фактические данные Мальтуса для доказательства того, что население растет по геометрической прогрессии и средства существования по арифметической. Настоящие фактические данные опровергают эти положения и в науке, говорит он, давно доказано, что посылка теории Мальтуса вздор. Это было писано в 1871 г. В те времена арсеналом пурцеладзевской критики Мальтуса были работы великого русского революционера-демократа Н. Г. Чернышевского. Жаль только, что в дальнейшем, изучая «Капитал» Маркса, А. Пурцеладзе не использовал яркие и убийственные доводы Маркса против мальтузианства, против злейшего врага трудящихся — попа Мальтуса. Именно Маркс (мы оставляем в стороне теоретическую часть марксовской критики) показал, что факты бунтуют против Мальтуса, этого «рабского плагиатора»². В первом томе «Капитала», которым занимался А. Пурцеладзе, это доказано наглядно множество раз. На примере Англии в параграфе «Иллюстрация всеобщего закона капиталистического накопления» Маркс показал: «Как ни быстро возрастало население, оно не поспевало за про-

¹ См. А. Пурцеладзе, «Наша цель», журнал «Светоч», май 1871 г.

² К. Маркс, «Теория прибавочной стоимости», т. II, ч. 1, стр. 208, изд. 1951 г. — «Для Мальтуса, — говорит Маркс, — характерна глубокая низость мысли: низость, которую может позволить себе только поп, который в человеческой нищете видит наказание за грехопадение и вообще ссылается на «земную юдоль скорби», имея в то же время в виду получение богатого прихода, который с помощью догмата о предопределении находит весьма выгодным «усладить» господствующим классом требование в юдоли скорби». Маркс, «Теория», т. II, ч. 1, стр. 209, изд. 1931 г.

рессом промышленности и богатства».¹ Если говорить о «тенденциях», по данным Маркса, взятым из буржуазной статистики,² ясно видно, что с одной стороны представляет факт титанического роста производства и богатства, с другой стороны, темпы «умножения» населения идут, чем темпы роста богатства и производства, — здесь размеры гигантские, а темпы роста населения мизерные. Получается как раз наоборот — рост производства идет быстрее, чем рост населения. Но каков результат этого? Конечно, не ликвидация бедности и не обогащение рабочего класса, богатые еще сильнее обогатились, бедные еще сильнее обеднели. Это вынужден был констатировать, — отмечает К. Маркс, — такой друг рабочего класса, каким был Гладстон. «Одна из самых печальных черт социального положения страны, — говорит Гладстон, — заключается в том, что в настоящее время происходит совершенно несомненное уменьшение потребительной силы народа и возрастание лишений и нищеты рабочего класса. И в то же время совершается постоянное накопление богатства в высших классах и непрерывный прирост капитала».³

«Так говорил этот елейный министр в палате общин 13-го февраля 1843 г.⁴, отмечает Маркс и продолжает: «Двадцать лет спустя, 16 апреля 1863 г., внося свой бюджет, он говорил: «С 1842 г. по 1852 г. подлежащий обложению доход этой страны повысился на 60 %... За 8 лет, с 1853 г. по 1861 г., он повысился, если принять за основание доход 1853 г., на 20 %. Факт настолько поразителен, что он представляется почти невероятным... Это ошеломляющее увеличение богатства и мощи... всецело ограничивается имущими классами, но... но оно долж-

¹ К. Маркс, «Капитал», т. I, стр. 657, изд. 1950 г.

² Там же, стр. 645, 655.

³ К. Маркс, «Капитал», т. I, стр. 657.

⁴ Там же.

но принести косвенную выгоду и рабочему населению, потому что оно удешевляет предметы всеобщего потребления. — в то время как богатые стали богаче, бедные во всяком случае стали менее бедны. Я не решаюсь утверждать, что крайности бедности уменьшились»¹.

А «профессор Фаусетт, не связанный, как Гладстон, официальными соображениями, заявляет без всяких оговорок: «Разумеется, я не отрицаю, что денежная плата повысилась с этим увеличением капитала (за последние десятилетия), но этот кажущийся выигрыш в значительной степени уничтожается тем, что многие необходимые жизненные средства все дорожают (по его мнению, вследствие падения стоимости благородных металлов).. Богатые быстро становятся все богаче..., между тем как в жизни трудящихся классов незаметно никакого улучшения... Рабочие превращаются почти в рабов лавочников, которым они задолжали»².

Маркс далее из жизни Ирландии демонстрирует факты, особенно нагляднейшим образом разоблачающие всю ложь мальтусовского закона, всю вздорность этой теории. В Ирландии, говорит Маркс, «на наших глазах, в крупном масштабе разворачивается процесс, лучше которого ортодоксальная (вульгарная — Г. М.) экономия и желать не может для проверки своего догмата, что бедность возникает из абсолютного перенаселения и что равновесие восстанавливается снова уменьшением населения»³.

Но факты, имевшие место в Ирландии, являются убийственными для мальтусовского закона. Они говорят о том, что, например, когда за двадцатилетний период Ирландия «...потеряла более 5/16 своего населения», не улучшилось положение рабочих, а ухудшилось, тогда как

¹ К. Маркс, «Капитал», т. 1, стр. 657, изд. 1950 г.

² К. Маркс, «Капитал», т. 1, стр. 658.

³ Там же, стр. 709.

сильное уменьшение населения не причинило «ни малейшего ущерба богатству страны».¹

«Каковы же были последствия для оставшихся рабочих Ирландии, освобожденных от перенаселения? Последствия таковы, что относительное перенаселение в настоящее время столь же велико, как было до 1846 г., что заработная плата так же низка, что тяжесть труда увеличилась, что нищета в деревне угрожает новым кризисом. Причины очень простые, отвечает Маркс. Революция в земледелии идет рука об руку с эмиграцией. Производство относительно перенаселения идет быстрее, чем абсолютное уменьшение населения».²

Социалистический строй. Представления А. Пурцеладзе о социалистическом строе, о его характерных чертах определялись под сильным влиянием Чернышевского. Из проблем, связанных с социализмом, **главной** считал он проблему перехода от эксплуататорского строя к социалистическому. А. Пурцеладзе думал, что наука давно уже доказала преимущества социалистического строя перед эксплуататорским и перед капитализмом и дала представление, что собой должен представлять социалистический строй, главное — как его осуществить.

Несмотря на противоречивые взгляды на этот вопрос, А. Пурцеладзе все же удержался на позиции Н. Г. Чернышевского. Придерживаясь взглядов Чернышевского, в отличие от представителей западно-европейского критического утопического социализма, А. Пурцеладзе не признавал реформистского пути перехода к социализму. Избавиться от эксплуататорских отношений, думал он, возможно не при помощи господствующих классов, и не при помощи существующей государственной власти, чуждых интересам народа, а лишь революционным путем. Не реформа, а **революция** — путь к социализму.

Предстоящую революцию он мыслил как крестьянскую.

Представляет интерес его обоснование **необходимости революции**. У А. Пурцеладзе своеобразная теория рево-

¹ К. Маркс, «Капитал», т. 1, стр. 709.

² К. Маркс, «Капитал», т. 1, стр. 709 — 710.

люции. Во-первых, изучая процесс смены экономических форм общества, он приходит к выводу, что эти смены происходили путем восстаний угнетенных масс. Переход к рабству, от рабства к феодализму, от феодализма к капитализму происходил благодаря восстанию масс. Раз, когда в условиях того или иного способа эксплуатации угнетение и грабеж народа доходили до крайних пределов, народ восставал против эксплуататоров-угнетателей, но так как народ разрушал, а не создавал, передавая свое право на властвование политическим деятелям, он оставался обманутым — те вводили не такой общественный строй, который был выгоден народу, придумывали взамен старых форм эксплуатации новые.

В 70-х годах А. Пурцеладзе стоял на той точке зрения, что так как и в России и в Западной Европе эксплуатация, угнетение и нужда масс доведены до крайних пределов, революция неминуема в ближайшее время. Но А. Пурцеладзе предостерегал, что дело не только в революции, а в том, чтобы народ не повторил ошибки прошлого, не оставил бы государственной власти в чужих руках, а взяв государственную власть в свои руки, превратил ее в рычаг введения социалистических отношений. Обязанностью интеллигенции, литературы, науки А. Пурцеладзе считает поднять крестьянство на восстание. Он утверждает, что для установления социализма недостаточно одной революции, народ должен сам владеть собой, а не другие должны распоряжаться им.

Таким образом, являясь сторонником революционного свержения капитализма и установления социализма, революционным путем А. Пурцеладзе в лучшую пору своей деятельности, представления не имел о настоящих силах социалистической революции и не понимал, что непосредственной задачей борющихся классов против помещичьего и капиталистического гнета является не социалистическая, а демократическая революция.

Не понимая, что кроме класса, борющегося за осуществление социализма, необходимо иметь налицо еще материально-технические предпосылки, что никакой социализм не осуществим, если человечество не достигло известного развития производительных сил, он все-таки за-

мечает, что капитализм, с одной стороны, развивая индивидуализм ставит препятствие народу осознать преимущество коллективной формы ведения хозяйства, развращает сознание масс, но, с другой стороны, обобществляет процесс производства, развивая технику, двигает ее в сторону ассоциативной формы производства. Он как-то чувствует связь между техническим развитием и общественной формой производства.

Следует отметить, что у А. Пурцеладзе нет никакого представления о переходном периоде, о двух фазах коммунизма. Но в его взглядах проведена та идея, что после революции, победивший народ должен начать внедрение социализма с низших его форм — это общинная форма производства в сельском хозяйстве, артельно-ассоциативная — в промышленности.

По его представлениям, социализм с первых дней своего существования уничтожает эксплуатацию и частное присвоение продуктов нетрудовыми классами. При социализме все должны трудиться.

Критикуя капитализм, А. Пурцеладзе обнаружил, что источником стоимости и богатства является человеческий труд трудящихся и, ясно, что владельцем производимых ценностей, как и всех общественных благ, должны быть сами производители, и это должен осуществить социализм. При социализме по праву своему народ впервые будет призван не только создавать продукты, но и распоряжаться и управлять всем производством. Принципы производства должны лечь в основу принципов распределения и владения. В основу распределения он кладет принцип потраченного труда и отрицает право на полный продукт труда, потому что при социализме общество должно позаботиться не только об удовлетворении личного потребления, но должно обеспечить неуклонный рост производства, а также позаботиться о культурном развитии общества, о здравоохранении и т. д.

А. Пурцеладзе далек от мысли, что сразу при введении социализма настанет момент обилия: рост материального благосостояния он связывает с развитием производительных сил. На первых порах, думает он, общество

должно позаботиться включить всех членов общества в производство средств существования и отказаться от производства предметов роскоши.

Социалистический строй — товарищеский в производстве, он создает великую силу производительности труда, благодаря коллективному ведению производственного процесса и благодаря тому, что социализм превращает труд в труд на себя. Превращая труд в высокопроизводительный труд и ликвидируя эксплуатацию, социализм этим самым обеспечивает благосостояние масс.

Таким образом, благодаря тому, что взгляды А. Пурцеладзе формировались под влиянием русских революционных демократов, он мог возвыситься над утопическими системами социализма Запада и этим самым облегчить в Грузии переход от утопического социализма к научному¹.

¹ О социально-экономических взглядах А. Пурцеладзе см. исследование на груз. языке:

1. В. А. Вахания, «Мировоззрение Антона Пурцеладзе», 1958 г., стр. 258.
2. В. Бахтадзе, «Экономические взгляды А. Пурцеладзе». Труды ГПИ им. А. Цулукидзе, т. VII, 1947 г., Кутаиси.
3. Г. Мегрелишвили, «Социально-политические взгляды Антона Пурцеладзе», журн. «Мнатоби», № 2, 1960 г.
4. Мегрелишвили, «Социалистические взгляды Антона Пурцеладзе», «Сакартавелос экономисти», № 12, 1958.
5. В. С. Бахтадзе, «Очерки по истории грузинской общественно-экономической мысли», ТГУ, 1960 г., на русском языке.

ГЛАВА VIII

УТОПИЧЕСКИЙ СОЦИАЛИЗМ ТАРХАН-МОУРАВИ Г. А.

§ 1. КРАТКАЯ БИОГРАФИЯ

Видным представителем крестьянского социализма является Г. А. Тархан-Моурави. Взгляды Тархан-Моурави характеризуются еще большею утопичностью, чем взгляды А. Пурцеладзе. Игнорируя абсолютно роль политики и классовой борьбы в деле построения социализма, он мыслил осуществление его мирным путем, путем экономических преобразований. Но до разбора его основных положений приведем несколько биографических данных о нем.

Следует заметить, что биографические материалы о Тархан-Моурави очень скудны и противоречивы. Нам не удалось напасть на след биографических первоисточников о нем. Наши данные взяты из газет «Кавказ» и «Иверия». Официальная газета «Кавказ», которая должна была, как об официальном лице, отозваться более подробно по случаю кончины Тархан-Моурави, отозвалась очень сдержанно. Газета «Иверия» тоже так поступила. Газета «Квали», в которой сотрудничали грузинские марксисты, не поместила даже некролога о нем. Такое отношение этих газет к Тархан - Моурави объясняется тем, что ни одна из них не считала Тархан-Моурави своим приверженцем и относились враждебно к взглядам, которые исповедывал и развивал Тархан-Моурави. А грузинские народники не имели своего органа.

Г. А. Тархан-Моурави родился в 1845 году в Горийском уезде, в селе Эртацминда. Учился он в Тифлисской

классической гимназии; после окончания гимназии поступил на юридический факультет Новороссийского, ныне Одесского, университета. Учеба в Одесском университете оказала решающее влияние на формирование его общественных взглядов, ибо революционно настроенная студенческая среда и известные грузинские профессора — В. М. Петриашвили, П. Г. Меликишвили и другие, видная деятельность которых тогда протекала в Одесском университете, безусловно были знакомы с Тархан-Моурави, делились с ним своими взглядами и оказывали большое влияние на его развитие. Г. Тархан-Моурави не удалось окончить юридический факультет Одесского университета из-за болезни и по семейным причинам и он вернулся в Грузию.

По возвращении в Грузию, в 1871 году был назначен в Душетский уезд кандидатом мирового посредника.¹ С 1872 г. (20. V) в продолжение 7 лет Тархан-Моурави работал внештатным чиновником Тифлисского губернского управления. В 1879 году был направлен мировым посредником Ахалцихского мирового отдела. В этой должности он работал до 20 февраля 1891 года, до своего назначения тионетским уездным начальником. В 1894 году 22 января Тархан-Моурави был назначен Ахалкалакским уездным начальником, в «каковой должности и скончался, искренне оплакиваемый всем населением уезда».² По словам газеты «Кавказ», Г. Тархан-Моурави скончался в 1898 году 2 октября в Ахалкалаки, в возрасте 53 года и был похоронен в Горийском уезде в Эртацминда, в своем родном селе, 10 октября.

Известный грузинский писатель, классик грузинской литературы Акакий Церетели в своей надгробной речи характеризовал его как скромного, высоко образованного, прогрессивного общественного деятеля гуманиста, глубоко любящего простой народ и свою родину.³

¹ См. газету «Иверия» № 214, 1898 г., 7 окт. Некролог о Тархан-Моурави.

² См. газету «Кавказ» № 262, 1898 г., 6 окт. Некролог о Тархан-Моурави.

³ Речь А. Церетели, «Иверия», 1898 г.,

Официальная газета «Кавказ» писала: «Как уроженец Кавказа, князь Г. А. был хорошо знаком и с местным бытом, и с местными нуждами и умело пользовался этим. Всякое доброе дело, всякое хорошее начинание всегда находили в нем и разумного советника, и горячего заступника, и ходатая... Всякий шел к нему с своей нуждой как к старшему брату, и у него для всякого находились и добрый совет, и посильная помощь, и слова утешения...»¹

Как видно из этих данных, Г. А. Тархан-Моурави был царский чиновник и князь, но он вовсе не был поклонником ни царского режима, ни того общественно-экономического строя, который победоносно прокладывал себе путь к своему утверждению после отмены крепостного права.

Вышедший из высших слоев грузинского дворянства, он не был связан с этим классом своими взглядами. Его общественно-экономические воззрения, будучи утопичными, отражали интересы угнетенного грузинского крестьянина. Социалист и демократ, Г. Тархан-Моурави презирал всякий гнет и насилие над народными массами от кого бы они не исходили, — от помещиков или от капиталистов.

§ 2. КОНЦЕПЦИЯ ОБ ОБЩЕСТВЕННОМ РАЗВИТИИ

Характеризуя взгляды Г. Тархан-Моурави в своей «Истории социализма в Грузии», проф. С. Хундадзе писал следующее: «Социалистические тенденции безусловно преобладают в работах Гр. Тархан-Моурави, но характерным и знаменательным в его публицистических произведениях является «экономизм», он экономическому фактору в общественной жизни придает решающее значение».² Это положение требует некоторого разъяснения.

¹ См. газету «Кавказ», № 262, от 6/X—1898 г.

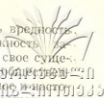
² С. Хундадзе, «К истории социализма в Грузии», т. I, стр. 143—144.

Мы должны заметить, что взгляды Тархан-Моурави о движущих силах истории никак нельзя представить как материалистическую философию истории. Г. Тархан-Моурави принадлежит к плеяде грузинских просветителей, его научно-литературное наследие характеризуется основными чертами просветительства. Г. Тархан-Моурави враг крепостного права и эксплуатации в любой ее форме; он крестьянский демократ и по своим взглядам на движущие силы общественного развития целиком стоит на точке зрения просветителей XVIII в. Не экономика, а мнения правят миром. Г. Тархан-Моурави далек от материалистического понимания истории и смотрит на общие вопросы исторического развития с точки зрения идеалиста-просветителя, отсюда проистекает его утопизм.

Если по отношению к природе он признает закономерность ее развития, то по отношению к истории, подобно западным просветителям XVIII века и домарксовским социалистам, Тархан-Моурави думает, что история — сфера рассудка, царство разума и мнений. Он предполагал, что развитие и усовершенствование разума и есть развитие истории. «И точно тот же взгляд на происхождение общественных отношений встречаем мы у социалистов первой половины нашего века. Считая буржуазный строй несправедливым и неразумным, они объясняли себе его историческое возникновение промахом мысли, ошибочным расчетом человечества. На вопрос: почему ошиблось человечество? — у них всегда был готов ответ: по своему невежеству, простому или ученому. Вопрос же о том, почему они ошиблись именно в эту, а не в какую-нибудь другую сторону? — или вовсе не приходил в голову социалистам, или решался ими с помощью ссылок на разного рода исторические случайности».¹

Анализ произведений Тархан-Моурави дает нам право заключить, что развитие и смену хозяйственных форм общества ставит в прямой зависимости от умственного развития человечества. Развитие знаний у него основная движущая сила исторического развития. Феодализм держался долго в Грузии благодаря ошибочным взглядам; ес-

¹ Плехавов Г. В., т. VI, стр. 16—17.

ли бы кто-нибудь всерьез потрудился показать вредность феодальных общественных отношений и возможность изменить их лучшими, то он давно бы прекратил свое существование. Но конструировать в голове лучший общественный строй можно после того, как изучено прошлое и настоящее. К анализу прошлых и настоящих форм общежития надо подойти, по мнению Тархан-Моурави, с двух сторон: надо разобраться в том, какие дурные стороны заключали пройденные этапы истории и какие хорошие.

После того как открыты дурные и хорошие стороны человеческого общежития прошлого и настоящего, выяснено какие из этих отношений вредны народу, какие из них не гармонируют с человеческой природой, главная задача науки, по мнению Тархан-Моурави, заключается в конструировании должного общественного строя, соответствующего интересам народа. Главная задача общественной науки, по его мнению, заключается в выработке форм общественной жизни сообразно природе человека. Что таких взглядов придерживался Тархан-Моурави это хорошо видно из его статьи, опубликованной в журнале «Мнатоби» в 1872 г.: «Влияние на Грузию борьбы за существование».¹ Анализ этой и других его статей показывает, что концепция Тархан-Моурави об историческом развитии противоречива, в его взглядах не сведены концы с концами. Его мировоззренческие взгляды характеризуются теми противоречиями, какими характеризовались взгляды европейского просветительства XVIII века, французских историков времен реставрации и социалистов-утопистов.² Тархан-Моурави утверждает, что мнения, разум правит миром, что мнения, разум не является, чем то застывшим, раз навсегда данным, он развивается и обусловленно это распространением просвещения. Тархан-Моурави наряду с этим утверждает и противоположное, что мнения, разум есть плод среды, что среда, условия борьбы за существо-

¹ См. журнал «Мнатоби» («Светоч»), март, 1872 г., стр. 115—135.

² Подробно о них см. Г. В. Плеханов, «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», отд. изд. или Г. В. Плеханов, Соч., т. VII.

вание формируют разум и соответственно развивают, что мнения, разум управляется средой; он провозглашает в то же время, что умственное развитие человечества обусловлено материальными его нуждами. Но несмотря на это в его взглядах превалирует положение — разум правит миром и, что в результате развития разума человечество найдет и откроет форму общества, соответствующую человеческой природе, в результате установления которой исчезнет бедность и эксплуатация.

Несмотря на противоречия в мировоззрении Тархан-Моурави, все же ясно видно, что в конечном счете у него все зависит от умственного развития, ум—творец, демиург истории; развитие производительных сил прямо ставится в зависимость от умственного прогресса человечества. Между тем проф. С. Хундадзе в своем труде «К истории социализма в Грузии» об исторической концепции Тархан-Моурави выставляет, сам не замечая этого, два друг-другу противоречащих положения. Проф. С. Хундадзе правильно констатирует, что для Тархан-Моурави история не закономерный процесс, не процесс возникновения и революционной смены общественно-экономических формаций, а царство волюнтаризма, что Тархан-Моурави «убежден в том, что сознание, разум играет решающую роль в процессе общественного развития. Что общественную жизнь можно направить по тому пути, на который указывает в высшей степени развитой разум».¹

С. Хундадзе одновременно утверждает и противоположное. В начале же своего исследования о Тархан-Моурави он пишет: «Должен быть отмечен и тот факт, что он (т. е. Тархан-Моурави) в общественной жизни решающее значение придает экономическому фактору. Конечно, — продолжает он, — его «экономия» далеко стоит от марксистского экономизма... Признание экономического фактора решающим фактором, и с этой точки зрения освещение всей общественной жизни должно быть признано значите-

¹ С. Хундадзе, «К истории социализма в Грузии», т. 1, стр. 151.

льным явлением..., несмотря на то, что экономическая концепция Тархан-Моурави не была законченной». По мнению С. Хундадзе решающая роль в общественном развитии «экономического фактора» признана в следующих словах Тархан-Моурави: «Мы сперва должны постараться, чтобы в народе распространилось материальное богатство, от которого исключительно зависит развитие — как разума, так и этики». ¹ Прочитывая это место из статей Тархан-Моурави, «Необходима ли для нас взаимная помощь?», С. Хундадзе продолжает утверждать, что экономические факты Тархан-Моурави считает решающими фактами общественного развития. В статье «Влияние на Грузию борьбы за существование», указывает С. Хундадзе, четко проведена эта мысль. Тархан-Моурави пишет: «Поскольку всесторонне рассмотрим жизнь человечества, постольку еще более убедимся, что причиной во всяком движении народа является борьба за существование, результатом которого бесспорно является добыча жизненных средств или сказать еще точнее, приобретение богатства и улучшение других сторон жизни. Вместе с тем, борьба за существование непрерывна; однако по мере развития разума и этики, т. е. по мере познания общественной жизни, изменяется форма борьбы, хотя причина борьбы та же самая остается». ² Такова «экономическая концепция» Тархан-Моурави, заключает С. Хундадзе.

Как видно из этих выписок, проф. С. Хундадзе не замечает, что он выдвинул два противоречащих понимания об исторической концепции Тархан-Моурави. Далее, — только что из приводимой выписки С. Хундадзе, что не фраза, то и ошибка. Нелепость, как это считает С. Хундадзе, считать марксистское материалистическое понимание истории разновидностью экономического материализма, т. е. разновидностью идеалистического понимания истории. Проф.

¹ С. Хундадзе, «К истории социализма в Грузии», т. I, стр. 143 — 144.

² Гр. Тархан-Моурави, «Необходима ли для нас взаимная помощь?», газ. «Дроеба», № 21, 1869 г.

³ См. журнал «Мнатоби» («Светоч»), март, 1872 г., стр. 121.

С. Хундадзе следовало бы выяснить, как понимал экономический фактор Тархан-Моурави. Под экономическим фактором Тархан-Моурави подразумевает не отношение людей в процессе производства материальных благ, а целовеческую деятельность, направленную на удовлетворение одних только физических потребностей человека. У него есть действительно место в своих статьях, где он так понимаемый «экономический фактор» считает решающей причиной исторического развития. И это очень нравится С. Хундадзе и такую точку зрения считает правильной, он не понимает, что Тархан-Моурави даже и тогда не был бы прав, если экономику он представлял как совокупность отношений производства, как систему производственных отношений, считал бы решающей причиной общественного развития. Как известно, экономика сама есть «функция» производительных сил, что в действительности экономика обуславливается достигнутым уровнем производительных сил и изменяется, правда не автоматически, но соответственно их развитию. А чем вызывается развитие общественных производительных сил? В каждую историческую эпоху конкретные материально практические интересы, обусловленные уровнем исторического развития, заставляют людей осуществлять улучшения, развитие производительных сил, в первую очередь, орудий труда. Так, что в марксистско-материалистическом понимании истории «экономический фактор» как бы его не понимали, не представлен определяющей силой общественного развития и не является этот «фактор» таким.

Это еще в 90-х годах прошлого века много раз объяснял Г. В. Плеханов в полемике против народничества.¹

С. Хундадзе в данном случае ошибочно допускает, что если этика и разум ставится в зависимость от экономики, это вовсе не значит, что экономику следует признавать главной силой общественного развития, а не способа производства.

¹ Немалый интерес представляет в этом смысле статья об «экономическом факторе» Г. В. Плеханова в сб. «Литературное наследие Г. В. Плеханова» т. IV, М., 1937 г., стр. 118, 121, 127, 129, 130, 178—179 и др.

При анализе произведений Тархан-Моурави мы приходим к тому несомненному выводу, что он не интересуется политическими вопросами, он глубоко убежден, что экономика, производственная деятельность людей, общественные отношения могут одинаково хорошо развиваться даже при диаметрально противоположных политических системах. Изучение его произведений нас приводит к той мысли, что он склонен был считать экономику причиной политического строя, но с другой стороны, покидая точку зрения взаимодействия, он думает, что следствие остается отгороженным от его творческого момента, не соприкасаясь с ним, не влияет на него. Из этого он делает вывод, что политика не может служить средством осуществления общественно-экономических преобразований и отворачивается от нее. Не понимая роли политики в деле переустройства общественных отношений, игнорируя политическую борьбу, Тархан-Моурави мирным, просветительским путем мыслит установление «должного» общественного строя. Этим самым он поставил себя вне освободительного движения своего времени и сделал шаг назад по сравнению с представителями грузинской революционной демократии Н. Николадзе, А. Пурцеладзе и др. Так, например, в годы деятельности Тархан-Моурави такие представители крестьянской демократии, какими были Н. Николадзе, А. Пурцеладзе и др., не считали возможным осуществление социализма без насильственной ликвидации царской власти, без организации и помощи народной власти, никто из них не доходил до абсолютно отрицания роли политики в деле строительства социализма, хотя и не имели научного представления о политической борьбе. Тархан-Моурави, который требовал на базе изучения прошлого и настоящего строить будущее, в историческом движении человечества подметил существование политических форм, но никак не мог понять, для чего они нужны господствующим классам, какова их роль, функция, их значение и место в истории. Он не понимал, чему учит нас, в этом случае, величайший диалектик истории, как любил выражаться Плеханов. Отрывая политику от материальных условий общественной жизни, наш отечественный утопист не замечал, что «всегда и везде, политическая власть была рычагом, с помощью которого

добившийся господства класс совершал общественный переворот, необходимый для его благосостояния и дальнейшего развития». ¹ Наш отечественный утопист требовал при строительстве нового, «должного», «жизненного» учесть уроки истории и сам не замечал и не учитывал эти уроки учительницы истории. Он не понимал, что переворот в материальных отношениях трудящихся невозможен в первую очередь без политических преобразований, что политические формы не индифферентны к экономическим реформам, что в истории они выступают за или против таких реформ. Тархан-Моурави не мог додуматься до того, что если в истории «все классы, ведущие созидательную борьбу со своими противниками, начинают на известной стадии своего развития стремиться обеспечить себе политическое влияние, а затем и господство, — то ясно, что политический строй общества представляет собою далеко не безразличное условие для их развития. А если мы видим, кроме того, что ни один класс, добившийся политического господства, не имеет основания раскаиваться в своем интересе к «политике»; если, напротив, каждый из них достигал высшей, кульминационной точки своего развития лишь после того, как он приобретал политическое господство, то мы должны признать, что политическая борьба представляет собой такое средство социального переустройства, годность которого доказана историей». ²

Наблюдая за капиталистическим развитием Запада, Тархан-Моурави приходил к выводу, что капитализм не соответствует интересам трудящихся. Наш отечественный утопист жил в период, когда капитализм выявил свою неспособность обеспечить массы свободой, равенством, работой и доходами, материальным благополучием. И он это замечает. Он не разделяет убеждение Рикардо, что общим ростом продуктов труда капитализм устанавливает всеобщее материальное благополучие; он замечает, что быстрое развитие производительных сил и с ним связан-

¹ Г. В. Плеханов, Соч., т. II, стр. 51.

² Г. В. Плеханов, т. II, стр. 55.

ный рост производительности труда не улучшает, а ухудшает жизненные условия трудящихся. Поэтому он подошво Миллю не сомневается в негодности капитализма. По его глубокому убеждению товарищеский союз, коллективное производство взамен индивидуального производства и частной собственности — единственная форма общественно-го производства, соответствующая человеческой природе и интересам народа. Капитализм безусловно должен быть заменен ассоциацией трудящихся, социализмом. Реформаторское «усовершенствование» капитализма ничего не даст. Он предполагает, что человечество идет к учреждению всеобщей ассоциации, к ассоциационным формам общежития, так как убеждается в выгодности ассоциации, в ее преимуществах перед другими общественными формами производства, которые знает человечество, и которые существуют благодаря тому, что еще недостаточно потрудился человеческий разум показать нелепость их, а также неизбежность заменить существующие формы производства ассоциациями. По мнению Тархан-Моурави преимущества ассоциации заключаются в следующих моментах:

1. Ассоциация исключает вредность разделения труда для работника: ассоциация не калечит, а поддерживает человеческий организм, развивает его, так как разнообразит процесс труда.

2. Объединяя элементы производства, ассоциация обеспечивает их рациональное использование.

3. Превращая работника во владельца продукта труда, исключает эксплуатацию, стимулирует труд.

4. Ликвидируя частную собственность и соединяя элементы производства в руках коллектива, рабочая сила в ассоциации всегда имеет возможность трудиться; трудящиеся всегда обеспечены работой и доходами, средствами существования.

5. Ликвидируя противоположность между физическим и умственным трудом, ассоциация обеспечивает умственное развитие всего человеческого коллектива, а это неудержимо может развить производство материальных благ.

Однако, по убеждению нашего утописта, человечество идет к ассоциации, социализму не в результате объе-

ктивного исторического развития, а благодаря тому, что социализм открыт разумом, и люди убеждаются в его выгодах и преимуществах. Социализм — не необходимость, не результат исторического развития, а «должное» и «желательное», «разумное». Мир дружбы и истины истинного и справедливого стоит у нашего мечтателя вне всякой связи с существующим миром. «Должное» и существующее, действительное — это две области, которые отделены одна от другой китайской стеною. Дурная действительность — результат ошибок разума, прекрасное «должное» — развитого разума.

Исходя из своего основного положения, что знание движущая сила истории, Тархан-Моурави связывал приближение должного с темпом распространения знаний «должного», широкое распространение правильных взглядов приближает «должное», а замедление его замедлит наступление «должного»; значит необходимо широко пропагандировать идею ассоциации. Организация ассоциации не встретит серьезного сопротивления, потому что она выгодна для всех слоев населения.

§ 3. ПРОБЛЕМА УСТРАНЕНИЯ НИЩЕТЫ

Для выяснения экономических взглядов нашего автора первостепенное значение имеет анализ его статей, помещенных в газете «Дроеба» и в журнале «Мнатоби» в 1868 и 1872 гг., серия статей под заглавием «Необходима ли для нас взаимная помощь»¹, статьи под заглавием: «Причина нашей бедности»² и «Влияние борьбы за существование на Грузию».³

Основная проблема всей экономической публицистики Тархан-Моурави — проблема устранения нищеты.

¹ См. газ. «Дроеба», №44, 1868 г., №№20, 21, 22, 23, 24, 1869 г.

² См. газ. «Дроеба», №№ 6, 8, 1870 г. Проф. С. Хундадзе замечает, что из этой статьи главы V, VI не были пропущены цензурой. См. С. Хундадзе, «К истории социализма в Грузии», т. I, стр. 153. Это не совсем точно: не была пропущена и IV глава.

³ См. журнал «Мнатоби». («Светоч»), март, 1872 г.

Что такое ницета? Это такое явление общественной жизни, по мнению Тархан-Моурави, когда создается положение, что значительные массы трудящихся не могут обеспечить себя средствами существования, не могут обеспечить свое физическое существование. Факт ницеты по мнению нашего утописта, более чувствительным стал в Грузии после отмены крепостного права и является одной из характерных зол буржуазного Запада. Сравнивая с этой точки зрения капитализм с прошлым, т. е. с феодализмом, он указывает, что капитализм усиливает тенденцию обнищания и бросает трудящихся в крайнюю бедность, в то положение, когда человек, не имея возможности трудиться, не имеет никакого дохода и обречен на голодную смерть. Такое явление, по его мнению, характерно только для капитализма, этого не знал ни один докапиталистический способ производства. Появляется капитализм — появляется и масса людей неимеющих возможности обеспечить себя жизненными средствами; развивается массовая ницета.

В Грузии еще нет такой крайней ницеты, но если капитализм разовьется, огромен будет рост и ницеты. Проблему бедности Тархан-Моурави решает утопически, не научно, но к чести его можно сказать, что о причинах существования бедности в человеческих обществах и ницеты при капитализме, он придерживается научной точки зрения, хотя она и уживается с утопическими иллюзиями. Тархан-Моурави придерживается той точки зрения, что великая проблема — проблема ницеты историческая, общественная проблема и сразу отгораживается от отечественного и западных апологетических буржуазных взглядов в этом вопросе. Он в своей публицистике ясно и последовательно проводит мысль, что ницета результат не биологических и «божеских» законов, а исторических общественных причин. Он подобно мальтузианцам и другим пошлякам буржуазной науки не сваливает ответственность за ницету на трудящихся, а на имущие классы. Он убежден, что не какой-нибудь абстрактный закон народонаселения является причиной этого великого несчастья человечества, а частнособственнические отноше-

ния. И нет такого закона. Это сикофанты капитализма выдумали, что как будто есть какой-то абстрактный закон народонаселения, который поставлен вне общественных отношений, что как будто размножение человека от «естественных условий», а не от общественных. В глубокому убеждению Тархан-Моурави нищета существует не потому, что существует как будто дисгармония между размножением населения и ростом материального богатства, а потому что неразумно организовано общественное производство и существует эксплуатация.

Если человечество хочет избавиться от нищеты, принимающей все более и более ужасающие размеры, нужно по мнению Тархан-Моурави, отказаться от общественных отношений, порождающих нищету. Его решение проблемы нищеты было утопическим решением, но все же оно разоблачало и дискредитировало как феодализм, так и капитализм, показывало антинародный характер существующих общественных порядков. Его взгляд на проблему был проникнут убеждением, что общинная, ассоциационная форма общественного производства избавит человечество от этой величайшей беды и беспокойства.

Проблему нищеты Тархан-Моурави рассматривает в разрезе и грузинских условий — в статье «Причина нашей бедности». В этой статье Тархан-Моурави ставит задачей найти причины все усиливающейся в Грузии нищеты и наметить пути ее преодоления.

В статье «Причины нашей бедности» он считает необходимым изучение причин ее существования в прошлом и в настоящем, для того, чтобы наметить пути ликвидации нищеты.

В этой статье Тархан-Моурави ставит задачей найти причину все усиливающейся в Грузии бедности и пути ее преодоления.

«Часто слышим, — пишет он. — что наше общество теперь не пользуется тем богатством и обеспеченной жизнью, как раньше. Об этом факте все говорят сейчас, но никому из них в голову не приходила мысль об исследовании тех причин, которые довели нашу жизнь до

вынешнего экономического положения. И это тогда, когда только путем познания причин обнищания, сможем мы изменить те условия, благодаря которым мы оказались бедными. Если мы желаем узнать, как изменить наше экономическое положение и как избавиться от бедности, в первую очередь мы должны осознать, в каких условиях находимся мы, какое из этих условий действует вредно и какое полезно. Без уяснения этого ни одно наше действие, каким бы энергичным оно не было, не даст полезного эффекта, стало быть оно будет бесплодным. Исходя из этого, я хочу высказать свою мысль о том, какие причины довели нас до этого экономического состояния, благодаря которому мы бедны и не обеспечены средствами существования».¹

Как видно из этой выписки, у Тархан-Моурави подход к проблеме устранения нищеты утописта прудоновского толка. Ход мысли у нашего автора приблизительно таков: грузинский народ **бедствует**, стало быть задача заключается в том, чтобы вывести народ из бедственного положения. Для этого требуется изучение окружающей действительности, в первую очередь экономики. Но это изучение экономики надо вести в известном направлении, на базе определенной методологии. Мы не должны забывать, думает Тархан-Моурави, что существует два ряда экономических явлений или как он называет, «условий», вредно действующих и **полезно** действующих. **Открыв** их, надо удалить вредно действующие, оставить и комбинировать **полезно** действующие. Получится новая общественная организация, новая экономика, где благодаря **полезно** действующим условиям будет ликвидирована бедность. Вооруженный такой методологией, он и приступает к изучению **прошлого** и **надвигающегося**, т. е. настоящего.

Итак, почему в Грузии при феодализме существовала бедность, хотя она и не характеризовалась той крайностью, какой характеризуется ныне при капитализме.

Тархан-Моурави пишет: «Не так давно мы изменили условия жизни, отменили крепостное право. Эта форма общественной жизни освобождала крепостника-господина

¹ См. газета «Дроеба», № 6, 1870 г., статья «Причина нашей бедности».

от участия в производственном процессе личным трудом... В то время все общество делилось на две части: одну часть представляли помещики, другую — крестьяне, которые обязаны были обеспечить жизнь, прокормить своих господ. Для помещиков не был необходим личный труд, который является средством благосостояния общества. Я говорю, что в личном труде не нуждались они, потому что крепостничество имело такое вредное действие, в силу которого помещик привыкал к бездействию, лодыричеству. Ясно, что если человек несколько сот лет живет в одних и тех же условиях, нет сомнения, что если не сегодня, то завтра он, этот человек, обязательно подчинится этим условиям и будет жить так, как этого требует его эпоха. Крепостной строй в Грузии существовал несколько веков. По этой причине помещик-крепостник привык к такой жизни, которая давала ему возможность удовлетворить даровым трудом крепостного любое свое желание, даже и в том случае, если это желание было простым его капризом. В силу одного приказания помещик имел хлеб, вино, строил дворец, превращал в слуг своих крестьян, взымал повинности и т. д. Коротко скажу, ни один из помещиков не считал нужным вести свое сельское хозяйство, которое требует знания, труда, опыта и расчета».¹

Из этой выписки видно, что Тархан-Моурави враг феодализма, он далек от помещичьей апологетики феодализма и идеализации дворянства. Правда, говоря о феодализме, Тархан-Моурави не указывает на земельную собственность как на основу феодальных отношений и феодальной эксплуатации: он феодально-крепостной строй представляет как систему произвола и никем и ничем неограниченного насилия со стороны дворянства над крестьянами. Тархан-Моурави показывает, что дворянство живет грабежом труда крестьян, оно эксплуататорский, праздный, паразитический класс, класс бездельников, не

¹ См. газета «Дроеба», № 6, 1870 г., назв. статья.

участвующий в процессе создания материальных благ, необходимых для существования общества.

Представляя феодализм, как систему насилия, Тархан Моурави подчеркивает, что при такой системе нет возможности развития производительных сил и расширения воспроизводства. Из его характеристики видно, что феодализм преграждает путь к развитию производства и умножению материальных благ, потому что представляет систему насилия и произвола, грубы и крайне тяжелые формы эксплуатации, из процесса труда исключены привилегированные слои населения, поработочен непосредственный производитель, дестимулирован труд, так как крестьянин трудится на помещика.

Феодализм обрекает страну на экономическую отсталость, ее население на бедность, потому что феодализм как система насилия и сословных привилегий, не только исключает из процесса труда дворянство, вовсе отвлекающая его от труда, но нравственно развращает и лишает всякого стимула и заинтересованности в развитии сельского хозяйства.

Феодализм и крестьянству не дает возможности развить экономику, так как крестьяне эксплуатируются и не защищены от насилия, они обречены на хозяйственную инертность.

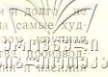
«Не надо забывать, — пишет он, — что крестьянство жило в подчинении помещиков... У крестьянства не было интереса развить, усовершенствовать экономическую и умственную стороны жизни. Это потому, что вся собственность крестьянина и все им приобретенное принадлежало высшему обществу, помещикам, которые поработили его, завладели и распоряжались им»¹.

Но в Грузии крепостное право отменено. Отмена крепостного права произошла в условиях, когда «общество» не знало лучшего способа ведения хозяйства, и не было подготовлено вести хозяйство не по-крепостнически и это не могло не усилить бедности народа.

¹ См. газета «Дроеба», № 6, 1870 г., статья «Причина нашей бедности».

Тархан-Моурави правильно подметил, что в Грузии после крестьянской реформы стал развиваться капитализм. И он указывал, что не в интересах грузинского народа следовать по пути капиталистического развития, ибо развитие капитализма порождает нищету. Во всех странах, где развивается капитализм, развивается и социальный капитализм — эксплуататорский строй, в нем тоже господствует грабёж и насилие над трудящимися.

Почему капиталистическое развитие ввергает народы в бедственное положение? Чтобы существовать, надо производить материальные блага, ведь они удовлетворяют потребность человека. Для производства материальных благ, указывает Тархан-Моурави, нужны два необходимых элемента, которые он называет капиталами, или обогащающими элементами человека. Эти два элемента суть: земля с полезными ископаемыми и труд. В процессе производства они действуют совместно; в процессе труда необходима их ассоциация, объединение. Но капитализм их разъединяет. Землю с полезными ископаемыми, которая дает человеку все для производства трудом материальных благ, концентрируется в руках одной части общества, оголяет труд и другую часть общества — трудящихся, — превращает их во владельцев, как он выражается, только оголенного, опустошенного труда. Отсюда проистекает всякое зло. Разъединение двух обогащающих человека элементов при капитализме — источник нищеты и бедственного положения народа. Именно это разъединение труда от другого необходимого элемента производства материальных благ создает возможность эксплуатации и не обеспечивает трудящегося работой, не дает ему возможности получить доход, т. е. средства к существованию, отсюда бедность, реальная угроза не только голодания, но и смерти от голода. Тархан-Моурави разъясняет, что разъединение элементов производства создает возможность эксплуатации, возможность победы над трудом, возможность его притеснения, потому что трудящиеся не могут при таком положении не пойти на работу по найму; не могут не продать свой труд, так как они самостоятельно не могут начать процесс создания необходимых для них благ, соединить труд с другим элементом производства, а при найме они поставлены в са-

мое невыгодное положение: они пролетарии и долго не могут ждать, они вынуждены согласиться на самые худшие предложения капиталиста. Таким образом, индивидуальная капиталистическая собственность на средства производства — основа эксплуатации труда, угнетения и насилия над трудящимися.

Анализируя капитализм Тархан-Моурави указывает, что ницета помимо вышеуказанных причин порождается и тем, что благодаря существованию частной собственности — капитализм не может обеспечить равномерный и непрерывный процесс производства, не может разумно привести в действие два обогащающих человека элемента и что большая часть народного труда направляет на производство предметов роскоши.

Послушаем самого Тархан-Моурави. «Действительный успех общества возможен только тогда, когда обогащающие элементы употребляются разумно. Между этими двумя обогащающими элементами (т. е. между капиталом и трудом — Г. М.) не должна существовать та борьба, которую мы видим в настоящее время в различных государствах. Я говорю о той борьбе, которая распространена между капиталом и трудом. Основная причина существования пролетариата — это то, что между трудом и капиталом нет равенства. Так как всякий результат труда — капитал — переходит в руки капиталиста, а трудящемуся ничего не достается кроме мизерной цены за труд. Поэтому весь капитал сосредоточивается в руках только нескольких лиц, а остальное, подавляющее большинство общества надеется только на труд. Что может сделать трудящийся, если всякий результат действия двух обогащающих элементов присваивается лишь несколькими лицами? Одним голым трудом, если трудящийся не владеет и другим обогащающим элементом, не может иметь свободную от эксплуатации самостоятельную жизнь. Самостоятельными и свободными трудящиеся окажутся тогда, когда работник и капиталист представляет одно лицо, т. е. когда человек в одно и то же время будет для общества полезным трудящимся и капиталистом. Если, например, общество так разделено, что первый элемент обогащения — земля с ее полезными ископаемыми при-

надлежит одной части общества, а труд — другой части, тогда нечего много говорить, между двумя частями общества разовьется борьба, результатом которой будет нищета подавляющего большинства».¹

Наш социалист-утопист разъясняет, почему и отчего это так происходит при капитализме. Это происходит потому что «в борьбе против труда капиталист имеет преимущество, что всегда может на некоторое время продержаться, ибо он обеспечен... по крайней мере на несколько лет средствами существования. Но какой выход из положения у трудящегося, когда у него никакого запаса средств существования не имеется: он ведь владелец только труда и ничего другого? Сегодня или завтра трудящийся рабочий должен пойти к капиталисту и согласиться на те условия, которые для него абсолютно невыгодны. В подтверждение этого прошу читателя перечитать русский журнал «Современник», где хорошо и правильно освещено положение пролетариата... Они, рабочие, бедны, потому что пролетарии ничего не имеют кроме труда, использование которого не от них зависит... Поэтому капиталист заставляет рабочего работать на фабрике 14—15 часов и платит ему гроши... Мы видим самые ужасающие факты среди рабочих, и причиной всех бедствий и нищеты рабочих является зависимость труда от капитала».²

Тархан-Моурави тут же намечает пути освобождения человечества от капиталистической эксплуатации. «Крайне необходимо, — пишет он, — разумное распределение труда и капитала», что заключается в их соединении, ассоциировании. Капитал и труд должны быть соединены, между ними должно существовать единство, взаимопомощь. По такому пути должна следовать Грузия, если она хочет избавить свое население от надвигающейся нищеты и достичь расцвета своей экономики.

Моральная деградация рабочих, крайняя нищета, напряженная борьба между капиталом и трудом, взаимное недоверие и враждебность — вот результаты неразумного распределения труда и капитала, т. е. капиталистических отношений.

¹ Газ. «Дроеба», № 6, 1870 г., назв. статья.

² См. назв. статью.

Несмотря на утопичность и неправильность взглядов Тархан-Моурави на капиталистические отношения, эти взгляды содержат и рациональные зерна и представляют шаг вперед в тогдашней грузинской общественно-экономической мысли. Тархан-Моурави понял эксплуататорский характер капиталистических отношений. В то время как в Грузии журнал «Цискари» развивал чисто буржуазную теорию и представлял капиталистическое развитие Грузии как средство обогащения народа, Тархан-Моурави утверждал обратное и разбивал эту буржуазную теорию, пропагандируемую «Цискари». Этот последний прямо писал в сентябрьском номере 1868 года, что фабрики и заводы строятся в Грузии капиталистами с целью помощи бедному народу. «Как мы узнали из достоверных источников господин Мирзоев имеет целью чтоб чем-нибудь помочь народу, вдове, бродяге, сироте, бедному, и он придумал открытие фабрики».¹ Развитие фабричного производства «Цискари» рассматривает как путь к обогащению народа, что капиталисты строят фабрики и заводы с целью облегчения бедственного положения народа. Редактор этого журнала Ив. Кереселидзе, известный общественный деятель, прямо так написал: «Ну как думаете, мой читатель? Да, дело доброе! Во-первых, сколько бедного народа выводит из нищеты, скольких будет спасать от воровства, на что толкает их безработица, от дурных привычек. Дай бог, чтобы подражали наши богатые люди этому уважаемому владельцу фабрики и вывели народ из стесненного положения. В настоящее время эта высоко благородная мысль принадлежит господину Мирзоеву, который всякими мерами старается вывести бедный народ из стесненного положения».² Тархан-Моурави далек от таких взглядов, для него капитализм — эксплуататорский строй, капиталист — эксплуататор народа — и обогащается путем присвоения неоплаченного труда.

Следует заметить, что защита и обоснование таких взглядов безусловно было прогрессивным началом и способствовало дискредитации капитализма и тогдашних грузинских

¹ См. журнал «Цискари», сентябрь, 1868 г., стр. 96.

² См. журнал «Цискари», сентябрь, 1868 г., стр. 96.

наивных защитников капитализма. Далее Тархан-Моурави в своих статьях «Причины нашей бедности» понимает, что основой борьбы между капиталистом и трудом является факт эксплуатации капиталистами рабочего. Победителем в этой борьбе он считает капиталиста, обладающего капиталом, — указывает он, — дает капиталистам возможность держать рабочий класс в полуголодном положении, в крайней нищете. С другой стороны он не доходит до глубокого понимания классовой борьбы при капитализме. Некоторые научные элементы в его взглядах, как правило, переплетены с утопизмом. Представляя классовую борьбу между капиталистом и рабочим, как борьбу за высокую долю в общественном продукте, как лишь борьбу со стороны рабочего за смягчение эксплуатации, он не понимает, как эта борьба, расширяясь, превращается в политическую борьбу и становится единственным средством ликвидации капитализма и утверждения социализма. Приближаясь к пониманию корня классовой борьбы при капитализме, все же в некоторых своих статьях, даже в позднейших, он готов рассматривать ее как борьбу за существование. Тархан-Моурави стоит на позициях трудовой теории стоимости и, подобно английским ранним социалистам-рикардианцам, направляет ее против капитализма. Тархан-Моурави знал, что капиталист богатеет благодаря присвоению труда рабочего; не торговлю, сферу обращения, а сферу производства он считал источником обогащения капиталиста. Некоторые исследователи думают, что Тархан-Моурави дошел до понимания теории прибавочной стоимости, т. е. до понимания учения Маркса в одном из основных пунктов политической экономии, что вызывает удивление. Утверждение это неправильное, оно не имеет под собой никакой почвы. Этого мнения придерживался проф. С. Хундадзе, он писал: «У нашего автора (т. е. Тархан-Моурави) имеется определенное представление о капиталистической эксплуатации, лучше сказать, об эксплуатации труда, и понимает теорию прибавочной стоимости... Г. Тархан-Моурави стоит на позициях трудовой теории стоимости и с этой точки зрения

критикует капиталистический строй. Автор знает, что труд создает «капитал». Но этот результат труда переходит в руки капиталиста, а самому творцу «капитала» творцу продукта остается только «мизерная цена труда»... Автор дал почти правильное определение «рабочей» платы, что она (зарплата) представляет малую часть результата собственного труда... Наш автор ясно видит, что капитал **накапливается** в руках меньшинства...»¹

Мы повторяем, никакой теории прибавочной стоимости у Тархан-Моурави нет; в его статьях мы даже термина прибавочной стоимости не встречаем, он не имеет представления о ней, как о всеобщей форме «той суммы стоимости, которую присваивают без всякого эквивалента собственники средств производства и которая по совершенно особым законам, впервые открытым Марксом, распадается на особые **превращенные** формы прибыли и земельной ренты»². О нем вполне можно распространить высказанное Энгельсом мнение по адресу домарксовской политической экономии: «**Существование** той части стоимости продукта, которую мы называем теперь прибавочной стоимостью, было установлено задолго до Маркса: точно также с большей или меньшей ясностью было высказано, из чего она состоит, именно: из продукта того труда, за который присвоивший его не заплатил никакого эквивалента. Но дальше этого не шли»³. Дальше этого не пошел и Тархан-Моурави. Он не различает труд и рабочую силу и потому его теория, что рабочий получает наименьшую часть своего труда, о характере капиталистической эксплуатации, остается научно не обоснованной, но бесспорно, что Тархан-Моурави тем обогатил нашу общественную мысль, что он представлял зарплату как малую часть потраченного рабочим

¹ С. Хундадзе, «К истории социализма в Грузии», т. 1, стр. 147 — 148.

² Ф. Энгельс, Предисловие к II т. «Капитала», стр. 9. К. Маркс, «Капитал», т. II, 1950 г.

³ К. Маркс, «Капитал», т. II. Предисловие Энгельса, стр. 14, 1950 г.

труда на капиталистическом предприятии, что источником накопления капитала, источником обогащения капиталиста считал неоплаченный труд и, таким образом, крывал перед читателем тайну, настоящую цель капиталистического производства.

Выступая защитником теории трудовой стоимости, в отличие от классиков, он не считал капитализм идеальным общественным строем. Наоборот, на базе этой теории пришел он к утопическим выводам, что капитализм — несправедливый строй, ибо именно этим строем нарушается трудовая стоимость, справедливость, право труда на полный его продукт. Он, подобно ранним английским утопистам, в условиях Грузии развивал мысль, на базе трудовой теории стоимости, что трудящемуся — творцу продукта должен принадлежать результат его труда. Так как капитализм нарушает этот высоко нравственный закон, то он должен быть заменен строем, осуществляющим этот закон. Действительно, он распределение продуктов труда между рабочими и капиталистами считает величайшей несправедливостью и выискивает утопическое средство для устранения этой несправедливости.

Будущий экономический строй должен быть товарищеским производством, и по словам Чернышевского, следующие принципы должны лечь в основу этого строя: «труду не следует быть товаром; что человек работает с полной успешностью лишь тогда, когда работает на себя, а не на другого; что чувство собственного достоинства развивается только положением самостоятельного хозяина; что поэтому искать надлежащего благосостояния будет работник только тогда, когда станет хозяином; что с тем вместе принцип сочетания труда и характер улучшенных производительных процессов требуют производительной единицы очень значительного размера, а физиологические и другие естественные условия требуют сочетания очень многих разнородных производств в этой единице; и что поэтому отдельные хозяева — работники должны соединяться в товарищества».¹

¹ Цитируется по Г. В. Плеханову, Соч., т. VI, стр. 236.

Тархан-Моурави капитализму противопоставляет социалистический строй и утверждает, что только социализм, товарищеское производство, на основе общественной собственности, способно избавить трудящихся от эксплуатации.

Анализ его понимания социализма ясно показывает, что источниками этого понимания являются такие произведения Чернышевского, как «Капитал и труд» и «Очерки из политической экономии (по Миллю)».

Социализм, по представлению Тархан-Моурави, такой общественный строй, в котором ликвидированы все вредные черты капитализма. В отличие от капитализма при социализме труд соединен с собственностью в одном и том же лице, а потому социализм способен ликвидировать нищету трудящихся, так как, являясь соединением труда и собственности в одном лице и товарищеским производством, исключает эксплуатацию.

Социализм ведет к материально-культурному подъему трудящихся, потому в отличие от капитализма социалистическое производство не производство для сбыта и для прибыли: его цель — производство материальных благ для удовлетворения потребности трудящихся, которые являются владельцами, хозяевами продукта труда.

Значит социализм — труд на себя, в свою пользу, труд, направленный на благо самого трудящегося человека. И эта черта социализма не может максимально не стимулировать труд и не может не вызвать неудержимого стремления со стороны трудящихся усовершенствовать технику. Социализм поведет к расцвету материального благосостояния трудящихся и потому что обратит труд исключительно на производство предметов народного потребления, ликвидируя производство паразитического потребления, производство предметов роскоши.

Социализм, являясь производством для потребления, не будет знать бесперывных, характерных для капитализма застоя, кризисов, которые вызывают огромные потери труда, выключение из процесса производства огромных масс трудящихся, лишение их средств к существованию. Социалистическое производство, как крупное производ-

ство разделением и кооперированием труда, достигая максимальной экономии труда и средств производства, развивает производительность труда.

Так организованный человек, будучи материальными и физическими потребностями природой человека, ведет не только к обогащению, но и физическому и культурному процветанию тружеников.

Таков тот строй на организацию которого звал Тархан-Моурави, и эти его представления о социализме имеют своим источником взгляды Чернышевского, но наш отечественный утопист в отличие от его великого учителя предполагает, что социализм вполне возможно осуществить «частным образом», путем мирного самоассоциирования трудящихся.

§ 4. МИРНЫЙ, ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ ПУТЬ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ СОЦИАЛИЗМА И ВОПРОСЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ГРУЗИИ

Как мы видели выше для ликвидации нищеты масс, ликвидации классовой вражды и борьбы между трудом и капиталом, Тархан-Моурави предлагает вместо разъединения — объединение. Капитал и труд должны объединиться, т. е. благоразумно распределиться и взамен борьбы и вражды установить гармонию, взаимную помощь и взаимную поддержку, т. е. ассоциацию. Так организованные производительные силы вызовут обогащение всего общества, а также отдельных членов его, всех трудящихся. Как это совершить в Грузии, в масштабе всего человечества, этот вопрос он подробно рассматривает в статьях, опубликованных в газете «Дроеба» в 1868 и 1869 гг.¹

В этих статьях Тархан-Моурави, раскрывая преимущества ассоциации социализма, намечает пути его осуществления. У него основное средство утверждения социализма путем просветительской деятельности — это ассоциирование экономики. Он утверждает, что ассоциация, со-

¹ См. Тархан-Моурави, «Необходима-ли для нас взаимная помощь!», газ. «Дроеба», № 44, 1868г., №№ 20, 21, 22, 23, 24, 1869 г.

юз, товарищество, взаимная помощь — закон существования и развития человека, экономики, что без взаимной помощи, сочетания и сотрудничества невозможно существование как отдельного человека, так и человеческого общества. Он предполагает, что они существовали в прошлом и есть в настоящем, но если взаимная помощь, союз, сотрудничество искажены и не приняли универсального характера, это результат нашей умственной отсталости, результат ошибок разума.

При переходе от старого способа производства к новому, к социализму, не понимая роли надстройки в общественном развитии, он предполагает, что революционное насилие вовсе ненужно, мирный путь развития социализма он считает единственным, абсолютным путем. Если Чернышевский утверждал, что «никакая важная новость не может утвердиться в обществе без предварительной теории и без содействия общественной власти,¹ что нет ни одной части общественного устройства, которая утвердилась бы без теоретического объяснения и без охранения от правительственной власти»² и, что существующее государство и право не индифферентно к формам экономического развития, Тархан-Моурави предлагал обратное, по его мнению главное это иметь правильную социалистическую теорию. Выходило, что если теория показывает преимущества социализма для трудящихся, находит утопические формы организации социализма, докажет, что социализм обеспечивает всем безбедное существование, — все кинутся на социализм, объединятся в ассоциации, осуществят его. Он думал, что осуществление социализма выгодно привилегированным классам.

Обосновывая мирный путь развития социализма, возможность его победы без политической борьбы и господства, он не понимал, что государство помещиков и буржуазии освящает эксплуататорские отношения, их основу ча-

¹ Н. Г. Чернышевский, Изб. эконом. произведения, т. II, стр. 353, «Капитал и труд».

² Н. Г. Чернышевский, там же.

стную собственность и не разрешит в университетах и школах разрушать буржуазную науку и ввести пропаганду в пользу социализма. Он не понимал, что без поддержки государственной власти трудящихся, всякие ассоциации были бы обречены на гибель или подчинились бы законам капиталистической экономики и что для построения социализма нужна не только «организация производства и распределения», но и «организация власти трудящихся», что все остальные государственные порядки помехи и враги социализма.

Итак, главные силы, ведущие к социализму — наука, разум, пропаганда идей ассоциации, товарищеского производства. Отсюда основная обязанность разума, создать правильную теорию социализма и далее реорганизовать существующие основы и систему воспитания.

С целью распространения и утверждения социализма Тархан-Моурави предлагает в первую очередь реорганизовать воспитание молодежи: дело воспитания так должно быть поставлено, чтоб изучались естественные науки, науки о природе и технике, агрономические науки, а из общественных — теория социализма, чтоб молодежь могла пропагандировать идеи социализма и строить экономику социализма. И, конечно, если бы эта сугубо утопическая, просветительская теория строительства и победы социализма Тархан-Моурави не была опровергнута нашими революционными демократами и революционным народничеством, она могла принести освободительному движению огромный вред.

Тархан-Моурави утверждает и то, что если даже сознательно не будет строить ассоциации, все равно экономический ход развития вынудит человечество отказаться от капитализма и перейти к социализму, ибо ассоциации, возникающие то в одной, то в другой отрасли хозяйства при капитализме, доказывают свое преимущество и тем самым проясняют сознание людей. Но задача разума заключается в том, чтобы сократить этот мучительный путь развития заранее, пока сама жизнь убедительно не доказала этого.

Тархан-Моурави решительный сторонник ассоциации. Он еще в 1868 году утверждал, что «форма ассоциации, это общий закон любого народа...», «без ассоциации не

только наша, но невозможна жизнь ни одного другого народа».¹

Говоря о Грузии, Тархан-Моурави уверен, что грузинский народ настроен в пользу ассоциации, а потому не представляет особой трудности организации ассоциаций. Сравнительно быстрое их распространение.

«В нашем народе проснулось движение за ассоциацию... Мне думается, — пишет Тархан-Моурави, — для нашего народа не представляет трудности организовать и распространить ассоциацию...»² Он уверяет, что насколько быстро распространяется «ассоциация», настолько же быстро обогатится Грузия. Экономическое обогащение, рост культуры и науки, быстрое продвижение Грузии вперед в области материальной и духовной культуры, он правильно связывает с социализмом. Но Тархан-Моурави думает, что сплошное ассоциирование сразу всех отраслей народного хозяйства Грузии невозможно. В первую очередь, ввиду серьезного значения сельского хозяйства, — предполагает Тархан-Моурави, — надо ассоциировать именно его. «Нет сомнения в том, что мы должны направить все наши усилия на то дело, посредством которого мы укрепимся...» и умножим материальное богатство, пишет он. «Поэтому мы должны уделить самое серьезное внимание сельскому хозяйству; и там, где одному человеку не по-плечу будет вести сельское хозяйство, попытаться приобрести товарища и коллективным трудом вести это крайне необходимое дело»³.

Но Тархан-Моурави думает, что «форма и направление ассоциации зависит от уровня умственного развития», и предполагает, что умственный уровень развития не позволяет сейчас перевести сельское хозяйство в целом на ассоциативный путь. Из анализа его статей видно, что в первую очередь он стремится кооперировать обращение и устроить ассоциации, перерабатывающие сельскохозяйственные продукты, т. е. частично ассоциировать процессы производства. Таким образом, Тархан-Моурави выступает

¹ См. газ. «Дроеба», № 44, 1868 г.

² Там же.

³ См. газ. «Дроеба», № 21, 1869 г.

с теорией постепенного ассоциирования. «Хотя мы уже отметили, что должны организовывать собственно сельскохозяйственные ассоциации, но нельзя забыть, что кооперировать сельское хозяйство в целом теперь же не будет возможным»¹. Но кооперируя сельское хозяйство, мы должны его направить целиком на производство для народного потребления.

«Обогащение народа. — пишет Тархан-Моурави, — возможно при условии развитого сельского хозяйства, причем из этого развития сельского хозяйства должно быть исключено производство роскоши для удовлетворения испорченного вкуса»². Производство Тархан-Моурави мыслит как производство необходимых средств существования в изобилии. «Если народный труд во всех отраслях народного хозяйства будет направлен на производство необходимых средств существования, только в том случае можно достичь обилия этих продуктов и этим самым обеспеченности народа»³.

В его сельскохозяйственные ассоциации открыты двери всем слоям сельского населения — крестьянам и помещикам. Осуществлению такого принципа приема он придает исключительно большое значение для дела сближения этих классов, для дела ликвидации классовых противоречий и классовой борьбы между ними. Он утверждает, что объединение в ассоциациях заставит привилегированные классы отбросить свои узко классовые интересы и проникнуться «общественными интересами». «В члены ассоциации должны приниматься как крестьяне, так князья и дворяне... Без этого в нашем народе опять останется то разьединение, которое существует между ними. Когда в ассоциации принимают и тех и других, тогда между ними установятся единство, доверие, которые необходимы для нашего экономического успеха. В ассоциации они лучше

¹ См. газ «Дроеба», № 21, 1869 г.

² См. статью Тархан-Моурави, «Необходима ли взаимная помощь?», газета «Дроеба», № 21, 1869 г.

³ См. там же.

поймут, как они нуждаются друг в друге, будут иметь один общественный интерес и этим более легко и быстро достигнут лучшей жизни»¹.

Тархан-Моурави убежден, что привилегированные слои населения тоже пойдут в ассоциации; от эксплуатации, связанная с риском, борьбой и сопротивлением трудящихся, разорением, менее выгодна для этих слоев, чем ассоциация.

Добровольное кооперирование привилегированных классов с трудом так же обеспечивает им материальное благополучие, постоянные доходы, освобождая их от риска и страха, от застоя в производстве и от потери доходов; в кооперации их не ожидает разорение и другие лишения, как это бывает с ними при капитализме, при конкурентной борьбе.

Ассоциации Тархан-Моурави строит на последовательно демократических началах. Во главе ассоциации стоит выборное правление, контролируемое общим собранием членов ассоциации. Правление осуществляет наказы общего собрания и ведет текущие дела ассоциации. Право приема в члены и исключение из ассоциации принадлежит только общему собранию, которое все вопросы решает большинством голосов. Серьезной проблемой для Тархан-Моурави является проблема распределения доходов. Мы помним его методологический принцип, который требует изучить прошлое и настоящее с точки зрения, что в них есть положительного и что отрицательного. Все это ему нужно для того, чтобы при организации ассоциации удалить вредное и сохранить положительное. Основным принципом в деле организации новых общественных отношений он считает удаление вредных сторон настоящего, будущее для Тархан-Моурави — это очищенное от вредных сторон настоящее. И вот, подходя к проблеме распределения доходов в ассоциации, он хочет построить его

¹ См. статью Тархан-Моурави «Необходима ли взаимная помощь?», газета «Дроеба», № 21, 1869 г.

на базе удаления вредных черт в этом отношении капитализма, т. е. на базе восстановления закона трудовой стоимости, нарушенного капитализмом. Разумное, справедливое распределение для него — распределение

Но это Тархан-Моурави тоже хочет поощрять. Он выступает против **уравнительного** распределения. В его взглядах в этом отношении проскальзывает опасение, что уравнительное распределение не будет стимулировать труд членов ассоциации и развалит ассоциацию. Материальная заинтересованность на базе разумного распределения, по Тархан-Моурави, необходимое условие для развития ассоциации. Он решительный враг уравниловки. Уравниловка в распределении отнимает стимул у члена ассоциации честно трудиться, дать по своим способностям все, что он может дать. Уравниловка в распределении — это база для лени и обжорства. Ассоциации, устроенные по принципу уравнительного распределения доходов, могут принести огромный вред, дискредитировать идеи ассоциации и, таким образом, социалистическое устройство общества. Есть еще другой подход к проблеме распределения у Тархан-Моурави. Распределение он хочет использовать как рычаг, в том отношении, чтобы **нетрудовые** слои населения приучились к полезному труду. Когда в ассоциации на первый план ставится участие своим трудом в процессе производства, то нетрудовые слои будут вынуждены заняться полезным трудом, ибо в том обществе, где культивируется труд, где труду дается преимущество, где дела устроены так благодаря разумному распределению, не может быть иначе, так как только труд становится источником благосостояния.

Исходя из всего этого, он предлагает членов ассоциации, которые внесли в ассоциацию только деньги, во время распределения доходов отодвинуть на задний план; нетрудовому элементу ассоциации надо дать меньшую долю дохода, трудовому элементу — по затраченному труду. Он этот принцип по-своему оригинально обосновывает: «...Трудное дело распределение дивиденда (т. е. дохода ассоциации — Г. М.). Ясно, что когда какой-нибудь человек вступает в ассоциацию членом, т. е. он вступает с целью

получить по истечении некоторого времени известный процент или дивиденд. Но здесь возникает вопрос: как распределить этот дивиденд? Какому элементу должны дать наибольшую долю дивиденда? Тому ли, который в ассоциации внес больше других денег, или тому, который трудился в ассоциации в пользу нее своими руками и умом? Мне кажется, что всякий предмет создается трудом, хотя многие из нас считают золото и серебро богатством, но мы должны отметить, что настоящее богатство, как отдельного человека, так и всего народа, состоит только в труде. Деньги, — это посредник, благодаря которому мы приобретаем нужные нам предметы. Собственно деньги не прибавляют ничего к богатству народа. Богатство народа состоит не в движении богатства, а в развитии разума и в создании разных нужных предметов. Мы из истории знаем, что в одно время в Испанию много золота ввозили из Америки, но ввоз золота не обогатил народ, потому, что не занимались другим, полезным трудом, производительный труд был заброшен. Мы видим, что вместо обогащения, государство впало в бедность и даже сейчас Испания носит следы этого обеднения. Другие государства, которые уделяли должное внимание настоящему труду, как, например, Англия, Америка — эти государства не только пали, но возглавляют цивилизацию. Мы должны ценить не предмет, который создан, а тот труд, который необходим для создания этого предмета... При оценке предмета мы должны иметь в виду только труд. По этой причине больший дивиденд должен принадлежать труду, а не деньгам. Труд, который создаст лучший предмет и будет более производительным, соответственно этому и должен принадлежать дивиденд¹. Теория, что только труд создает стоимость, нужна Тархан-Моурави, чтоб лишить владельца денег и земли, возможности присвоения большого нетрудового дохода, чтоб закрыть каналы для возникновения возможности эксплуатации. «В ассоциации, — пишет он, — если деньгам дадим преимущество и большой дивиденд, то тогда нет сомнения, что мы придем к тому же

¹ См. газ. «Дроеба», № 22, 1869 г.

концу, который нам известен и видим: порабощение денежных и трудолюбивых людей денежными. Тогда ассоциация принесет только вред».¹

Тархан-Моурави убежден, что когда нетрудовые элементы увидят, что труд имеет большое преимущество, деньги останутся на заднем плане, они постепенно примутся за полезный труд и таким образом нетрудовой доход сам по себе исчезнет, не будет никакой эксплуатации, все силы народа будут направлены на подчинение природы. «Когда этот принцип будет принят, — пишет Тархан-Моурави, — т. е. право денег падет и его место займет труд, тогда в нашей стране не будет той эксплуатации и порабощения бедных людей, что мы видим в Европе. Результатом будет то, что та часть общества, которая привыкла жить чужим трудом, не будет этого делать и займется более полезным».²

Представляют интерес взгляды Тархан-Моурави на торговлю. Торговцев он считает паразитическим слоем населения. Торговля толкает большинство народа на путь нищеты. Тархан-Моурави думает, что существование паразитов-грабителей торговцев связано с экономическим строем капитализма и только ассоциации способны ликвидировать их.

«Когда у нас будут организованы ассоциации, писал Тархан-Моурави, навеки исчезнут паразиты торговцы, которые являются теперь посредниками между потребителями и фабрикантами. Такие посредники-торговцы вредны для нас тем, что они надбавляют 40—50% цены каждого предмета и берут их с нас. А когда ассоциация будет, то она сама может изготовить нужные предметы или прямо без посредников получить их с фабрики. Тогда 40—50%, которые отнимает у нас торговец-посредник, останутся у члена ассоциации и этим самым он освободится от паразитов, добавочное богатство останется в его распоряжении».³

¹ См. газ. «Дроеба», № 22, 1869 г.

² См. назв. статью в газ. «Дроеба», № 23, 1869 г.

³ См. газ. «Дроеба», № 24, 1869 г., статья «Нужна-ли...»

Эти мысли Тархан-Моурави о торговле носят следы фурьеристских взглядов. Фурье тоже утверждал, что торговый агент грабит общество. Консидеран подчеркивал, что капиталистическая форма социальной организации ждет и делает необходимым существование ассоциации армии торговцев, корпорации — паразитов, которая развращает и уничтожает общественный организм.

Для Тархан-Моурави ассоциация могущее средство развития экономики, культуры и всеобщего процветания, для установления общественной гармонии и т. д.

«В ассоциации все имеют общественный интерес, интерес к общественному труду, так как трудом обеспечиваются жизненные средства, труд полностью вознаграждается... Это ведет к обогащению и моральному подъему... Ассоциации уничтожат бедность, борьбу между классами... Когда у нас будут организованы ассоциации, навсегда будут уничтожены паразиты-торговцы»¹.

Приводя эти же цитаты, проф. С. Хундадзе правильно замечает: «Ассоциацию наш автор считает спасителем нашего народа: ассоциация обогатит материально, поднимет в умственном и этическом отношении, приучит к общественному труду и переведет народ в высший общественный строй. Ассоциация, по мнению автора, спасет наш народ от капиталистических недугов и создаст общественную гармонию»².

Теория ассоциации Тархан-Моурави, т. е. идея перехода к социализму путем ассоциации, мирно, без революции имела своих предшественников, сторонников и противников из социалистического лагеря.

До публичного выступления в грузинской периодической печати Тархан-Моурави, газета «Дроеба», уже в 1866 году начал пропагандировать подобные идеи. В апрельском журнале «Мнатоби» 1869 года Ингило Джанашвили следующим образом сформулировал свою программу преобразования социально-экономической жизни Грузии.

¹ См. газ. «Дроеба», № 24, 1869 г., статья «Нужна-ли...»

² С. Хундадзе, «К истории социализма в Грузии», т. 1, стр. 157.

«Чтоб экономическая жизнь расцвела для всех, чтоб в Грузии полюбили труд, необходимо иметь хорошо оборудованные фабрики и заводы, чтоб народ знал, что продукт его труда будет продаваться по доступным ценам и будет на него спрос... Следовательно, для того, чтобы наш народ обогатился и энергично трудился, нужны: 1) разумный, производительный труд; 2) фабрики и заводы, чтобы продукты продавались беспрепятственно у нас в стране; 3) нужно, чтобы столяры, текстильщики, овцеводы, земледельцы, ремесленники и садовники селились вместе, чтоб среди них находились и продавец и покупатель... Необходимо, чтобы одна ассоциация была земледельцев, вторая — животноводов (молочники), третья — овцеводов, четвертая — плотников, пятая — текстильщиков, прядильщиков, шестая — виноделов, седьмая — заводчиков, восьмая — фабрикантов и чтоб они были в товарищеских отношениях и производили между собою обмен продуктов на месте и у них все имелось».¹

Известный историк Грузии Дмитрий Бакрадзе выступил еще в 1866 году с народническими идеями, пропагандистом осуществления социализма кооперативным путем. Основные положения ассоциативного, кооперативного социализма были им изложены в большой статье «Историческое движение просвещения».² Эта статья печаталась в нескольких номерах газеты «Дроеба» в 1866 г. Дмитрий Бакрадзе писал: «До последнего времени принцип товарищества не был применен там, где это было необходимо, т. е. к труду простого народа. Кооперация восстановит права труда, освободит от ига капитала. Кооперация изменит материальное и нравственное положение трудящихся». В нынешних условиях труд угнетен потому что, по мнению Д. Бакрадзе, трудящиеся не имеют капитала (т. е. средств производства). «В наши дни, — пишет он, —

¹ Ингило Джанашивили, «Человеку просвещение должно дать средство усовершенствования жизни и приобретения богатства», журн. «Миатоби», апрель, 1869 г., стр. 59—60.

² См. Д. Бакрадзе, «Историческое движение просвещения», газ. «Дроеба», № 5, 13, 14, 15, 16, 17, 19, 20, 1866 г.

если рабочий хочет трудиться, сперва он инструменты или орудия труда должен приобрести, иметь сырье, место и машины для производства, а также средства к существованию его самого и его семьи. Это все должен иметь рабочий люд заранее до того как от его труда получится положительный результат. Одним словом, рабочий должен иметь капитал. Без капитала он ничего не создаст; рабочий, который капитала не имеет, всецело зависит от капиталиста. В наше время капиталистами поработен труд. Этого не должно быть. Ассоциация выведет рабочего из такого положения. Когда рабочий будет связан в ассоциации, будет опираться на ее помощь, тогда капитал потеряет свою силу, труд освободится от рабства, станет свободным и приобретет капитал...

Сегодня или завтра наш народ должен начать распространение ассоциации. Без этого народ всегда будет в нищете, и чем дальше тем хуже будет его положение».¹

Известный профессор химик В. Петриашвили тоже был подвержен социалистическим идеям, о чем правильно указывали до нас в нашей научной литературе².

Характерным явлением для 70-х годов грузинской действительности является не только защита теории мирного пути перехода к социализму путем ассоциации и кооперации, но были сделаны практические шаги в этом направлении. Организовывались ассоциации, кооперативы под маркой социализма. Как теория мирного перехода к социализму через ассоциации, так и движение было раскритиковано публицистами социалистического крыла в те же годы. В этом отношении достойна внимания критика нелегальной социалистической газеты «Дроша» («Знамя»).

¹ Д. Бакрадзе, «Историческое движение просвещения, «Дроеба», № 17, 1866 г.

² См. статьи проф. В. Петриашвили, газ. «Дроеба», № 10, 1867 г. «Почему о нашем положении не думаем», «Грузины нашего времени», «Дроеба», № 20, 21, 23, 24, 1866 г. См. также сб. статей «О Петриашвили», главы «В. Петриашвили и тергдалеульцы», 1951 г.

Газета упрекает сторонников ассоциации в том, что социальный вопрос, осуществление социализма нельзя оторвать от политики. Знаменательно то, что газета критикует не только грузинских сторонников аполитизма, но и резко нападает на лавровский журнал «Вперед» («Знамя») и замечает, что издаваемый русскими революционерами журнал «Вперед» намерен ставить социальные проблемы оторванно от политики. Автор замечает, непонятно, как можно отделить осуществление социализма от политики, когда они не отделимы. В газете «Дроша» определенно заявлено, что нечего и думать об осуществлении социализма без политического переворота. Газета «Дроша» политический переворот ставит необходимым условием для осуществления социализма.²

А что касается планов, подобных плану Тархан-Моурави и «ассоциативному» движению, газета в этих ассоциациях и в этом движении ничего социалистического не видит. В статье «Ложь нашей молодежи» газета пишет: «Почему народ в бедственном положении, почему мучится, страдает он и почему его трудом пользуются другие? Чем все это уничтожить? Вот вопросы на которые молодежь отвечает: «Этого не должно быть, должны уничтожить эксплуататоров», и молодежь предлагает организовать ассоциации, кооперативы. Газета продолжает: «Что будет потом? Место прежних эксплуататоров займет стремящаяся к добру грузинская молодежь. Взамен старого сурового слова «ты» — крестьяне услышат «вы». Мы глубоко сомневаемся в том, что изменится экономическое положение нашего крестьянина, если вместо бездушного торговца будет эксплуатировать его сердечный друг»³.

Отвергая мирный путь построения социализма, «Дроша» правильно указывает на буржуазный характер

¹ Газета «Дроша» («Знамя») выходила в Париже в 1873 г. в апреле месяце, в Грузии сохранилось только 3 экземпляра этой газеты.

² «Дроша», № 1, 1873 г. Статья Н. Николадзе.

³ Газета «Дроша», № 1. 1873 г. Статья Н. Николадзе.

«ассоциативного» движения, что это только ассоциативная персонификация эксплуататорских отношений.

Представляют интерес и другие вопросы экономического развития Грузии, затронутые Тархан-Моурави. Анализируя экономику Грузии с точки зрения производительных сил, Тархан-Моурави приходит к выводу, что Грузия в экономическом отношении отсталая страна. Эту отсталость он замечает и в области сельского хозяйства, и в области промышленности. Особенно опасной считает он промышленную отсталость страны. Благодаря тому, что Грузия не имеет развитой промышленности, которую он мыслит как легкую, главным образом, пищевую и текстильную, грузинский народ подвергается грабежу в сфере обращения с иностранными торговцами. Развитое сельское хозяйство, производящее все средства существования и развитая промышленность, перерабатывающая продукты сельского хозяйства, являются основными пунктами его экономической политики. Они обеспечат безбедное существование народа и освободят от грабежа иностранного торгового капитала, что еще и еще умножит богатство и благосостояние Грузии. Должно быть замечено, что перед народным хозяйством Грузии Тархан-Моурави не ставит частнокапиталистических целей и у него отсутствует стремление подчинить развитие народного хозяйства Грузии мировой рыночной конъюнктуре. Развитие разных отраслей народного хозяйства он подчиняет задачам обильного обеспечения народа средствами существования. Он не за развертывание товарооборота и торговли между иностранными государствами и Грузией: вместе с тем в его статьях мы не встречаем протекционистских идей, проникавших тогда в грузинскую периодику при посредстве идеологов разных слоев слабой грузинской буржуазии. Схема экономической политики Тархан-Моурави, которая ставит задачей оградить от грабежа иностранного капитала и умножить производство потре-

бительных стоимостей, порочна. Проведение в жизнь принципов экономической политики Тархан-Моурави не могло содействовать выполнению этих задач. Для обеспечения экономической самостоятельности страны необходима ее индустриализация; страна должна производить средства производства с целью обеспечения техникой различных отраслей народного хозяйства, производящих средства существования; в капиталистических условиях Грузия этого не могла сделать. Грузия это могла сделать в условиях социализма. Тархан-Моурави понимает, что из экономической отсталости Грузия может вырваться через социализм, но не понимает, что малая страна, если она не поддержана социалистическими нациями, не может ликвидировать свою экономическую отсталость. Его схема экономической политики порочна в том отношении, что даже при высоко развитом сельском хозяйстве и при высоко развитой легкой промышленности Грузия не могла не быть закабалена капиталистическими нациями, во-первых, она была малой страной, — условие, которое оставляет место для политического давления извне; во-вторых, нуждаясь в импорте техники для своего сельского хозяйства и промышленности, она не могла быть экономически самостоятельной. И далее, он не понимает, что малые страны как бы они не были экономически развиты, при существовании капиталистического окружения не могут рассчитывать на какую-нибудь самостоятельность. Кроме чисто торгово-экономических факторов при капитализме действуют факторы, ведущие к образованию малых наций большими буржуазными нациями и т. д. После Великой Октябрьской социалистической революции ясно, что малая нация может сохранить свою национальную самостоятельность, может развить свои духовные и материальные силы только в братском содружестве народов в условиях социализма, в лагере социализма и при поддержке социалистического лагеря.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ Е. БОСЛЕВЕЛИ

(ЕСТАТЕ МЧЕДЛИДЗЕ)

Подавляющее большинство своих публицистических статей Е. Мchedлидзе (1854—1885) опубликовал под псевдонимом Е. Бослевели. Он активный участник дискуссии, которая развернулась в начале 80 гг. 19 века главным образом между революционерами-народниками после опубликования статьи Г. Здановича-Манашвили — «Письма нашим общественным деятелям» — по вопросам взаимоотношения политики и экономики и их роли в общественном развитии.

Е. Бослевели написал 9 фельетонов, направленных против Манашвили. Из этих фельетонов свет увидели только три, да и те были изуродованы цензурой. Бослевели, который безвременно погиб в 1885 году от пули убийцы¹, был участником русского и грузинского революционного движения 80-х годов. Он сотрудничал в 1882—1885 гг. в газете «Дроба» и был ведущим публицистом газеты «Шрома», издаваемой в Кутаиси. В газете «Шрома» сотрудничали люди разных политических направлений, начиная с буржуазных демократов и кончая народниками народовольческого оттенка. Бослевели был для своего времени высоко образованным человеком, с большой эрудицией, прекрасно знавшим русскую революционную политическую литературу. Его идейно-политическое направление формировалось под влиянием народолюбства, с

¹ См. краткие биографические данные в газете «Дроба», №№ 98, 100, 103, 105, 112, 1885 г. С. Хундалдзе «Материалы», стр. 220—222. С. Цайшвили, «Мнатоби», № 8, 1951 г. С. Хуцишвили и др.

одной стороны, и марксизма — с другой. Бослевели не успел развернуть свой блестящий талант прогрессивного журналиста; его преждевременная гибель была большой потерей и большим несчастьем для грузинской революционно-демократической журналистики.

Методологической основой критики взглядов Манашвили со стороны Бослевели являются взгляды последнего на процесс исторического развития. Его взгляды были шагом вперед и безусловно способствовали разгрому некоторых субъективистических теорий и теоретически обосновали необходимость революционной борьбы трудящихся масс за их политическое и экономическое освобождение.

Изложим вкратце эти взгляды.

В своих статьях он боролся против субъективистов и вообще против тех идеалистических школ, которые изменение форм человеческого общества, главную силу общественного развития, видят в человеческом сознании или в деятельности тех или иных выдающихся личностей. Этим положениям субъективной социологии Бослевели противопоставил, как на это правильно указывает проф. С. Хундадзе, свою теорию «объективных законов». По утверждению Бослевели, история представляет не кучу случайностей, история для него не простое нагромождение бессмысленных ошибок и заблуждений, а закономерный процесс. В статье направленной против «Имеди», Бослевели дал подробную критику этого субъективистического понимания исторического процесса. Он упрекает «Имеди» в том, что «Имеди» к случайностям свел всю историю.

Бослевели, как видно из его статьи «Беседа о журнале «Имеди»¹, а также из другой его статьи, направленной против того же журнала — «Имеди» и его критики — публицисты², отрицает основное положение, выставленное народником С. Чрелашвили, что история подчиняется случайностям, что история это бесчисленное количество случайностей.

¹ См. газ «Шрома», № 17, 5 мая 1882 г. «Беседа о журнале «Имеди».

² См. газ «Шрома», № 27, 1882 г.

Бослевели борется и против того положения, что «история есть дело более или менее выдающихся и более или менее благородных и просвещенных личностей, по своему произволу внушающих непросвещенной массе те или иные чувства и понятия».

Бослевели утверждает, что как природа, так и общественная жизнь представляет мир объективных законов, что общественное развитие определяется объективно существующими общественными законами, общественное развитие — закономерный процесс. Для него чуждым является взгляд рикертианцев и тому подобных, которые отрицают необходимый и всеобщий характер общественных явлений. Признавая взаимную связь, взаимообусловленность общественных явлений, т. е. закономерность общественной жизни, Бослевели борется и против телеологического понимания истории в духе Штамлера и др., против того положения, что в истории господствует телеология. Бослевели упрекает этих господ в том, что они не понимают, что намеченные цели и задачи группой людей обусловленной определенной причинной связью. Бослевели подчеркивает то положение, что люди в разных условиях ставят разные цели, он подчеркивает, что намечаемая цель всегда имеет объективную основу. Вот его возражения против телеологизма в истории.

«Многие и сейчас думают, — отмечает он, — что в материальной и духовной жизни человека действует всевышняя сила, которая никакому закону не подчиняется. Но наука и здесь нашла (т. е. в области общественных отношений — Г. М.) законы, определяющие общественное развитие. Посредством этих законов наука познает жизнь общественного организма. Здесь нет места для случайности и беды и для утверждения того, что то или иное явление результат гнева бога или его милосердия. Общественная жизнь народов, их историческое развитие и прогресс весьма сложное явление. Здесь действует множество сил, факторов, но здесь чья-нибудь воля, чья-нибудь случайное и внезапное не только «большого», но и малого значения не имеют.

Улучшение или ухудшение материального и духовного положения народа, иногда гибель народа, его развитие, происходят не благодаря каким-нибудь **внезапным** действиям, а определяются законами, открытыми философской, экономической, политической, этнографической, физической и другими науками.

Ныне везде передовая часть общества, вооруженная наукой, пытается устроить жизнь народа так, как эти законы требуют... Да, действительно, можно сказать, что минует путь несчастья тот народ, который изучил и понял силу этих законов и уже живет так, как требуют эти законы. Та нация, которая думает, будто развитие общественного организма и историческая жизнь народа зависят от желаний и настроений кого-нибудь или нескольких, или зависит от «случайности», никогда не минует пути, полного опасностей, и сегодня или завтра в овраг свалится. Так и случилось с древними народами. Поэтому мы считаем, что проповедь «Имеди» о каких-то случайностях в исторической жизни народов и вообще подобные взгляды на историю мешают обществу составить разумное понятие об общественных явлениях и направить общественную жизнь по правильному пути...»¹.

Признав существование общественных законов, общественное развитие как закономерный процесс, Бослевели отводит обвинение журнала «Имеди» о том, что Бослевели как будто проповедует фатализм. Бослевели пишет: «Имеди» думает, что я как будто фатализм проповедую и оправдываю действие сильного народа, направленное к угнетению и порабощению слабого народа. «Имеди» приводит пример Ирландии, Боснии и Герцоговины и говорит, что я их борьбу за освобождение от гнета порицаю как «противоестественное действие». Выходит, что приписывая мне фатализм, публицист «Имеди» С. Чрелашвили не понимает сущность его. В фатализм верит тот, кто не понимает законов общественного развития и думает, что общественные явления определены всевышней внешней силой, фаталист тот, кто убежден, что вся-

¹ См. газету «Шрома», № 27, 1882 г.

кое счастье или несчастье в человеческой жизни заранее предопределено и установлено свыше. Такое суверенное понятие потеряло значение после того, как победило естествознание... «Имеди» должен понять, что направить на правильный путь дело освобождения народа от политического и экономического гнета, развитие его культуры и его прогресс возможен только тогда, когда мы вооружены знаменем законов общественного развития, и смотрим на исторический процесс как на закономерное явление, а не глазами журнала «Имеди», для которого общественная жизнь — царство случайностей и хаоса. Такая теория заранее предупреждает нас о том, что благодаря господству «случайности» в истории общественные явления непознаваемы. Редакция журнала «Имеди» удивлена мною выставленным положением, что «жизнь представляет арену борьбы». Ничего удивительного в этом нет. Это происходит в природе и в обществе. Борющимся силам обеспечивает победу только знание законов и общественного развития»¹.

Как видно из этой цитаты, неправильное мнение его о фатализме заключается в том, что фатализм он считает родным братом детерминизма, когда сам он стоит на позиции детерминизма и не понимает глубокого отличия фатализма от социального детерминизма. Правильная научная мысль, которой он придерживается, это признание того положения детерминизма, что всякое общественное явление имеет свои причины, и он из этих причин не исключает стремление людей, их интересы, как это делает фатализм, их вмешательство и участие в историческом процессе больших масс. Квиетизм для него чужд. Как видно из этой цитаты, Бослевели сурово критикует то народническо-лавристовское положение, которое критическую личность считает всемогущим творцом истории... Все субъективисты всегда отводили весьма значительную роль личности в истории. И было время, когда это вызвало большое сочувствие к ним передовой молодежи,

¹ Бослевели. «Имеди» и ее критики—публицисты». См. газету «Шрома», № 27, 1882 г.

стремившейся к благородному труду на общую пользу и потому, естественно, склонной высоко ценить значение личной инициативы. Но в сущности субъективисты никогда не умели не только решать, но даже ставить вопрос о роли личности в истории. Они полагали «деятельность критических мыслей» влиятельно на законы общественно-исторического движения и, таким образом, создавали как бы новую разновидность теории факторов: критически мыслящие личности являлись одним фактором названного движения, а другим его фактором служили его собственные законы. В результате получилась сугубая несообразность, которой можно было довольствоваться только до тех пор, пока внимание деятельных «личностей» сосредоточивалось на практических злобах дня, пока им поэтому некогда было заниматься философскими вопросами. Но с тех пор, как наступившее в восьмидесятых годах затишье дало невольный досуг для философских размышлений тем, которые способны были мыслить, учение субъективистов стало трещать по всем швам и даже совсем расползаться, подобно знаменитой шинели Акакия Акакиевича. Никакие заплатки ничего не поправляли, и мыслящие люди один за другим стали отказываться от субъективизма, как от учения явно и совершенно несостоятельного. Но как это всегда бывает в таких случаях, реакция против него привела некоторых из его противников к противоположной крайности. Если некоторые субъективисты, стремясь отвести «личности» как можно более широкую роль в истории, отказывались признать историческое движение человечества законосообразным процессом, то некоторые из их новейших противников, стремясь как можно лучше оттенить законосообразный характер этого движения, по видимому, готовы были забыть, что история делается людьми и что, поэтому, деятельность личностей не может не иметь в ней значения. Они признали личность за *quantite negligeable*. Теоретически такая крайность столь же непозволительна, как и та, к которой пришли наиболее рьяные субъективисты¹.

¹ Г. Плеханов, «К вопросу о роли личности в истории» т. VIII, стр. 281—282.

Бослевели отрицает теорию грузинских субъективистов о всемогущей роли личности в истории; с другой стороны, он не впадает, подобно вышеупомянутым противникам субъективистов, в ту крайность, по которой величина, которую нельзя принимать во внимание при рассмотрении общественных явлений. Мы должны заметить, что в статьях Бослевели вопрос о роли личности не развернут и ему не пришлось дать в развернутом виде свое положительное понимание вопроса.

Бослевели понимает, что в истории мы имеем дело с процессом развития, причем это развитие понятно как поступательное движение вперед, как процесс перехода от простого к сложному, от низших ступеней к высшим. Бослевели признает, что эти переходы в истории совершаются путем скачков, т. е. революций. Таким образом, он далек от вульгарной теории эволюции в понимании развития, от той теории, исходным принципом которой является взгляд, что общественное развитие происходит мирно и постепенно.

Бослевели понимает, что общественное развитие определяется не субъективными пожеланиями и стремлением, что общественное развитие есть естественно исторический процесс, т. е. законы, направляющие и определяющие общественное развитие, объективны, действуют с силой необходимости, определяя волю и сознание людей. Признавая необходимость исторического развития, принимая общественное развитие, как естественно-исторический процесс, Бослевели признает, что историческое развитие осуществляется через активную деятельность людей, через борьбу классов. Правда, в этом пункте у него очень много неясностей, но шагом вперед в грузинской общественной мысли в 80-х годах было представление исторического процесса, как естественно-исторического процесса и признание того, что лучшие общественные идеалы, отражающие историческую необходимость, осуществляются в истории через активную деятельность людей, через борьбу больших людских масс, классов. **Борьба классов** Бослевели представляется как борьба из-за материальных экономических интересов, но подробно об этом ниже.

Бослевели направил несколько фельетонов против Маиашвили. В этих фельетонах коренным вопросом явля-

ется вопрос о соотношении экономики и политики вообще, и в частности — вопрос о взаимоотношении социализма и политической борьбы. При анализе полемики между Маиашвили и Бослевели становится ясным, что как мы отметили, по этим вопросам по существу существуют теоретико-практические взгляды чернопередельцев, доведенные им самим до крайности, а во взглядах Бослевели народовольчество смешано с марксизмом.

Как решает Бослевели вопрос соотношения экономики и политики, вопрос взаимоотношения социализма и политической борьбы? Его решение этих вопросов не выходит за рамки взглядов русских революционных народников. Мы раз отметили, что ни одно течение русской демократической революционной мысли не могло правильно решить эти вопросы. Правильное решение этих вопросов дали русские революционные социал-демократы во главе с Лениным.

В грузинской революционной литературе чернопередельческое решение этих вопросов, вернее говоря, один из вариантов чернопередельческого решения этих вопросов дал Маиашвили. Линия Маиашвили в этих вопросах — это линия Бакунина и Плеханова. Чернопеределец Плеханов считал, что если признать «экономические отношения... основанием всех остальных, коренную причину не только всех явлений политической жизни, но и умственного и нравственного склада всех его членов, то радикализм прежде всего должен стать, по нашему мнению, радикализмом экономическим»¹. Плеханов, будучи чернопередельцем, подобно Бакунину, не понимает еще силу обратного влияния политики на экономику, надстройки на базис, из такого понимания следует и определение задач революционного движения. «Усилия реформатора радикала, — продолжает Плеханов, — должны направляться, главным образом, на максимальное изменение к лучшему общественно-экономического строя, не справляясь о том, мирно или при насильственном сопротивлении со стороны лиц, заинтересованных в сохранении старого порядка, может совершиться это изменение»². Плеханов-

¹ См. «Черный передел», т. I, стр. 112.

² См. «Черный передел», стр. 112—113, 15, I, 1880 г.

ское понимание соотношения экономики и политики давало самое глубокое теоретическое обоснование анархистскому чернопередельческому аполитицизму.

Шаг вперед представляло народовольческое решение вопроса, хотя и это решение не было настоящим решением вопроса. В статье «Политическая революция и экономический вопрос»¹ сформулированы основные народовольческие положения по этому вопросу. Надо отметить, что народовольческое решение вопроса оформилось под сильным влиянием марксизма, а на решение этих вопросов тогдашних революционеров толкала русская действительность. Народовольцы отмечали, что все возражения против политической части ихней программы «вертятся около вопроса о значении политической формы для общественно-экономического развития какой-либо страны»,² т. е. около вопроса о соотношении экономики и политики. И «Народная воля» дает обзор этих возражений. «Все мнения социалистов различных оттенков по этому вопросу можно разделить на три политические категории. К первой категории принадлежат те, которые придают политическим формам чересчур большое значение, признавая за ними силу производить в стране какие угодно экономические изменения путем лишь приказной власти сверху и повиновения подданных, или граждан, снизу; по своим практическим задачам это, по большей части, якобинцы, «государственники», стремящиеся путем захвата власти в свои руки декретировать политический и экономический переворот, провести сверху в жизнь народа социалистические принципы, не вызывая при этом активного участия народа в фактическом переустройстве, и даже «по соображениям» подавить его революционную инициативу. У нас органом якобинских тенденций является газета «Набат», издаваемая г. Ткачевым.

Ко второй категории принадлежат те социалисты, которые, наоборот, признают за политическим фактором ничтожное значение в общественно-экономической жизни, отрицая всякое серьезное влияние, положительное или отрицательное, политических форм на экономические отношения; поэтому в своих практических задачах эти лица

¹ См. «Народная воля», № 5, II, 1881 г., стр. 107—109.

² Там же, стр. 107.

признают бесполезным и даже вредным делом для социалистов затрачивать какую-бы то ни было часть своих сил на политическую борьбу. У нас представителями последнего мнения является та фракция (или, вернее, часть ее), которая имеет своим литературным органом «Черный передел».¹ Но кроме этих решений существует **народовольческое решение вопроса.**

«Наконец, синтезом этих двух односторонних мнений служит тот взгляд, который, признавая тесную связь и взаимодействие политического и экономического факторов, полагает, что ни экономический переворот не может осуществиться без известных политических изменений, ни, наоборот, свободные политические учреждения не могут установиться без известной исторической подготовки в экономической сфере. Этот взгляд, разделяемый нашей фракцией и нашим органом, мы разовьем дальше в частностях, а теперь обратимся к доводам наших антагонистов».

«Люди, не разделяющие политической части нашей программы, часто ссылаются на Маркса, который в своем «Капитале» доказал, что экономические отношения и формы какой-либо страны лежат в основе всех других общественных форм — политических, юридических и т. д. Отсюда выводят, что всякое изменение экономических отношений может произойти лишь как результат борьбы в экономической же сфере, и что поэтому никакая политическая форма, никакая политическая революция не способна ни задержать, ни вызвать экономический переворот».²

«Конечно экономический переворот должен быть прежде **подготовлен** историей, т. е. в фактическом соотношении экономических сил, а также в идеях и привычках народной массы должны прежде произойти известные перемены для того, чтобы совершившаяся политическая революция, захватив государственную организацию, могла провести в жизнь, что создано и желательно народу в экономическом отношении».³

Народовольческое решение вопроса соотношения эконо-

¹ См. «Народная воля», № 5, 1881 г., стр. 107.

² «Народная воля», № 5, 1881 г., стр. 107.

³ Там же, стр. 108.

номики и политики представляло шаг вперед в том отношении, что они признавали факт обратного воздействия политики на экономику, считая экономикой коренной причиной «явлений политической жизни». Но, не имея представления о том, чем определяются изменения в экономике, отрывая экономику от состояния производительных сил, народолюбцы не могли правильно решить поставленную проблему, одно признание обратного влияния политики на экономику, попытка выяснения характера этого влияния, не давала еще возможность правильно решить в целом проблему и этим самым направить революционное движение в России на правильный путь. У народолюбцев не было ясного представления о пределах обратного влияния политики на экономику, они не имели представления о «движущей» силе экономики. Благодаря всему этому они не сумели определить характер ближайшего политического и экономического переворота в России, движущие силы этого переворота. Несмотря на то, что они признавали и вынуждены были признать необходимость политической борьбы, они не смогли составить правильное представление по вопросу о социализме и политической борьбе.

В мруту этих народолюбческих идей кружится Бослевели. Разбирая вопрос о соотношении экономики и политики, Бослевели находит причинную связь между экономическими отношениями и политическим строем данного общества. Экономика — причина политики, политика — следствие. Но отсюда не следует заключить, что политика обратно не действует на экономику, он понимает, что в общественной жизни причины и следствия постоянно меняются местами; то, что здесь или теперь является причиной становится там или тогда следствием и наоборот»¹.

Бослевели согласен с Маиашвили и сам это подчеркивает, что главная причина политических движений — это экономические отношения, но он упрекает Маиашвили в игнорировании роли политики, в отрицании ее значения в деле решения экономических проблем.

¹ Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, стр. 22, изд. 1952 г.

Он пишет: «После изложения основного положения статьи (т. е. статьи Манашвили) мы считаем необходимым познакомить читателя и с нашими взглядами по этому предмету, а то подумает читатель, что мы не с необходимостью литературы изучение экономических отношений. Наоборот, мы с автором вместе думаем и убеждены в том, что всякому политическому движению в истории человечества, всякой революции главным образом причиной экономик... Наполеон сказал, что «желудок делает революцию» и сказанное им оправдывается историей человечества.

«Человеческая деятельность, сознательная или инстинктивная, своей конечной целью везде и всюду имеет порядочную организацию общественной жизни, как материальной, так и духовной. То учение, которое смотрит на земной шар, как на место очищения от грехов, а на человека, как на временного гостя, который здесь на земном шаре своими мучениями должен приобрести рай на том свете, устарело. Этому учению сегодня никто не верит ни в Ирландии, ни европейские рабочие, даже то сословие, которое другим терпение проповедывает»¹.

«Экономическая почва, экономика — вот, что придает большую силу и большое значение ею самой вызванному движению народа, это ясно и обязательно видно в современном движении, которым охвачено почти все человечество и которое называют «социалистическим» движением... «Социализм родной сын современного экономического отношения, социализм создан тем положением, в результате которого собственность и богатство не в руках тех, которые своим неустанным интенсивным трудом создают и то и другое, а в тех руках, которым они менее всего должны принадлежать по правде. Что ныне ставит своей задачей «социализм», это возникшее на экономической почве и оттуда черпающее могущественную силу учение? Задачей ставит изменение экономических отношений таким образом, чтобы можно было осуществить

¹ Бослевели, Критический обзор, газета «Илрома», № 48, 1882 г.

принцип: «кто не трудится, не должен есть»... Социализм ставит своей задачей так организовать общественную жизнь, что у рабочего оставался бы в своем распоряжении продукт его труда. Социализм, который ненавидят, стремятся и угнетают несправедливые и сильные мира сего, это братство, свобода, равенство, которые проповедывал пророк пророков Иисус Христос.

Не только это современное движение имеет основной экономическую причину, такую же почву имело древнее и средневековое движение. Желание изменить экономический строй погубило народных героев Гракхов, это имели целью в Римской империи многочисленные восстания простого народа и рабов. Экономические причины вызвали в средних веках восстание немецких крестьян. Этим вызвано и такое содержание (т. е. экономическое — Г. М.), как мы выше отметили, какое видим в современном «социализме», сущность которого один немецкий социалист выразил словами «Вопрос социализма — вопрос желудка»¹.

Бослевели согласен с Маиашвили в том, «что всякое политическое движение вытекает из экономического положения народа и должно иметь в виду в первую очередь установление экономической справедливости в общественной жизни».² Но ставится вопрос, какие средства должен употребить общественный деятель, чтобы достичь упомянутой выше цели? В этом вопросе, говорит он, мы расходимся с Маиашвили. **Рычагом** экономического переворота Бослевели признает политику. Он далек от политического индифферентизма. По его мнению, приобретение политической свободы — гарантия ликвидации экономического угнетения. Он, подобно народолюбцам, в демократическом политическом перевороте видит самое надежное средство «социальной реформы». Он не согласен с Маиашвили игнорировать политику, когда задачей ставится переустройство социальных отношений. Он не согласен с Маиашвили истолковать Маркса в том смысле, что как буд-

¹ Бослевели, Критический обзор, «Труд», № 48, 1882 г.

² Г. В. Плеханов, Соб. соч., т. II, 47—48. «Социализм и политическая борьба».

то автор «Капитала» придает политическому строю общества лишь самое ничтожное значение, считает его не заслуживающим доверия, второстепенной частностью, которая не может служить не только целью, но даже и средством плодотворной деятельности».¹ Бослевели не согласен с Маиашвили в том, что экономическая революция может быть достигнута только путем борьбы на экономической же почве: «Мы хотим, — пишет он, — фактами убедить Маиашвили, что политический фактор основное условие для всестороннего улучшения общественной жизни».² Он понимает, что «всегда и везде политическая власть была рычагом, с помощью которого добившийся господства класс совершал общественный переворот, необходимый для его благосостояния и дальнейшего развития».³

Он понимает, что «вырастая из экономических отношений современного ему общества, политическое могущество буржуазии, в свою очередь, служило и служит незаменимым фактором дальнейшего развития этих отношений».⁴

Он смотрит на «политическую революцию как на самое могущественное средство достижения экономического переворота».⁵ По его мнению, «ни один класс, добившийся политического господства, не имеет причины раскаиваться в своем интересе к «политике»; если, наоборот, каждый из них достигал высшей, кульминационной точки своего развития лишь после того, как он приобретал политическое господство».⁶

Больше того, он упрекает Маиашвили за неконкретно-исторический подход к вопросу. Он правильно отмечает, что бывают в жизни народа периоды, когда вопрос политического объединения и сохранения самостоятельности является решающим фактором в деле не только дальнейшего социально-экономического развития, но и в деле сохранения своего национального существования.

¹ Г. В. Плеханов, т. II, стр. 47—48.

² См. Бослевели, «Труд», № 1, 5/1, 1883 г.

³ Г. В. Плеханов, Соб. соч., т. II, «Социализм и политическая борьба», стр. 51.

⁴ Там же, стр. 53.

⁵ Там же, стр. 55.

⁶ Там же, стр. 55.

Бослевели свое положение о первенствующем значении политики в деле социалистического переворота подкрепляет Марксом. Он спрашивает: «Как не почуд г. Маиашвили тот простой факт, что во Франции, в Германии и в Англии общественные деятели (социалисты) используют политические права для улучшения экономического положения народа и стараются, чтобы посредством этих прав превратить рабочий народ в собственника плода их труда».¹

«Измените экономическое положение и само по себе изменится политическое положение» — вот какой практический совет дает г. Маиашвили... Совет Маиашвили, отмечал Бослевели: является ложным и этим советом сегодня никто не руководствуется, об этом свидетельствуют движения европейских народов и лучшие представители этих движений. Карл Маркс в своем манифесте 1847 года говорит, что рабочий народ обязательно должен приобрести политические права, чтобы сокрушить капиталистическое рабство».²

Бослевели отмечает, что политические свободы в буржуазном строе совмещаются с экономическим господством буржуазии, экономическим крепостничеством, с фактом угнетения рабочего класса, но это не говорит о том, что борьба за политические свободы представляет толчение воды. В фельетонах Бослевели не дан ответ на вопрос: какие политические задачи ставит он перед рабочим классом Запада. Рабочий класс экономически угнетен, он эксплуатируется капиталистами, общественно-государственный строй Запада защищает интересы буржуазии, рабочий должен приобрести политические права, чтобы сокрушить господство буржуазии, вот какой ответ дал Бослевели на выше поставленный вопрос. Не ясно, что означает приобретение политического права рабочим, означает ли это дальнейшую борьбу пролетариата за расширение демократических свобод в рамках буржуазного строя или борьбу за власть пролетариата? На это не дан ответ или дан ответ — установить нельзя, в нашем распоряжении нет настоящего не искаженного текста статей Бослевели.

¹ Бослевели, «Труд», № 3, 1883 г.

² Там же.

Заслугой Бослевели перед грузинской общественной мыслью является то, что он понял классовый характер государства и в частности буржуазного государства. Он утверждает, что государство не какая-нибудь надклассовая организация, а классовая организация, защищающая интересы буржуазии. Правда, у Бослевели нет развернутой характеристики буржуазного государства, нет указания на то, что главным образом благодаря политическому насилию, осуществляемому буржуазией, при помощи государства обеспечивается господство буржуазии. Нет указаний на то, что государство возникло из потребности держать в узде противоположность классов, что оно «по общему правилу является государством самого могущественного, экономически господствующего класса, который при помощи государства становится также политически господствующим классом и приобретает таким образом новые средства для подавления и эксплуатации угнетенного класса».¹ Но раскрытие классового характера буржуазного государства имело огромное значение для грузинской общественной мысли. Это готовило грузинскую общественную мысль к тому, чтобы оно глубже усвоило марксистско-ленинское учение, и помогало революционному движению понять необходимость и значение политической борьбы в деле освобождения от ига капиталистов, в деле освобождения от эксплуататорских отношений.

Вот что пишет Бослевели о существующем общественном и государственном строе у разных народов. «Если человек изучит общественный и государственный строй разных народов, то он везде заметит одинаковые явления, что этот порядок и строй созданы богачами в свою пользу. Он заметит еще, что воля и характер государства определяется экономически привилегированной частью об-

¹ Энгельс, Карл Маркс и Энгельс, Избр. соч., т. II, 1948 г., стр. 303 — 304.

щества».¹ Но от этих слов, конечно, еще далеко до марксистско-ленинского учения о базисе и надстройке и до глубокого понимания роли политических надстроек в деле социалистической реорганизации общества.

Несмотря на то, что Бослевели считает политическую борьбу необходимым элементом социалистического движения, он все же не дошел до правильных определений политических задач социалистического движения в России и Грузии. Ясно одно, что осуществление социализма он не мыслил без создания политической предпосылки, а эту политическую предпосылку он видел в демократически-политическом перевороте в России. Нацеливали ли революционные силы народа на свержение абсолютизма, считал ли он средством ликвидации абсолютизма крестьянскую революцию или террористическую тактику народовольцев, — об этом трудно судить, хотя по ходу его рассуждений можно заключить, что он был за крестьянскую революцию. Ясно одно, что в предстоящем демократически-политическом перевороте он не учитывал рабочего класса как решающую и руководящую силу переворота, он не понимал, что освободительное движение угнетенных классов могло победить только под руководством рабочего класса и его партии, что необходимо в первую очередь социализм соединить с рабочим движением, что необходимо придать политическое выражение экономическому антагонизму и т. д.

Отрицая субъективизм в истории, отрицая что в истории все зависит от произвола людей и их субъективных намерений, признавая историю как естественно-исторический процесс, Бослевели все же не мог определить историческую перспективу общественного развития, т. е. к какому именно общественному строю в пореформенной Грузии осуществляется переход, потому, что он не знал, от чего зависит экономика данного общества, что новая форма общества определяется ходом развития материальных производительных сил. В истории он видит классы и классовую борьбу и в современной ему Грузии видит классы и классовую борьбу, но не дает какую-нибудь раз-

¹ Бослевели, «Труд», № 3., 1883 г.

вернутую характеристику классов и классовой борьбе. Ясно лишь, что возникновение классов и деление общества на классы он связывает с материально-экономической основой общества. Капитализм он считает эксплуататорским строем, с развитием которого происходит усиленное обнищание трудящихся масс и рабочего класса, тогда политическая свобода совмещена с экономическим крепостничеством. Разницу между феодализмом и капитализмом Бослевели видит в том, что для него феодализм это система политического и экономического крепостничества, капитализм политически раскрепощает народ, а экономическое крепостничество сохраняет и усиливает.

Признавая рабочий класс и буржуазию двумя основными и антагонистическими классами капиталистического Запада Бослевели считает рабочий класс производительным классом, создающим материальное богатство, которое капиталисты присваивают. Капиталистов Бослевели представляет как могущественную часть общества, которая благодаря своему могуществу угнетает и эксплуатирует рабочий класс. Он видел в капитализме способность более быстрыми темпами развития производительных сил и умножения материальных благ, но он всегда резко возражал против смещения «экономического процветания», вызванного капитализмом, с «процветанием экономического положения рабочего класса». Он указывает, что «Экономическое процветание, при капитализме означает дальнейшее развитие производительных сил и умножение богатства в руках капиталистов», тогда как положение рабочих остается тяжелым.¹ Отсюда и его отрицательное отношение к капитализму. Представляет безусловно шаг вперед в грузинской общественной мысли 80-х годов и

¹ Вот, что он писал против «Иверии»: «Мы вот что заметим уважаемой редакции, что расширение производства, развитие капиталистического кредита, рост торговли и товарного обращения— это еще не означает процветания экономического положения рабочего, простого народа... Осмелюсь и скажу вам, Англия образец богатства, но можно сказать, что английский рабочий класс, который своими руками создал все это, поэтому в хорошем положении?!».

См. Бослевели, «Труд», № 12, 1883 г.

его подход к крестьянской реформе. Из предыдущего изложения нам известно, как подходил к этой проблеме Маиашвили.

Подход Бослевели к крестьянской реформе ^{выходит} за рамки народнических взглядов.

Несмотря на то, что Маиашвили провозглашает причинную связь между политикой и экономикой и подчеркивает, что политика послушно следует за экономикой, при анализе крестьянской реформы он отрывает экономическую политику русского царизма в период реформы от экономики и расстановки классовых сил в стране. Реформа ему представляется не как результат соотношения классовых сил, а как результат ошибочных взглядов на реформу самих реформаторов, т. е. господ-крепостников, которые сверху проводили путем крепостнической реформы отмену крепостного права. Он не понимает, что это случилось благодаря тому, что в России крестьянское движение не переросло в революцию из-за отсутствия в стране передового революционного класса — пролетариата, который мог бы руководить борьбой и внести организованность и политическую сознательность в крестьянство. «Революционного класса среди угнетенных масс вовсе еще не было». ¹ Он не понимает характер классовой и идеологической борьбы вокруг крестьянской реформы. Он не понимает, за что боролись крепостники и либералы и идеологи крестьянской демократии во главе с Чернышевским. Он не понимает, что в период реформы существует два основных лагеря — лагерь, который отстаивает интересы помещиков и лагерь антикрепостников. В лагере крепостников и либералов шла междуусобная борьба. «Пресловутая борьба между крепостниками и либералами, раздутая и разукрашенная нашими либеральными и либерально-народническими историками, была борьбой внутри господствующих классов, большей частью **внутри помещиков**, борьбой **исключительно** из-за меры и формы уступок. Либералы также, как и крепостники, стояли на почве признания собственности и власти помещиков, осуждая с негодованием всякие революционные мысли об

¹ Ленин В. И., «Крестьянская реформа и Пролетарско-крестьянская революция», т. 17, стр. 94., изд. 4.

уничтожении этой собственности, о полном свержении этой власти»¹.

Антикрепостнический лагерь во главе с великим Чернышевским отстаивал интересы крестьян, боролся за окончательное освобождение крестьян от эксплуатации помещиков и от их власти, чтобы крестьяне получили «всю землю» и «всю волю».

Маиашвили не понимает, какая сила заставила правительство взяться за реформу. Маиашвили не понимал, что основной причиной крестьянской реформы была «сила экономического развития, втягивавшего Россию на путь капитализма. Помещики-крепостники не могли удержать старых, рушившихся форм хозяйства. Крымская война показала гнилость и бессилие крепостной России. Крестьянские «бунты», возрастая с каждым десятилетием перед освобождением, заставили первого помещика, Александра II, признать, что лучше освободить сверху, чем ждать, пока свергнут снизу».²

Сталин указывал — это было время, когда правительство получило двойной удар: извне — поражение в Крыму, изнутри — крестьянское движение. Потому-то правительство, подхлестываемое с двух сторон, вынуждено было уступить и заговорило об освобождении крестьян: «Мы должны сами освободить крестьян, а то народ восстанет и собственными руками добьется освобождения снизу».³ Таким образом, в силу всего этого ликвидация крепостничества была неизбежна и правительство было вынуждено пойти на уступки. Оно понимало, что железная необходимость требует открыть путь капиталистическому развитию, но путь буржуазного развития мог быть двояким: помещичьим и крестьянским. Ясно, что крепостники и либералы боролись за помещичий путь развития. Отражая интересы помещиков, они кровно были заинтересованы в том, чтобы предотвратить крестьянскую революцию, уладить дело мирным путем, реформами, уступками и соглашениями сохранить свое господство, направив развитие страны по помещичьему пути или, как Ленин назвал этот путь, по русскому пути. Демократический лагерь стремился достичь «самого полного уничтожения всего старого по-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 17, стр. 94.

² В. И. Ленин, Соч., т. 17, стр. 95.

³ И. В. Сталин, Соч., т. I, стр. 206.

рядка».¹ боролся за демократический путь развития страны, названный Лениным американским путем развития. «Этот путь капиталистического развития мог быть обеспечен только в результате победы буржуазно-демократической революции и установления республики. Он был наиболее выгодным и для самих крестьян, и для развивавшегося после реформы пролетариата, который, по словам Ленина, знал, что «нет и быть не может иного пути к социализму, как через буржуазно-демократический переворот».² Он отвечал интересам прогрессивного развития страны в целом».³

Прусский путь развития страны это был путь мучительно медленного капиталистического преобразования помещичьих хозяйств, высасывающих соки из крестьян, обрекающий крестьян на мучительное разорение.

Маиашвили всю эту классовую и идеологическую борьбу в период реформы из-за двух способов развития капитализма представляет как борьбу мнений, оторванных от своих классовых корней. Он думает, что, если реформаторы мыслили не так, а иначе, если они мыслили правильно, а не ложно, если они не придавали слишком большого значения личному освобождению, и не игнорировали экономическую сторону вопроса, то все было бы как на мази. Одним словом, не классы и классовая борьба, а **уровень общественного сознания**, мнения творят историю. Маиашвили думает, что, если реформаторы и правительство не способствовали капиталистическому развитию страны, капитализм не развивался бы в России. Ошибки «разума» направили на нежелаемый путь экономическое развитие страны.

Бослевели против такого понимания реформы, он возражает против Маиашвили и указывает, что характер реформы не был предопределен только одними «мнениями» реформаторов, крестьянская реформа имеет свои корни в жизни страны.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 12, стр. 418, изд. 4.

² В. И. Ленин, стр. 419.

³ История СССР, т. II, стр. 399.

По вопросам истории крестьянской реформы Грузии, о коло-

Бослевели догадывается, что идейная борьба вокруг реформы имела под собою материальные интересы, что реформаторы и правительство стояли за интересы привилегированного сословия, а крестьянские массы и их идейные представители боролись против политическо-экономического гнета помещиков, против крупного помещичьего землевладения за землю и волю.

жении крестьян и об аграрном движении см. обстоятельные исследования доктора исторических наук, проф. И. Антелава:

1. «К истории крестьянской реформы 1870 г. в Абхазии», журн. «Ист. Архив», М., т. 5, 1950 г.

2 «Борьба помещичьих крестьян Грузии за переход в разряд государственных в первую половину XIX в.», «Ист. записки АН СССР», т. 40, М., 1952 г.

3. «Реформа поземельного устройства государственных крестьян Закавказья в конце XIX века», Абхазиздат, 1952 г.

4 «Государственные крестьяне Грузии в первой половине XIX века», Изд. АН СССР, 1954 г.

5 «Малоземелье государственных крестьян Грузии в 30—50-х годах XIX века», 1954 г.

6. «Подати и повинности гос. крестьян Грузии в первой половине XIX века», 1955 г.

7 «Государственные крестьяне Грузии в первой половине XIX века», Изд. АН СССР, 1955 г.

НИКОЛАДЗЕ — ПИСЬМО К БАКРАДЗЕ

Поти, 7 января 1914 г.

МНОГОУВАЖАЕМЫЙ ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ,

Простите, что будучи завален срочной работой, до сих пор задержал ответ на Ваше милое и так для меня необычное письмо. Статью Вашу про мою старую французскую брошюру я своевременно прочел, и не знаю, как Вас за нее благодарить. До сих пор моими писаниями у нас пользовались в печати и в частном быту всегда лишь для их перевиранья, в разных гнусных «практичных» целях. И вдруг о них заговорили просто, человеческим языком! Мне показалось, что я уже умер и читаю свой некролог, или что вижу все это во сне. Затем получилось Ваше письмо от 27 декабря, точно «с того света». Не скоро можно было разобраться в таких сюрпризах, тем более, что исполнение Вашего желания требовало от меня возврата к забытой старине, разбереживания старых ран. Но в конце концов, я решил, что мне нельзя не выразить признательность свою Вам в форме исполнения Вашей просьбы — дать Вам нить к библиографическим розыскам о моих писаниях

...Литературную свою деятельность я начал, «ничто же сумняшеся», еще гимназистиком, напечатав в грузинском журнале «Цискари» в октябре 1860 года, диалог на тему: нужен ли нам грузинский язык? За время своего студенчества я пробовал перо в «Искре», «Современнике» и, особенно, в газете «Народное богатство», издававшейся бывшим русским послом в Вене г. Билибиным. В противность названию, газета была бедна, как Иов. Это, однако, не мешало мне с неунывающим усердием пробегать ежедневно, зимою, без пальто, несколько верст, отделявших мою комнатку на Большой Дворянской от типографии Фюсно, в Максимилиановском переулке и проводить в ней буквально все ночи за корректурой и сочинением, под веревочную мерку метранпажа, статей, в восполнение пробелов, образованных цензурными помарка-

ми. Мало по малу, будучи попеременно и сотрудником и корректором и наборщиком, и экспедитором газеты, я, сам, не знаю, как очутился ее фактическим редактором, вероятно за недосугом и безденежьем ее издателя. Но, конечно я был и переводчиком, и критиком, и фельетонистом газеты, приводившим издателя в восторг, конечно не столько содержанием своих статей, сколько их дешевизной и бесплатностью. В этой газете впервые появился мой псевдоним «Скандали»; но большая часть моих статей тут — как и везде впоследствии — не носила моей никакой подписи. Выдались тогда мои статьи по поводу рескриптов 19 февраля 1864 года (о наделении польских крестьян землею), о земской реформе, о книге Прудона «Война и Мир», о сочинении Зибеля «История французской революции», и т. п. Но гораздо раньше большой публики на эти статьи обратила внимание цензура. На Билибина вскоре, как снег на голову, свалилось предложение — согласовать свою издательскую деятельность с видами на карьеру. С испуга он вовсе прекратил издание. Мне работа в нем принесла только ту пользу, что, благодаря ей, был признан истощенным до нельзя и тяжело больным, при испытании, в физикате, без чего не мог бы получить заграничного паспорта, как состоявший под строгим надзором полиции, за участие в студенческих беспорядках осенью 1861 г.

Осенью 1864 года мне удалось уехать за границу в Париж, где я, буквально, не выходил из библиотек и не отрывался от книг. В конце года меня там, совсем для меня неожиданно, разыскал А. И. Герцен, появление которого в моей мансарде, в узкой и закопченной улице Латинского квартала, произвела огромную сенсацию. Хозяйка меблированных комнаток, еще утром третировавшая меня за неисправность во взносе квартирной платы, после посещения самолично поднялась ко мне с кипятком для чая. За ту зиму и весной 1865 года Герцен навещал меня во время каждого своего проезда через Париж. В то время он перебирался на постоянное жительство из Лондона в Женеву и часто бывал в Париже. Помню завезя ко мне Евг. Ис. Утина, впоследствии ставшего известным публицистом «Вестника Европы», и застав меня за сочинением фельетона для «С.-Петербургских ведомостей»

(Корша) о смерти и похоронах Прудона, он много смеялся над моей манерой работы. Увидя меня окруженным массой сочинений Прудона и о Прудоне, и, убедившись, что я их прочел, он предсказал мне, что состояния я себе не составляю писаниями, если столько буду к ним готовиться. Когда он прочел ту мою статью в газете, он очень горячо оспаривал высказанные в ней мысли и находил их несправедливыми. Эта же статья заслужила лестный отзыв философа П. Л. Лаврова, целиком перепечатавшего ее в «Заграничном Вестнике», издававшемся тогда книжным магазином Вольфа под его редакциею. А известно, что сам Лавров не мало писал о Прудоне и прекрасно знал его сочинения.

Летом Герцен уговорил меня написать для его «Колокола» статью об освобождении крестьян в Грузии. Я долго отнекивался, ссылаясь на свою неподготовленность. А он хохотал во всю, своим заразительным смехом, над моею, как он выражался «институтскою наивностью».

— «Да кто же из журналистов к чемунибудь подготовлен», спросил он. «В том то и их назначение, чтобы писать о новостях, никому, начиная с них, неизвестных». Я оспаривал, сколько мог, этот парадокс; но любя его именно за парадоксы, в конце концов дал ему статью, произведшую целую бурю в рюмке тогдашней печати. Отголосок той бури Вы найдете в цензурном оттиске, под заглавием «Старые ошибки», присылаемом мною Вам, (с просьбою, непременно вернуть мне его).

Несравненно больше писания в «Колоколе» меня тогда увлекало сотрудничество в органе Женевских радикалов¹, где я долго слыл, на безрыбьи, сведущим и чуть ли не ученым публицистом. Но на всякую старуху бывает проруха. По совершенному незнакомству с местными отношениями, я раскритиковал речь известного французского республиканца Паскаля Дюпра, помянув, кстати, его промахи в 1848 году. Оказалось, что он личный друг главы партии, Джемса Фази! Меня попросили «сгладить впечатление», написать несколько извинительных комплиментов. «Ведь он теперь в загоне», убеждал меня Фази. Увы, я не понял, и... подал в отставку.

Несколько позже, вместе с русским эмигрантом — Гарибальдийцем Л. И. Мечниковым (братом знаменитого

¹ «La Nation Suisse»

ученого), известным в русской литературе еще по «Современнику» под псевдонимом Леон Бранди, я участвовал в журнальчике «Современность». Тут нами были помещены статьи, шедшие в разрез с банальными наблюдениями романтического революционерства. Здесь впервые высказана была теория «безпроигрышной борьбы на арене земства и самоуправления. Русская печать сразу же обратила внимание на этот журнал, как на серьезную попытку. Но все, что было «легковоспламеняющегося» в русской молодежи, пошло иным, крайним путем. О характере этой работы говорится в моей отповеди И. С. Джабадари, в статье «как пишется история».

Вернувшись на родину, по окончании курса в Цюрихском университете со степенью доктора прав (докторская моя диссертация «о разоружении и его экономических и социальных последствиях»), я поселился весной 1870 г. в Тифлисе, и принялся сотрудничать в «Дроеба». О характере и перипетиях моей работы в грузинских периодических изданиях Вы найдете данные в моей недавней грузинской брошюрке — «О моей политике». Расходясь резко в мыслях с покойным С. С. Месхи о большей части очередных вопросов дня, я условился с ним, после первых неудачных попыток совместного сотрудничества, что один номер газеты будет сплошь составлять он, а следующий — я. Летом в 1870 году газета все время так и выходила; один номер целиком писался или составлялся мною или в моем духе, а другой — редактором. Дело так идти долго не могло. В конце года я основал журнал «Кребули», который и вел единолично до лета 1871 года, когда смерть моего отца заставила меня покинуть Тифлис. С тех пор за массой деловых затруднений, я мог принимать в печати участие лишь со стороны, в качестве уже только сотрудника, а не заправителя издания. Последним я был только за время «Обзора».

Осенью того же 1871 года значительное оживление в местную жизнь внесено было посещением Кавказа императором Александром вторым. Тут впервые возник разлад между мною и значительною частью местной интеллигенции. На совещании о содержании адреса, который должен был быть подан царю, я доказывал, что нужно домогаться только земства. Местные тузы стояли за ка-

детский корпус, а интеллигенция высказалась за Университет. Видя, что в ней мало кто имел понятие о земстве и его необходимости, я составил статьи, помещенные в грузинской «Сельской газете» и изданные затем два раза за отдельной брошюрой. В «Кребули» я, впрочем, дал место и статье Г. Церетели об университете, подтянувшись, как всегда, решению большинства, высказавшегося против моего предложения, никем не признанного не только тогда, но и много лет спустя, несмотря на всевозможные мои доказательства, что это неизбежно первый шаг, первая ступень развития страны, что без него, до него, никакого прочного улучшения народного быта достигнуть не возможно, так как нельзя народу расти без дорог, школ, врачей, кредита, организации, а все это дается только земством, к тому же дисциплинирующим его; причающим его исподволь к самоуправлению, самостоятельности. Все было всуе: я был в такой степени одинок, в отношении этого дела, что на общих собраниях грузинского дворянства за земство, кроме меня, решительно никто не высказался, а в городской думе мое предложение поддержал только один Наполеон И. Аматауни. Я забыл сказать, что времена и нравы были тогда до того патриархальны, что мне, не принадлежавшему ни к числу дворян, ни гласных, представлялось право произносить речи в обоих учреждениях.

Большая часть моих статей или вовсе не подписана, или подписана псевдонимами. Дать Вам их списка я не могу, за неимением под рукой изданий, в которых сотрудничал. Единственный (сколько я знаю) полный экземпляр газеты «Дроеба» имеется у княгини А. А. Мачабели, вдовы кн. И. Г. Мачабели. В ее коллекции Вы можете найти много статей за моей подписью в номерах за 1870, 1871, 1872, 1873, 1876 и 1877 гг. В коллекции «Кребули» все мои статьи подписаны псевдонимом «Скандели».

Происхождение понравившейся Вам французской брошюры таково. В 1874 — 1875 гг. я принужден был прожить в Париже без малого полтора года, для финансирования Тквибульского каменно-угольного предприятия. Старинный приятель моего отца, Мариус Мартен, бывший владелец гостиницы «Франция» в Кутаисе, а за

тем Тифлисе, вывезший с Кавказа солидное состояние и разом потерявший его в Париже за время коммуны, познакомил меня через Марсельского депутата Дельпеша со своим молодым соотечественником Рувье, Марсельским депутатом в «Национальном собрании». Вывезшим недурные связи в финансовых сферах Парижа и впоследствии прославившимся в качестве министра финансов и председателя совета министров. Рувье был тогда женат на пожилой писательнице, прославившейся еще во дни второй империи своими блестящими корреспонденциями из Парижа в „Independance „Belge“ и долго возился с моим Тквибульским делом в этом обществе. Мне часто приходилось высказывать суждение о недостаточном знакомстве французской печати с внешними делами, суждение, основанное просто на чтении немецких и английских газет в кабинетах для чтения, за долгие дни и недели ожидания ответа банкиров. Госпожа Рувье и молодые друзья Гамбетты, посещавшие ее салон, заинтересовались не столько этою моею критикой, сколько моим убеждением, что у России несравненно больше интересов с Германией, чем с Францией, почему общая тенденция французской печати, возлагающей упования на союз с Россией — неправильна. Они то и уговорили меня высказать свои мысли в печати. Стоявший тогда во главе французской прессы ея ветеран Эмиль-де-Жирарден, кончивший жизнь во всем блеске победоносной борьбы, в союзе с Тьерем и Гамбетой, против диктатуры Мак-Магона и попытки монархической реставрации, целиком перепечатал эти страницы моей брошюры в своей популярной газете „La France“. Но из этого, разумеется, ничего не могло выйти. Будущее решит правильно ли я судил тогда, или жестоко ошибался. Но что действительно естественную солидарность русско-германских интересов не разорвали свыше чем четверть вековые старания тройственного союза и даже тройственного соглашения это, кажется, не подлежит сомнению и доказано японской войной, хорошим оселком для пробы всяких связей. Хотелось бы дожить до этой проверки теоретических расчетов высшей политики данными жизненного опыта. Недавно я был поражен, прочтя в «Русском Архиве» обстоятельное рассуждение известного дипломата Сабурова, построенное на той же точке зрения.

Осенью 1875 г. я принял участие в «Тифлисском Вестнике», издававшемся К. А. Бебутовым. По моим желаниям и расчетам это издание с начала 1876 года стало ежедневным. В нем за время 1875 — 77 гг. ¹⁸⁷⁵ ¹⁸⁷⁶ ¹⁸⁷⁷ была масса очень любопытных моих статей. Обращение на напечатанную осенью 1875 года полную программу муниципальной деятельности Тифлисского Городского общественного управления, осуществленную 4 года спустя обновленным под моим давлением составом городской управы во главе с А. С. Матиновым, которого я и выдвинул против Г. Г. Евангулова, имевшего гораздо больше шансов, чем Матинов, стать Тифлисским головой. Другая интересная серия статей моих в той же газете, в 1876 году, касалась мой полемики с кн. И. Г. Чавчавадзе (ведшейся погрузински и в «Дроеба»). В ней я доказывал необходимость придать нашим земельным банкам аграрный и мелиоративный характер. Третья серия моих статей там же «Дворянский пролетариат» была перепечатана в извлечении статс-секретарем бароном А. П. Николай, в его воспоминаниях об управлении Кавказом.

В 1877 году я состоял военным корреспондентом, на азиатском театре войны, агентства Гаваса и «Тифлисского Вестника». Мои корреспонденции в эту газету дословно перепечатывались во всех русских газетах. После моего разрыва с этой газетой, которую я застал с тиражем в 240 экземпляров и довел 3500, (о причинах этого разрыва см. в предисловии И. М. Меунергия к изд. груз. сочинений кн. Д. Г. Эристова), я был приглашен военным корреспондентом газеты «Голос». Для характеристики моей работы на этом поприще см. обвинительные передовицы Каткова в «Московских Ведомостях» против моих телефонных описаний сражений, в результате которых пал Мухтар-Паша и Карс. Вообще Катков несколько раз нюхом чувствовал меня и обрушивался на меня с необычайной силой своего громадного таланта и влияния, особенно в 1879 году, по поводу облетевшей всю тогдашнюю печать моей речи в защиту «Обзора».

В 1878 году мне, наконец, после многократных отказов (первая моя просьба об издании «Обзора» была подана на-

местнику Кавказскому в 1870 году), разрешено было изда-
ние этой газеты под моей редакцией. Тут я окончательно
стал жертвой той язвы нашей общественной и литератур-
ной жизни, которая отравила и отравляет мое существова-
ние незуитских подвохов и клевет. Мой план, изложенный
в передовой статье первого номера «Обзора», состоявший
в разработке в печати конкретных улучшений местного быта
и практическим приучением населения к самоуправлению,
расшибая спущенную ловкачами клевету, будто я прода-
лся правительству и работаю с руссификаторскими целями.
Вся тогдашняя грузинская интеллигенция, непонимавшая
и не прощавшая моих новшеств в полный унисон с армян-
скою приютилась в «Тифлисском Вестнике» под командой
патриотов неизвестно какого отечества, вроде П. А. Измай-
лова (см. вышеуказанную статью Меунергия и «характери-
стики и воспоминания» кн. Г. М. Туманова, издание
1913 года, стр. 54 и след.). Ведение большой ежедневной
газеты, почти без сотрудников, а особенно без корректора,
заставляло меня проводить в типографии ночи без сна, по-
сле напряженной дневной работы. Я тяжело захворал, на-
чал нервничать, потерял самообладание и впал в резкости,
чтобы доказать, что никому не продавался и не с кем не
считаюсь. Это то и требовалось достичь: местная власть,
которая мою теоретическую и даже практическую работу,
как не прямо затрагивавшую ее интересы дня, оставила,
бы без противодействия, не могла не обуздать полного ее
непризнавания. Но конец ошибки достоин памяти потомст-
ва: администрация, ввиду моего непокорства цензуре, оп-
равданного судом, приставила к типографии полицию, без
согласия которой нельзя было выпустить в свет номера.
Мера эта, направленная по существу только против «Обзо-
ра», для приличия применена была ко всем тифлиским из-
даниям. «Тифлиссский Вестник» созвал совещание всех
местных редакторов и предложил им протестовать против
меры забастовкою частных русских изданий. Власть-де не
устоят перед ропотом местной русской публики, не могу-
щей довольствоваться официальным «Кавказом». Тузем-
ным изданиям забастовка не предлагалась, так как ро-
пот их читателей до власти не достигнет. Я долго сопротив-
лялся этому предложению, доказывал его несостоятель-
ность, опасался подвоха, но в конце концов, поддался если

не убеждениям, то решению большинства. Заметьте, большинство составляли редакторы туземных газет, которые не должны были бастовать, а они то и решили участь «Обзора», единственной, читавшейся тогда и влиятельной газеты. Я потребовал по крайности обязательство, что «Тифлиссский Вестник» не воспримет независимости от «Обзора», т. е. не возобновит издания, пока полиция не будет удалена из типографии. Редакция «Тифлиссского Вестника» торжественно дала такую клятву. Обе газеты перестали выходить в начале февраля 1879 года. Впечатление на публику было огромное. Власти вступили со мною в переговоры о способах урегулирования затруднения. Я выяснил г-ад. зн. Святополк-Мирскому и генер. Старосельскому (тогдашнему помощнику наместника и начальнику его главного управления), что единственное средство, достойное и власти, и печати, состоит в освобождении местной печати от цензуры и в применении к нам правил о печати, действовавших в столицах. Наместник (великий князь Михаил Николаевич) согласился хлопотать об этом в Петербурге. Мне было предложено подать соответственную докладную записку, которая и была принята весьма сочувственно при торжественной обстановке. Докладывал (т. е. громко читал ее) князь В. Д. Шервашидзе. В следующую же свою поездку в Петербург наместник возбудил вопрос о распространении на Тифлис действовавших тогда в столицах правил о периодической печати. Ходатайство сначала было сочувственно принято министром внутренних дел, и ген. Старосельский, сопровождавший наместника, надеялся на благоприятный исход дела. Но внезапная реакция, возникшая вслед за покушением Соловьева на жизнь Александра II убила в зародыше это благое начинание, о чем ген. Старосельский тотчас же протелеграфировал мне. Вслед за тем, «Тифлиссский Вестник», в нарушение своей клятвы, начал выходить в свет, под двойной цензурой, обыкновенной и полицейской, даже не предупредив о том солидарную с ним в забастовке редакцию «Обзора». Мне пришлось молчать до начала следующего 1880 года, когда председателю цензурного комитета Д. П. Пуццеладзе удалось убрать полицию и установить нормальные отношения, тянувшиеся только несколько месяцев, до перехода всего местно-

го цензурного комитета во власть придворных педагогов г. г. Мадзалева и Гордзева, обещавших, со-
гнать в бараний рог местную печать и действительно, вы-
полнивших это поручение.

Ничего не скажу об «Обзоре» и об его ^{полемике} «Тифлисском Вестнике» и с другими местными изданиями. Это завлекло бы меня слишком далеко. Ее Вы можете проследить по коллекциям этих газет. Объясню только, что полемика возникла вот по поводу какого недобросовестного извращения мысли «Обзора». Во время моей болезни, когда я лежал и сам уже не мог писать, я поручил одному из случайных сотрудников, г-ну Жукову, написать статью на тему о лучшей утилизации печати на туземных языках. Моя мысль состояла в том, что этим изданиям, вместо обслуживания узких кругов интеллигенции, могущих читать и по-русски, полезнее было бы работать для широких слоев народа, в особенности, для таких, которым совершенно недоступно чтение на русском языке. Эти массы теперь-де вовсе лишены возможности следить за литературой и общественной жизнью. Писать для них надо популярно, азбучно, а не на жаргоне, понятном только интеллигентным кругам. Полагаю, это был совет друга, а не врага, местной печати и местного развития. Но г-н Арцруни, издатель «Мшака», обиделся, или сделал вид, что обиделся, таким «унижением» роли туземной печати. Вслед за ним взаправду раскудахтались и С. С. Мехи, редактор «Дроеба». При благосклонном содействии «Тифлисского Вестника», «Обзор» был объявлен руссофильским органом. За все время существования «Обзора» как нетрудно удостовериться из сличения статей полимизировавших изданий, ни единая мысль «Обзора» не была составлена без злостного, заведомо недобросовестного извращения, и все на один лад и тот же лад: с целью доказать, что я продался правительству, хочу обрусения края и потому мои мысли и советы зловредны. Никакого другого критерия, никаких других методов спора и опровержения — вследствие крайней ограниченности знания у моих противников не было. Пароль, тактика, полемики сводились к правилу Дон-Базилио: «клеветайте, клеветайте, все-ж что-нибудь да пристанет». Не зловеще-

ли, не указывает ли на каменность почвы что, сплотив до последних ошибок, что не удостоился других приемов борьбы? Ведь и г-н Зданович в 1908—1912 гг. только такими подвохами тешил свой раек!

Деятельность «Обзора» кончилась своей высылкой в Ставрополь, в июле 1880 году в самый разгар власти и величия гр. Лорис-Меликова. «Тифлисский Вестник» погиб несколькими месяцами раньше в борьбе с равнодушием публики, несмотря на то, что богатые пайщики три раза собрали ему солидные суммы на поддержку издания. Между тем, тот самый «публицист» (кн. Бебутов), который служил посредником между этим главою русского правительства и либеральной газетой «Голос», исподтишка пустил в публику сплетни с моей мнимой близости к графу, о том, будто на местную администрацию я нападаю в «Обзоре» по его, графа, почину, и т. п. И мои соотечественники, с дуру, без проверки, распространяли эти тенденциозные клеветы, по поводу статей моих, не заключавших в себе ни малейшего нападения на власти, а служивших только указаниями на существенные недостатки местного быта и на средства к их устранению!

После освобождения от ссылки, я переехал в Петербург и поступил на железнодорожную службу, которую тянул до конца 1886 года. Тут я старался применить к жизни экономические новшества, внушавшиеся изучением влияния прогресса техники на передвижение массовых грузов и на судьбе народного хозяйства. В «Трудах» Русского Технического Общества и первых съездов нефтепромышленников Вы можете найти немало данных о моей роли на этом поприще. О новых приемах работы в этой области можете судить вот почему: полная программа того, как можно было разрешить затруднения и кризисы в тогдашней нефтяной промышленности, по связи с перевозками нефти, была напечатана мною в «Новом времени» в 1883 г. № 2669 (от 4 августа). Эта самая программа, несколько недель спустя, была принята по моему докладу общим собранием нефтепромышленников в Баку и в течение последующих лет полностью осуществлена правительством, что повело, как известно, к небывалому расцвету этой промышленности, до последовавшей, через 10,

лет после того, замены этой программы другою, ныне действующею, плоды которой теперь у всех на виду.

К этому же времени относятся мое сотрудничество в «Отечественных Записках». По получении первой из этих статей (разбора романа гр. Валюева «Лорд») Салтыков и Н. К. Михайловский предложил мне постоянное сотрудничество в журнале, которым я не мог воспользоваться за неизменем досуга. После высылки Михайловского, мне поручен был весь критический отдел журнала. Кроме подписанных статей, я поместил тут немало анонимных, в отделе «Новые книги». Но предостережение, данное журналу гр. Д. Толстым, с прямым указанием на мою статью о Гамбетте, и вскоре вслед за тем полное запрещение издания, прервало эту работу. Пришлю Вам три книжки журнала с важнейшими из моих в нем статьями, а также книжку «Устоев» тоже с небольшою своею статьею.

За это время мне пришлось принять невольное участие в переговорах о прекращении террора. Этот эпизод освещен в журнале «Былое», 1906 г. сентябрь, в статье «Освобождение Чернышевского». Прилагаю оттиск этой статьи. Записка К. А. Бороздина (втянувшего меня в эту историю) напечатана в том же журнале «Былое», 1907 года за октябрь, с моими примечаниями.

В последнюю зиму, прожитую мною в Петербурге (на 1886 г.) я три раза подвергался воспалению, почему и вынужден был вернуться на родину, где вскоре снова был втянут в публицистику, по усиленным настояниям А. С. Матинова, Измайлова и целой группы молодежи, просившей меня дать только свое имя, а мы же сами поведем газету. Но когда я запрыгнул в дело оказалось, что ждать результатов никто не может, без гонорара жить нельзя и т. п. Пришлось занимать, должать, изворачиваться и т. д. Жить в Тифлисе и следить за газетой самому, я не мог. «Новое Обозрение» я вел ровно четыре года: с середины 1887 по 1 июля 1891 года. В последнее время оно совсем мне опротивело, потому что сотрудники газеты, воспитанные в духе «малой прессы», преследовали совершенно другие цели, чем я. Приведу только два примера. Один из сотрудников (Д. Кезели, Зоил), не понимал

даже разницы между ролями адвоката и журналиста, и довел дело до того, что раз, когда я высказал в передовой статье объективный взгляд на один громкий местный процесс полицейского пристава кн. Эристова, родственник обвинявшегося предъявил мне расписку этого сотрудника в получении трехсот рублей, за которые он обязывался защищать подсудимого «на суде и в печати». Я так и не смог втолковать ему, Кезели, что адвокат, будучи стороной, может получать вознаграждение со своего клиента; но журналист, являясь судьей, не вправе этого делать! Я вынужден был растаться с этим несомненно талантливым, но совершенно неразвитым сотрудником, и нажил в нем озлобленного ругателя. Другой сотрудник, Илья Бахтадзе (Хонели), долго мною любимый и лелеемый, в защиту своего отца вооружился против покойного епископа Имеретии Гавриила, безконечно мною и краем уважаемого. Он принялся «обличать» Гавриила, взводя на него в газете невероятные небылицы, со слов наказанных Гавриилом священников. Я просил редактора, почтенного М. А. Успенского (нынешнего редактора «Русского Слова») не пропускать в газете хулы и наветов на Гавриила. Но сотрудник обходил редактора, печатая инсультные, для всех, кроме редактора, прозрачные памфлеты. Мне прохода не было нигде, ни дома, ни в деревне, ни в дороге — о городах, что и говорить от упреков публики. Даже незнакомые обращались ко мне со словами: «батоно Нико, разве не грешно обижать нашего бедного Гавриила»? Я умолял сотрудника прекратить эту недостойную травлю, лично ходил к святителю, просил его простить отца — журналиста, «сын мол ослеплен любовью к отцу и не видит его погрешностей». Гавриил приказал своей канцелярии предъявить мне все одиннадцать дел об отце, и заявил, что представляет мне самому постановить приговор по наименее важному из всех дел, с правом вовсе не считаться с десятью главнейшими. Что мне оставалось делать? Новых сотрудников набрать было не из кого. На носу предстоял переход газеты «Кавказ» в руки Ю. Н. Милютин. Я решил бросить издание, уже начавшее не только окупаться, но и давать без малого 4000 р. чистого дохода.

Удостоверившись в невозможности работать с прежней

редакцией, или набрать себе новую талантливую, я обратился к князьям И. Г. Чавчавадзе и В. С. Микеладзе, а также к Д. З. Сараджеву, с предложением — взять у меня газету, расплатившись только с долгами, изданными за последние ключенными. Все отказались. В это время князь Туманов написал мне, что по содержанию газеты замечает о моем к ней охлаждении и, ища занятий для братьев, желал бы знать: не уступлю ли я ему издания, а если да, то на каких условиях? Тогда братья Тумановы еще были верны традиции их батюшки, и считались грузинскими деятелями. Я не только охотно вошел с ними в сделку, но и был рад, что газета попала в их руки. Сам я согласился сотрудничать в ней, и, как легко увидите из содержания газеты, довольно долго писал в ней серию фельетонов под рубрикой «Со стороны». Между прочим, особенно рекомендую Вам прочесть в этой серии ряд статей, относившихся к грузино-армянской расправе 1893 года. Мы шли тогда в полном единомыслии с братьями Тумановыми. Вы убедитесь, что мои советы тогда, как и всегда, имели целью установление между этими народностями только добрососедских отношений, и не малейшего следа шовинизма, ни малейшего посягательства на чьи права, либо достоинства, в них сквозь микроскоп не найди.

Относительно этого же столкновения, закулисная сторона которого еще не описана и заслуживает изучения, в поучение потомству, личное мое мнение, то, что я противился ему и делал все от меня зависящее, для его устранения, изложено в моей статье в первом номере грузинского журнала «Моамбе» за 1894 год.

С характером моей деятельности в «Новом Обозрении» Вы можете ознакомиться по коллекции газеты, имеющейся, вероятно, в Тифлисской Публичной Библиотеке и, наверное, у кн. Г. М. Туманова. Кроме подписанных фельетонов, я почти ежедневно писал в газете, пока она была в моих руках (т. е. в 1887—1891 гг.), переводные статьи, серию «Отрывков» и мелкие сообщения. С передачей же издания братьям Тумановым писал, кроме серий «Со стороны», и ряда статей «Про холеру» 1892 г. иногда и корреспонденции, но очень редко.

В течении года (1894 г.), и даже больше, я вел в но-

вом грузинском ежемесячнике «Моамбе», редактировавшейся покойным присяжным поверенным А. М. Чкония, внутреннее и политическое обозрение. Это были не голые хроники, и даже не свод новостей, а обзоры и доктринальные статьи, по разным очередным вопросам. В каждой такой очерк я вкладывал массу труда и материала, и материал мало расходился. Вскоре в нем начали помещаться статьи, совершенно недопустимого, с моей точки зрения, направления. Я безшумно отушевлялся. Из этой серии статей некоторые произвели довольно сильное впечатление. Например, первое мое «Внутреннее Обозрение» — об армяно-грузинской распри, первое «Политическое Обозрение» о венгерских делах, статья о роли земства в России, очерк о присоединении Мадагаскара к Франции и мн. др. Иные из этих статей, в особенности о венгерских делах и о роли Деака, и до сих пор все поминаются моими недругами, главным образом, потому, что в них указана возможность и других путей служения родине, кроме революционных.

Позволю себе обратить Ваше внимание на мой фельетон, или последний до перехода газеты в руки кн. Тумановых, или первый под их редакцией. В ней я выразил свое убеждение о преждевременности у нас роли публициста. Перестав с 1897 года вовсе сотрудничать в «Новом Обозрении» (последняя моя статья в нем «Как прекратить племенные распри» была помещена весной 1897 году), я только изредка и весьма неохотно печатался в «Кавказе», за время В. Л. Величко, большей частью по вопросам самоуправления вообще и Потийского, в частности. В 1905 году роль моя характеризуется статьей, напечатанной в №№ 37 и 38 журнала «Клдэ» за 1913 год. Я всеми силами старался предотвратить разные необдуманные «безоружно вооруженные» выступления, за что и выдан был нашими крайними партиями за ретрограда. С тех пор я выступал в печати только в целях самообеления от клевет, немислимых ни в каком порядочном обществе. В этом отношении особенно характерна полемика, возбужденная моим участием в Кутаисском Комитете по выработке оснований для введения здесь земства. Потрудитесь ознакомиться с докладом этого Комитета, целиком напечатанным в «Закавказьи» за ноябрь

1969 год, и с полемикой, им вызванной. Вы поймете трагичность положения у нас публициста, трудящегося не для райка, а с целью сослужить своей стране реальную службу при существующих теперь, а не идеальных условиях действительности нигде не существующих.

В истекшем году, несмотря на очень печальные мои обстоятельства и на совершенное отрешение от общественной деятельности, я подвергался в грузинской печати нападкам и клеветам, совершенно недопустимым никакой даже и самую распущенную, этикой. Я вынужден был отдать им отпор прилагаемую брошюрой «О моей политике», напечатанной отдельно потому, что, оклеветав меня, газеты не согласились даже поместить мое опровержение, сами видите с какой сдержанностью и деликатностью изписанное и ничего, кроме идей, не касающееся. Жестокие, как видите, нравы установились в нашей печати: достав бог весть откуда и какими способами, средства из издающие газеты, наши мнимые публицисты полагают, что одним лишь враньем да бахвальством смогут изменить естественный рост страны и водворить в ней свои бредни. Не знают они, что никто больше моего не обрадуется осуществлению их мечтаний, даже и наиболее сверхъестественных, но увы, не в моей власти невозможное, превратить в возможное. Мои противники же приписывают мне призрачное всемогущество, считая меня виновником беспотности и бесплодия их беспутной возни с общественными делами.

Особою посылкою посылаю Вам, все, что имею под рукою своих писаний. На предыдущих страницах я изложил, в коллекции каких изданий и за какие годы Вы можете просмотреть мои статьи. Особенное внимание Ваше я обращаю на присылаемые мною Вам вынужденные опровержения периодически возникающих в местной и даже в столичной печати одних и тех же клевет. Будьте любезны прочесть внимательно эти статьи и скажите, положе руку на сердце, разве в печати мало мальски приличной мыслимо было бы, после столь полного опровержения подобных клевет, их повторение и многократное бесстыдное воспроизведение? И никого от этого не тошнит

у нас. А между тем, полюбуйтесь, до какого унижения должен доходить, от каких обвинений должен отбоявляться писатель, верою и правдою служащий своей родине 53 года, какие объяснения он должен давать публике, точно она состоит не из людей с разумом и совестью, а из буйволов безчувственных. Посмотрите статьи «Как пишется история», (по поводу выступления Джабадари), «Горе именем сердца», «Полукопеечный сбор», «Последнее объяснение», «О моей политике», «Социал-дворянская борьба», и, наконец, как венец бесовственности клеветников, «О низости в борьбе». Скажите, в какой стране факты, вызвавшие этот мой вопль, оставлены были бы печатью без возмездия, в каком обществе «деятели», избалованные в столь бесцеремонном обмане населения, могли бы фигурировать в роли вождей интеллигенции? Не правда ли, хорошая будущность предстоит стране, вожди и печать которой в столь честных и достойных руках?

Из присылаемых мною Вам книг и газет прошу Вас непременно вернуть следующее: 1. Все три книжки «Отечественных записок», 2. Книжку «Русской мысли» со статьей Шелгунова; 3. Газеты «Закавказье» 1909 г. №№ 85, 86 и 119 и 1910 года №№ 12, 64, 65 и 66 и газету «Закавказская речь» за 1912 г. № 3. Эти номера газеты мне очень важно сохранить, так как их теперь нигде достать, и Вы их мне, пожалуйста, не затеряйте. Книжки же, обозначенные в первых двух пунктах этого перечня, составляют часть большой коллекции, которая погибнет от их потери. Также прошу вернуть мне цензурные оттиски, присылаемые Вам только для того, чтобы Вы получили понятие, при каких условиях мне приходилось писать и как трудно предъявлять к таким писаниям требования о выдержке стиля или логики. Все остальное Вы можете оставить себе на память обо мне, в признательность за доселе неведомое мне внимание к моим трудам.

На что хотелось бы обратить Ваше особенное внимание, это на ошибочность мнения, будто в своей деятельности я применяю к нашим делам европейские шаблоны. Как нетрудно убедиться всякому знатоку сегодняшнего развития политической экономии, сопоставив с ними хотя бы догматическую часть моих «Мечта и жизнь», «Социал-

дворянская борьба» (ея действительное название социал-дворянские бредни») и «Марганцево самоуправление», руководствуюсь я совершенно самостоятельными взглядами и теориями, выведенными мною из личного изучения (для надобности моей железно-дорожной, горно-родской и портовой деятельности) современной промышленности и торговли, в их приспособлениях к новым условиям жизни и техники. Доказательством тому служит ну хоть сличение моих взглядов с трактатом Кольсона, наиболее синтетическим из всех современных курсов. Вообще я работал на совершенно девственной почве, не имея (по местным делам) предшественников, этим и объясняются недостатки, а может и быть и достоинства моих трудов.

Все, что звучит унынием в этом моем письме к Вам, которое пишу не для печати, не попрек и не жалоба с моей стороны. Это только сознание тщетности своей работы. Досадно, что столько усилий напрасно растрачено на дело, очевидно, никому не нужное и, по меньшей мере, преждевременное. В этом сознании досаднее всего не личные потери и огорчения. Болит сердце только от уверенности, что если бы столько усилия и энергии было употреблено на служение какому либо другому делу, результаты были бы совсем иные. И вот это то подозрение в нежизнеспособности дела, которому я отдал всю свою жизнь, и удручает меня. Дорого бы дал я за прежние свои надежды на рост страны, — на всхожесть в ней добрых семян, на бессилие в ней лжи и зла. Но эти иллюзии, которыми была красна моя жизнь, увя, меркнут. Это смертельно больно вовсе не за себя.

С пожеланием Вам лучшей участи и всяких успехов в жизни остаюсь преданный Вам Н. Николадзе.

Н. НИКОЛАДЗЕ

ВОСПОМИНАНИЯ О ШЕСТИДЕСЯТЫХ ГОДАХ

ОЧЕРК ПЕРВЫЙ

1861 — 1862 гг. в Петербурге. — Студенческие волнения. — Первые прокламации. — В Петропавловской крепости и Кронштадтских казармах. — Знакомство с Н. Г. Чернышевским.

I

«То было раннею весной», не только моей, а и всей России и даже Европы. После тяжкого гнета, мстившего за 1848 год, то там то сям сверкало зарево рассвета. Объединялась Италия. Гарибальди, с «тысячею» своих смельчаков, только-что завоевал под рукоплесканья всего мира королевство Обеих Сицилий. Во Франции Наполеон III начал делать либеральные уступки. Австрия, разгромленная в Сольферино, вводила парламентаризм. Америка уничтожала рабство негров. Наконец, у нас, в России, «мужики освобождались, и вред был признан откупов». Весна была в полном разгаре, в прямом и переносном смысле. Был март 1861 года. Я собирался в Петербург для поступления в университет.

Не легко далась мне эта поездка. Отец готовил меня в помощники себе в деле подрядного строительства для казны. Он строил казармы, пограничные посты, училища и нуждался в верном, грамотном помощнике. Кутаисская гимназия, в которую он с этой целью отдал меня учиться, была в ту пору уваровского типа. Нас в ней учили языкам — турецкому и французскому (и это за время Крымской войны, разжегшей в нас ненависть к этим народам), независимо от родных — грузинского и русского, естественным наукам и математике. Начиная с пятого

класса, готовившиеся в высшие учебные заведения принимались за уроки латыни, прочие же посвящали эти часы законоведению. Мой отец настоял, чтоб я избрал этот последний отдел. Учителями математики и законоведения были ссыльные поляки. Родзевич и Кохановский — шабашные вольнодумцы, но горькие пьяницы. Их уроки, — когда они не пропускались, — были сплошной проповедью революции. Но из восьми учеников нашего класса только двое, Семен Гогоберидзе¹ и я, смолоду отданные пансионерами в русские семьи, понимали смысл и намеки их выходок. Остальные зубрили уроки по учебникам, «отсюдова дотудова», большею частью и не разумея их значения. Летом того года, когда меня перевели в этот пятый класс, отец на каникулы повез меня в Потю знакомить с его тамошними делами и именами. Город тогда был весь в лесу и болотах. Оттуда я вывез малярию, более года державшую меня в постели. Чтoб утешить меня, отец доставал и выписывал мне книги и журналы, которыми я зачитывался от нечего делать. Особенно интересовался я «Иллюстрацией» Баумана. В том (1859) году в ней большое место отведено было покушению на французского императора, суду и казни Орсини. Из библиотеки учеников трех старших классов гимназии (всех классов в ней тогда было семь, а не восемь) мне присылались новые книжки журналов «Современник» и «Русский Вестник», которые я проглатывал от доски до доски. За год болезни я совершенно отстал от гимназического курса, но начитался всякой всячины, нужной и никчемной. Не только литература, но и политика, казалось, не имели для меня секретов. Это приехотило меня к дальнейшим занятиям. Выздоровев осенью 1859 года, я принялся за учебники и разом выдержал два экзамена, из пятого класса в шестой и из шестого в седьмой, окончательный. Тогда экзамены производились и курс кончался в декабре, а не в мае, как стало потом, по новому уставу.

В седьмом классе я больше интересовался журналами, и даже газетами, чем уроками. Но я все-таки недурно кончил свой курс. И тут-то возник конфликт из-за поездки

¹ Семен Виссарионович, впоследствии педагог, автор ряда статей по истории Грузии; умер в 1914 г.

в университет. Родители мои ни за что не хотели отпустить меня в Россию. Мне было всего 17 лет. Отец мой нередко ездивший в Макарьевскую ярмарку и в Москву, опасался местного климата. Кроме того, мне, как не учившемуся латыни, предстояло держать дополнительные экзамены для поступления в университет, а в предшествовавшем году на таких экзаменах провалились более меня усердные и способные юноши, например, блестящий грузинский поэт кн. Акакий Церетели. Мне так и не удалось бы вырваться из глуши, если б меня не спас наш генерал-губернатор, кн. Г. Р. Эристов. Домашний учитель его сына, известный археолог Дм. З. Бакрадзе, заинтересовавшись моими статьками в грузинском журнале «Цискари», осведомился обо мне и моей судьбе и, узнав, что меня не пускают в университет, сказал об этом князю. Тот призвал моего отца и посоветовал ему непременно отправить меня в столицу. Отец, глубоко чтивший умного правителя, творца известного «Эристовского канала» на Северном Кавказе, подчинился не только за страх, но и за совесть.

Нелегко также было в те времена выполнить с боя добытое разрешение. Надо было отправиться рано, в марте, так как ехать приходилось больше месяца, на перекладных, и долго надо было готовиться к вступительным экзаменам. Нас ехало вместе трое курсовников: Д. Н. Абдушели,¹ Г. С. Месхи² и я. Отцы наши проводили нас до Поти, откуда ехать предстояло морем до Керчи. Из Кутаиса мы ехали на фаэтонах до Орпири, по великолепному шоссе, перед тем сооруженному для связи Тифлиса с пароходным «Рионским сообщением». Но далее по Риону мы, экономии ради, поехали не на пароходе, а на каюке. Мы выехали еще до рассвета, при густом тумане, и только поздно ночью, когда совсем стемнело, прибыли в Поти, пройдя по извилинам реки расстояние всего в сто верст.

— — — — —

¹ Давид Николаевич, впоследствии нотариус в Кутаисе, умер в 1918 г.

² Георгий Семенович, старший брат известного редактора грузинской газеты «Дроеба», Сергея Месхи. Умер в начале семидесятых годов.

Весь следующий день, в ожидании парохода, мы про-
вели в Потийской крепости, представлявшей собою бла-
гоуханную лимонную и апельсиновую рощу, разведенную
в века турецкого владычества местными парами 3 504 2 11
защитой высоких крепостных стен. Десять 2 107-111 107 3 3
эти стены были взорваны для добычи камня на постройку
порта. Вековые деревья засохли от местных ветров, и
теперь в Поти ни лимоны, ни апельсины, расти не могут.
Теперь на месте крепости разведен городской сад, но без
суб-тропических растений, даже и таких, что растут сво-
бодно в Батуме и Сухуме, под прикрытием гор.

Через день из турецкого Батума пришел и стал на
рейде верстах в четырех от берега морской пароход «Ве-
ликий князь Константин». Речной пароходик «Аккер-
ман», державший сообщение по Риону, между Поти и
Орпири, повез нас к нему. На Рионе он казался гигантом,
возле же морского чудовища он имел вид игрушки. Ког-
да пришлось прощаться, отцы наши горько-прегорько за-
рыдали, точно хоронили нас. Особенно удивились все пла-
чу моего отца, слышшего твердым, даже черствым муж-
чиной. Это меня донельзя тронуло, несравненно более,
чем передача им мне двухсот рублей мелкими ассигнаци-
ями и пароходного билета, тогда как мои спутники полу-
чили едва половину этого.

Мы слезли в Керчи, чтоб далее ехать на перекладных,
через Арабатскую Косу и Геническ, на Харьков и Курск
в Москву. Пасха застала нас в Мелитополе. Долго было
бы описывать наш путь за все шесть недель утомительной
дороги. То были первые «праздничные дни» новоосвобож-
денного крестьянства. Изобилие мертвецки пьяных мужи-
ков, и даже баб, мы объяснили себе восторженной встре-
чей давножданной свободы. Но сколько я ни старался
разговориться с ямщиками, чтоб изведать их настроение
и впечатления, мне все не удавалось вытянуть из них ни-
чего путного. Я объяснил себе их скрытность малым сво-
им ростом, отсутствием растительности на лице, вообще,
детским своим видом и еще тем, что ямщики принимали
нас за барчуков. Удивило меня чрезвычайно то обстоя-
тельство, что когда мы на дороге между Екатеринославом
и Харьковом встретили гроб Тараса Шевченко, никто из
ямщиков, старост и смотрителей с которыми нам прихо-

дилось разговаривать, понятия не имел о покойном посте. Возле Мценска, на какой-то станции, стоявшей по соседству с помещичьим домом, не веря собственным глазам, как с обширного балкона множество не только мужчин, но и молодых дам, с раскрасневшимся, но, видимо, не от стыда, лицами, любовались видом жеребца, покрывавшего кобыл. Нам, выросшим среди затворничества и щепетильности грузинок, эта сцена показалась чудовищною. Измучившись вдосталь в возне со станционными старостами и смотрителями, повсеместно встречавшими нас стереотипным заявлением «лошадей нет», добрались мы, наконец, кое-как до Москвы, откуда можно было ехать уже по железной дороге. «Чугунка» — неизвестно откуда взявшееся название — произвела на нас еще большее впечатление, чем пароход. Особенно понравилось нам то, что 600 верст пути от Москвы до Петербурга нас промчало в 24 часа, а не трясли недели целые и всего за четыре рубля с каждого. В Петербург мы прибыли 9 мая.

II

Про настроение встретившего нас студенчества можно судить по тому, что нам первым делом с восторгом рассказали о сумасшествии важнейшего сановника империи, князя Орлова, на мысли, что он свинья. Он-де не иначе ест теперь, как из корыта, и на четвереньках. На следующий же день засели мы зубрить латиноскую грамматику Кюнера, над которою корпели, не разгибая спины, целых четыре месяца. С грехом пополам выдержали мы в первых числах сентября роковое испытание, давнее нам право назваться студентами и надеть фуражку с синим околышем.

Но еще задолго до экзаменов студенты старших курсов начали сообщать нам тревожные слухи о предстоящих переменах в учебном ведомстве. Рассказывали, что государь возмущен «распущенностью» университетской молодежи, особенно же участием студентов в февральской «демонстрации» в католическом костеле. Она была устроена по поводу расстрела войсками в Варшаве толпы, выходившей с пением революционных песен с панихиды по жертвам прежних польских восстаний. Министр народного просвещения, либеральный Е. П. Ковалевский, сме-

няется за это. На его место назначается адмирал граф Путятин. Почетителем петербургского учебного округа будет кавказский вояка, генерал Филипсон. Объяснили эти назначения военных чинов возвратом ненавистной николаевской муштровки студентов, для внедрения в них военной дисциплины. С тою же целью вводятся «матрикулы», чтобы общая полиция удобнее следила за поведением студентов, до тех пор ей вовсе не подчиненных. Всякие сходки, складчины, кассы, товарищеские разбирательства споров и столкновений строжайше воспрещаются. Отменяется и форменная одежда, придававшая студентам чиновный вид и мешавшая полиции хватать их. Полиция же в те времена имела отчаянную репутацию невежества, жестокости и взяточничества. На нас, новиков, эти зловещие вести наводили ужас и уныние: из-за этого-ль мы преодолели столько затруднений, боролись, страдали, чтоб заставить лишь разрушение университета?

Надо иметь в виду, что это происходило вскоре после Крымской войны, обнаружившей совершенную негодность нашей военной организации и до невероятной степени унизившей в общественном мнении не только военное ведомство, но и все правительство. Не знаю, что происходило в прочих сферах, но в студенческой среде не было счета и конца потешным рассказам об офицерстве. Лучшим показателем этого настроения, совершенно чуждого Кавказу, где покорение князем А. И. Барятинским Шамиля сильно подняло престиж власти, — служит созданный тогда талантливим рассказчиком И. Ф. Горбуновым тип «генерала Дитягина», — образец напыщенного формализма. Что всего поразительнее в то время, вплоть до 1864 года, — сами военные вполне сознавали законность своей приниженности. При встречах с «учеными», не исключая и зеленого студенчества, они попадали в настоящий конфуз, вышло описанный Щедриным в рассказе того же имени. И вот, все наше учебное ведомство, начиная со светил русской науки, каковыми нам представлялись популярные профессора университетов, ставилось в подчинении такой дискредитированной военной. Могли ли мы не проникнуться жгучим чувством обиды и протеста?

Хоть мы, студенты-грузины, и жили тогда в неко-

тором отчуждении от остального студенчества, но в лето 1861 года повышенное настроение молодежи мало-помалу передавалось и нам, через наших старших товарищей, имевших связи со своими русскими, особенно же польскими однокурсниками. В нашей среде, после отъезда на родину, как-раз перед нашим приездом, поэта кн. Ильи Чавчавадзе, беспорным влиянием пользовался Николай Гогоберидзе,¹ кончивший в ту осень курс историко-филологического факультета и занятый подготовкой кандидатской диссертации об Иерониме Савонаролле. Еще учеником Тифлисской гимназии он сошелся со своим учителем Л. П. Загурским, ссыльным поляком и тонким дипломатом, очень умело направлявшим в националистическое русло господствовавшее в пятидесятых годах либеральное настроение молодежи. Другой Гогоберидзе, Виссарион,² тоже кончавший тогда физико-математический факультет, прошел гимназический курс много раньше Николая, долго учительствовал в Кутаисе, раньше, чем собрал средства для поступления в университет, жил в Петербурге уроками и в качестве домашнего учителя в богатой армянской семье Шаншиевых, детей которой он готовил в университет. Года за два до нашего приезда в Петербург между двумя однофамильцами произошло серьезное столкновение и охлаждение на почве армяно-грузинских трений. Тогда впервые входило в моду устройство студенческих «землячеств», с кассами, библиотеками, товарищескими судами «уставами и комитетами» для заведывания ими. Разумеется, грузинское студенчество не могло отстать от общего движения. Но при составлении их устава возникло разногласие по поводу наименования землячества: как его назвать? Одни предлагали «грузинским», другие — «кавказским». Последнего мнения держались студенты кн. Наполеон Аматауни, Гамазов и пр. К ним присоединился и Виссарион Гогоберидзе. Прочие грузины, руко-

¹ Николай Виссарионович, брат Семена Виссарионовича; служил в Грузии сперва учителем, затем по судебному ведомству; позднее крупный марганцевый промышленник. Умер в 1912 г.

² Виссарион Леванович, сначала педагог; в 1876 г. председатель дворянского земельного банка в Кутаисе; умер в 1878 г.

водимые Илей Чавчавадзе и собравшие недружно мол-
лекцию древних грузинских книг и рукописей, дорожа ею,
доказывали, что надо основать несколько ^{кавказских} зем-
лячеств: грузинское, армянское, русское, ^{грузинское} и т. п., с установлением между ними прочной ^{связи}. Ни-
колай Гогоберидзе энергично боролся за это мнение.
Оно восторжествовало. С тех пор Виссарион весьма редко
показывался в грузинской среде. По возрасту он очень
близок был к старости: проседь заметно серебрила его бо-
роду. Меж нашими студентами он выдавался трудолюбием
и начитанностью; вероятно, возраст мешал ему сходиться
с товарищами: он всегда был одинок и нелюдим.

Словами не высказать восторга, овладевшего нами,
когда нас приняли в университет. Подчинившись стадио-
му чувству, мы ходили на лекции не тех профессоров, ко-
торых полагалось слушать по расписанию своего факуль-
тета, а любимцев всего студенчества: Н. И. Костомарова,
В. Д. Спасовича, К. Д. Кавелина, П. Редкина, П. В. Пав-
лова и т. д. Слушать их собиралось так много студентов,
что даже самая обширная из аудиторий, одиннадцатая,
оказывалась тесною: через четверть часа дышать было не-
чем. Нередко приходилось перебираться в актов^{ый} зал,
где большинство должно было слушать стоя. Конец лек-
ции для нас всегда настаивал раньше, чем хотелось, не-
смотря на чисто специальный характер иных лекций. У
Костомарова, например, речь шла об источниках русской
истории, о сравнительных достоинствах или дефектах то-
го или другого списка разных летописей. Тем не менее
не только филологи, но и мы, юристы или математики,
с жадностью ловили каждое слово, всякую мелочь, ста-
раясь внести их в свои записи.

Мы жили в Столярном переулке, на Мещанской, от-
куда ежедневно мчались, разумеется пешком, на лекции,
с таким расчетом, чтобы задолго до их начала занять пар-
ты поближе к кафедре. Мы налету ловили малейшее по-
добие намека на обуревавшие нас помыслы о дальнейшей
судьбе русской науки. Часто мы видели намек там, где
его, может быть, и вовсе не имелось в намерении. Почти
все курсы записывались студентами, знавшими стено-
графию, и, по проверке профессорами, на следующей же
неделе выходили листами, большинство литографирован-
ными, а некоторые и печатными. Их было вполне доста-
202

точно для сдачи экзаменов. Это не мешало нам посещать лекции и вливаться в них. В ту осень не менее самих лекций интересны были разговоры с соседями по партам ожидавшихся перемен в университетском режиме матрикюлах. На этот счет не возникло ни малейшего разномыслия; мнения всех сходились в единодушный осуждения и протеста.

Для иных из нас была и еще приманка: первые «студентки», вернее вольнослушательницы, впервые в том году допущенные университетом на его лекции, и перед которыми готовившиеся новые правила грозили закрытием дверей просвещения. Их всего было с полдюжины, не более. Между ними особенно выдавались две сестры Корсини, дочери известного итальянского архитектора, сотрудника строителя Исакиевского собора Монферрана. Одна из них, Наталия¹, была прямая красавица, напоминавшая знаменитую картину «Неаполитанский мальчик». Другая слушательница, Блюммер, была сестра литератора, писавшего в полу-славянофильском журнальчике «Светоч» и два года спустя издававшего в Берлине «Свободное Слово». В противоположность брюнеткам Корсини, она была белобрысая, с болезненно желтым отливом кожи и с волосами настоящей эскимоски. Слушательницы усердно записывали лекции, на которые ходили, и вообще держали себя безупречно скромно, одевались просто, все в черном, и внушали всем глубокое к себе уважение. Это было в разгар проповеди М. Л. Михайловым пресловутой женской эмансипации. Журналу «Современник», пустившему в ход статьи Михайлова, удалось ввести в сознание публики, что эмансипация ничего не имеет не только со свободой нравов, но даже и с салонным волокитством. Одним из догматов той проповеди было тогда «уважение к женщине», доходившее до воздержания от всякой близости с эмансипировавшимися.

Лекции начались на второй недели сентября. Дней через десять в шинельной, на том месте, где наш дряхлый швейцар Савельич, кое-как еще державшийся «священной памятью двенадцатого года», вывешали фамилии

¹ Позднее жена Николая Исааковича Утина, деятеля «Земли и Воли», 1862 г., тогда же эмигрировавшего, но в 1877 г. вернувшегося в Россию.

студентов, на чье имя получались им почтовые повестки о высылке им денег, появилась неведомая дотоле в России вещь, первая печатная прокламация «К молодому поколению». Она была, очевидно, заграничного происхождения, потому что напечатана была на белоснежной бумаге, нечета той, какая была тогда в ходу у нас, и шрифты ее были много изящнее тех, какими печатались русские книги и журналы.

Это была первая ласточка начинавшейся смуты. Кто-то из студентов старшего курса, кажется Неклюдов, снял со стены этот лист, объявив, что прочтет его всем в соседнем актовом зале. Вышедшие из всех аудиторий студенты гурьбой последовали за ним. Став на стол, покрытый красным сукном с золотою бахромой, он с пафосом прочел громко всю огромную прокламацию. С замиранием сердца слушали мы чтеца, все более и более проникавшегося воодушевлением. Все в прокламации представляло для нас интерес откровения. Не то, чтоб оппозиционная литература была нам неведома: многие из нас читали «Колокол», «Полярную Звезду» и другие издания Герцена (тогда более известного под псевдонимом Искандера). Но там была насмешка, язвил сарказм, а тут звучал прямой призыв к восстанию, не для исправления, а для свержения всего строя. Отдельных выражений и полного содержания прокламации я не помню. Но общего ее тона, звучавшего анафемой, не забуду до смерти. На меня, по крайней мере, воззвание произвело такое именно впечатление. Мурашки бегали все время у меня по телу, совсем как за десять лет перед тем, когда я впервые ощутил священный ужас от неистового тенора протодиакона столетнего имеретинского митрополита Давида, с неподдельным гневом анафемствовавшего злодеяния Гришки Отрепьева и Иоанна Мазепы. Внешний вид возвания, его эпиграф, мой невольный трепет при его публичном чтении перед тысячной толпой в актовом зале императорского университета и сейчас еще передо мною, точно вчерашние впечатления.

В течение всей последующей недели у нас не было почти никаких других предметов разговора. Рассказывали, что члены императорской фамилии и высокопоставленные лица получили прокламации по почте. Другие находили ее под парадными дверями квартир. Государь

получил ее, будто бы, в числе доложенных ему дел. Но затем же мы узнали, что в ее распространении обвиняется поэт М. Л. Михайлов, что он схвачен и засажен в Петропавловскую крепость. Поразительно, что в разгласившем по поводу этого воззвания темою служило вовсе не его содержание, а его появление и, особенно, распространение. При мне, по крайней мере, ни разу не случалось, чтобы кто-нибудь попробовал оспорить мысль и заключение прокламации. На этот счет, казалось, с нею все были солидарны. В нашей университетской среде ни единый голос не раздался, хоть под сурдинку, в защиту царя и правительства, всего за полгода перед тем освободивших крестьян. Все были в восторге, что обойдена цензура, что призыв к восстанию гуляет по белу-свету под самым носом у ненавистой власти

III

В конце следующей недели, сколько помнится тоже в субботний день, все студенты и вольнослушатели вновь очутились в том же актовом зале, на этот раз созванные на «сходку», университетским начальством формально запрещенную. Двери зала оказались запертыми. Толпа студентов, несравненно более значительная, чем при чтении воззвания, без дальних рассуждений взломали двери и вломилась в зал, в миг ею переполненный. Долго ничего не было слышно, кроме гула безначальной толпы. Вдруг водворилась мертвая тишина: на тот же стол, с которого за неделю перед тем звучали диатрибы «молодому поколению», взобрался маститый ректор университета П. А. Плетнев, бодрый на вид старец, весь бритый, похожий на убежденного пастора в костюме того же типа. Видом своим и еще более словом он производил именно то впечатление, которое напоминало слова Пушкина, в посвящении ему «Евгения Онегина».

«...души прекрасной,
Святой исполненной мечты».

Тонем и голосом любвеобильного отца он умолял нас разойтись, успокоиться, теперь, чтоб не накликать беды на храм науки. И без того над ним сгустились мрачные тучи. Не было произнесено слов «реакция поднимает го-

лову», но смысл его речи был таков. Да, то была чистейшая мечта, даже химера, думать, что студенчество ему вмиг. Не успел он сойти со стола при всеобщем молчании, без единого знака одобрения, как с той же изобретательской трибуны полились другие, иные речи. Вспомогательными говорили студент высшего курса Николай Утин, сын известного откупщика и брат нашего профессора-юриста Бориса. Он кричал на весь зал, что довольно мы ждали и терпели; именно наше молчание и порождает всевозможные дерзновения невежд и злодеев, и все в том же тоне.

Гроном рукоплесканий, криками «браво» покрывались его резкие фразы. Общее одобрение еще сильнее взвинчивало настроение оратора. Вслед за ним говорили другие в том же духе с не меньшим успехом. Между ними особенную прытью отличался кончавший или кончивший курс юрист Неклюдов, с выпуклыми глазами и ястребиным взором. Впоследствии известный автор руководств для мировых судей, умерший в должности товарища министра внутренних дел при Дурново первом и Горемыкине, последних дней Александра III и первых Николая II. Сущность всех речей была одна и та же: нельзя допустить ограничения прав науки. Никто не сказал, как и чем добиться ее защиты.

На следующий день, в воскресенье, 24 сентября, мы не успели еще отобедать у кухмистерши А. И. Семеновой, кормившей нас, грузин-студентов и француза-ориенталиста Жаба в кредит по 7 р. 25 к. в месяц, как в столовую вошли оба Гогоберидзе, Н. В. и В. Л., давно не показывавшиеся вместе. На этот раз оба они имели вид во всем друг с другом согласных людей. Один дополнял, доказывал речь другого. Они сообщили, что на следующий день назначена «демонстрация» всего студенчества, почему все мы, без малейшего исключения, должны принять в ней участие. Демонстрация же будет заключаться в том, что студенты, собравшись в университете, двинутся оттуда через Дворцовый мост по Невскому проспекту и Владимирской до Колокольной улицы, для предъявления новому попечителю петербургского учебного округа требования оставить прежние университетские порядки и для выражения протеста против матрикул.

Долго после этого сообщения длилось наше недоумен-

ное молчание. Наконец, с протестом против «протеста» выступил Д. Н. Абдушели. Мямля и заикаясь, покраснев, как вареный рак, от невольного ораторства, он ответил, что мы приехали сюда учиться, а не учить начальство, которое нас слушать, конечно, не захочет, а отогонит нас обратно домой, что для нас несравненно хуже, чем отправка в Сибирь. Наши нищие отцы отравят нам каждый кусок хлеба попреками за все затраченные деньги на поездку в университет. Гогоберидзе ушам своим не верили, слыша такие возражения от всегда послушных новичков. Они пояснили, что нельзя же грузинам осрамиться перед прочими землячествами, которые все обязались участвовать в демонстрации. На это кн. Кирилл Лордкипанидзе¹ возразил, что другие нам не указ. В России, Польше, Малороссии уже немало образованных людей. Эти страны не останутся невежественными, если даже и все их нынешнее студенчество исчезнет с лица земли. Не то у нас. Мы первое поколение грузинского студенчества. Стоит нам споткнуться, и грузинских отцов вперед уж никто не уговорит посылать детей в университеты. Они попрежнему станут сдавать их в кадетские корпуса и военные школы, на пушечное мясо, тем более, что на это денег не требуется. После долгих споров, уговариваний и даже упрощиваний Николай Гогоберидзе с раздражением пробормотал себе в нос, уходя: «труссы пусть остаются дома». Этого было достаточно, чтобы мы все не только пошли на демонстрацию, но и полезли там на стену.

Я не принял участия в споре, главным образом, потому, что был молод, мал ростом и безус, все меня считали ребенком, а также и потому, что самая демонстрация казалась мне мифом. Я не мог представить себе, что начальство, которое мне, по-кавказски, все еще казалось кладезем премудрости, допустит, чтобы демонстрация состоялась. Оно разведет мосты на Неве, и всему делу конец, думалось мне. Только из любопытства мы с Кириллом пошли по направлению к университету, в уверенности, что найдем Дворцовый мост разведенным и яличные переправы сведенными к минимуму.

¹ Кирилл Бежанович, впоследствии известный грузинский общественный деятель; умер в 1917 г.

В противность таким представлениям демонстрация не только состоялась, но и вышла гораздо величественнее, чем предполагали ее творцы. Несколько тысяч студентов, расположившись в стройные и размеренные ряды, двинулись через мост по Невскому проспекту, заняв весь его северный тротуар, повернули на Владимирскую и заполнили всю Колокольную улицу. Когда голова процессии выравнилась с Казанским собором, конец ее был еще на Дворцовом мосту. У Малой Садовой ее встретили великий князь Николай Николаевич (отец нынешнего), куда-то мчавшийся на лихаче. Он остановил лошадь, спросил студентов, куда они идут. Ему ответили, что идут к попечителю протестовать против матрикул. Голосом, привычным к команде и повиновению, он велел «разойтись» и поскакал дальше. Процессия же, не останавливаясь, продолжала свой путь. Попечителя на квартире не оказалось, мы долго топтались на месте, и, должно быть, в конце-концов, разошлись бы обедать, если-б не показался Преображенский полк в полном вооружении, присланный, как всем показалось, великим князем. Полк мало-помалу длинной цепью занял южный тротуар Колокольной улицы и ее выходы на Николаевскую и Владимирскую. Начальство полка и прибывший за тем генералитет расположились около колокольни Владимирской церкви. Адьютанты предложили студентам разойтись, но получили в ответ, что должны повидать своего попечителя. Между тем солдаты начали заряжать ружья (которые тогда заряжались с дула, шомполами, а не с казенной части). Они откусывали при нас бумажные патроны, показывая нам пули, чтобы убедить нас, что готовится дело не шуточное. Некоторые из нас при этом дрогнули и пустились наутек через Поверской и Дмитровский переулки, которые точно нарочно оставлены были незагражденными войском. Лордкипанидзе, от которого я не отставал, чтоб не затеряться в такой огромной толпе (мы с ним жили в одной комнате), и Абдушели, а за ними еще некоторые наши товарищи погнались за ними, приволокли их назад и водворили между нами и солдатами, говоря, что раз мы пришли сюда, надо уже настоять на своем. Дело, к счастью, обошлось без всякого трагизма. Не весть откуда взялся Филипсон, невысокого роста, полный, упитанный,

холеный, со светлыми, жизнерадостными глазами, в мундире генерального штаба, с повязкой через плечо для раненной руки. Волосы и бакенбарды его были с сильною проседью. Случайно наша группа стояла близ места его появления, так, что мы слышали весь его разговор со студентами; кроме начала. Мы подошли совсем близко к нему, когда он чрезвычайно спокойно объяснил, что на улице не место для деловых объяснений. «Отправьтесь в университет я готов вас там выслушать». Старшие студенты ответили ему, что мы пойдем туда с ним вместе, когда уйдет Преображенский полк. Он пошел к генералитету и вернулся оттуда уже совсем жизнерадостный: полк-де сейчас уходит. В самом деле, вскоре солдаты ушли. Филипсон не скрыл, что он взял на себя ответственность перед генерал-губернатором за поведение студентов. Совершенно неожиданно студенты, разговаривавшие с ним, поручили нашей грузинской группе сопровождать Филипсона в университет. Что было еще изумительнее, это поручение группа передоверила князю Григорию Джавахову и мне. Джавахов был известен среди грузинских студентов под кличкою «бати» (гусь), потому, что ходил с перевальцем. А впрочем он славился добротой и порядочностью в высокой степени. Надо полагать, каждый из студентов тяготился таким некрасивым и ответственным поручением, и его взвалили на деликатных и безответных. Джавахов тоже был невысокого роста. Несмотря на наш невзрачный вид, скорее детей, чем взрослых, Филипсон все же тяготился итти с нами. До Невского он мило разговаривал с нами, расспрашивал откуда мы. Он нам назвал по имени и отчеству многих грузин-офицеров, служивших в его отряде. Некоторые из них оказались родными Джавахова, другие — моей матери. Вскоре, жалуясь на дальность пути и свои раны, он попросил нас поверить слову кавказского воина, что он будет ждать нас в университете: ведь я же поручился за вас. Мы затрудились нарушить данное нам поручение. Тогда он предложил мне поехать с ним на дрожках. Это нас убедило. Не желая унижить его, мы взяли на свой риск отпустить его. До самого университета студенты пилили нас упреками, утверждая, что Филипсон заедет в Зимний дворец, чтоб оттуда вытребо-

вать войска против нас. — Да ведь на Колокольной войска у него были под рукой, однакож он ими не воспользовался, а сам же их отпустил? — оправдывались мы. Разумеется, Филипсон оказался в университете, и не только без войск, но даже без полицейской охраны. Только несколько ко безучастных «будочников», — как тогда назывались городовые, — стояли на набережной, на обычных своих постах.

По предложению Филипсона, была наскоро избрана «депутация» для доклада министру народного просвещения наших жалоб и требований. Затем мы разошлись безмятежно, довольные собою и Филипсоном. Это довольство, увы, длилось не дольше одной ночи.

IV

Утром следующего дня, явившись на лекции, мы застали оба подъезда университета наглухо запертыми. На них вывешены были надписи, что университет закрыт, а студенты распущены. Подъезды охранялись нарядами полиции. Удивленные студенты бродили кучками по набережной. По мере приближения полудня перед университетом начали образовываться новые кучки и группы. Они состояли из дам, священников, писателей, профессоров. Нам, новичкам, старшие студенты показывали знаменитостей: профессоров артиллерийской академии П. Л. Лаврова и А. Н. Энгельгарда, лесной академии Н. В. Шелгунова, соредактора «Отеч. Записок» Н. В. Альбертини, издателя Н. Л. Тиблена и многих других, всех и не вспомнишь. Мы поразились, увидя названных ученых в военной форме и высоких чинах. Дело в том, что тогда окончившие курс высших технических учебных заведений чины горного, лесного, инженерного, артиллерийского ведомств, и даже инженеры путей сообщения носили военную форму с таким же шитьем на бархатных воротниках и обшлагах и с такими же аксельбантами, как в последние дни царского режима носили офицеры генерального штаба. Друг от друга ведомства отличались лишь тем, что одним полагались серебряные нашивки, пуговицы, аксельбанты, другим же золотые; одни носили аксельбанты на правом плече, другие — на левом. Группы зрителей, приходивших в то утро и во все последующие дни любоваться нашим «движением» и тем выражать ему свое со-

чувствие, представляли собою, право, удивительное явление, способное ввести в заблуждение не одних только новичков. Многим и постарше нас казалось, при виде такого количества свечей, украшенных всевозможными знаками отличия, рукоплескавших нам и забрасывавших нас цветами, что все русское общество с нами, что дни правительства сочтены. Не только их дамы, но иногда и сами эти важные особы подносили нам великолепные букеты, которые мы не знали куда деть. Из нас уже мало кто сомневался в том, что с нами вся Россия.

То было марево. Скоро нас ледяной водою обдало известие, что все вчера выбранные депутаты ночью арестованы и засажены в Петропавловку¹. Если до той минуты и были среди нас студенты, высказывавшиеся против демонстраций и за возобновление занятий, то с этой поры и они стали крайними. Нет, решили и они, нельзя спокойно заниматься, когда над тобой столь гнусное правительство, выделяющее такие мерзости. Разве могли мы остановиться на полпути, когда мы видели перед собой, с одной стороны, коварное правительство, задавшееся глупою целью заменить науку муштровкой, а с другой — русское общество, в лице лучших его ученых и писателей, рукоплещущее нашему движению против власти? Можно себе представить, в каком восторге должны были быть от подобных распоряжений правительства зачинщики демонстрации, видя, что власти так щедро и обильно направляют всю свою воду на их мельницу. Одним этим арестом депутации, выбранной по настояниям попечителя законному порядку нанесен был более тяжкий удар, чем тот, какой могли придумать замыслы всех агитаторов того времени.

С этой поры пошли каждодневные «сходки» под открытым небом, сперва на университетском дворе, а потом, когда он для нас закрылся, на площади пред главным входом в университет. Пока двор был открыт, ора-

¹ В состав депутации входили, Н. И. Утин, Михаэлис, Ф. Орлов, Ген. Стефанович, Данненберг, Левенталь, Зеленский, Григоровский и Покровский. Арестованны в ночь на 26 сентября были не только члены депутации, но и ряд других студентов, всего 28 человек. — Ред.

торы взбирались на дрова, сложенные в сажени на зиму. После же переноса сходок на улицу ораторы вставали на решетку перед университетским палисадником. И это — изо дня в день. Разумеется, как ни находчивы и красноречивы были ораторы, как ни обилён был город слухами и слухов из области полицейского своеволия, внимание к ним слушателей постепенно притуплялось. Число их с каждым днем уменьшалось. Зато в такой же мере возрастало количество «сочувствующих», особенно из женского пола. Точно нарочно, погода тому благоприятствовала: была сухая, солнечная осень.

Государь в то время путешествовал по Черноморью и Закавказью: посещал Поти, Кутаис, где охотился в садах местных помещиков за домашними сернами. Там только готовились проекты освобождения крестьян, и надо было ублажить местное дворянство. Столичные власти, петербургские военный генерал-губернатор Анненков и оберполицеймейстер Паткуль, не решались без него принять крутые меры, тем более, что дело касалось «отдельного ведомства», учебного, им вовсе не подчиненного, за которое они не отвечают. Чем хуже в нем, тем лучше. Между столицей и Кавказом молодой покоритель Шамиля, фельдмаршал А. И. Барятинский, не допускал проведения телеграфа, предвидя, что вслед затем неизбежно уничтожение кавказского наместничества или, по меньшей мере, умаление его самостоятельности. Поэтому, пока до государя дошло донесение о студенческих волнениях в столице и от него получились указания, что делать с ними, прошло гораздо более двух недель. За все это время мы были в Петербурге, если не господами положения, то, наверное, настоящими героями. При полном безучастии полиции и учебного начальства, мы ежедневно сходились, узнавали новости — все больше о ночных арестах, получали инструкции, обменивались негодованием, любовались зрительницами, особенно с букетами, и к обеду расходились по домам. Так продолжалось с 25 сентября по 13 октября. Должно полагать, что за это время фельдъегерь успел довести государю донесение о наших бесчинствах и вернулся с приказом прекратить их. И когда 13 октября мы установленным порядком собрались перед главным входом в университет и готовились от-

крыть обычную сходку, нас внезапно окружили неизвестно откуда взявшиеся войска, загнавшие нас в университетский двор, так долго перед нами закрытый. Смешанные из нас проскользнули меж рядов и смешались с толпой «сочувствующих». Войскам, вероятно, приказано было не мешать беглецам. Во дворе нас долго и шумно пересчитывали, потом перекликались, на что пошло около трех часов, а то и больше. Захвачено нас было более ста юношей. Пока тянулась канитель составления списка, известие о нашем аресте успело облететь город. Когда нас, наконец, вывели из парадных ворот университетского двора, чтобы через Тучков мост вести в Петропавловскую крепость, окружавшее нас каре солдат было атаковано большой толпой студентов, желавших разделить нашу участь. Не только солдаты, но и дух начальство совершенно растерялись. Если бы это мы набросились на них, чтобы освободиться, о, тогда не было бы никаких колебаний: в ход было бы пущено оружие, и холодное, и огнестрельное. А тут нападавшие домогались быть арестованными. При таком беспремерном явлении поневоле растеряешься. Нападавших было несколько сот человек. Началось что-то в роде рукопашной. Гвардейцы старались «честью» помешать студентам расталкивать ряды конвоя. В этот момент на нападавших налетел взвод конных жандармов, стремительным наскоком расколовших атакующих. Все это было делом нескольких минут, тот час же вслед за открытием университетских ворот. Большая часть студентов, собиравшихся ворваться в наши ряды, была отброшена конною и пешею полицией на дальний край площади, при чем немало студентов, ушибленных лошадьми или прикладами, валялись на мостовой. Все ж около полутора ста юношей успело прорвать строй и войти в наш круг, хоть многие из них за это поплатились боками, а один даже и черепом (Вл. Лебедев). Мы были окружены отрядом около десяти часов утра: в крепость же нас доставили, когда смеркалось. И в крепости нас долго держали на дворе, под тем же караулом перед гауптвахтой, пока для нас очищали ряд казематов, выходящих окнами на Неву, против Дворцовой набережной, к северу от того спуска, с которого комендант крепости торжественно переезжает реку пред открытием по ней навигации. Пока мы стояли перед гауптвахтой, сту-

денты заметили в ее окне М. Л. Михайлова, узнать которого было не трудно по его калмыцкому типу. Мать поэта была дочь калмыцкого царька. Все мы почтительно сняли шапки, а он долго кивал нам головой, как бы каждому отдельно. Пять лет спустя, когда он уже умер, на пароле я узнал из вполне достоверного источника, что прокламация «К молодому поколению», из-за которой он погиб, была составлена и провезена через границу не им, а Н. В. Шелгуновым. Поэт принял всю вину на себя, чтоб тем избавить от обыска и ареста супругу писателя, Л. П. Шелгунову, от которой имел весьма симпатичного сына, рано погибшего с горя и в нужде. Ходивший в шестидесятых годах по рукам рисунок Михайлова в крепости был набросан с натуры в тот вечер одним из студентов нашей группы.

Перед тем, как ввести нас в казематы, нас снова пересчитали по списку, в присутствии плат-адъютанта, который выдал доставившему нас караулу расписку в приеме партии. Всего нас оказалось 249 человек. Это то самый список, который вскоре появился сполна в «Колоколе».¹ Нас поместили в восьми низких, мрачных: сырых и сводчатых казематах, соединенных между собою арочными проходами. Все восемь палат образовали как бы одно помещение, освещенное тусклыми фонарями, подвешенными к аркам. Ни малейшей мебели, ни кроватей, ни даже тюфяков и одеял в казематах не полагалось. Постояв немного, мы от усталости сперва присели на корточки, а затем и легли на голый, но довольно опрятный пол, кто где стоял, без пищи и питья. Особенно трудно далась эта ночь тем, кто, подобно мне, в то утро вышли из дому в одном пиджачке. Кажется, в ту ночь, несмотря на страшную усталость, мало кто из нас сомкнул очи.

Утром пошли группировки отдельными кучками, большею частью по землячествам. Поляки обособились в отдаленнейшей из палат. Малороссы тоже образовали отдельную раду, утешавшую себя и нас за душу хватавшим пением. Их хоры и соло изобиловали необычайно звонкими голосами. Главным запевалой был крымец Хартахай. В их группе отличались Евтушевский, впоследствии прославившийся, как педагог и автор учебников по матема-

¹ № 114, за 1861-й год.

тике, и Гулевич¹, оба неистощимые мистификаторы, но и дело распускавшие пуфы, морившие всех со смеху. Другим было мало, чтобы образовать особый отдел. Мы с Абдушели и Лордкипанидзе попали в кучку, в которой выдавался вольнослушатель Игнатий Пиотровский, и которому меня влекло то, что я знал его, как автора бойких статей в «Современнике» под рубрикой «Погоня за лучшим». Совершенно случайно рядом с ним очутился приверженец совсем противоположного направления, семинарист Линева, из Костромы², весьма охотно объяснявший мне в течение всего времени нашего заключения терминологию и особенности гегелевской философии. Поблизости же расположились другие студенты, с которыми мы сошлись за эти недели сходов и волнений: Лев Самарин³ и Рождественский⁴, тоже увлекавшиеся литературой. Они все служили мне живою энциклопедией, более или менее полно отвечавшей на мои тогдашние запросы. Хоть они на них давали зачастую противоположные ответы, но и это мне нравилось, потому что заставляло быть настороже и шевелить мозгами.

Вскоре после нашего заключения в крепость Рождественский написал «Послание к М. Л. Михайлову», очень понравившееся студенчеству. Оно начиналось следующими стихами:

«Из стен тюрьмы, из стен неволи
Мы братски шлем тебе привет;
Да усладит в печальной доле
Тебя, любимый наш поэт,
Проклятым гнётом самовластья

¹ М. С. Гулевич, тогда вольнослушатель Спб. университета, позднее эмигрант; покончил жизнь самоубийством, выбросившись из окна, в семидесятых годах. — Ред.

² Был выслан на родину, где и умер в 1862 г.

³ В 1864 г. приговорен гос. советом за «покушение на принятие участия в бывшем в западных губ. мятеже» к лишению прав и отдаче в солдаты с выслугой. В Россию вернулся в 1878 г., но размыслить его я не мог.

⁴ Ив. А., автор выпущенной в 1869 г. брошюры «Литературное падение М. А. Антоновича и Ю. Г. Жуковского», вследствие чего я с ним разошелся и потерял его из виду.

Нам не дано тебя обнять,
Чтоб дань любви и дань участья
Тебе, учитель наш, воздать» и т. д.¹

Любуясь этим стихотворением, студенты и мы забыли ли, что оно в самом деле дойдет до Михайлова? Но же было наше восхищение, когда, немного дней спустя, получился — неизвестно каким путем — трогательный ответ поэта, до слез нас расстроивший.

Тот же Рождественский сочинил в крепости и другое стихотворение, в подражание знаменитой «Солдатской песне» из сатир графа Л. Н. Толстого на крымские поражения:

«Как восьмого сентября
Мы за веру и царя
От француз ушли».

Песня Рождественского была много грубее. В моей памяти сохранились лишь первые ее строфы:

«Как однажды в понедельник
Всей полиции бездельник
Паткуль генерал,
Нам поставя в обвиненье
Своей рожи оскорбленье...»

Нашлись охотники, хором распевавшие эту песню, особенно громко в часы обхода наших палат плат-адъютанта.²

В этих заплесневевших казематах нас на пище святого Антония продержали, впрочем, не более недели, а то мы, наверное, расхворались бы тут все непременно. В одно осеннее утро у лесенки спуска к Неве остановился ветхий военный пароход, на который нас усадили в чем мы были, не разбирая, кто во что одет, и не говоря куда нас везут. Всем казалось, что наверное, в Шлиссель-

¹ Это стихотворение, равно как и приведенный ниже ответ Михайлова, впервые напечатаны в «Колоколе» (прибавление к №№ 119 и 120 за 1862 г.); здесь оно приводится по памяти с небольшими вариантами. В литературе (напр., № 6 «Былого» за 1904 г., стр. 5) оно приписывается Н. И. Утину. О принадлежности его Рождественскому автор воспоминаний знает лично от последнего. — Ред.

² Шт.-кап. Иван Федорович Пинкорнелли. — Ред.

бург. Дул пронзительный, ледяной ветер и хлестал мелкий дождь, с примесью хлопьев снега. Нева покрыта была барашками. Я был в одном пиджаке и дрожал, как осиновый лист: не попадая зубом на зуб. До сих пор не понимаю, как спасся я тогда от простуды. Плыли мы часа четыре, если не больше; пароход был совершенно бессильный и едва выдерживал ветер. Кое-как добрались мы до Кронштадта. Но тут нас ждала встреча, мигом заставившая нас забыть все наши невзгоды и огорчения. Когда нас повели под конвоем уже не щеголей-гвардейцев, а убогих гарнизонных солдат, все еще носивших николаевскую форму и клеенчатые каски и кивера, а не кэпи, то у входа в крепостные ворота, к неопишуемому нашему изумлению, нас встретил предлинный двойной строй дам, несмотря на непогоду разодетых в пух и прах, и пока нас вели сквозь такой восхитительный строй, они забрасывали нас цветами, чаще попадавшими в солдат, чем в нас. Неизвестно, где они их достали в такое время года? Овация была прямо трогательная. Понятно, с тех пор наше мученичество нас уже не тяготило, а тешило. Увы, наших преемников по «движению» впоследствии, в тюрьмы вели не с такими почестями. Заключение для них было уже не праздником.

Нас привели в казармы, выходившие окнами на Финский залив, в сторону Ораниенбаума, предназначенные служить, в случае надобности, госпиталем, но совершенно новые и, по видимому, еще не употреблявшиеся для этой цели. Тут каждому из нас досталось по койке, с новенькими двойными тюфяками, с чистым холщевым бельем. На двоих полагалось по столику. Окна были огромные, разумеется, двойные, только-что вымытые. Комнаты залиты были ярким светом и обдали нас теплом. Высокие стены выкрашены были в голубой цвет, а откосы дверей и окон и потолки в белоснежный. Все, вообще, после крепости произвело на меня впечатление, точно нас поселили в роскошный дворец. Это был первый со дня ареста день, когда мы вольно вздохнули; нас сытно накормили, и мы богатырски выпались.

Два месяца, проведенные нами в этой казарме, оставили во мне воспоминание, точно это были одни из счастливейших дней моей жизни. Удивительно, как в этом по-

ложении во мне ни на секунду не возникло мысли и безпокойства ни о моей судьбе, ни о родных, ни о чем земном. Моя койка помещалась между Кир. Лордкипанидзе и Линевым. Поблизости стояла койка Пиотровского, которым я всего чаще коротал часы заключения. Он приворожил меня к себе тем, что моему безразборному и беспорядочному чтению прежних лет дал скелет и освещение, показавшиеся мне стройным и правильным. Он внушал мне, что времена настают боевые, когда некогда долго учиться и корпеть над мелочами науки, над «черною лабораторной работой». Надо хватать на-лету «выводы», уже добытые учеными, обобщающими чужие научные труды. Ведь мы себя не в ученые, не в профессора готовим, а в «граждане». С нас совершенно довольно выводов, кухня научная для нас излишня. Выводы же делаются писателями, в роде Чернышевского или Добролюбова, именно только тем и занимающимися, чтобы вооружать молодежь всеми данными современного знания, последними словами науки, особенно же такой, которая, как освободительная, не допускается в стены казенных учебных заведений. Видя, что я читаю только что вышедший восьмой том «Сочинений Белинского» о Пушкине, Пиотровский настаивал, что едва ли стоит вдаваться в такие «мелочи и подробности». Все, что теперь нужно знать об этих предметах, изложено в очерках Чернышевского «Гоголевский период русской литературы». Их необходимо прочесть всякому образованному человеку. По современной истории, которая в университете вовсе не проходится, нужно прочесть его же статьи «Борьба партий во Франции», «Кавеньяк», «Процесс Меньшмонганского семейства» (т. е. сен-симонистов), и т. п., и в особенности его неподписанные статьи во всех книжках «Современника», под рубрикой «Политика». Статья «Процесс Меньшмонганского семейства» важна еще тем, что она, как и некролог Добролюбова о Роберте Оуэне, знакомит с положениями социализма, хоть говорить о нем и произносить это слово в печати строжайше запрещено. Многие из названных статей мной уже были прочитаны, но с его комментариями они приобретали более глубокое значение. На них он был щедр, а я не уставал их слушать.

Между тем в казарме, разделенной лестницей на два отделения, мы, 240 заключенных, учредили свою республику, с выборным правительством, еженедельно дававшим отчеты нашему общему собранию, заседавшему в особой палате, оставленной свободною для чаев, для концертов, литературных чтений, декламаций, судебных разбирательств и т. п. Кронштадтские дамы любезно одолжили нам на все время нашего затворничества, два рояля, на которых любители играли, когда вздумается, по очереди. Обыкновенно эти рояли стояли каждый в отдельной половине казармы. Но в дни концертов и музыкальных вечеров они переносились в общий зал, где в свободные от собраний дни расположена была наша лавочка, снабженная папиросами, сладостями и всякою всячиной и находившаяся в заведывании тоже выборного персонала. Мы обосновались надолго. Кормили нас на казенный счет вполне сносно: утром и вечером давали чай в оловянных кружках, среди дня — обед из двух блюд, по воскресеньям же регулярно кронштадтки присылали нам роскошные блюда с изысканным десертом. Гарнизонное начальство, которому мы были вверены, не только не препятствовало таким проявлениям общественного сочувствия, но и само, как это ни странно, принимало участие в вечеринках и собраниях, устраиваемых нами. Одеты все мы были постоянно одинаково, в больничные халаты из серого солдатского сукна, в холщевое белье и в туфли без задков. В таком «арестантском» костюме мы любили сниматься группами, на гауптвахтной платформе перед нашею казармой, с гарнизонными часовыми и караульным офицером за наших рядах. Нам это охотно позволялось, и такие фотографии мы хранили, как святыню, воспоминание о вскоре вслед за тем погибших товарищах. На литературных чтениях и музыкальных вечерах к нам часто ходило не только наше начальство, но и высшее кронштадтское, присутствие которого ничуть не мешало нашим артистам петь бесцензурные песни, когорым мы наиболее рукоплескали. Меж ними особенный успех доставался стихотворению Н. П. Огарева «Свобода». Мы совсем неистовствовали, когда пелась строфа:

Но если б грозилась беда или невзгода

И рук для борьбы захотела свобода,
Сейчас полечу, на защиту народа.
И если паду я средь битвы суровой,
Скажу, умирая, могучее слово:

Свобода! Свобода!

Свобода! Свобода!

Кронштадтские адмиралы внимали ей не меньшим
умилением, чем мы. Нам это нисколько не казалось
странным. Мы считали, что радикализм моряков —
следствие их долгих стоянок в иностранных портах, где
они набираются свободолюбивых взглядов под влиянием
европейских нравов и порядков. С еще большим энтузиаз-
мом и мы, и гарнизонное офицерство, и кронштадтские
власти присутствовали на «гласном суде» и «суде при-
сяжных», по временам устраивавшихся у нас, с импро-
визованными защитниками, обвинителем, судьями, прис-
тавами и т. п. В те дни суд на Руси был синонимом
взятки и крючкотворства. За две-три недели слушания
нами университетских лекций неизгладимо благотворные
воспоминания оставили в нас курсы Спасовича, по уго-
ловному праву, и Утина — по судопроизводству. Сличая
положения русского законодательства с практикой пра-
восудия в Европе, особенно же в Англии, они ввели «су-
дебную реформу» в число десяти заповедей молодого
поколения. «Примерные представления» судебного про-
цесса, которые устраивались в университете и в нашей
казарме, имели для посещавшей их публики глубокое
воспитательное значение. Эти процессы происходили у
нас почти еженедельно под руководством юристов стар-
ших курсов, по всем правилам английского судопроиз-
водства, иной раз для разбора действительных проступ-
ков кого-нибудь из нас, большею же частью по вообра-
жаемым поводам. Красноречием иные из импровизиро-
ванных прокуроров и защитников отличились изумительным.
Для лиц, подобно мне присутствовавших на подоб-
ных опытных судебных разбирательствах, уже не могло быть сюр-
призом пять лет спустя, по открытии осенью 1866 г. су-
дебных установлений по уставам 1864 г., внезапное по-
явление целой плеяды перворазрядных судебных дея-
телей и ораторов: их взростила наша университетская
наука, с ее студенческой практикой товарищеского суда,
не даром казавшегося тогдашним правителям России
«пропагандой превратных понятий».

Бывали впрочем, у нас и дни печали и уныния: едва ли не все студенты точно громом были поражены, когда до нас в середине ноября дошло известие о смерти Н. А. Добролюбова¹. Не один только Пиотровский залил слезами узнав о ней. Покойного я знал по статье. Но меня удивляло, что окружавшее меня студенчество помнило совсем другие его статьи, чем те, которые всего более волновали меня. На меня и на некоторых моих сверстников особенно долговременное влияние имела в конце 1860 года его статья о падении неаполитанского престола. Она художественно описывала сперва непоколебимую прочность королевского трона, покоившегося на сплошном невежестве народа, а потом головокружительную быстроту его падения, по мановению руки Гарибальди. Под свежим впечатлением этого изумительного события статью Добролюбова мы поняли в том смысле, что и русский престол может быть взорван. Точно так же язвительные стихотворения Якова Хама, будто бы переведенные то с «астрийского», то с «неаполитанского» языков, нами принимались, по их действительному назначению, за безудержное издевательство над нашими порядками и правительственными взглядами. Собственно же критические статьи покойного писателя, признаюсь, гораздо меньше трогали меня, да и Пиотровского, сколько я мог заметить.

Пиотровский был молодой человек чрезвычайно нервный и впечатлительный. Едва ли не этою его нервною и объясняется его самоубийство, вскоре по выходе из заключения, по поводу пустячного столкновения с Н. А. Некрасовым, описанного А. Я. Панаевой-Головачевою. Смерть Добролюбова ввергла его в неутешное горе. Ливнев, тоже очень привязавшийся к нему, в виде утешения напомнил ему, что «Современник» богат талантами: один Чернышевский чего стоит! Но это не утешило опечаленного юношу.

— Чернышевский не заменит Добролюбова, — говорил он, — особенно теперь. Он слишком осторожен, нам же смелость нужна больше всего. Чернышевский ни разу не пришел на наши сходки, хоть и очень ими интересовался и все время про них расспрашивал. Добролюбов

¹ Умер 17 ноября 1861 г. — Ред.

же, будь он здоров, не только пришел бы, но и повлек бы нас за собой бог весть куда.

Тем не менее, он поклонялся Чернышевскому, как никому из тогдашних писателей. С Линевым и Лемлем Н. Н. Страхова (писавшего под псевдонимом Коффи) и журнала братьев Достоевских «Время», он подолгу спорил из-за напечатанной летом того года отповеди Чернышевского Герцену, по вопросу, близкому сердцам неославянофилов, каким был Линева, — принесет ли славянство новую кровь и новые основы жизни «сгнившему» Западу? Еще большие препирательства между ними вызвала всенародно прочитанная в казарме новая статья Чернышевского «Национальная бестактность», разносившая новый еженедельник Ив. С. Аксакова «День». Она защищала против славянофильских нападок польские стремления, почему и вызвала энтузиазм в польской среде, и не только в ней одной.

Около того же времени — середины ноября — к нам, наконец, пожаловала из Петербурга «Высочайше учрежденная» комиссия для расследования студенческих беспорядков и для суда над нами. Председателем ее состоял профессор полицейского права И. Е. Андреевский.¹ Его предмет был одним из главных в моем (административном) отделении юридического факультета, и потому я пошел слушать его вступительную лекцию, которую он начал буквально так: «та часть философской науки, милостивые государыни и господа, которая называется полицейским правом»... и т. д., хоть в его аудитории не было ни единой милостивой государыни. Прибавьте льстивое выражение лица, вкрадчивый тон и голос, и вы поймете, почему мы не влюбились его, совсем независимо от зазорного наименования его предмета. Нас немало не удивило, что он взялся судить нас.

Комиссия только и сделала, что раздала нам печатные опросные бланки со множеством рубрик; которые мы должны были заполнить собственноручно. Меж ними были и странные вопросы, в роде того, например, гово-

¹ Иван Ефимович (1831 — 1891) был не председателем, а членом комиссии от университета. — Ред.

рили ли мы офицерам арестовавшего нас отряда, что их имена будут заклеены в «Колоколе»? Старшие студенты из юристов просматривали наши ответы, чтоб мы не отяготили напрасно нашего положения ^{необдуман- ными фразами.} На другой же день наши ответы ^{скреп- ленные надлежащими подписями} были церемонно отобраны у нас полным составом комиссии и отвезены в Петербург.

Прошло незаметно еще две-три недели: мы их не считали. Не только наша Нева, но и все море уже покрылось толстым слоем льда. Из столицы к нам по льду, на санях ездили знакомые и товарищи, беспрепятственно к нам допускавшиеся. Нередко даже и нас отпускали кататься с ними на санях по заливу и городу. Товарищи привозили отрядные вести, что наша «демонстрация» принесла ожидавшиеся плоды: вернувшись в столицу, государь прогнал не только генерал-губернатора с обер-полицеймейстером, но и министра просвещения Путьянина, и попечителя Филипсона, а с ними и кое-каких других министров, например, министра внутренних дел. Вместо старых, дряхлых, он назначил молодых, уверяют, либеральных, рекомендованных ему великим князем Константином Николаевичем и великою княгиней Еленой Павловной, А. В. Головнина на пост министра просвещения и П. А. Валуева — министра внутренних дел. Еще раньше на место престарелого Сухозанета военным министром назначен был Д. А. Милютин, начальник штаба кавказской армии и сотрудник Бяратинского в завоевании Дагестана. Теперь-де, несомненно, пойдут новые, ныне песни. Военщины в университете и духу не будет. С новым, готовящимся, университетским уставом матрикулы исчезнут, и все пойдет прекрасно. Ура!

Так настал декабрь, 6-го числа, утром, нам внезапно предложено было снять и сдать казенное платье и облачиться в собственное. У ворот казармы нас ждала сотня саней, запряженных тройками. Те лихо домчали нас через замерзший залив в Петергоф, где нас ждал специальный поезд, мигом довший нас в столицу. Здесь, на Петергофском (теперь Балтийском) вокзале, нам, наконец, объявили, что мы свободны и можем ехать куда глаза глядят, но уже на собственный счет. Для получе-

ния видов на жительство нам предложено было ^{двинуться} уже не в университет, как было прежде, а в ^{кампус} казначейство оберполицеймейстера, на Большую Морскую, дом № 20.

Там мы скоро узнали, что объявление о ^{нашей} свободе и о праве ехать куда глаза глядят было не совсем верно: по высочайше утвержденному приговору комиссии мы все признаны были виновными и разделены на четыре категории. Первая, в составе семи зачинщиков, приговорена к высылке в отдаленные губернии. Попавшие во вторую категорию, все больше студенты четвертого курса, исключались из университета по волчьему паспорту, с тем, чтобы их ни в какие высшие учебные заведения не принимать. Третьей категории разрешалось поступать на соответственные курсы провинциальных университетов. Четвертая категория, в которую попали мы, молокососы, т. е. студенты первого курса, отдавалась «на поруки родителям». У кого же их в столице не имелось, те высылались полицией на родину.¹

Ко всеобщему удивлению и раздражению, зачинщиками оказались вовсе не Утин, Неклюдов и прочие

¹ Сведения автора о распределении виновных по группам не вполне точны. По официальным данным, приведенным в неизданной истории революционного движения 60-х годов (составленной Татишевым по материалам III отделения), распределение было следующее: в первую группу попали студент М. Покровский и вольнослушатель Ф. Орлов, высланные — первый в Архангельскую второй в Пермскую губ. Во вторую группу вошли студенты: Е. Михаэлис, К. Ген, А. Герике, А. Френкель и М. Новоселицкий, исключенные из университета и высланные в разные уездные города. В третью — 32 студента четвертого курса, исключенные из университета с отдачей на поруки родителям, а в случае отсутствия поручителей, предназначенные к ссылке в уездные города Вятской, Вологодской и Олонеской губернии. Наконец, в четвертую группу включены 192 студ. младших курсов, которым даровано всемиловитвейшее прощение и дозволено в двухнедельный срок или принять матрикулы, или возвратиться на родину. В Петербурге из них могли остаться только имеющие в нем недвижимую собственность, родителей или близких родственников. — Ред.

ораторы наших митингов, а мало кому известные студенты высших курсов: Ген, Герики, Михаэлис, Понровский, Френкель и еще не помню кто. Разумеется, и они не аркадские барашки были; но все додумались до глубины души, что тяжесть кары пала на них, когда как главные коноводы из верхних слоев служебной или денежной иерархии остались безнаказанными. Как это могло случиться — осталось покрыто мраком неизвестности, или, по титулу одной из тогдашних степеней наказаний, «под сильным подозрением».

Тут-то и я, наконец, вспомнил о собственной участи и обеспокоился: я должен был представить подписку родителя, с поручительством, что никогда впредь в беспорядках участвовать не буду. Без такой подписки я подлежал высылке на родину, что тогда для меня было несравненно тягостнее ссылки на каторгу.

Когда в Петербург пришли новые номера «Колокола» со статьей «Исполни просыпается» и со списком студентов, захваченных 13 октября, т. е. с нашими фамилиями¹, мы были на седьмом небе: поймите, ведь это в нашем лице впервые просыпается исполин — Россия. Наши волнения тут описывались, как начало новой эры в истории государства Российского. Ну, как тут не возмечтать, не пожелать участия в дальнейших подвигах? Как от таких перспектив перейти к ведению до окончания века счетов кирпичам и бревнам для пограничных постов?

А тут пошли новые прокламации, теперь уже поменьше объемом и поскромнее содержанием, домашнего, несомненно, производства, на сероватой бумаге лубочных изданий и со старым шрифтом. То были номера «Великоросса», требовавшего всего только представительного правления, что-то в роде Земского Собора². Возбужденные ими споры и волнения — восторги по поводу обхода полиции и цензуры — побудили меня искать способов, как бы обойти предстоящую мне высылку на родину и остаться в столице, не

¹ № 110 от 1 ноября 1861 г. — Ред.

² Три листка «Великоросса» появились последовательно в июле, сентябре и октябре 1861 г. — Ред.

осрамясь подчинением матрикалам? Как, в самом деле, уехать при мысли, что можешь прозвать революцию? Я решился рискнуть — выписаться выехавшим на родину, в действительности же перебраться в такой квартал, где полиция не особенно усердствует, по обилию тут благонадежных элементов: военных и чиновничества. Для этого стоило перебраться на Акакию Церетели, уже и тогда известному грузинскому поэту. Он жил на Захарьевской, недалеко от брата, служившего в конвое государя. Его хозяйка — старуха, души в нем не чаявшая, согласилась держать меня без прописки, пока я получу с погибельного Кавказа новый паспорт вместо будто бы утерянного. В действительности же мой университетский вид на жительство был у меня отобран при выдаче из полиции открытого листа на следование на родину для явки там местному начальству. Я скинул с себя пиджак, заменив его черкеской, придававшей мне вид конвойца, или, по меньшей мере, его слуги. Я редко выходил из дому, чтобы не мозолить глаз дворнику. В кварталы с преобладающим студенческим населением я вовсе не ходил. Дома же я занимался изучением старых номеров «Современника» и проглатыванием от первой до последней строчки новых его книжек, выхода которых ждал, как манны с неба.

От этих занятий меня отвлекла черкеска, о которой я только что говорил. Перед рождественскими праздниками ко мне неожиданно зашли две очаровательнейшие дамы, старшая из которых сказала, что она жена Чернышевского и просит одолжить ей черкесский костюм для маскарада. О ней я много уже слышал от товарищей, познакомившихся с нею за время нашего заключения и часто у нее бывавших. Разумеется, я тотчас же исполнил ее желание. С ней была сестра много моложе ее. Обе были темноглазые, брюнетки. Старшая казалась даже грузинкой и была гораздо бойчее сестры, нежный взгляд которой, казалось, старался скрыть симпатию к вам. Звали старшую Ольгой Сократовной, а младшую — Минодорой. Уходя Чернышевская властно наказала мне завтра же притти к ней за костюмом и на чашку чая. «Я вас познакомлю с Черны-

шевским». Я не верил своему счастью и чуть с ума не спятил от него.

Кое-как дождался я следующего вечера, считая часы и минуты. Они жили на Владимирской, недалеко от собора. Гости уже сидели за чаем, в столовой. Новая хозяйка разливала чай, но самого Чернышевского в комнате не было. Ольга Сократовна сказала, что он скоро придет. За столом сидело около дюжины гостей и только две дамы, мои посетительницы. Большинство гостей состояло из грузин, студентов старших курсов, великовозрастных красавцев, в шегольских костюмах и с модными тогда бородами и прическами.

Сущность разговора, врезавшегося мне в память, заключалась в том, что один из студентов, кн. Иван Андроников, впоследствии видный кахетинский винодел, восторгался рассказом о безбоязненном поведении в сенате М. Л. Михайлова, открыто выложившего свои убеждения и произнесшего, вместо защитительной, обвинительную речь против правительства¹. Чернышевская прервала его восторги замечанием, что Николай Гаврилович (ее муж) очень сожалеет о таком поведении Михайлова. Ему вовсе не следовало сознаваться, а нужно было сделать все, что только возможно, чтобы спастись. Нас уж не так много, чтобы самим лезть в петлю. Андроников конфузился и не возражал, тем более, что в столовую вошел Чернышевский, подтвердивший последние слова жены и сказавший, в нос и скороговоркой, две-три фразы в том же смысле насчет того, что глупо откровенничать с начальством, которого все равно словами не вразумишь. Тут я был представлен ему женой, с прибавлением, что я один из сидевших в крепости. С непередаваемой улыбкой он задал мне несколько вопросов о моих впечатлениях, от которых меня бросило в пот и волнение. Он скоро оставил меня в покое. Я несколько не обиделся полу-ироническим тоном его

¹ Эти сведения о поведении М. Л. Михайлова в сенате проникли в «Колокол» (№ 131 от 1 мая 1862 г.), но они не соответствовали действительности. Михайлов признал с оговорками факт составления и распространения прокламации, но «обвинительной речи» перед сенатом не произносил. —Ред.

вопросов о крепости, сознавая естественность отношения ко мне, как к малышу, со стороны человека, так мало церемонящегося с гигантами.

Когда я уходил, Чернышевская сказала мне всем хозяйкам фразу: заходите почаще. Я, всем желанием бывать у них, не мог не стесняться, тем более, что мне довольно далеко было ходить. Снова ее сестре снова понадобилась черкеска, и они заехали ко мне в экипаже, запряженном чудным рысаком, на котором они и повезли меня к себе. Мало-по-малу я к ним привык и перестал стесняться. Подобно всем другим студентам-грузинам, ежедневно бывавшим у них, и я стал ручным в их доме.

Малярия 1858 года, видимо, сильно задержала мое физическое развитие: я был необыкновенно мал ростом и имел совсем детское лицо, так что все удивлялись и не верили моей студенческой фуражке, которой я именно потому и дорожил, что она скрашивала мой детский вид. Однажды, когда мы сидели за чаем в обычной компании студентов-грузин и Чернышевский, в противность обыкновению, пришел пить чай с гостями, жена его, говоря обо мне, сказала ему, что я единственный кавказец, не ухаживающий за нею, и что он должен за это особенно любить меня. Все расхохотались, потому, что смешно было думать, что такой малыш может еще ухаживать. Больше всех хохотал Чернышевский я же не знал, как спасти своих товарищей, так бесцеремонно выданных мужу Ольгой Сократовной. Когда мы ушли, я им сказал:

— Говорил же я вам, олухи, что вольное обращение этой дамы вовсе не обозначает того, что она вам повесится на шею!

Чернышевский редко показывался гостям жены, а все время сидел в кабинете, куда редкий из них заходил. Едва ли ни один М. А. Антонович, которого мы считали преемником Добролюбова, свободно входил в кабинет. Кроме него и грузин-студентов, у Чернышевских бывали устроители студенческих вечеров, чтений и некоторые профессора университета. Но мое особенное внимание обращали тут воен-

ные, офицеры генерального штаба, между которыми было много полковников, но бывали и генералы. Помню самоуверенный вид полковника Сераковского, полка блистательного красавца, про которого Ольга Сократовна говорила, что Николай Гаврилович очень его ум и многостороннее образование. Он тоже свободно заходил к Чернышевскому в кабинет и подолгу там оставался. Когда они выходили оттуда вместе, меня удивляли знаки глубокого уважения, с которым Сераковский относился к нашему писателю. Мог ли кто-нибудь из нас тогда, любуясь этим героем, украшенным всевозможными знаками отличий и щеголявшим верою в свою звезду, вообразить себе, что менее, чем через год, он будет повешен в Вильне Муравьевым?

Бывали у Ольги Сократовны и другие сотрудники «Современника», кроме Антоновича. Но то были большею частью беллетристы, которыми я мало интересовался. Крупные таланты, в роде Тургенева и гр. Л. Н. Толстого, ее не навещали. Меж ними и «Современником» уже давно гуляли черные кошки, и за год перед тем произошел окончательный разрыв. Хотелось мне встретиться с Ю. Г. Жуковским, автором уже замеченных публикою экономических статей, но все как-то не удавалось. Он заходил как-раз в те дни, когда мне что-нибудь мешало быть у Чернышевских.

В январе всякие волнения в столице прекратились. Петербургским генерал-губернатором назначен был св. кн. Суворов, внук знаменитого полководца. Наслышавшись об его благодущии, я дерзнул подать ему прошение о разрешении мне остаться в столице. Прочтя на прошении мою фамилию, он спросил меня по-грузински: «Картули ици?» (знаешь ли грузинский язык?). На мой ответ, на том же языке, что, разумеется, знаю, последовала резолюция: «Карги» (хорошо), и адъютанту было указано распорядиться о выдаче мне вида на жительство. Так просто состоялось освобождение мое от нелегального положения.

Новый 1862 год настал при обстоятельствах, казавшихся благоприятными. Гнет цензуры, не позволявшей и заикаться о беспорядках или о чем-нибудь подобном, немножко ослаб. В газетах попадались иногда статьи,

от которых веяло «вольным духом», дотеле в них не терпимым. В начавшем выходить в том году юмористическом журнале «Гудок» заглавный рисунок изображал в одном углу императрицу Марию Александровну в стилизованную ханжей, в объятиях монаха, а в другом — Терциена, проповедующего свободу юношам и мужикам. На первой странице первого номера красовались все пять студентов первой категории, сосланных за беспорядки, в очень сходных портретах. Журнал издавался музыкальным магазином Ф. Стелловского, под редакцией Д. Д. Минаева («Обличительного Поэта»). В течение целых пяти недель заголовки не сходил с журнала, и с каждым новым номером рисунок усиливался: в нем все более и более оттенялось сходство лиц и отчеканивались детали. Только с шестого номера рисунок был снят, с заменой его простыми буквами, без всяких украшений, редактор же был смнен вовсе. В актовом и парадных залах разных учебных и общественных заведений все чаще и чаще устраивались литературные вечера и публичные чтения, всегда с прозрачными намеками на университетские волнения и политические события. Читать на них изредка выступали крупные писатели, в роде Ап. Майкова, Некрасова, Полонского и т. п. Но большею частью читали менее видные деятели, как П. Вейнберг («Гейне из Тамбова»), братья Курочкины и пр. Раз В. С. Курочкин, вызванный в зале второй гимназии рукоплесканиями на-бис, будучи навеселе, прочел под видом перевода из Беранже следующие стихи:

Над цензурою, друзья,
Смейтесь так же, как и я:
Ведь для мысли и для слова,
Откровенно говоря,

Нам не нужно никакого
Разрешения царя!

Если русский властелин
Сам не чужд кровавых пятен, —
Не пропустит Головин
То, что вычеркнул Путятин,

Над цензурою, и проч.
Монархическим чутьем
Сохранив в реформы веру,
Что напишем, то пошлем
Прямо в Лондон, к Искандеру.
Над цензурою, и пр.

Многие другие произведения того же замечательного поэта-юмориста, читанные тогда на литературных вечерах, попали в печать несколько лет спустя, по отмене предварительной цензуры в 1865 г. Приведенное же выше стихотворение, сколько мне известно, еще нигде не напечатано.

Штаб-квартирою студенчества, по закрытии университета, стал книжный магазин и библиотека для чтения Н. А. Серно-Соловьевича, на Невском, в доме Петропавловской церкви. Тут мы имели возможность читать все, что угодно. Так как в то время продажи газет отдельными номерами на улицах еще не существовало, на журналы же надо было подписываться на целый год, библиотека доставляла всем большие удобства. Здесь же можно было узнать все политические и литературные новости, в печати не появлявшиеся, видеть почти всех знаменитостей, а нередко и знакомиться с ними. Серно-Соловьевич приступал тогда к изданию много-томной «Всемирной Истории» Ф. Шлоссера, под редакцию Чернышевского.

Эти развлечения и удобства не заменяли нам университета, все еще остававшегося закрытым. Министерство, видимо, рассчитывало держать его подольше в таком состоянии, чтобы тем очистить столицу от беспокойной молодежи и заставить ее перебраться в провинциальные университеты. Чтобы расстроить этот коварный замысел, студенты постарше испросили у кн. Суворова разрешение открыть курсы публичных чтений в залах городской думы. Почти все наши уволенные профессора приняли в них участие, т.-е. просто-напросто возобновили свои университетские курсы. Слушатели должны были платить не за все лекции, а только за те курсы, на которые записались. Этот «Вольный университет» достиг, тотчас же по его открытии, пол-

ного успеха не только у студенчества, но и у всей столичной образованной публики, особенно же у дам из высшего общества. Каждый из нас слушал по крайней мере две-три лекции в день, совсем по-университетски, т. е. стараясь уловить и записать их содержание. Мы рассчитывали дотянуть так до осени, до предполагаемого открытия настоящего университета. Но человек предполагает...

В начале марта состоялся в обширном зале Руадзе, на Мойке, литературный вечер в пользу Литературного фонда, с участием почти всех видных литераторов и ученых.¹ Между прочим, выступал тут впервые перед публикой Чернышевский с воспоминаниями о Добролюбове. То-то предстояло, думалось всем, выслушать обличений цензуры! Читал свою статью, напечатанную в академическом «календаре» на тот год, «Тысячелетие России», наш профессор новой истории П. Вас. Павлов, незадолго перед тем переведенный к нам из Киевского университета. В конце своего чтения профессор сказал несколько теплых слов, выразивших надежду на обновление наших порядков и учреждений. Публика, в тот вечер вообще возбужденная и безразлично всем неистово аплодировавшая, наградила его горячими рукоплесканиями и без счета раз вызывала его на эстраду. И чем чаще появлялся он перед публикой, тем крики «браво» становились громче. Громадный зал гремел и дрожал от вызовов.

Дебют Чернышевского, несмотря на такое настроение публики, — а может быть и вследствие того, — не удался. Он был встречен такою овацией, какой при мне едва ли кто удостоивался. Он не читал, а рассказывал, скромно, тихо, точно разговаривал с приятелем, о своем знакомстве с Добролюбовым, об его отношениях к родным, об его добросовестности в работе и т. п. Ни малейшей театральности, никакого желания привлечь внимание слушателей, а тем более увлечь их не было и следа. Он даже ни разу не повысил голоса, не сделал жеста. Все было просто. Иногда он трогал свою цепочку от часов. Но, что больше всего дивило нас, это то, что

¹ 2 марта 1862 г. —Ред.

никаких жалоб на гнет власти Чернышевский не высказывал. Ничего бесцензурного, никаких заключений он и не старался пускать в ход, и так же просто встал и ушел, как говорил. Зал так и ахнул от разочарования. Не верилось, что это был в самом деле Чернышевский — тот самый, кто так бесцеремонно крушит в печати первоклассных писателей. Ретивейшим из его поклонников показалось, что нам его просто подменили, пользуясь тем, что он почти никогда нигде не показывался, да и портрета его нигде нельзя было достать. Дамы, страстно желавшие его видеть и слышать, нашли, что он вовсе не интересен. Через день «Северная Пчела», все время критиковавшая «Современник», с восторгом объявила, что публика немилосердно освистала Чернышевского за то, что он неприлично держал себя перед нею, развалился на кафедре, играл цепочкою и т. д. Нас это обидело тем более, что никаких свистков в тот вечер мы ни по адресу Чернышевского, ни вообще не слышали.

Несколько дней спустя стало известно, что П. В. Павлов по высочайшему повелению выслан из столицы в одну из наиболее отдаленных губерний за свои дерзости на вечере. Только тогда мы простили Чернышевского его осторожность и поняли, что благодаря сдержанности своей он избег той же участи.

Как только весть про ссылку Павлова стала известна студенчеству, возникло новое брожение. Кто-то из членов комитета, заведывавшего лекциями, предложил закрыть их в виде протеста. Большинство, и особенно профессора, на это не согласились. Во главе с Костомаровым, они возражали, что это значило бы играть в руку правительству, что это нанесет ущерб только студенчеству, которое останется без руля, разрозненным. Оно в особенности лишится возможности сходитьсь с обществом и вносить в него свою пропаганду. Мы об этих прениях узнали поздно, накануне костомаровской лекции, которую, оказывается, меньшинство комитета избрало для насильственного проведения своего предложения. Огромное большинство слушателей Костомарова, осведомившись о существовании спора, было против прекращения курсов. Когда началась лекция, со всех концов

зала послышались крики: «не надо», и раздался свист. Студенчество, чтоб поддержать профессора, рукоплескало и кричало «продолжайте», что еще более увеличивало беспорядок и мешало Костомарову овладеть вниманием протестантов. Он долго ждал окончания, но крики «Павлова!» не уменьшались. Несколько раз Костомаров пробовал говорить, но как только он открывал рот, возобновлялись возгласы «долой!», свист, лай, кошачье мяуканье и всякие неприличия. Жалко стало смотреть на Костомарова, лицо которого так изменилось от такого неожиданного афронта, что его едва можно было узнать. Он уныло собрал свои бумаги и спустился с кафедры со слезами на глазах. Страдальческий его вид долго не выходил у меня из памяти. А еще вчера вся эта молодежь боготворила его. С тех пор я удостоверился, что популярность — пустой звук.

После того никто из профессоров не решался выступать: уж если освистали Костомарова, то кто решился бы перечить крайним? Это был последний акт коллективных выступлений тогдашнего студенчества. С тех пор оно рассеялось, и для каждого из нас начался период индивидуальных исканий, уже мало кому видных, зависимых от случайных влияний и обстоятельств, в наилучших случаях от малюсенького кружка.

IX

Лично я хоть и жил с грузинами-студентами, но большую часть своего времени, свободного от чтения, проводил с юношами, с которыми сдружился в дни, называвшиеся нами «пленом Вавилонским». После самоубийства Пиотровского¹ и высылки на родину Линева у меня остались приятелями Самарин и Рождественский. Они познакомили меня с Е. Стопакевичем, старшим корректором «Современника», недавно кончившим университет. Он жил в Спасском переулке, близ Сенной, недалеко от меня, знал все новости и был общительный

¹ 18 марта 1862 г. —Ред.

и интересный человек. А главное — он давал мне читать статьи «Современника» в корректуре, за недели до их появления в свет. У него я окончательно втянулся в интересы передового движения. Сначала меня интересовали тут рукописи «Современника», особенно в сравнение с цензурными листами, зачастую возвращавшимися испещренными красными чернилами. Бывало также, что некоторые листы и совсем не возвращались; вместо них на других листах находилась надпись: «статья такая-то задержана для представления в цензурный комитет», что обозначало — пиши пропало. Я с жадностью перечитывал рукописи или «чистые листы» таких статей, заготовлявшиеся для авторов и редакции. Но скоромой интерес усугубился наездами сюда из Москвы приятелей Стопакевича, студентов Московского университета Аргиропуло, Заичневского и Саблина (старшего). Они ездили всегда порознь и всегда с одним и тем же чемоданом, битком набитым свежими тетрадами издававшихся ими подпольно литографированных переводов материалистических сочинений Бюхнера и Фейербаха: «Сила и Материя», «Сущность Религии» и т. п. На тот раз они привезли начало нового издания: «Сущность Христианства», которое и я взялся распространять в грузинской среде. Все эти юноши держали себя, как истые заговорщики, и со мною ни в какие откровенности не пускались, да и я стеснялся их расспрашивать. Но заговорничество их было еще примитивное, и в разговорах со Стопакевичем при мне они часто проговаривались, так что нередко можно было догадываться, в чем секрет. Привозимые ими тетради имели точь-в-точь такой же вид, как наши университетские лекции. Из их разговоров я понял, что в Москве они же издавали массу университетских лекций; переводы же они печатали между прочим, что им сходило контрабандой. Этих юношей я не раз встречал и у Чернышевских.

Как в библиотеке Серно-Соловьевича, пока она не была закрыта, так и у Стопакевича много было разговоров о полемиках того времени, — единственном отражении в печати русской политической жизни. Громкий шум наделала в конце марта статья Ф. Эвальда в «С.-Петербургских Ведомостях» (арендовавшихся тог-

да А. А. Краевским) под заглавием в роде «Учиться или не учиться?». Доказывалось в ней, что студенчеству не следует вмешиваться в политические вопросы, а надо сперва учиться. По этому поводу в апрельской книжке «Современника» набиралась громовая статья Чернышевского «Научились ли?». В ней говорилось, что студенты охотно занимались бы только своим образованием, если бы само правительство не втягивало их в политическую борьбу своими бессмысленными запрещениями студенческих касс, библиотек, сходок и товарищеских судов. Большинство студентов — бедняки, живущие мелкими уроками и переводами. Они никак не могут обойтись без касс, взаимной помощи и общих дел. Статья отличалась новизною тона в отзывах о правительстве: до тех пор так о нем еще никто не писал в России. Когда мы со Стопакевичем сверили эту статью с рукописью, я заметил, что статью не стоило набирать: ее наверное не пропустят, потому что она резка, обвиняет правительство и т. п. Стопакевич, напротив того, уверял, что Чернышевский знает свое дело: министрами теперь состоят новые люди, а не те, которых разносит Чернышевский. Эти новые министры не станут защищать прежних. Это только нам, провинциалам, статья кажется быющею правительству. Цензура же увидит в ней только топтанье павших. Когда рассыльный принес цензурные листы и с ними статью «Научились ли?» с надписью «Дозволен цензурою», оказалось, что Стопакевич был прав. Восторгу моему не было пределов.

Другая полемика, обращавшая тогда на себя всеобщее внимание молодежи, была травля «Современника», особенно же лично Чернышевского, в газете «Северная Пчела», перешедшей после смерти в 1859 г. Ф. Булгарина в руки Павла Усова и принявшей умеренно-либеральное направление. Мотивом этой травли служила мысль, что не будь того журнала и писателя, не было бы в молодежи никакого волнения. Хоть в газете эта травля практиковалась молодыми писателями Н. С. Лесковым и родившимся в России англичанином Артуром Бенни, слышшим «эmissаром Герцена», но Стопакевич и его знакомые убеждены были, что ею руководит III отделение собственной его величества канцелярии, заве-

дывавшее тогда высшею политикой правительства и политической полицией. В начале мая по столице распространилась в значительном количестве новая и большая прокламация «Молодая Россия», — самая резкая из всех, до тех пор появлявшихся. В ней авторы обращались не к молодежи или к обществу, а к народу. Они советовали ему свергнуть правительство, но и призывали его истребить всех помещиков и чиновничество. Между прочим, в ней говорилось и о роли Герцена в тогдашних делах. Отдавая справедливость его прежней литературной деятельности в сороковых годах и в первой половине пятидесятых, «Молодая Россия» утверждала, что теперь он отстал и занимается поучениями царю и министрам вместо того, чтобы бить в набат и сзывать народ. Ему надобно поучать народ так: «в топоры, ребята, бей эту сволочь, где бы она ни попалась». За точность этой главной сути прокламации я ручаюсь¹. Понятно, она разразилась громом над столицей. Мне показалось сначала, что она творение самого III отделения, чтобы напугать общество и подкосить в нем симпатии к молодежи. Но эта мысль оказалась нелепостью: правительство не на шутку взволновалось и сейчас же объявили в городе военное положение. Лица, заподозренных в ее распространении, предавали военному суду, для суждения по законам войны. Одною из первых жертв такого суда стал любимец всего университета, студент Яковлев, с нами сидевший в Кронштадте. Он был приговорен к расстрелянию и приговор тот напечатан во всех газетах.² Его, впрочем, помиловали и сослали на каторгу, где он скоро и погиб. Приняты были всевозможные меры к обнаружению авторов и места печатания прокламации. Обыскам, арестам, высылкам не было счета, ни меры. Настал так называемый «первый террор». И в это самое время в «Северной Пчеле» появился фельетон, приписывавшийся Лескову (писавшему тогда под псевдонимом Стебницкого), в котором ясно, как

¹ См. текст этой прокламации в «За сто лет» Бурцева и «Материалах по истории революционного движения 60-х гг.» Базилевского. — Ред.

² Перепечатан Богучарским в «Госуд. преступле.», т. I, стр. 212. — Ред.

день, намекалось, что «Молодая Россия» — произведение Чернышевского. Один-де он находит Герцена — отстальым — один он с ним препирается!..

На всех, и не только одних знакомых Стопакевича, а и все студенчество, этот донос возмутил до глубины души. Были юноши, собиравшиеся за это одни убить Чернышевского из членов редакции «Северной Пчелы», другие — побить их. Но благоразумие взяло верх, и все ограничилось презрением. На память Лескова, однако, этот эпизод наложил неизгладимый след: он всю жизнь потом «объяснялся» по этому поводу, отрицая свое участие в том доносе. Но ему мало кто в том верил.

По этому поводу Елисеев в «Современнике» писал, без указания, впрочем, фамилии Лескова и названия статьи, что крупный талант, упражняющийся в выходках «Северной Пчелы», очевидно, не познает себя; но придет время, когда ему зазорно станет за нынешнюю свою деятельность. Только этой единственной фразой «Современник» отозвался на все подвиги «Северной Пчелы». Можно себе представить, как на нас действовали и как нам нравилась такая деликатность журнала.

«Искра» тогда же отметила эту травлю следующим стихотворением:

Прошли года: старик Фаддей
Давно истлел в сырой земле;
Но дух Булгаринских идей
Еще живет в его «Пчеле».
Не убоявшись эпиграмм,
Их Усов позабыть не мог:
«Так храм разрушенный все ж храм,
Кумир поверженный — все бог».

Была ли эта травля нарушена III отделением, или нет, все равно, она отражала убеждение последнего, что Чернышевский — главный зачинщик всех беспорядков и всего движения, не будь его, ничего бы не было. Особенно усилилось это настроенье после колоссального успеха в публике статьи: «Научились ли?». Публика ее поняла так же неправильно, как и я. То была лебединая песня публицистики Чернышевского. Приготовленные для следующей

книги «Современника» статьи почти все были «задержаны». Мы со Стопакевичем принуждены были выполнить номер из «запаса», — дружининским переводом «Ричарда Второго» Шекспира и переводом «Мизераблей» Виктора Гюго. В эту же книгу пошла, наконец, давно известная ранняя пьеса Стопановского, мною прокорректированная. Вместо запрещенной «Политики» Чернышевского пущена была статья Э. Ватсона про дебюты и злодейства Бисмарка. Не успела выйти в свет эта пятая книга, как появилось высочайшее повеление о запрещении на восемь месяцев журналов «Современник» и «Русское Слово».

X

У меня тогда же сложилось впечатление что «Молодая Россия» была напечатана в Москве тремя приятелями Стопакевича, о которых речь шла выше. По крайней мере я внес такое убеждение из их разговоров у него и из того факта, что они и мне дали несколько экземпляров¹ этого воззвания для знакомых и для моей коллекции вышедших прокламаций, вскоре чуть меня не погубившей и потому мною преданной сожжению. Этика не позволила мне задавать им, или Стопакевичу, или кому бы то ни было подобные вопросы; но тогда во мне и сомнения не оставалось, что это их дело, и что они его ведут на свой риск и страх, доводя до крайности и абсурда социалистические идеи, почерпнутые из «Современника». Но я не допускал и мысли, что Чернышевский мог принимать какое-нибудь участие в таких вредных, прежде всего для самого движения, выступлениях. Думать так — значило согласиться с

¹ В настоящее время с несомненностью установлено, что «Молодая Россия» была издана кружком И. Г. Заичневского. Однако, память несколько изменяет в данном случае автору: ни от Заичневского, ни от Аргиропуло (вообще, повидимому, не имевшего отношения к изданию «Молодой России») он эту прокламацию получить не мог авиду того, что оба они с лета 1861 г. находились под арестом. Что касается третьего лица, упоминаемого автором, — Саблина, то, насколько известно, о нем до сих пор в литературе никаких упоминаний не встречалось; по делу Заичневского и Аргиропуло Саблин не привлекался. — Ред.

отзывом К. Д. Кавелина, писавшего около того же времени Герцену, что он в жизни своей не встречал человека в такой степени «путаника» как Чернышевский. Полагаю, Кавелин составил себе такое представление о Чернышевском только потому, что считал его автором «Мировой России», действительно спутавшей все карты восточной русской жизни.

Появление этой прокламации в самом деле послужило переводной стрелкой, направившей русское передовое движение и русскую политику на новый путь. Ею закончился апогей движения и начался круто его перигей.

Около того же времени правительство разрешило вольную продажу в России брошюры Шедо-Ферроти (псевдоним журналиста бар. Фиркса, позже редактировавшего в Брюсселе французские издания русского правительства), под названием «Письмо Герцена к русскому послу в Лондоне, барону Бруннову».

В этой брошюре, изданной в Германии, издевались над угрозою Герцена, что всякий волос, павший с его головы, в случае готовившегося, будто бы, его похищения, обрушится на русское правительство. Это был первый случай за пятнадцать почти лет допущения в печати имени Герцена, до тех пор сторожайше запрещенного. Вслед же затем в «Современной Летописи» «Русского Вестника», издававшейся в том году отдельно в форме еженедельника, М. Н. Катков выступил с необузданным поруганием антигосударственной деятельности Герцена и Огарева и с непонятными читателям намеками личного свойства, кончавшимися фразою: «знаем мы; что вы за люди!». С этих пор почти вся московская печать, прежде свято чтившая традиции Белинского и Грановского и слышавшая либерально-прогрессивную на английский лад, круто повернула вспять и стала реакционною. Статья Каткова примирила его с правительством. Он тотчас же получил в аренду издательство «Московских Ведомостей», арендатору которых, В. Ф. Коршу, передана была аренда «С.-Петербургских Ведомостей», а Краевский, в виде отступного, получил разрешение обзавестись собственным «Голосом». Заведывание цензурою из рук министерства народного просвещения передано было министерству внутренних дел, заведшему себе собственный орган: «Северная Почта». Словом, новое правительство обнаружило, что оно понимает значение пе-

чати в жизни современного государства и не намерено оставлять ее в чужих, а особенно враждебных ему руках. Все это гармонировало с запрещением на восемь месяцев, т.-е. до будущего февраля, когда вся подписка на органы печати уже прекращается, радикальных журналов «Современник» и «Русское Слово».

Как нарочно, в это-то время в Петербурге среди необычайно знойного начала июня возникли беспрецедентные пожары, начинавшиеся нередко разом в нескольких противоположных частях города. Длилось это недели две. Особенный ужас овладел населением города, когда загорелся так-называемый Толкучий рынок, — беспорядочный конгломерат досчатых бараков, простиравшийся от Фонтанки до Б. Садовой и от Чернышева переулка до Апраксинского. Здесь тысячи торговцев теряли все свое достояние. Уже с первых же дней возникновения пожаров пошли слухи в народе, что «поджигают студенты» или поляки. Мотивом указывалась месть барчуков за освобождение крестьян. Было уже несколько случаев зверской расправы с совершенно неповинными студентами, которых толпа хватала на улице и бросала в огонь, набрасывая на них горевшие головни. Разумеется, «Северная Пчела» тотчас же подхватила слух о поджигательстве студентов и дала ему всевозможное распространение.

Мы с Самариным вздумали образовать возможно многочисленную группу студентов, при первом же трезвоне пожаров прибегавших в форменных фуражках и усерднейшим образом работавших над тушением пожара, до его прекращения, чтобы доказать что студенты не только не поджигатели, а гасители, ничего не жалеющие для народного блага. За те две недели мы усердствовали, не зная отдыха, и я загорел до неузнаваемости. Несколько раз, тем не менее, нас все-таки чуть было не сожгли живьем,¹ и народной молвы, разумеется, мы не одолели.

¹ А именно однажды, когда я был задержан на пожаре полицией за препирательство с квартальным, толпа показалось, что поймали «поджигателя», и меня едва не бросили в огонь. Не случись тут, к счастью, юноши-ремесленника, подтвердившего мои слова, что я арестован за упрек квартальному, который бил народ, я был бы сожжен, потому, что толпа уже вырвала меня из рук полицейских, меня задержавших, и собиралась бросать в огонь.

Одна сцена мне особенно врезалась в память из того времени. Огонь сплошным морем разливался во все стороны на безграничном, казалось, пространстве Толкучего рынка, когда разнеслись крики «Государь пожаловал!». Был час или два пополуночи; но все вокруг было залито ярким багровым светом. Мы все, не исключая и безумевших торговцев, бросились к воротам государственного банка, на Садовой, перед которым и стояла царская группа. Казалось, она скорее восхищается грандиозным видом пожара и пепелища, чем распорядится борьбою против бедствия. Все лица были веселые, возбужденные, раскрасневшиеся, и никто из генералов и адъютантов с места не трогался для передачи распоряжений. У многих сюртуки были нараспашку, что было уж совсем странно для военных. Как только ветер подул в их сторону и дым с искрами понесся к свите, призваны были экипажи, и она умчалась. Но лишь немногие из торговцев вздохнули с возгласом: «эх-ма!». Остальные набожно крестились. В этот момент погасли мои последние монархические чувства.

XI

Летом Петербург и без всяких пожаров невыносимо душен и пуст, а тут жить в нем стало совсем нестерпимо. В предшествовавшем году грузинское студенчество выселилось на дачи на Черную Речку. Теперь же оно предпочло Павловск, где и я нанял себе небольшой чуланчик среди города. Я предполагал погрузиться там в серьезное чтение для «саморазвития». Но чем больше я читал, тем яснее видел, как мало я знаю.

Я погружен был в чтение в старых книжках «Отеч. Записок», «Писем об изучении природы» Герцена, когда узнал от товарищей, что и семья Чернышевского переехала на дачу в Павловск. С Ольгой Сократовной я в тот же вечер встретился на музыке, перед вокзалом. Дирижировал тогда оркестром, гремел и пожирал дамские сердца венский композитор, знаменитый Иоганн Штраус. Слушать его ходил весь Павловск, и наезжали Царское Село и Петербург. Чернышевская с сестрою звали меня с собою и

на утренние прогулки по чудному Павловскому парку, особенно на катанье по его бесконечным прудам, где я греб без усталости и делился с Ольгой Сократовной своими размышлениями о литературных и политических тревожениях тех дней. Она же передавала мне суждения о них своего мужа. С лодки мы часто ходили на ферму, в которой стояли гимнастические приспособления. Тут мы подолгу качались и кружились, а то и отдыхали в беседке, где императрица Мария Феодоровна, вдова Павла I, собирала вокруг себя поэтов и писателей, с Жуковским и Карамзиным во главе. Ольга Сократовна шутила, что не таковы теперь дворцовые нравы, что писатели нынче не в милости там. Совсем напротив, их там ненавидят.

В этой здоровой атмосфере, насыщенной сосною, мы проводили целые дни, пока Чернышевский оставался в столице. Когда же он наезжал в Павловск, жена не отходила от него. Тогда и я чаще с ним встречался и ближе его наблюдал, особенно же с тех пор, как Ольга Сократовна уговорила меня переехать к ним на дачу и поселиться в мезонине, вместе с ее братом, только-что приехавшим к ним из Саратова.

Чернышевский был невысокого роста блондин, близорукий, в золотых очках. Ходил он всегда очень быстро, торопясь. С утра до поздней ночи он погружен был в работу. По отзывам ближних, он не знал никаких развлечений: не посещал ни театров, ни концертов, ни клубов, ни даже знакомых. Карт, всеобщей тогда утехи, он не умел держать в руках. Нечего и говорить, что он не только не пил, но и не курил. Жену и сыновей, Сашу и Мишу, он просто обожал, души в них не чая. Ольга же Сократовна заботилась о нем, как только мать может заботиться о младенце. Она уверяла, что он не от мира сего, ни о чем житейском понятий не имеет, и если не смотреть за ним, то умрет с голоду. Она, а не он, по ее словам, вела расчеты с Некрасовым, издателем «Современника». Иначе Чернышевский и не помнил бы, какой ему гонорар причитается.

В отношении ко мне Чернышевского преобладал тон, с каким обращаются к детям. Меня это не обижало; я находил вполне естественным, что человек, который так

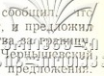
много знает, не может быть ровней мне, ничего еще не знающему. Мне даже не нравилось, когда, за неимением гостей, видя меня одного, он вступал со мною в разговоры. Я любил слушать его, когда он беседовал с другими. К несчастью, большею частью все его разговоры, но в какой-либо мере, при мне, носили иронический характер. Он прибегал к шуткам или аллегориям (эту манеру у него перенял и Антонович) или давал такие ответы, которые можно понять и так и этак, а иной раз и вовсе понять нельзя. Все же таки из его отзывов и мнений, которые мне приходилось слышать или прямо от него, или от его ближних, я составил себе представление, что он был крайне неважного мнения о царе и его министрах и убежден был, что им не справиться с повоенною разрухой, с недовольством крестьян положением об их освобождении, с предстоящими внутренними реформами, а в особенности с начинавшимся польским восстанием. Перед тем, весной, при объявлении манифеста об освобождении крестьян, было несколько якобы «восстаний крестьян». В сел. Бездна, Казанской губ., расстрелян был кр. Антон Петров. Чернышевский придавал преувеличенное значение и этому, и студенческому волнению, в том смысле, что рассчитывал на безостановочность пропаганды студентов в среде, в которую они попадают по окончании или перерыве курса. Он отлично понимал силу народной инерции и знал, что победа прогресса придет не сразу, что будет несколько — и довольно много — волн прилива и отлива. В конечном итоге, несомненно, победит правда и разум, но это будет нескоро, и не одно поколение, — этого он не скрывал от нас, молодежи, — положит свои кости в борьбе за воцарение добра. Но в чем он не сомневался, — это в том, что уныние, овладевшее высшими сферами после крымского разгрома, логически неизбежно приведет к революции, торжество которой будет непродолжительно и сменится жестокою расправой реакции с передовыми элементами. О себе он знал, что погибнет, но не подозревал, что это случится так скоро. Что больше всего меня в нем дивило, — это его вера, даже и мне казавшаяся наивною, в несокрушимую силу правды. Он убежден был, что все разумное непобедимо, что прогресс безостановочен и бесмертен. И еще был у него фетиш — народ. Раз в него попало зерно истины, оно не может не пасть на добрую поч-

ву: оно всепременно взойдет и принесет обильные плоды, неизменно полезные. Несколько раз я видел его спорящим на эту тему: куда тогда девалась его ирония? В редкие моменты он имел вид уже проповедника. Тогда Ольга Сократовна, обычно не вмешивавшаяся в беседы мужа с гостями, приходила к нему на помощь и искусно прекращала спор.

Наши студенты нередко навещали Чернышевских, особенно когда он приезжал из Петербурга. Начинались расспросы и рассказы о новостях насчет реформ и политики. Он о них говорил в таком тоне, что, бывало, не разберешь, где кончается правда и начинается издевательство. В то время на очереди стояли не столичные, а уже варшавские беспорядки. Наместником в Польшу назначен был великий князь Константин Николаевич, взявший себе помощником князя Велепольского и принявшийся за трудную задачу — примирение поляков с Россией. В Петербурге тогда мало кто верил в такую мечту. Между военными, даже русскими, особенно же учеными, ходили толки, что совершенное освобождение Польши увеличит боевую мощь России, для которой Польша не иное, что как кандалы на ногах. В этом смысле ходила по рукам даже довольно убедительная записка, обоснованная все больше стратегическими соображениями. Реформы великого князя, однако же, не клеились. Как всегда бывает, крайние пустили в ход обструкцию в форме покушения на жизнь сперва Велепольского, потом наместника (Ярошевский). Чернышевский предсказал эти неудачи и держался взглядов военной записки. Должно быть, он набрался их, когда в 1857 — 1858 гг. дружил с чинами генерального штаба, вместе с ними работая в качестве редактора «Военного Сборника», официального органа военного министерства.

Несмотря на варшавские волнения, в столице стало совсем спокойно по прекращении пожаров. Семью Чернышевского, тем не менее, не на шутку взволновало напечатанное в «Колоколе», по случаю запрещения «Современника», предложение Герцена — печатать этот журнал в Лондоне на его счет. Это уж был удар не в бровь, а в глаз. Чернышевскому не трудно было объяснить своим друзьям, что эта мысль абсолютно неосуществима. Вслед затем Ольге Сократовне студент высших курсов и наш товарищ по заключению Евгений Печаткин, брат книгопро-

давца и соучастник в бумажной фабрике, сообщил, что Чернышевскому грозит неминуемый арест, и предложил ей деньги и паспорт на чужое имя для бегства за границу, куда впоследствии и она может перебраться. Чернышевский решительно отказался от этого любезного предложения. Он доказывал при мне, что, став эмигрантом, он будет отрезан от России, «от общественного пульса», и, остав, превратится в ненужного болтуна. Эти выражения мне памяты отчетливо. Они-то меня самого спасли позже от эмигрантства. К этому он прибавлял, вероятно, для успокоения жены, что если даже его и арестуют, то, убедившись, что напрасно, его скоро принуждены будут выпустить.

« Не могут же меня судить за статьи, дозволенные цензурой? Других же вин за мною нет».

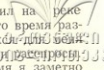
И жена убеждена была, что других вин не было. Но она все же тревожилась сильно, говоря: «они его боятся и не выпустят!».

XII

Не могу вспомнить, сколько времени прошло после этих разговоров. Чернышевский был в Петербурге по делам перевода Шлоссера, когда его арестовали, забрав все его бумаги, корректуры, даже всю переписку его жены и родителей. Согласно распоряжению Чернышевского, Ольга Сократовна сейчас же после его ареста разделалась, при помощи двоюродного брата Чернышевского, профессора А. Н. Пылина, и брата последнего, управляющего книжным магазином Серно-Соловьевича, с дачею и столичною квартирой, уложила свои вещи и уехала в Саратов, где у них был свой дом, наследство от отца Чернышевского, соборного протоиерея, и где ей мужем было указано жить до его освобождения. Она уехала без всяких иллюзий, повторив мне на прощанье: «они его не выпустят!» Ухлопотать о Чернышевском, заботиться о нем, елико возможно, взялись Некрасов и Пыпин.

XIII

После отъезда семьи Чернышевского мною овладело страшное уныние. Я перебрался в свой чулан. Читать меня не тянуло. То и дело предпринимал я, то с товарищами, то один одиношенок, дальние пешие прогулки в Колпино.

в Пулков, сряду по несколько часов проводил на реке Ижоре, купаясь и ловя рыбу, предаваясь в это время размышлениям о роковых вопросах, оставшихся для меня неясными, несмотря на все мои чтения и расспросы. Сколько это длилось, не помню. За это время я заметно пошел в рост. Пошли дожди и пришлось сидеть дома волей-неволей. Вздумалось тогда писать рассказ о житье-бытье нуждающихся студентов на Петербургской стороне. Отослал я свою рукопись в редакцию «Искры». Недели две спустя рассказ появился в печати.

Вслед затем меня навестил редактор литературной части журнала, поэт-переводчик Беранже, В. С. Курочкин, живший в Павловске. Он зашел сказать, что за гоноаром, — не шутка, в 75 рублей, — я должен зайти в книжный магазин Кожанчикова, где помещается контора «Искры». Редактора сопровождали сотрудники, в тот вечер приехавшие к нему и порядком покутившие. То были: И. Ф. Горбунов, Д. Д. Минаев, поэт-актер Жулев («Скорбный Поэт») и И. И. Дмитриев. Кроме последнего, все были зело на-веселе. Меня потащили «на музыку», на самом же деле в соседний с музыкой ресторан, где началось продолжение кутежа. Сидевший возле меня Горбунов привел меня в восхищение. Он изобразил генерала Дитягина, поучающего молодого кавказского студента уважению начальства.

— Молодой человек, молодой человек, — говорил он, шамкая, точно беззубый, — начальство столько о вас печется, обучает вас, чины вам дает, должности готовит, вот армяшку вашего, Делянова, на какой важный пост возвело, а вы, неблагодарные, бунтовать?

Тут, меня сразу тон, он напустил на себя гнев:

— Кабы блаженной памяти государь Николай Павлович встал из гроба да взглянул на это! Всех бы вас, ракалий, он в кандалы, сквозь строй, в Оренбургские линейные, в гроб бы заколотил живьем!

И я, и все остальные, даже совершенно посторонние, хохотали до истерики. Один лишь Горбунов был серьезен и взаправду гневен, точно это настоящий генерал распекает провинившегося подчиненного. Никто не мог понять как возможно сохранить такое олимпийское спокойствие при таком комизме?

Дмитриев читал нам запрещенный в том номере «Искры» отрывок, писанный Костомаровым, против Каткова, на языке древних русских летописей. Сестры уехали в столицу с последним только поездом.

Курочкин еще не раз брал меня «на музыку». Когда он был трезв, он производил великолепное впечатление, потому что был очень неглупый и начитанный человек. К сожалению, трезвым я его редко видел, даже и в дни редакционных собраний. Он объяснял мне, что и я, несмотря на то, что ни капли в рот не беру, недолго удержусь от питья «до положения риз»: без того на Руси жить нельзя честному человеку. Можно с ума сойти.

— А вот Чернышевский, — отвечал я, — уже не первой молодости, да не пьет!

Он ахнул.

— Чернышевский, — воскликнул он, — вздумали кого ставить в образец: да он гений, святой! Разве он человек? мы же простые смертные.

Раз, возвращаясь поздно ночью из Петербурга, я наткнулся на Курочкина, прощавшегося с приятелями, уезжавшими в столицу. Когда их поезд тронулся, он остушился и чуть, было, не попал под колеса. Я подхватил его, и, видя, что он едва держится на ногах, с великим трудом усадил его на дрожки и повез на его дачу. Там его сожительница, вместо благодарности, осыпала меня площадною бранью, притом хриплым полу-мужским голосом, — вы-де спаиваете несчастного человека, кутите на его счет и пр. Все же я помог ей поднять его на лестницу, раздеть и уложить в постель. Такова, — думал я на обратном пути к себе, — справедливость людей, но тут же перешел к мысли, как могут такие высоко-одаренные таланты, как Курочкин, уживаться с такими гарпиями, когда на свете так много достойных их ангелов, в роде Минадоры Сократовны,¹ осужденной жить в глуши, среди людей, неспособных понять, что за кладезь любви ее чистое сердце.

Я собрался уже писать повесть на эту тему, — о том, как гибнут у нас таланты от неравных браков, и долго обдумывал этот сюжет, как в одно ясное августовское утро ко

¹ Сестры Ольги Сократовны Чернышевской.

мне, совсем неожиданно, ввалился доверенный приказчик моего отца, Пасиков, выдававший себя одно время за Паскевича. Он объяснил, что отец мой узнал из писем грузинских студентов к их родителям об опасности, которой я подвергаюсь, рискуя попасть снова в крепость, и просил его привезти меня добровольно или насильно. Я бросился ему на шею, увидев в нем посланца небес. Петербург был мне прогивен: никакой революции в нем я уже не ожидал. Университет закрыт, публичные лекции прекратились, «Современник» запрещен. Стопакевич поехал в Самару судебным следователем. Прочие знакомые определились в акцизные надзиратели и учителя гимназий. Студенты, у которых можно было чему-нибудь научиться, все разъехались. Семьи Чернышевского и его самого больше нет. Поеду домой: писать повести и читать книги и там возможно. Ехать придется уже не прежним путем, а новым: железною дорогой до Нижнего Новгорода, далее Волгой до Царицина, потом по Дону до Ростова, а там по Азовскому и Черному морям в Потю. Сколько новых впечатлений! И скольких друзей увижу по дороге, в новых должностях, несущими в народ проповедь правды и добра!

Уложив в светлый чемодан свои книги, в которых было столько еще более светлых идей, я в тот же день пустился в дальний путь.

Жури. «Каторга и ссылка» № 33, 34, 1927 г.

Н. Я. НИКОЛАДЗЕ — ОГАРЕВУ И ГЕРЦЕНУ

ПУБЛИКАЦИЯ Я. З. ЧЕРНЯКА

Николай Яковлевич Николадзе (1843 — 1928) — известный грузинский публицист, участник революционно-демократического движения шестидесятых-восьмидесятых годов прошлого столетия. В юности, состоя студентом Петербургского университета и участвуя в волнениях, возникших в университете осенью и зимой 1861 — 1862 гг., Николадзе встретился, на почве студенческого движения, с Чернышевским, познакомился с ним и в некоторой мере сблизился. В 1864 году, т. е. в возрасте двадцати одного года, Николадзе уехал за границу. Сперва жил в Париже, а с осени 1865 г. — в Женеве. Вопрос о сотрудничестве Николадзе в «Колоколе» и вообще в изданиях Вольной типографии изучен далеко не достаточно. В известной сводке М. М. Клеверенского «Герцен — издатель и его сотрудники» («Лит. наследство», т. 41 — 42, 1941, стр. 601 — 602) указано, что «еще до выезда за границу» Николадзе «корреспондировал в «Колоколе» о тифлиссских делах». Однако ни одна из таких корреспонденций или статей в сводке не названа. Не смогли покамест и мы установить, какие именно заметки о Грузии или Закавказье, напечатанные в «Колоколе» до середины 1864 г., принадлежат Николадзе. Едва ли их было много. Находясь за границей, Николадзе действительно некоторое время систематически сотрудничал в «Колоколе». Период этого сотрудничества был невелик — приблизительно с апреля по сентябрь 1865 г. Сначала Николадзе посылал свои корреспонденции в Лондон, а после переезда типографии и редакции «Колокола» на континент (апрель 1865 г.) посылал корреспонденции в

женевское издание. Так продолжалось до осени того же года, т. е. до переезда самого Николадзе в Женеву. Но как раз приблизительно к этому времени исчерпываются наши сведения о сотрудничестве Николадзе и изданий Герцена и Огарева. После 15 сентября 1865 г. нам не известна ни одна статья Николадзе, напечатанная в «Колоколе». Напомним те данные о сотрудничестве Николадзе с Герценом и Огаревым в 1865 г., которые имеются в нашем распоряжении. Статьи его печатались либо анонимно, либо за подписью Рио Нелли (псевдоним образован от названия реки Рион в Грузии). Они опубликованы в следующих листах «Колокола»: л. л. 198 и 199 от 15 июня и 1 июля 1865 г. — «Освобождение крестьян в Грузии»; л. 201 от 15 августа 1865 г. — «Наши будущие адвокаты перед «Московскими ведомостями»; л. 204 от 15 сентября 1865 г. — «Июньские дни в Тифлисе». Имеются также неподписанные заметки и статьи, касающиеся Грузии, которые М. М. Клевенский в цитированной сводке определяет как принадлежащие «весьма возможно» Николадзе: — «Из Грузии» — в л. 196 от 1 апреля 1865 г., «Беспорядки в Тифлисе» — в л. 202 от 1 сентября 1865 г. Из печатаемых ниже писем можно заключить что заметка «Михаилы и Михаилы Николаевичи», напечатанная в «Смеси», л. 197 от 25 мая 1865 г. (первый женевский лист), составлена отчасти на основании сообщения Николадзе.

Чем же, однако, объясняется прекращение сотрудничества Николадзе в «Колоколе»? Найти ответ на этот вопрос в сфере отношений, сложившихся между Герценом и Огаревым и так называемой «молодой эмиграцией», невозможно. Николадзе находился за границей легально и, сохраняя перспективу возвращения в Россию, держался в стороне от большей части эмигрантов и не участвовал в каких-либо с ними связанных манифестациях. Почвы для столкновений с Герценом и Огаревым в это время у Николадзе не было. Проследим, однако, отношения Герцена с Николадзе в интересующий нас период.

Первые упоминания имени Николадзе в письмах Герцена относятся к 17 — 21 марта 1865 г. Они возникли по следующему поводу. 16 марта 1865 года Герцен приехал в Париж и здесь, как было условлено с Огаревым,

должен был найти Николадзе. Однако точного адреса Герцен не знал. 17 марта он писал Огареву: «Не могу найти адрес Ник(оладзе), помню, что Rue de Seine, но номер, — кажется, 32. Спрашивал у Ут(ина) (Rue de Seine, та нет еще», а вечером того же дня: «... rendez-vous фатум: был на десяти кварт(ирах), в Rue de Seine, от 30 до 40, — нигде не нашел» (XVIII, 58). Видимо придя к заключению, что найти Николадзе будет трудно, Герцен тут же прибавил: «Впрочем, можешь же ты дело отделать и на письме» (там же). 19 марта Герцен пишет: «Письмо от тебя, к Николадзе пойду» (XVIII, 60). Огарев, следовательно, послал Герцену адрес Николадзе и настаивал на личных переговорах. Герцен отправился 20 марта и в тот же день сообщил: «У Николадзе был, не застал, назначил ему rendezvous» (XVIII, 62). Наконец свидание состоялось, и Герцен о его результатах сообщил 21 марта: «Николадзе у меня. От тебя ничего не получал и желает знать, какие именно подробности ты желаешь знать» (XVIII, 63). Это все, что мы знаем о переговорах Герцена с Николадзе.

Из публикуемых писем выясняется, что предстоящее участие в изданиях Герцена было главным предметом переговоров издателей «Колокола» с Николадзе. Вскоре после Герцена Огарев продолжал эти переговоры и лично обсудил с Николадзе конкретные темы его будущих выступлений, выяснил, какие материалы следовало прислать Николадзе для работы, и т. п. (см. письмо от 14 мая 1865 г.). Хотя письма Николадзе в целом критичны по отношению к «Колоколу» и его линии, в них, однако, встречаются в то же время положительные отзывы о публицистических произведениях Герцена; это свидетельствует о том, что почва для возникающего сотрудничества была все-таки благоприятна.

15 июня 1865 г. Герцен писал Огареву о только что отпечатанной в л. 198 «Колокола» первой половины статьи Николадзе «Освобождение крестьян в Грузии», «Грузинская статья очень хороша» (XVIII, 146). Через два месяца, 12 августа, Герцен писал Огареву: «Огарев, помни, что к следующему № у меня ничего нет. Я вывез все женевские (номера), теперь заставь себя и Ник(оладзе). Долю вещей о процессе (Н. А.) Сер(но)-Сол(овьев)

ча) можно печатать, и «смесь» я составлю, но существовавшей *pièce de résistance* нет»* (XVIII, 176). Приведенный отрывок доказывает, что в это время Николадзе являлся не рядовым, а близким сотрудником редакции «Колокола».

Речь в письме Герцена шла о будущих, ~~будущих~~ листах «Колокола» (л. л. 203 и 204). Но, за исключением небольшой статьи в л. 203, никаких других заметок или статей Огарева в этих листах «Колокола» — мы не находим. Лишь одна небольшая заметка принадлежит Николадзе в л. 204. Не значит ли это, что из предложения Герцена ничего не получилось? Не появлялось в «Колоколе» (после л. 204 от 15 сентября) и подписи «Рюо Нелли» — Николадзе. Повидимому, летом или осенью 1865 г. произошло что-то, что нарушило союз «Колокола» с Николадзе.

Частичное объяснение причин этого расхождения дают публикуемые письма Николадзе к Огареву. Речь в них идет об очень важной проблеме — критике либеральных ошибок «Колокола» и обоих его редакторов. Центральным моментом, затронутым в переписке, является выступление Герцена в мае 1865 г. с новым «Письмом к императору Александру II», написанным по поводу смерти наследника. Это письмо вызвало критику со стороны многих представителей «молодых» и особенно острую и сильную со стороны Николадзе. Письмо, содержащее первые критические замечания Николадзе по этому поводу, до нас не дошло, но последующая переписка между Николадзе и Огаревым исчерпывающим образом передает содержание возникшего спора.

Напомним прежде всего, что до появления письма Герцена в л. 197 «Колокола» от 25 мая 1865 г. отношения между Николадзе и редакцией «Колокола» можно определить как вполне дружественные. После мартовских переговоров Герцена с Николадзе последовали в начале апреля личные переговоры Огарева с Николадзе. Переговоры эти происходили в Париже, где Огарев остановился по пути в Женеву, и касались задуманного редакцией «Колокола» издания сборника (несостоявшееся возобнов-

* Основной статьи (фран.)

ление издания «Полярной звезды»), к участию в котором Огарев считал необходимым привлечь Николадзе. В конце апреля Николадзе, находившийся в стесненных обстоятельствах, обратился к Герцену и Огареву с просьбой дать ему в займы денег и получил тотчас из «Общего фонда» сто франков (см. письмо от 14 мая 1865 г.). Эта помощь позволила Николадзе продержаться и подготовиться к переезду в Женеву «года на три», как он пишет в одном из писем (см. письмо от 25 апреля 1865 г.). Апрельское и майское письма Николадзе доказывают, что между ним и редакцией «Колокола» существовала полная договоренность о сотрудничестве. Но вот появляется письмо Герцена к Александру II. Тотчас же Николадзе пишет из Парижа письмо, не дошедшее до нас, но которое Николадзе сам после цитирует (см. приписку к письму от 12 июня 1865 г.). Повинуясь первому впечатлению, Николадзе заявлял Огареву, что письмо Герцена «может ввести в заблуждение многих»: «Я писал, что неужели он (Герцен) не разочаровался еще в е(го) в (величестве), я ставил этот вопрос, нимало не подозревая в Герцене такого ослепления». Огарев, отвечая Николадзе, пытался доказать, что и этим письмом Герцен борется за сочувствие «большинства» подлинной социальной революции. В ответ на это письмо Огарева 12 июня 1865 г., т. е. через две недели с небольшим после появления статьи Герцена, Николадзе набросал публикуемую ниже характеристику «Колокола» и остановился на его колебаниях, связях с либеральными элементами, его иллюзиях и ошибках. В этом письме много справедливого, хотя общее отношение автора к самой роли «Колокола» в 1860 — 1862 гг. явно пристрастно и неверно по существу. Огарев возражал Николадзе не только в личной переписке. Он выступил и в печати. 15 июля 1865 г. в л. 200 «Колокола» появилась его статья «По поводу письма Искандера к государю. Письмо к №№». Эта статья была обращена именно к Николадзе и в некоторых частях содержала прямые отклики на утверждения Николадзе и его критику Герцена. Посылая Николадзе «Колокол», Огарев, очевидно, предложил перенести полемику в печать. В ответ последовало новое письмо Николадзе — от 22 июля 1865 г., — в котором, отклоняя предложение Огарева.

он обосновывал невозможность публичного обсуждения данного вопроса тем, что при этом необходимо будет до вольно резко критиковать и революционную молодежь которую и без того гравит во всей реакционной прессе «стая лисиц и во главе ее Катков». Таким образом, мика не состоялась.

Публикуемые письма Николадзе к Огареву характеризуют источник разногласий, помешавших наметившемуся сотрудничеству.

Мы не касаемся здесь всей дальнейшей истории взаимоотношений Николадзе с Герценом и Огаревым. Хронологические рамки печатаемых документов не позволяют этого, да и самые эти отношения заслуживают отдельного рассмотрения.

Письма публикуются по автографам «пражской коллекции» (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 94 а и 159).

1

О Г А Р Е В У

25 апреля 1865.

Я получил ваше письмо сегодня утром;¹ в ответ я могу сказать, что, к сожалению, я никак не мог достать здесь «Положений»,² по той простой причине, что я незнаком решительно ни с кем из русских. Утина здесь нет, по крайней мере я не видел его со времени его отъезда в Берлин.³ Что же касается до статьи о крестьянском деле, я постараюсь сделать все от меня зависящее для того, чтобы статья оказалась годною для вас⁴. Пришлете ли вы «Положения» или нет, во всяком случае я пришлю вам статью к 10 мая; только я попрошу вас написать мне размеры места, которое вы намерены отвести в «К(олоколе)» для этого вопроса.

Я тороплюсь закончить с этою частью моего письма, чтобы перейти к моему жизненному вопросу. Дело, изволите ли видеть, в том, что я сжат со всех сторон и едва могу жить здесь. Мой батюшка положил условием своего вспомоществования, чтобы я занялся механикой и технологией, так, чтобы я пригодился для какой-то фабрики, которую он устраивает в Кутаисе. Я, конечно — согла-

реть эти положения и тотчас же принялся за статью. Она чрезвычайно слаба, но что же прикажете делать в такой промежуток времени? Что же касается до «Подожений», я оставил их у себя, и если вы можете сделать ими еще на недельку, я постараюсь к этому сделать все выписки, нужные мне для будущих занятий, если же их у вас требуют, так я пришлю вам по первому требованию.

Ваша присылка 100 франков тем более обрадовала меня, что вы прислали эти деньги из общего фонда — не знаю, как вас, а для меня это очень важно... Но для меня всего важнее знать, что вы поделяете с «сборником», о котором мы с вами говорили в Париже? Я думаю, что не худо было бы подумать об этом издании, и если вы можете сообщить мне кое-какие подробности о нем, то, пожалуйста, напишите с первым письмом.

Относительно статейки «Об освобождении крестьян», вы меня обяжете несказанно, если потрудитесь снабдить ее или маленьким предисловием, или заметками, в чем она весьма и весьма нуждается.²

Кстати, я думаю, что если бы вы поручили продажу «Колокола» здешней *Librairie Internationale (Lacroix u K^o)* то это было бы лучше, чем у Герольда, потому, что на бульварах больше русских, чем в не посещаемой никем половине *rue Richelieu* где находится лавка Герольда.

Librairie Internationale кажется, с радостью согласится на продажу, тем более, что в этом магазине очень много ваших старых изданий, которые продаются так себе. Впрочем, это совершенно второстепенная вещь.

Нельзя ли будет в следующий номер «Колокола» одну интересную повесть: Михаил Николаевич, наш юродствующий фельдфебель, спас Россию: он открыл какой-то чудовищный заговор или тайное общество «Молодой Грузии и Армении». Можете вообразить себе двух-трех гимназистов, двух бывших студентов, говоривших свободно об освобождении крестьян и независимости Грузии. Их, вероятно, расстреляют, в этом нет никакого сомнения, если только их не повесили до сих пор. Мне пишут из Петербурга, что по этому делу приезжал в Петербург нарочный с донесением и ожида-

дись аресты между грузинскими студентами. С этих пор (с 10 апреля) я не имею никакого письма из Петербурга. Нельзя ли будет придать этой мухе, раздутой Михаилом Николаевичем в слона, прежний вид мухи?

Крепко жму вашу руку.

Н. Николадзе

Тороплюсь послать статью сегодня, поэтому мне некогда перечитать ее; извините меня, пожалуйста, за тьму мелких ошибок, которые непременно найдутся в ней.

¹ Относительно возможного участия Николадзе в «сборнике», т. е. в «Полярной звезде», издание которой предполагалось возобновить, Огарев писал Герцену 5 июня 1865 г.: «У Н(иколадзе) есть статья или начало брошюры или книги, которое требует выработки и пойдет в «Колокол», а разве в какой сборник» («Лит. наследство», т. 39—40, 1941, стр. 405).

² При публикации статьи Николадзе «Об освобождении крестьян в Грузии» в «Колоколе» никаких дополнений и примечаний от редакции не последовало.

³ В конце заметки «Михаилы и Михаилы Николаевичи», написанной, как полагает Лемке, Герценом, воспроизведено это сообщение Николадзе (XVIII, 138—139 и 439).

3

О Г А Р Е В У

12 июня 1865

Ваше письмо¹ сказало мне не слишком много нового, чего бы я не передумал по прочтении «Письма».² Что прикажете делать? Я никоим образом не могу согласиться с вашим мнением, что вы добьетесь какого-нибудь толку от «большого большинства». Мое мнение требует некоторого объяснения.

В 1857 — 1862 гг. успех «Колокола» был громадный; с этим согласны все — как враги, так и приятели.

На чем был основан ваш успех? На том, по моему мнению, что вся та часть общества, которая сидит сложа руки, ожидая, что все земные блага влетят в рот, точно жареные голуби, по мановению какого-нибудь волшебного жезла, видела в вас и в вашем «Колоколе» заоблачных поварей и заморскую кухню лакомых кушаний. «Он думала эта часть общества, — будет звонить до тех пор и так долго, что наконец, убедят государя дать нам нужные реформы». Люди «золотой середины» ценили вас именно как «вишителей полезных реформ». Вы не можете сказать, чтобы Катков, например, был глуп или не понимал своего положения и отношений к другим деятелям, однако ж было время, когда он пожимал вам руку, и это время было не в 46, 48 или в 1856 году, а в 1860 году.³ Он, а за ним и все одномыслящие с ним, видели в вашем «Колоколе», так сказать, косвенную меру, служившую подталкивающим началом, но не самодеятельности общества, а просто-напросто правительственного исправления. Мало того, «Колокол» считался знаете ли чем? Залогом примирения общества с правительством и, вместе с тем, орудием против развития самодеятельности и самостоятельности общества, словом — против революционных начал молодого поколения. Вы, конечно, помните «Концы и начала»; но тут мне нужно оговориться; я не читал этих статей; с мая 1863 мне удалось прослушать только начало 1-й статьи и то мимоходом, мои соседи по квартире читали ее в своей комнате, смежной с моею, в моей памяти осталось самое смутное впечатление этого начала, но все-таки, сколько я помню, мне кажется, что эти статьи были написаны именно в этом духе «п р и м и р е н и я».⁴

«Концы и начала», если только они были писаны в этом направлении, могли загнать вас слишком далеко; к счастью, польское движение сняло маску с господ приверженцев примирения: с одной стороны, вам нельзя было не увидеть, сколько грязи было на них, и в них, и когда эта грязь напоилась кровью, то тут вы, разумеется, отвернулись с негодованием от них, а с другой стороны, щеголяя своей душевною чернотой и вызывая казни и ссылки, большинство необходимо должно было забыть на время реформы, а вместе с ними и «Колокол».

Вот, по моему мнению, причины как успеха, так и неуспеха «Колокола».

Что же касается до того, что о б л и ч и т е л ь н а я сторона «Колокола» нравилась нашим Ноздревым и другим своим несколько скандальным характером, то об этом не стоит и говорить: правда, были и исключения, некоторым из ваших читателей нравились и скандальчики или даже единственно одни скандальчики, но таких господ было слишком мало в сравнении с массою читателей, точно так же, как не слишком много было исключительно платонических поклонников задорно-остроумного с т и л я Искандера. Все эти читатели нимало не составили общего правила, они были только исключениями.

У вас были и другого рода читатели: это молодое поколение, проникнутое мыслью о необходимости общественной и н и ц и а т и в ы и самодеятельности; оно небыло удовлетворено вами, примите это к сведению. Ваша издательская деятельность была для них проблесками молнии, озарявшей и освещающей время от времени мрачный туман, царящий над ними; вместо того, чтобы вдохновить в них постоянную с и л у, вы время от времени подстрекали их дремавшую от многих причин энергию, и только. Для того чтобы это поколение было вполне удовлетворено вами, необходимо, чтобы все ваши силы, не тратясь в отдельных проблесках без связи и единства, соединились в одно стройное целое и стали постоянным маяком, освещающим дорогу более или менее блистательным мерцанием, а равн~~о~~мерным светом.

Оставьте мертвых хоронить мертвых. На лицах и телах большинства так много слезной грязи, что оно снова сумеет ускользнуть из ваших рук, как в 1863 г. Ваша сила, — если Вы хотите иметь ее, — находится в молодом поколении; удовлетворите его, и я ручаюсь вам своею головою, что вы можете тогда рассчитывать на него, как на каменную гору.

Удовлетворить, но как? Для этого нужны не только «исторические монографии» и «теоретические/статьи», а прежде всего и главное всего, так сказать, «у ч е б н и к и», печатание которых невозможно в России. Монографии пойдут уж после; пополняя и объясняя пробелы

и слабые места общих сочинений. Начать же с отдельных монографий, значит освещать путь урывками, что немалым отличается от теперешней тьмы.

Я понял, что вы хотели призвать ваших читателей; я знаю, что вы успеете в этом, потому, что они давно уже ждут первого шагу. Ваша ветреная любовница — публика дуется на вас, ожидая вашей ласки, улыбнитесь — она обнимет вас... чтобы еще раз упасть в объятия правительства или Каткова.

Не лучше ли, не благоразумнее ли с вашей стороны совершенно разойтись с нею, когда позади вас стоит верная, законная подруга — все молодое поколение, постоянно благородное в своих симпатиях и действиях. Как вы думаете у кого больше постоянства? Загляните ка в «Письма к противнику» и в особенности во «Втором письме»⁵.

Тут опять-таки надо оговориться: — я не совсем согласен с мыслью «Второго письма»: правда, что,

Тот, чья жизнь бесполезно разбилась,
Может смертью еще показать,
Что в нем сердце не робкое билось,
Что умел он любить и страдать⁶...

Но уметь умереть еще не довольно, надо уметь употребить на пользу самую жизнь, чего я не слишком признаю в нашем молодом поколении... но тут мы снова вернемся к коренному злу: наша молодежь действует по инстинкту, потому, что в непроницаемой тьме, в которой она находится, иначе почти невозможно действовать. Вина опять-таки падает на недостаток света или, лучше сказать, на тех, кто может осветить дорогу, (но) отказывается от этого труда.

Теперь ваша очередь подумать об этом...

Знаете ли, почему я спрашивал у вас о клубе? Если в нем отыщется человек пять-шесть из с в е ж и х натур, тогда из него можно сделать все, что хотите: например, первому вы поручите написать очерк того-то, означивши основания, указавши источники или даже и давши общие и главные идеи, другому — другое и т. д. Разговорами, так называемым слором и проч. вы можете создать себе

чудеснейших помощников, и все это даром не пройдет.
Есть ли у вас надежда на подобный ход дел?

Пожмите от меня руку г. Герцену за «Письмо к путешественнику». Дайте нам, Александр Иванович, да почаще!

С искренним уважением остаюсь

Н. Николадзе.

Р. С. Вчера я опоздал отдать письмо на почту и, ползуясь этим, перечел его: я нахожу, что я слишком отклонился от предмета нашей переписки: на «Письмо» Герцена я писал, что неужели он не разочаровался еще в е(го) в(еличестве), я ставил этот вопрос, нимало не подозревая в Герцене такого ослепления; дальше я говорил, что это «Письмо» может ввести в заблуждение многих. Вы очень хорошо знаете, что теперешний т е р р о р в России не может продолжиться, его надо будет бросить вместе с Муравьевым и Катковым. Тогда «большинство» подумает, что «ну слава богу, теперь, мол, все пойдет лучше». Один простой факт, что Искандер написал снова письмо к г(осударю), способен вызвать в большинстве следующие размышления: «Уж если Искандер, человек и пр. и пр., не устает надеяться, просить и ждать, так нам и подавно нечего торопиться». Это размышление нимало не содействует пробуждению общественной самодеятельности, на подготовку которой должен был служить «Колокол». Если Герцен не был в этом случае Поэриом², зато он поможет многим сыграть в России эту несчастную роль.

Зачем вы беспокоитесь высылать мне «Колокол»? Это совершенно лишняя трата почтовых марок; я живу недалеко от улицы Ришелье и могу сходить к Герольду. А то вы уж слишком разбалуете меня.

13 июня.

¹ Письмо Огарева в печати неизвестно.

² Имеется в виду статья Герцена «Письмо к императору Александру II», напечатанная в л. 197 «Колокола» от 25 мая 1865 г. (ср. XVIII, 96—101).

³ Герцен писал о том, что Катков, будучи в 1860 г. в Лондоне, говорил ему, что «Колокол» — власть (см. «Апогей и Перигей», главу в «Былом и думах», XIV, 374).

⁴ «Концы и начала» — цикл писем Герцена, обращенных к И. С. Тургеневу и опубликованных весной и летом 1862 г. в «Колоколе».

Разумеется, Николадзе, судя «понаслышке» о произведении Герцена, ошибался. Оно было направлено против европейского буржуазного либерализма и представляло собой полемику с либеральными взглядами И. С. Тургенева.

⁵ «Письма к противнику» — цикл статей Герцена 1864 г. направленных против Ю. Ф. Самарина и его реакционных нападок на молодое поколение (XVII, 369 — 388).

⁶ Неточная цитата из «Рыцаря на час» Некрасова.

⁷ Клуб — славянский кружок, образовавшийся в Женеве.

⁸ Карло Поэрио — либеральный политический деятель в Неаполе, заточенный неаполитанским королем на десятилетия в тюрьму. Судьба этого либерала, поплатившегося за свои иллюзии, была обрисована в «Современнике» — в 1859 г. с необыкновенной ясностью и беспощадным сарказмом Чернышевским (см. Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. VI, М., 1949, стр. 148 — 154). Повидимому, отсюда Николадзе и заимствовал свой аргумент против Герцена.

4

О Г А Р Ё В У

22 июля 1865

К моей величайшей досаде я нахожусь вынужденным снова заговорить о нашей переписке, которую вы великодушно называли полемикой; я утешаюсь мыслью, что это письмо будет последним в этом роде.

Вы выставляете правительство с и л о й, это «известно всякому, даже не выучившемуся этой истине в казематах». Но развитие вашей статьи неминуемо ведет к следующему заключению: так как правительство — с и л а преданная «*exprofesso*» ложной деятельности, а и так как с ним н е в о з м о ж н о идти рядом, то необходимо идти против. По этой дороге ложная деятельность правительства будет давать на каждом шагу новые и новые силы движению, направленному против него².

Я размышлял: смерть наследника вызовет небольшое, чисто фиктивное смягчение железного порядка,

тяготеющего над Россиею с начала 1861. Я думаю и думаю, что нужен только небольшой толчок для того, чтобы правительство о(т)ставило в сторону эшафот и принялось бы за усовершенствование формы французской темы, словом, употребляя избитое выражение, оно оцивилизовалось, нужно было какого-нибудь пустого предлога. Я и не думал настаивать на необходимости казней. — да об этом смешно и говорить, — я желал, чтобы остановка казней и введение в действие цивилизованной системы казней по капелькам не обманули наше общество и в особенности нашу молодежь. Я надеялся, что «Колокол» сказал бы: «Наконец, правительство, дошедши до геркулесовых столбов вопиющей несправедливости и дикой кровожадности, остановилось, потому что ему дальше нельзя было идти, дальше идти некуда».

Разве это было бы несогласно с истиной?

А то мне что за дело до того, верит ли Искандер в человеческую натуру г(осударя) или нет? В этом деле главнейшая сторона состоит в убеждении общества, что, в случае поворота к лучшему, оно ничем не обязано доброй воле г(осударя), что перемена происходит вовсе не от добродушного г(осударя) и что, наконец, дальнейших перемен надобно ждать от общественной самодеятельности, а не свыше. Я думаю, что если предоставить все течению времени, то, конечно, все разрешится к всеобщему благополучию.. этак лет через тысячу либо две. Я, конечно, совершенно согласен, что ход и развитие исторического прогресса неизбежны, что они поведут к цели, предположенной вами, но ведь это нимало не разрешает вам и всем способным людям отказаться от участия в общественном развитии тем менее, что в этой громадной работе не теряются самые мелкие уроки самых незначительных деятелей. А тою частью вашего письма, где вы говорите, что одна часть общества знает, что делать, а другая не способна ни на что, вы, кажется, подтверждаете только что замеченную странность. К чему тогда издавать «Колокол», к чему издавать или говорить что-нибудь, к чему вообще всякого рода деятельность? Все ведь пойдет по дороге прогресса, вытекающего из прошлой жизни, а людей ведь не исправишь.

Я объясняю себе эту часть вашей статьи только желанием употребить удачные полемические приемы, иначе я их объяснить себе не могу. Я не могу, кроме этого, ответить вам печатно, да и не хочу, потому что наша полемика кончилась бы в вашу пользу вследствие невозможности с моей стороны высказать аргументы в мою пользу. Например, не могу же я сказать в печати, что большинство молодежи неразвито, нуждается не то что в руководствах, но в советах, поощрениях и весьма часто в пощечинах. Сказать все это — значило бы, с одной стороны, подрезать себе горло, а с другой — дать противникам нового движения повод издеваться или паясничать, дать им возможность подрывать ваш кредит, то есть кредит тех людей, которые стоят во главе движения мысли их рук. Целая стая лисиц, и во главе ее Катков, запела бы молодежи: «Смотрите, какого жалкого мнения о вас ваши к о н о в о д ы, те люди которые приказывают вам идти на казнь и на каторгу»..., и прочее в этом роде. Конечно, нет сомнения, что лучшие, светлые натуры поймут всю пошлость этого паясничества, но сколько найдется таких людей, которые при ином способе действия могли бы принести некоторую пользу делу, вместо того чтобы сделаться, из тщеславия и мелкого самолюбия, врагами его? В этих случаях я нужным считаю соблюдать, по возможности, известного рода *measuredness** и в гораздо сильной степени, и с большею справедливостью, чем вы с Долгоруким.

Отсюда я перехожу к маленькому вопросу о моей личности, как мне ни противно говорить о ней; эта вставка или эта вставка вынуждена вашим полемическим приемом, заканчивающим, к слову сказать, совершенно победоносно вашу статью; если вы думаете, что считать, известное политическое устройство несовместным с развитием общественного строя — значит быть поверхностным поклонником внешней стороны европейской революции, тогда, но только тогда, считайте меня артистом в революции. Во всем остальном я столько же презираю пошлость заграничных революционеров, видящих спасение в изменении присяжной формулы или девизов,

* Мягкое обращение (франц.).

или даже династий, даже монархической системы в республиканскую, — как ненавижу наших доморощенных революционеров, стремящихся произвести социальную реформу уничтожения общинного землевладения и введение частной поземельной собственности.

Вы видите, что дело идет о мелочах. Коренной же вопрос о «Письме» Искандера достаточно разъяснен между нами, по крайней мере таково мое мнение.

Я не знаю, как позжать руку г. Герцену за его новые «Письма»³. Хотя они не могут стать на одну доску с «Письмами из Франции и Италии», но они все-таки помогут разъяснению вопроса для русской публики.

Я думаю, что это главней всего.

Искренно-уважающий вас

Н. Николадзе.

¹ Речь идет о статье Огарева «По поводу письма Искандера к государю. Письмо к «Н. Н.» в «Колоколе», л. 200 от 15 июля 1865 г.

² Николадзе имеет в виду следующие строки на статье Огарева, «... заодно с правительством идти невозможно, и его реформы (. . .) вызовут противоречия, послужат случаями, при которых эти противоречия поведут развитие далее и хотя переворот пойдет по кривой линии, но все же не даст шагу назад».

³ «Письма к путешественнику» Герцена, которые печатались в мае-сентябре 1865 г. (XVIII, 101—138).

5

ГЕРЦЕНУ

1 октября 1865

Александр Иванович,

Я слышал от В. И. Касаткина, будто бы г-жа Голицына говорила вам, что их круг не думал отказывать «Колоколу» в материалах для некролога М. Л. Михайлова.

Дело это близко касается меня, как человека, сказавшего вам, что так называемые материалы переданы г. Мечникову с тем условием, чтобы их не печатать в «Колоколе». Вследствие этого, я вас прошу разъяснить мне по возможности полнее смысл этого недоразумения. Ма-

ло того, мне нужно ваше письмо, на которое бы я мог опереться.

В полной уверенности, что вы пришлете мне, как и прежде комиссионером письменное объяснение этой небесной для меня истории, жму вашу руку¹.

Н. Николадзе.

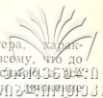
¹ Никакого письменного объяснения Герценом «недоразумения», насколько нам известно, не последовало. Письмо Николадзе без сомнения, находится в связи с появившимся в л. 205 «Колокола» от 1 октября 1865 г. траурным объявлением о смерти Михайлова, заметкой о его смерти («Убили») и обращением «От издателей», в котором Герцен и Огарев просили, всех, имевших сведения о последнем времени жизни Михаила Илларионовича (Ларионовича) Михайлова на Кандиномском приiske, сообщить их (. . .) во всей подробности» (XVIII, 231).

ОСВОБОЖДЕНИЕ КРЕСТЬЯН В ГРУЗИИ*

Колокол № 198, 15 июня 1865 г., стр. 1623 — 1627.

Новые «законоположения», обуславливающие на некоторое время социальное устройство грузинского народа имеют только одно неоспоримое достоинство. они доказывают, что старое здание общественного и государственного устройства расшаталось в своих основаниях напора развития народного самосознания и что без починок и столбов все это здание готово рухнуть от первого дуновения времени. Каковы бы то ни были починки и подставки, они важны в том отношении, что их появление на божий свет свидетельствует о шаткости здания, чего не думают скрывать даже самые реставраторы, инстинктивно чувствующие, что «потребность реформы ощутительна» и что она неизбежна. Возбуждение правительством вопроса об уничтожении крепостного права в России, имело

* «Законоположение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости в Тифлисской губернии» (на русском и грузинском языках) СПГ, 1864 г. в тип. импер. Академия наук.

независимо от своего положительного характера, характер чисто разрушительный в отношении ко всему, что до тех пор считалось хоть и тяжелою и независимой, но все же таки вековечною святыней; оно дало жизнь деятельности всем живым или не совершенно забытым инстинктам как целого народа вообще, так и лучших членов его в особенности. Хотя характер практического разрешения этого вопроса слишком ничтожен, а главное самое разрешение недалеко ушло от прежней мертвечины но все таки, благодаря толчку, данному правительством, неудобства общественного склада перестали считаться неприкосновенными и из области несправимых зол перенеслись в область чисто временных, устранение которых зависит от доброй воли и умения самого общества и никого более. Вот в чем состоит важнейшая заслуга изменения быта помещичьих крестьян, и это обстоятельство, давшее такой сильный толчок, дремавшей до тех пор общественной самостоятельности, необходимо должно носить в себе зачатки будущего развития общества и нормального устройства общественного склада.

Но независимо от этих зачатков будущего благоденствия народа, крестьянский вопрос, своею практическою стороною, касается слишком близко целого народа, для того, чтобы позволено было ограничиться только одной абстракцией; под тяжестью новых «законоположений» раздавлены будут целые массы народонаселения, благоденствие, достояние и даже самая жизнь которых зависит от того или иного разрешения вопросов второстепенной, третьестепенной, а иногда и десятистепенной важности. Принося громадную косвенную пользу будущности, новое устройство крестьянского быта разоряет и забывает настоящее, чего оно могло бы избежать, если бы правительство в самом деле имело в виду благоденствие и пользу народа, а не доведенную до абсурдности идею собственного самосохранения. Людям, интересующимся современным положением и ходом народного развития позволительно заметить в крепостном вопросе отдаленную выгоду официального и всеобщего обсуждения бессмысленного и безчеловечного устройства общества. Но главное внимание их должно быть обращено на интересы, волнующие современное общество, на справедливость

или удобство того или другого разрешения общественных вопросов и вообще на современное положение народа. Мы избрали именно такую руководящую нить, в белом очерке крестьянского вопроса в Грузии, разрешение которого есть ничто иное, как тысяче первое и, по всей вероятности далеко не последнее повторение „coups de tête“ русского правительства.

Со времени турецкой войны 1853 — 1856 г. вопрос об освобождении крестьян взволновал в Грузии все элементы ея общества и с самого дебюта своего принял независимую от своего социального характера, характер политического баланса. Постановка этого вопроса не могла не взбудоражить политических инстинктов грузинского народа и так, как крестьянский вопрос, несмотря ни на энергическое вмешательство русских батальонов ни на панско-самодержавное *pas de reveries*, рос в Грузии не по дням, а по часам, то политическая жизнь Грузии развилась в какие нибудь десять лет с невообразимою силою, мало по малу связывая свою судьбу с той или иною развязкою крестьянского вопроса. К какому исходу приведет напряжение политической жизни Грузии, чем разрешится это драматически-туманное положение, судить конечно не нам; но так как конец этой драмы будет, по всей вероятности, изобиловать трагическими сценами вроде изгнания черкесов или истребления и ссылки поляков, то для того, чтобы лучше понять развязку, необходимо будет взглянуть на теперешнее положение действующих лиц, а если возможно, то и на их прошедшие отношения.

Мы не можем рассматривать вопроса о судьбе Грузии в случае, если бы петербургский двор не рассудил за полезное для него присоединить Грузию к Российской империи, на том простом основании, что вопросы о том, что было бы «если бы» да «кабы», чрезвычайно смахивают на философствование Кифа Мокиевича об яйце слона. К этой же категории следует отнести вопрос о степени истощения сил Грузии ко времени присоединения ея к России, а потому мы пройдем его молчанием; тоже самое сделаем мы даже с самим способом присоединения, хоть этим мы не мало не думаем произнести отпущение грехов петербургского правительства, чтобы поскорее добраться

интересующего нас вопроса, мы остановимся на «совершившемся факте» и выйдем в нем нашу исходную точку.

Когда в 1801 году Грузия очутилась во власти русских вспомогательных войск, когда в 1810 и 1811 г. новые отряды покорили в два приема Имеретию, когда в 1824 года они заняли Грузию, а под конец в Тифлисских и петербургских «в правительственных сферах» необходимо должен был возникнуть вопрос, как бы привязать грузинский народ к русской империи, если не для того, чтобы пожалеть Грузию и избавить ее от новых кровопролитий, то по крайней мере в интересах самого петербургского двора. Этот вопрос действительно возник и как следовало ожидать, был разрешен в следующем смысле: поддержать, а в случае надобности, создать в Грузии дворянство, привязать его к русскому правительству интересами собственности, чинами, наградами и жалованьем, и только... если не вспомнить русских штыков и картечей. О том же, что позади этого дворянства существует и будет существовать народ, петербургское правительство вспоминало только за тем, чтобы сделать из этого народа нечто вроде жалованья верноподанному дворянству. На этом то и остановилось разрешение вопроса о привязании Грузии к России. Несмотря на то, что остроумие этого разрешения сильно поистерлось тысячекратным повторением его во всех деспотических и конституционных государствах, тем не менее оно вполне заслуживает маленькой оговорки.

Русское правительство переведши слово тавади словом князь, а слово азнаури, словом дворянин и указавши за этими титулами известного рода привилегии, совершило одно из отвратительнейших преступлений, когданибудь совершенных им: существование азнауров, совершенно понятное в древней Грузии, в Грузии 19-го столетия, становится не только анахронизмом, но и законо-организованным грабежом в современной Грузии, в Грузии под русским правительством. Это сословие, или правильнее сказать, этот разряд людей обязан был защищать народ от иностранных врагов, в которых у Грузин не было недостатка, поэтому то народ с охотой содержал азнауров, как свое охранное войско, этим содержанием ограничивались все повинности народа, мало этого, эти

повинности платились только в случае войны, в случаях же продолжительного мира (впрочем довольно редких), народ платил только царю, да и то в форме угощений, азнаури же занимались земледелием или в сараи [1907] — так как исходя из народа* они владели землей наравне с крестьянами, или же в случаях построек войск далеко от жилищ азнауров, в пользу тавадов, живя во все время продолжения работ на счет этих последних. Таким образом объясняется существование в Грузии целой аравы азнауров; они получали содержание от народа, потому что приносили пользу народу, значит тут расчет чистый.

Мы далеки от мысли смотреть на древнюю Грузию, как на образцовое устройство общественных отношений и если мы выставили здесь некоторые подробности отношений грузинского народа к войску, то вовсе не затем, чтобы требовать возвращения к этому устройству; оно отжило свой век, потому, что Грузия не имеет надобности вести непрерывные войны с своими соседями, да кроме того грузинский народ платит русскому правительству за охранение внешнего и внутреннего мира столько же, сколько платил в старину азнаурам, а может и побольше. Теперь обязанность азнауров — охранение народа от внешних врагов, исполняется русским правительством и войском, стало быть тут дело довольно чисто, по крайней мере в экономическом отношении; но наряду с правительственными податями, народ обязан платить подати дворянству, зачем? ради каких услуг?

Наши противники говорят нам, что: заняв Грузию, русское правительство очутилось лицом к лицу с сильным войском, существование которого наряду с русским правительством было немислимо, стало быть оказалась необходимость распустить это войско; но для того, чтобы не сделать из чинов грузинского войска гверильясов или разбойников, необходимо было наделить их чем нибудь, так сказать зажать им рот, правительство создало из этого войска дворянство.

Так, но нам вероятно позволено будет высказать одно

* Азнаурство жаловалось царями, за особенно замечательные подвиги храбрости или удалства.

маленькое замечание: в таком случае, зачем же узаконить из рода в род порядок, внушенный минутной необходимостью? Ужаснувшись мысли увидеть гверильясов из азнауров, русское правительство забыло отыскать иной исход, например пожизненные пенсии или надел землей, чего было бы совершенно достаточно; вместо этих совершенно благоразумных мер, оно установило такой порядок вещей, при котором гверильясами делается весь народ, все крестьянство, разумно-ли это? подобное рассечение гордиева узла может ли назваться его развязкой?

Посмотрим теперь какие результаты произвела эта мера сперва в отношении к самому дворянству: узаконение за дворянством права жить насчет крестьянства никаким образом не могло распространиться „de facto“ на большинство импровизированных дворян, по той простой причине, что их было слишком много, относительно к числу крестьян, и так как это баснословное распространение числа дармоедов-паразитов переходило все меры и границы, так что народ решительно не в состоянии был кормить такое множество праздной сволочи, то значительная часть азнауров очутилась в совершеннейшей зависимости от правительства и принуждена была искать кусок хлеба в военной или гражданской службе. Тут то и началась погоня дворянства за счастьем: поняв свою роль, азнаури вместо того, чтобы приняться за обработку земли в качестве простых землевладельцев (что запрещалось им честью дворянского титула), устремились толпою в солдаты, в юнкера, писари, чиновники, завладели кусками земли, принадлежавшие крестьянам, и так как по правительственной инструкции суды и начальство должны были решать споры между дворянами и крестьянами непременно в пользу первых, то благодаря этим и подобным попечениям правительства, азнаури в самом деле сделались дворянами не только по букве законов, но и на факте. Таковы были первые результаты нового порядка вещей в отношении к дворянству. Ниже мы увидим, что эти результаты не могли быть вечными, что они были преходящи и что с течением времени даже если предположить чудовищную нелепость, вечное терпение народа, развитие самого дворянства грозило нанести удар этим результатам, ибо даже в настоящее время громадное

большинство грузинского дворянства стоит на рубеже отвратительнейшего пролетариата, пролетариата не труда, а бездействия и шпионства.

Но если это нелепое устройство должно было привести когда нибудь к неутешительным результатам для правительства и дворянства, необходимость и неизбежность этих конечных результатов зависели, главным образом от зародышей бессмыслицы и разложения, нагроможденных в неправильной общественной организации, но не от дурного поведения дворянства или несоблюдения в святости оснований законов нового устройства. То что делается теперь в Грузии доказывает это мнение, как нельзя лучше: в самом деле как правительство, так и дворянство с своей стороны держались не только духа, но и самой буквы законоположений установивших русский порядок вещей в Грузии: все что противоречило хоть на капельку духу русских установлений в Грузии, истреблялось немилосердно расстрелянием и вешанием, каторгами и ссылкой, а с другой стороны, все что благоприятствовало русскому духу, награждалось истинно по царски. Дворянство, понимая хорошо свое положение и ценя все щедроты правительства, стояло за него горой, выдавая всех тех, у кого приходила в голову несчастная мысль быть недовольным русским владычеством или тем государственным и общественным устройством, которое введено было русскими и держалось на русских штыках. Измены не было ни с той, ни с другой стороны, напротив того, дворянство взирало на русское правительство не иначе, как со слезами умиления и признательности, выражая в своем взгляде столько собачей преданности и готовности лечь костями за правительство, что это последнее не могло не погладить по голове такого покорного сынишку. Казалось все это должно было устоять против напора вековых волнений, до такой степени прочны были узы, связывавшие русское правительство с грузинским дворянством, но увы!

Все жигейское, земное
Разлетается как дым!

И действительно, оказалось, что народу не в могоду кормить да поить такое множество дворянства, не принося-

щего ему никакой пользы, никаких услуг, а напротив того высасывающего все его соки, весь трудовой пот, оказалось, что этот народ и не думает быть «агнцом ведомым на заклание», что он тоже мечтает о себе и о своем благополучии. Лакействующее дворянство, вместе с дворянствующим-лакейством всевозможных канцелярий и правлений, воскликнуло в один голос, точно по вдохновлению госпожи Простаковой: «Ах мерзавец, ему тоже хочется жить, точно он благородный!». Русское правительство согласилось с этим решением и после приличного числа расстреляний, вешаний и ссылок, отложило это в долгий архивный ящик, точно решенное или «*поп авену*». Но дело двигалось своим чередом: неудача имеретинского восстания 1820 года не оставила гурийское 1841, еще менее остановила она крестьянское движение 1855 — 1862 г. Правительство инстинктивно догадываясь, что потребность реформы ощутительна, принялось производить ее сверху, чтобы задержать ее развитие снизу.

Мы сделали бы непростительный промах, если бы приписали причины крестьянского движения в Грузии единственно несправедливости русского правительства при узаконении дворянских преимуществ за азнаурами. Нет сомнения, что эта мера подлила масла в огонь, но не в ней лежит корень беды и не на уничтожение ее одной устремлены силы крестьянства; корень зла не только грузинский, но и всемирный. В Грузии в настоящее время кипит та же самая борьба, которая поглощает все силы Грузии, Европы, можно сказать смело, целого мира; это борьба трудящихся против привилегии рода и капитала, т. е. говоря проще, социальная борьба трудящейся нищеты против дармоедствующего богатства.

В Грузии, как и во всех Европейских государствах, наряду с массами трудящихся в поте лица, стоят люди освобожденные от труда слепым случаем рождения от именитых или богатых родителей, неравенство или несправедливость распределения общественного и частного достояния и зависящего от него счастья также сильно в Грузии, как и в прочих государствах. Трудящийся люд не только находится в личной экономической и политической зависимости от людей, освобожденных от труда, но что невыносимее всего, он находится в каком-то до

пошлости унижительном состоянии париев; трудиться считается правом не на почет или достоинство, а просто на просто на унижение и полнейшее презрение. Власть, уважение и почтение соразмеряются не с трудом или заслугами, а с родом, титулом, богатством или собственностью. Никакой труд, как бы он не превышал обыкновенные человеческие силы не в состоянии вывести обыкновенного смертного из среды, в которую он попал по рождению, в ней он должен вращаться, жить и умереть.

Без всякого следа
И без урока для детей.

И когда наряду с этим безвыходно-тягостным положением поставить положение людей, вся заслуга и достоинство которых состоит в выдержании труда родиться от благородных или богатых родителей, вся жизнь которых ничто иное, как цепь наслаждений и удач, так тут по неволе рождается целая вереница вопросов, вроде Гейневских:

От чего под нашей крестной
Весь в крови влачится правой
От чего всегда безчестный
Встречен почестью и славой?

А известно, что малейшее углубление на эту тему наводит каждого здравомыслящего человека на мысль о необходимости изменения порядка вещей установленного грабителями и узурпаторами, державшегося на законах, изданных тем, кто заинтересован в сохранении пограбленных и захваченных привилегий и богатств...

Мы не станем распространяться о неудобствах сего порядка вещей, потому, что для того, чтобы познакомиться с ними подробнее, читателю стоит только оглянуться кругом себя; вся эта чехарда насилий перемешанных с указанною неурядицею совершается сплошь и рядом не в мраке, а на белом свете, и наши читатели, конечно не почувствуют недостатка как в мелких деталях, так и в апофеозе житейской жизни. Затем вернемся к нашему предмету.

Тяжесть такого положения вынудила народ начать современный крестовый поход против нелепой общественной организации. Этим мы не хотим сказать, что грузинский народ таковой и проглотил все основания социальной науки и восстал с голосу французских магогов; нет, пишущему эти строки, более чем комунибудь другому, известно, что грузинский народ, как и всякий другой, не вполне уяснил себе всех подробностей неурядицы и не вполне знаком со средствами против нея. Но есть одна сторона прекрасно уясненная народом: это то, что влачить такую жизнь, которою он жил до сих пор, положительно невыносимо. Что тяжесть ее переходит все границы терпения и что лучше погибнуть, чем ввязнуть в этом болоте, высасывающем по маленьку все силы и всю кровь. Когда народ дошел до этого убеждения, случилось вот что:

Дело было в 1855 году, осенью. Известно, что в это время у нас велась тяжелая война с Европой и Турцией и что турецкий отряд под начальством Омер-паши высадился недалеко Редут-Кале в Мингрелии. Эмиссары Омер-паши распустили в народе слух, что «крепостное право будет уничтожено союзниками» и в несколько дней вся Мингрелия отдалась Омер-паше, а грузинские милиционные войска, так хорошо дравшиеся против Турок в 1853 году, изменили русским и оставили на Ингуре отряд русских войск. Грузия и Имеретия готовы были последовать примеру Мингрелии, но войска князя Бебутова заняли эти страны, а через несколько месяцев война закончилась парижским трактатом. Этот случай хорошо известен русскому правительству, ибо в благодарственной грамоте Александра 2-го к жителям Кутаисской губернии, выданной в январе 1857, с умыслом пропущено было слово «Мингрелия».

Еще до знаменитых «рескриптов», первые списки которых появились в конце 1857 года, грузинские крестьяне принялись не за манифестации, а просто на просто за вооруженное обнаруживание недовольства крепостным правом. Мингрельское восстание летом 1857 года дало правительству повод согнать с княжества княгиню Дадияни и заменить ее «временным правлением Мингрелии». Прочие же восстания крестьян в Гурии, Имеретии и Гру-

зии были разогнаны то солдатами, то дворянской милицией, организовавшейся нарочно для этого. Крестьяне же ни мало не скрывали, что единственная причина их восстания есть крепостное право, и единственная цель его — уничтожение. Когда же в начале 1858 года, разнеслась весть об освобождении, эта новость подлила масло в огонь и довела крестьянское движение до чудовищных размеров.

Спрашивается, какую сторону должно было принять русское правительство ввиду этого народного движения? Завербоваться ли в ряды дворян, устроивших целые отряды для усмирения крестьян, или же напротив того принять сторону крестьянства и усмирять дворян? Польза правительства состояла в последнем средстве, но так, как русское правительство, по божьей милости, нельзя подозревать в хороших и полезных начинаниях, то очевидно было что оно станет за дворянство против крестьянства. Оно действительно выбрало этот поход, но как оно выполнило его — позвольте нам остановиться на этом.

Прежде всего пошли в ход экзекуции против крестьянства, известные под названием «усмирений волнений умов», но эта мера направлена была против крестьян, а «волнение умов» существовало в дворянстве, следовательно надо было укротить и его. Тут то правительство действовало кротче: оно выдумало такую штучку: мы освобождаем крестьян в России, говорило оно, потому, что там это необходимо; но здесь время освобождения крестьян еще не настало, «это дело веков». Дворянство успокоилось на время...

«Манифестом в 19 дней февраля 1861 года нами изданным и Положениями в тот же день нами утвержденными, мы освободили помещичьих крестьян в России от крепостной зависимости и даровали им право состояния свободных сельских обывателей, определив в подробности их отношения к землевладельцам, их повинности и устройства их собственного управления.

«Приняв во внимание, что за сим крепостное состояние остается в одном только Закавказском крае и признав необходимым действовать постепенно к освобождению и там крестьян от крепостной зависимости мы в то же вре-

мя поручили главному за Кавказом начальству присутствовать к надлежащим по этому предмету соображениям».

Так говорится в «высочайшем указе», предшествующем новым законоположениям о крестьянстве господина, августейшая ложь: манифест 19-го февраля 1861 года, вышедший в марте 1861 г. В сентябре того же года, стало быть через семь месяцев после издания манифеста, император ездил в Кутаис и держал тамошнему и Тифлисскому дворянству речь о том, что никаких изменений в существующем в Грузии порядке он не сделал и сделать не намерен, время дескать еще не настало. Вследствие этой то речи и пошла в ход целой Грузии знаменитая народная песня «Мегона», с таким припевом: «Я мог вообразить себе много чего, но никогда не вообразил бы, что царь умеет лгать».

Нельзя сказать, чтобы эта речь Александра 2-го, так так и осталась одними словами: факты наиболее красноречивые, а именно экзекуции против волновавшихся крестьян, как нельзя лучше доказывали, что правительство в самом деле думало отложить в долгий ящик дело освобождения грузинских крестьян; но так как с одной стороны крестьянские волнения усиливались с каждым днем все более и более, принимал совершенно не миролюбивый и беспокойный характер, и так как с другой стороны русское правительство не слишком то старается о сохранении в святости своих обещаний, то реформа крестьянского быта перешла в канцелярский мир. Тут снова является одно обстоятельство, достойное обратить на себя внимание наших читателей: целый 1862 г. прошел без всякого предпринятия со стороны правительства, хотя и в постоянных волнениях крестьян; когда же в 1863 году польское восстание грозило России европейской войной, русское правительство с ужасом вспомнило Мингрельскую измену и второпях отправило в Тифлис депешу за депешой, поставило на скорую руку крестьянский вопрос в Грузии и забыв совершенно свою страсть к постепенности, вынудило Кавказское начальство подать хоть какойнибудь проект освобождения. Оно думало заткнуть глотку крестьянам Имеретии, Гурии, и Мингрелии перспективою будущего освобождения, не задевая в то же время интересов дворянства этих областей.

В понятии правительства жизненный вопрос уже был разрешен в обоюдную пользу — дворяне, думало оно, сохранит верность свою к нам, ибо их интересы не затронуты в прямом значении, а крестьянство стаило наравне с нами, освобождителей крестьян Тифлисской губернии и других освобождителей и Кутаисских. В переводе на язык сравнений, это положение в уме правительства походило на разрешение до селе не разрешенной задачи «овцы должны сохраняться в целости, что ни мало не принуждает волков оставаться на тощак». Эта штучка достойна была бы поощрительных аплодисментов, если бы русское правительство, думая надуть обе стороны, не кончило совершенным одурачением себя самого и никого более: крестьянство, не довольное бесполезною и тягостною проволочкою освобождения, как и самими основаниями его, начало открыто высказывать свои симпатии в пользу «освободителей врагов России», т. е. Европы; с другой стороны дворянство, не хотевшее и слышать о какой бы то ни было перемене в существенном строе крепостного быта, было поражено поведением правительства в отношении к Тифлисскому дворянству, и тоже открыто высказалось против правительства или же его грузинских агентов. Остались довольными только несколько людей, вроде г. Дим. Кипиани, увидевших в крестьянской реформе средство повышения и наград за удачные проекты или за «благоразумные советы», ну да про этих господ не стоит и говорить.

Изменилось¹ ли с этих пор взаимное положение русского правительства, грузинского народа и грузинских, так называемых партий? Ни на капелючку, если не считать того обстоятельства, что для правительства миновала опасность внешней войны, и что грузинский народ с каждым днем все более и более проникается идеею о своей национальной независимости. Мы ни мало не ошибемся, если скажем, что в настоящее время у русского правительства в Грузии решительно нет друзей и благоприятелей, кроме небольшого числа клеветов великокняжеского двора и крупных чиновников; и известно, что эта

¹ Колокол, № 199, 1 июля 1865 года, стр. 1632-1635.

часть публики не слишком то постоянна в своих мнениях; рожденная в подлости и воспитанная в подкупе она вечно останется подлою в отношении к народу и правительству и подкупною в пользу всех тех, кому будет благоприятствовать судьба. Если к людям этой категории прибавить небольшое число крупных землевладельцев, в интересах которых составлены новые «законоположения», то мы будем иметь почти что полный список друзей русского правительства. Все остальное, все то, что живет и мыслит, ударяется в национализм, о котором здесь необходимо бы сказать пару слов.

Мы не станем углубляться в довольно интересный для русского правительства, как и для нас самих, как и наконец для Грузии, вопрос о развитии национальных стремлений в Грузии; наше положение служит лучшей отговоркою от этого уяснения, от которого один шаг до инсинуаций. Но чего мы не можем не высказать в этом месте, — это нашу скорбь об успехах этих стремлений; мы не хотим знать сильно ли развит национализм в грузинском народе, мы высказываем только, что развитие этой идеи кажется нам способным нанести довольно и даже весьма сильные удары материальному и умственному развитию грузинского народа. Но говоря уже о том, что излишнее преувеличение национальных стремлений может завести Грузию в ту бойню, где недавно содрали кожу с Польши и где высосали всю кровь черкесов, нам кажется не подверженным никакому сомнению, что даже в случае удачи, например в случае повторения Мингрельской истории и приобретения покровительства Франции или Англии (что для нас решительно одно и то же) Грузия положительно проиграет на довольно долгое время все свои шансы на удачное разрешение волнующего его вопроса о правильном и разумном общественном устройстве. Даже если бы европейские государства, в случае удачи, возвысили Грузию на степень их собственных и притом внутренних провинций, и тогда Грузия осталась бы с носом и выиграла бы только в политическом устройстве. Но допустить этого предположения положительно невозможно; тысячи примеров убеждают нас, что европейские государства принялись бы в тот час же цивилизовать Грузию на манер Алжирии или же эксплуати-

ровать ее на манер Индокитая. Это было бы в случае счастливого исхода национальных стремлений, куда же ведет несчастный исход и сколько шансов за и против последнего — известно всякому... Наше мнение о ходе русского владычества над европейскими народами покажется грузинским читателям «Колокола» не столько еретическим, сколько нелепым. Чтобы вывести из недоумения, мы скажем несколько слов в подтверждение основательности нашего заключения.

Мы религиозно убеждены, что единственная форма общественного и государственного устройства, могущая принести действительную пользу Грузии есть общинное распределение поземельной и всякой другой собственности и общинная же организация как народного труда, так и государственного управления. Эти учреждения потому именно принесут пользу Грузии, что они более, чем какие нибудь другие, мало того, единственно они, способствуют, по возможности, полнейшему развитию народного благосостояния, что в свою очередь способствует развитию умственных и нравственных сил и способностей народа. Во всем этом мы не сомневаемся ни на капелючку, стало быть глубоко уверенные в громадную пользу подобного государственного устройства, мы должны стараться о возможно скорейшем применении его к Грузии, и размышлять о том, при каких обстоятельствах скорее достигнем наш идеал, при европейском ли покровительстве или при русском владычестве?

Идеал лучшего государственного и общественного устройства, по нашему мнению, скорее всего и раньше всех достигим для России, потому, что основной принцип этого устройства, общинность, сохранился в русском народе в возможной полноте. Не то что бы русская община принималась нами за идеал, но она в тысячу раз ближе к нашему понятию об общественном устройстве, чем всевозможные принципы индивидуализма, царящие в Западной Европе. Тут опять таки надобно оговориться: мы не думаем, чтобы Западная Европа так таки закоснела в своей жизни и что она не способна к лучшему устройству без нового элемента, славянского или какого бы то ни было иного; в этом отношении, да извинят нас многоуважаемые издатели «Колокола», мы не вполне разде-

ляем их отчаяния при виде современной европейской безурядицы, в противность им мы уверены, что Европа все таки возьмет свое и доберется таки до идеала, теоретически хоть и не вполне, выработанного нами. Но работа Европы чрезвычайно трудна, суждено маяться еще долго, тогда, как Россия по нашему убеждению, так и по мнению г. г. Издателей «Колокола», если не вполне освобождена от трудности работы, то за то ей эта работа дается несравненно легче и приведет к желанной цели гораздо раньше, чем современное европейское движение. По этим соображениям мы находим, что связав свою судьбу с судьбою даже современной России, Грузия скорее доберется до возможно лучшего устройства своего положения, чем находясь в союзе или под покровительством (мы не говорим о владычестве), какой бы то ни было европейской нации, не говоря уже о Турции или о Персии, о которых не думает ни один здравомыслящий человек в Грузии.

Другое дело, если бы основным принцип русского народного устройства, община, существовал в грузинском народе; тогда усовершенствование политической организации, хотя бы даже на европейский манер, не только не затормозила бы развития грузинской народной жизни, но напротив того, содействовало бы ей как нельзя лучше. При совершенном же отсутствии общинных принципов, европейская «свобода» способна только развить в чудовищных размерах буржуазные наклонности известной части народа, и вместе с тем создать пролетариат, чего не может случиться под русским владычеством, если только грузины захотят хоть на капельку подумать о самих себе и воспользоваться примерами русских поселений.

Вот почему мы думаем, что национальные стремления Грузии не худо было бы отложить в сторону, и в ожидании преобразования самой России, заняться ознакомлением грузинского народа с основными принципами, как русского общинного землевладения, так и всего вообще социального устройства.

Если от этого обзора взаимного положения Грузии и России, перенестись к поведению русского правительства в отношении к грузинскому народу, то тут поневоле вс-

помнишь следующие слова «Колокола»: «Если бы правительство поняло эту живую струну и живую связь, оно осталось бы в главе движения; но оно не поймет, потому что оно бездарное». И действительно, правительство действительно не поняло ни своего положения, ни ресов; увлеченное одним желанием, согнуть крестьянство в бараний рог, или же, в случае невозможности, обдуть его хорошенько, оно постаралось облагодетельствовать дворянство, которое не за какие блага не хотело слышать, не только об освобождении крестьян, но даже об изменении их положения. Движение дворянства и его неприязненные манифестации, наряду с первыми манифестациями крестьянства носившими до 1861 г. характер наиболее благоприятный для русского правительства, представляли правительству удобный повод разрыва с дворянством и союз с крестьянством. Но правительство видело в крестьянском движении следы «Лондонской (отныне Женевской) агитации», а в крестьянских выборах никого иного, как буйных дисциплинов Маццины или Искандера; в дувшемся же дворянстве оно видело только либерализм взятый из «Будущности»: пусть мол дворянство дуется денек, другой — известное дело — милые братятся — только тешатся, пройдет туча и мы снова обнимемся всенародно, на радость и веселье наших друзей на смерть и скрежет зубов наших врагов.

Так резонировало наше правительство, такую дорогу оно и выбрало. Чтож, в добрый путь! А на счет того, на чье веселье вы возобновили и запечатали крестьянской кровью ваш союз с дворянством, не во гнев вам будет сказано, позвольте нам сомневаться, мы думаем, что если бы у ваших друзей было хоть на капельку проициательности, они первые должны были бы сокрушаться и скрежетать зубами о вашем заблуждении. В чем же состоял союз с дворянством?

А в том, что русское правительство дало нам полнейшее право хоть и не возможность повторить слова «Колокола»: «народ царем обманут».

Как же он обманут, мы увидим сейчас.

Прежде всего бросается в глаза то обстоятельство, что новые «законоположения», начинающиеся велеречивым объявлением, что «крепостное право на крестьян...

отменяется навсегда», направлены ни к чему иному, как к вековечному узаконению и закреплению настоящего «*statu quo*» во всех его существеннейших основаниях.

Так, как положительно невозможно было бы охранить дальше самое крепостное право, то правительство по совету знаменитого в истории русского мракобесия магистра Н. Безобразова, закончило крестьянский вопрос в Грузии переименованием крепостных крестьян, в крестьян поселенных на помещичьих землях, чего оно ни осмелилось сделать даже в России. Этим закончилась реформа.

Что же касается до земли, которая нужна народу (она отдана или остается во владении помещика, не обязанного даже согласиться на выкуп, потому, что статья девятая «дополнительных положений», составляющая квинтэссенцию новых «законоположений» гласит следующее: «приобретение крестьянами в собственность предоставленного в постоянное их пользование земельного надела, как в полном его составе, как-то: усадебной оседлости, садов и полевых земель и других угодий, так и в отдельности каждой из сих частей надела, допускается не иначе, как с согласия помещика». (Курсив в подлиннике). Следующее за этой статьей постановление немного видоизменяет положение: «Когда из помещичьего селения будет образован, установленным для сего порядком, посад или местечко, то крестьяне, как отдельными дымами, так и целым обществом, могут и без согласия помещика, выкупать на основании положений 19 февраля 1861 года о выкупе, свою усадебную оседлость, с сохранением права на выгон, согласно правилу, постановленному относительно выгонов и мест для пастбы, в примечании к стат. 12, настоящих дополнительных правил» (ст. 10). Эта статья положительно лучшая между целой ордой статей и уложений, направленных против крестьянства; но не следует забывать и того, что в этом случае дело идет о выкупе только усадебной оседлости, а не пахотной или сенокосной земли или садов. Что же касается до земли, то ст. 6 «местных положений», способна вывести из заблуждения отчаянейшего оптимиста: «если бы за оставлением в пользовании крестьян, пахотных и сенокосных мест (не забудьте, за

Установленную плату или повинность), осталось у помещика менее половины общего количества пахотных и сенокосных мест, принадлежащих ему в том селении. Где водворены крестьяне, то помещик имеет право удерживать в своем непосредственном распоряжении половину таких совокупности таких земель, т. е. пахотных и сенокосных». Что же остается делать крестьянину? Выкупить пахотную землю он ни в коем случае не может, а хлеб ведь нужен, да кроме того надобно отбывать повинности правительству. Попечительное правительство узаконило, что крестьяне имеют право входить в соглашение с помещиками о найме пахотной земли. Почему же, оставив вопрос о жизни или смерти крестьян на «добровольное соглашение» дворянства с крестьянством, правительство не хочет отдать на то же соглашение количество или ценность повинностей за наем земли? А потому, что ниже следующие узаконения гораздо выгоднее для дворянства, чем даже «добровольное соглашение». Из этого рассуждения вышли следующие статьи, достойные занимать почетнейшее место в законодательстве Дракона:

«Статья 148 «местных положений»: за полевую пахотную землю, крестьяне вносят повинность под названием гада, которая определяется в $\frac{1}{4}$ часть с урожая всех земельных произведений». И дальше, стр. 149: «За землю под сенокосами, крестьяне вносят повинность в $\frac{1}{3}$ часть с укоса».

До сих пор, т. е. до так называемого уничтожения крепостного права все повинности крестьян в отношении к помещикам ограничивались: 1. Платежом деньгами, одним сапалне вина, столько же хлеба, по самой большой мере; в большинстве же случаев вносилось или то, или другое, и скотом, обыкновенно свиньей и десятком кур; и 3. барщиной, двумя, редко тремя днями на неделю. Новое крепостное право уничтожает только дань скотом, взамен того, оно определяет пользу помещиков: 1. $\frac{1}{4}$ земных произведений и треть покоса, что несравненно выгоднее для помещиков; 2. Подать в 3 рубля на каждую полдесятину, отведенную под усадьбу; 3. не причисляется к повинностям за крестьянский надел, а) плата или вообще повинности за топливо и лесные материалы в тех имениях, где на основании статьи 32 и 33 сего «Положе-

ния», крестьяне будут получать топливо и лесные материалы от помещиков; б) платой вообще всякие повинности с мельниц, принадлежащих крестьянам, а также рыбных ловель и других оброчных статей и пр. и пр. (Ст. 138 мес. пол.); 4. Подать вином увеличенную в крайней мере вдвое или втрое против прежнего повинность: «За виноградные сады крестьяне вносят вином повинность под названием кулухи, которая определяется в одну четвертую часть с урожая», (ст. 146 мес. пол.). Да еще ко всему этому следует добавить 147 ст.: «Повинность за фруктовые и тутовые сады или фруктовые и тутовые деревья в виноградных садах, равно за ореховые деревья посреди крестьянских пашень и сенокосов, определяется по взаимному соглашению помещика с крестьянином; если соглашения не последует, то мировым посредником».

Вот вам и поземельное устройство нового крепостного права. Стало быть, в этом отношении правительство если и улучшило чей-нибудь быт, то никак не крестьян, а скорее дворян...

Кроме земли, народу нужен лес для построек и для топлива: ст. 30 и 31 «местных положений», провозглашают: ст. 30. Помещики не обязаны отпускать крестьянам лес для построек; ст. 31. Помещики не обязаны также отпускать крестьянам топлива, безвозмездно. А если вы думаете, что только одни дворяне имеют все права, так мы выпишем вам одно из главнейших прав крестьянства; вот оно: пятый параграф ст. 32: «от приема топлива» в установленном мировым посредником и губернским присутствием в размере и за установленную ими плату или повинность крестьяне имеют право... отказать! Честное слово, все это отпечатано «*en toutes lettres!*» Плата за насмешку насмешкой, крестьянство должно было бы вырезать из дворянства какой-нибудь чудовищный герб с надписью «*top droit*».

Что же еще нужно народу! Из четырех начал древности — земли, огня, воды и воздуха, первые два отданы дворянству; посмотрим теперь что стало с двумя остальными: «от помещика зависит взамен общего, отвести крестьянам особый водопой по добровольному соглашению с ними, или буде соглашения не последует, с разре-

Отняв землю у крестьянства и укрепив его за дворянством, правительство должно было по крайней мере узаконить хоть чтонибудь о выкупе и вместе с тем сделать крестьянам денежными ссудами, эта обязанность правительства выполнена им следующим образом: прежде всего выкуп земли вообще и все условия его предоставляются, на чье бы вы думали разрешение? «Добровольного соглашения» помещиков с крестьянами! Понимаете ли вы это! Крестьянин без земли, без куска хлеба, без возможности найти какую бы то ни было работу, должен будет, конечно, согласиться на все возможные и невозможные условия, предлагаемые ему помещиком, чтобы только вывернуться от подачи четвертою и даже третьею частью всех произведений его хозяйства; и это положение называется у нас «добровольным соглашением»! Это гораздо хуже, чем пресловутая система *laisserer faire, laisser passer*», так как здесь правительство стоит за помещиков. Да здравствует разум!» Затем правительство вступает в дело и назначает ссуды, сколько бы вы думали? Поговорим сперва о размерах надела.

«Устанавливается особый размер коренного полевого участка, который составляет половину того количества земли, которое для каждого рода с их полей признается 7-ю ст. за высший размер подъемного полевого надела». (ст. 35 мест. пол.). 7-я же статья определяет: «высший размер подъемного полевого участка устанавливается: для поливных полей десятидневное пахание* на каждый дым; для неполивных полей двадцатидневное пахание на каждый дым. Примечание: поливные и неполивные поля определяются по тому, какие из них имеют постоянное орошение посредством напускной воды и какие не имеют»...

Т. е. размер коренного полевого надела определяется в поливных полях 2 1/2 десят., а в неполивных 5 дес.

Каковы бы ни были цены выкупа, (а несомненно, что при подобных условиях они будут высоки), правительство обещает крестьянам в ссуды: в большей части Тифлисской губернии «размер выкупной ссуды на дым не

* «местная поземельная мера — однодневное пахание, во всех расчетах по настоящему положению, принимается в полдесятины казенной меры, и именно 1200 кв. саж.» «примечание положений».

может превышать 350 рублей с.»; в погорных же частях Горийского уезда и в горском округе, (где поливные земли несравненно дороже) «размер выкупной ссуды не может превышать 250 р. с. на каждый дым». Извольте спросить, что же это вы выкупите этими деньгами? лапти что ли плести в Грузии из ваших ассигнаций. И когда это грузинский крестьянин в состоянии будет заплатить вам эти деньги? — и в какие сроки? Вы что об этом не говорите ничего, кроме: «выкупные платежи вносятся в сроки, установленные по соглашению наместника Кавказского с министром финансов». Вот вам и выкуп!...

А если добровольного согласия не состоялось? спросят читатели. — Тогда пусть крестьяне перебираются на особый воздух. Выше мы видели в каких условиях он может перенести свою усадьбу: на счет полевых же угодий крестьянин имеет право или сохранить в неприкосновенности теперешнее свое положение, с платежом 4-ой части своего дохода и прочих повинностей, да и то в случае согласия помещика, или входить в соглашение по выкупу, опять таки по доброй воле помещика, или же убраться куда ему вздумается, конечно если он вымолит себе на то позволение помещика и паспорт начальства. — какое же позволение? а вот извольте видеть: «в течение первых девяти лет со времени утверждения сих правил, каждый крестьянин обязывается держать в свое пользование, за установленные в пользу помещика повинности, отведенные ему усадебные и полевые участки, в полном их составе и может отказаться от них только с согласия помещика», (ст. 12 «правил о поземельном устройстве»). Тут уж следует выпить тост за здоровье свободы.

Спрашивается, где же тут уничтожение крепостного состояния? На словах то вы много чего можете поболтать, но ведь вашим словам навряд ли кто поверит, а на деле, где же ваше улучшение крестьянского быта? стоит только поразмыслить капельку над вашими «законоположениями», чтобы превознести до небес старое крепостное право, до такой степени ваше положение улучшает состояние народа. Скажите на милость, есть ли не только здравый, но и какой бы то ни было смысл в вашей, так называемой реформе, когда помещик вводится во владе-

ние всеми землями крестьянства, когда крестьяне при-
репляются к земле не хуже прежнего (см. выше напо-
нец когда помещик может отрезать безнаказанно полови-
ну крестьянской земли (см. тоже), когда ~~зарежь~~ ^{напо-}ни-
шается земли, воды, топлива и чуть ли ~~даже~~ ^{даже} ~~не~~ ^{не} ~~еще~~ ^{еще} ~~лучше~~ ^{лучше}?
В чем же состоит ваша реформа?

В уничтожении права помещиков пороть своих крестьян, заметят некоторые.

Погодите, статья 14 «правил об устройстве сельских обществ», гласит следующее: «помещику предоставляется на основаниях, определенных в «Общем положении» (ст. 149, 161 и 163), вотчинная полиция и попечительство в отношении крестьян, водворенных на его земле». Это называется уничтожение крепостного права.

После этого короткого обзора, чтение следующей статьи «положений» можно предписать, как сильнейшее смеховозбудительное средство против меланхолии: «крепостное право на крестьян тифлисской губернии, водворенных в помещичьих имениях или водворенных, на правах хизанов, на земле другого владельца или ведомства (казенного, либо церковного) или живущих в городах и местечках, отменяется навсегда».

Сколько хохоту вызвали бы эти строки, если бы они не высасывали вместе с тем лучшую кровь народа.

Мы указали бегло на главнейшие черты новых «законоположений» про остальное не стоит и говорить, потому что все детали прекрасно соответствуют с общим духом реформы. Но в заключение мы не можем пройти молчанием одной ошибки русского правительства.

Выше мы заметили, в каких обстоятельствах принялось правительство за крестьянскую реформу в Грузии. Что правительство серьезно убеждено в возможности взволновать и возмутить народ ни с того, ни с сего, по указу какогонибудь агитационного комитета, это видно из знаменитых нот князя Горчакова по польскому вопросу. — стало быть в этом отношении мы все не клеветем на русское правительство и не вводим на него не основательных подозрений. И так, будучи уверены в лондонском зачатке крестьянского движения, правительство выкинуло с народом такую же штуку, какую оно очаровало петербургских либералов в роде г. Гробеки et consorts.

Но к счастью, в народе нет такой платонической любви к реформам по внешности: мужицкая необтесанная натура лезет вперед, и заглядывает с немывтым рылом внутрь, нет ли мол там чего нибудь гадкого. Вы, с этими либеральствующими публицистами «Голоса» или «Отечественных записок», а народу нужна земля, нужно обеспечение в возможности жить трудом, нужна свобода труда и гарантия личной свободы и семейственной неприкосновенности от административного и всякого иного произвола, нужен выборный суд, да мало ли чего ему нужно и чего вы ему не дали, чего вы не хотите, и даже не способны дать?

Если же вы не думали надуть народ, и сделали все это в полной уверенности встретить недовольство народа, будучи готовы отразить это недовольство штыками и картечью, так зачем же было устраивать всю эту комедию мнимого освобождения? Или вам уж слишком хочется пропагандировать в народе лондонские доктрины свободы?

Что ж, господа, бог вам на помощь.

Рио Нели.

10 июня 1865 года.

ПРАВИТЕЛЬСТВО
и
МОЛОДОЕ ПОКОЛЕНИЕ

— : —

По поводу выстрела 4 апреля 1866

НИКИФОРА Г...

... Истинно великия и полезныя цели всегда достигаются только прямым и открытым образом действий, а не косвенными путями таинственных обществ, всегда оказывающихся и долженствующих оказываться безсильным ..

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ

Ж Е Н Е В А

Отпечатано в Вольной Русской Типографии

40. Rue. Leveque. 40
1866

ПРАВИТЕЛЬСТВО И МОЛОДОЕ ПОКОЛЕНИЕ

...Силу, новую,
Благородных, юных дней,
В форму старую, готовую,
Необдуманно ни лей...

С 4 апреля русское общество представляет собою странное зрелище: все что было в нем скольконибудь способного говорить и высказываться, за исключением конечно, маленькой кучки «опальных людей», наперыв друг перед другом старается заявить о своем негодовании по поводу выстрела, о своих верно-подданнических чувствах и, что всего непонятнее, о своей любви к народу. Правительство, начиная с своего официального представителя — Государя, и кончая микроскопичными, официозными — шпионами, снова начинает пользоваться благорасположением общества, начинает, как говорится, входить в моду. Оно буквально завалено вещественными знаками общественного сочувствия: адрессами и криками «ура!» телеграммами и просьбами «не щадить виновных», депутациями и салонными речами. Куда оно ни повернется оно везде встречает дружелюбные объятия, готовые принять и обласкать его: со всех сторон простираются к нему руки, старающиеся защитить его от закованного и запакованного в футляре Каракозова, и не только от него одного, но и от всех его однофамильцев и сродней, даже до седьмого поколения...

Торжественным обедам, восторженным крикам, газетным статьям нет конца. Везде, где только находятся три человека, достаточно обеспеченные для того чтобы наесться вместе на славу, устраивается «общественный банкет», и за десертом сочиняется телеграмма: каждая проферансная партия, партия в дурачки, и та даже закан-

живается адрессом, и каждый неудавшийся литератор, обивавший в оны дни пороги всевозможных редакций, все таки отвергнуты ими, строчит грозное послание в какую нибудь газету, требуя головы преступника в ближайшем номере, «с предостережением» автора. Невозможно выпить бутылку пива, закутить колбасою, хоть бы даже пропитанною трихинами, без того чтобы не запить тостом в честь Муравьева. В семействах, почтенные отцы и матери, со взрослыми и не взрослыми детьми, кричали «ура!» узнав о назначении Муравьева председателем следственной комиссии, и со слезами на глазах (должно быть) целовали его портрет—

А потому, что патриот!

И это семейное, тихое, хотя и кроважидное счастье, которое по самой сущности своей должно бы было черпать всю свою прелесть в скромном уединении и в негласности, спешить выставиться перед всеми глазами, перед встречным и поперечным, и высказать всему миру (если только весь мир читает русские газеты) свои волнения и восторги. Нечего стало быть и говорить о жалких Добчинских, просящих Хлестакова—извините, Каткова—доложить Государю и министрам, что в таком-то городке живет мол (да, так таки и скажите) дворянин Петр Иванов сын Добчинский. Желание этих господ выставить на показ свои чувствования, а вместе с ними и свою личность, вполне узаконяется, если уж семейныя чувства так и кишат вырваться из вековечных четырех стен...

Газеты и журналы в перегонку стараются не только высказать свою симпатию к императорской династии и к Муравьеву, но даже и осмыслить эту симпатию указанием на те интересы, на которых она основана и держится. Таким образом обнаружилось, например, что часть дворянства, рвущаяся назад, кадит Государю, как силе могущей произвести желанный поворот к прадедовским нравам; другая же часть дворянства, стремящаяся «туда, туда!» к туманным берегам Англии, в свою очередь хватается за Государя, как за средство пересадить на нашу почву британския учреждения и сочетать их с конюшенными нравами нашего братства. Точно также обнаружилось, что либералы, желающие соединить

прогресс с чужацеством, и условия свободы — с желанием жить на счет других, спасают в лице Государя свои собственные привилегии на даровой хлеб и праздничную жизнь... И каждая партия, цинически указывая на выгоды, в видах которых она обожает своего монарха, старается направить в свою сторону всеобщую власть, и задавить при ее помощи все, что противоречит интересам партии, или же не вполне соответствует ее желаниям.

Масса публики буквально ошеломлена не столько неслыханным до тех пор событиям, сколько тем оборотом, который приняло это дело, благодаря «опытным» публицистам-консерваторам крепостного права. Ее инстинктивное отвращение от всяких кровопролитий раздуто до кровожадной ненависти к целому разряду русского общества, ко всему почти молодому поколению, начинающему или желающему начать жить и иною жизнью. Она начинает думать, что ей самой угрожает опасность от людей желающих выучиться жить своим собственным трудом, мечтающим не обременять собою никого и никому не позволять обременять их самих. Не знакомая с понятиями и желаниями молодого поколения, или вернее той части его, которая занимается общественными вопросами, публика останавливается на внешней, искаженной стороне дела, и не вникая в сущность вопроса, решается оттолкнуть от себя огулом всех тех, кто даже одною наружностью выходят из ряда прадедовских нравов и понятий...

Вместе с этой ненавистью к молодому поколению, публика начинает ощущать нечто в роде обожания к правительству, которому придается теперь значение не только олицетворения современного общественного и государственного устройства — чего никто конечно не станет оспаривать — но и защитника и представителя всей массы русского общества и народа, интересы которой требуют коренного изменения этого именно устройства. В понятиях публики существует такая странная путаница, что она не умеет ухватиться даже за ту простую мысль, что если правительство служит олицетворением современного порядка вещей, явно враждебного интересам массы небогатых людей, то оно никоим образом не может служить, в то же время, защитником и представителем этой самой массы. Да в сущности эта публика не имеет и воз-

ляют же необходимой принадлежностью всего молодого поколения. Со стороны приверженцев настоящего порядка вещей, предполагать, что все, что есть физически молодого и здорового, стоит на стороне общественной реформы, было бы равносильно произнесению своего собственного смертного приговора; мы слишком искренно и страстно ненавидим современный порядок, но все таки мы не решаемся, да и не можем решиться сказать, что наша ненависть разделяется даже большинством современного молодого поколения. Отупляющая система домашнего воспитания и не менее отупляющее воспитание в учебных заведениях слишком быстро убивают в зародыше все проявления свободной мысли, для того чтобы нам позволительно было думать, что все молодое поколение уяснило себе, а следовательно уяснить и другим, жизненные вопросы настоящего времени. Поведение московских студентов, служивших молебни у Иверской, соорудивших перед нею неугасаемую лампаду и ходивших кричать «ура!» под окнами Каткова, поведение воспитанников учебных заведений, заказывавших иконы и делавших складчину для молебень — лучше всего подтверждает наше суждение. И не смотря на все это, несомненно, что будь возможность истребить разом все молодое поколение — оно было бы истреблено. Нашим журнальным Иродам того только и хочется, чтобы исчезло с лица земли поколение, имевшее возможность читать Добролюбова и Чернышевского, а если и не читавшее их, то по крайней мере знакомое с ними по наслышке; за тем уже они возьмут на себя воспитать юношество находящееся теперь в утробе матерей, но опять таки с оговоркою, чтобы матери были не нигилистки, и чтобы дети ни в каком случае не происходили, ни прямо, ни косвенно, от «новых людей». И в этом отношении желание их вполне сбудется: стриженным женщинам выдаются желтые билеты, не столько для того чтобы унижить их, сколько для того чтобы стереть их с лица земли, вместе с их детьми, которая должны будут, по узаконенному порядку, отправляться в кантонисты, или же, за уничтожением кантонистских школ, в какое нибудь другое, не менее благоприятное для военщины, место.

Находясь в таком положении, юношество естествен-

но должно было растеряться, остановиться на чередности и увеличить этим странность теперешнего положения общества. Само собою разумеется, что тут дело идет вовсе не о той части молодого поколения, которая благодаря исключительным обстоятельствам вырабатывает себе твердую, определенную программу и о которой идет речь в этой статье, а о том большинстве, которое по своему развитию не далеко еще ушло от массы публики. Это большинство, говорим мы, растерялось, и частью начинает уже поддакивать катковским завываниям, частью же стоит в нерешительности и безмолвно принимает удары Муравьева. Если бы это большинство знало за что его преследуют, оно, конечно, постаралось бы выйти из двусмысленного положения и доказать всем и каждому, что в нем нет и капли тех законопротивных тенденций, призрак которых нагоняет такой панический страх на всех «друзей современного порядка». Но отличительное качество теперешней неурядицы в том именно и состоит, что один преследует, сами не зная что и зачем, другие же преследуются, не зная кем и для чего...

И это повальное, повсеместное оторопение, это всеобщее смущение вызвано тем, маловажным по видимому, обстоятельством, что какой то горячей голове вздумалось выстрелить в Государа! И какого только толкования ни придавали этому поступку! Сначала все предполагали, что стрелявший — поляк, и приписывая преступление мести поляков за политическое убийство и разорение Польши, общество хотело отвязаться поскорее от им же самим изобретенного кошмара. «Подписано, что поляк, и с плеч долой!» Но оказалось, что стрелявший вовсе не поляк, а коренной русский. Тут наступил такой всеобщий конфуз, что просто загляденье: люди желавшие сохранить в целомудрии честь (!) русских «верноподданнических чувств и вековой привязанности русского народа к своим государям», в смущении накинулись на филологию, историю, философию, археологию, экономию, словом на все науки, для того чтобы доказать, что преступник не русский, мало этого, не мог быть русским. Одни ссылаясь на философию, утверждали, что фамилия Каракозова служит ясным доказательством этого: кара по татарски значит черный; ноз, и следовательно и гоз —

глаз, следовательно преступник — татарин. Но думали другие, на этом аргументе далеко не уедешь: так пожалуй докажут, что Гольштейн-Готторпский дом никак не русский верно-подданнической чести обратился в Готторпы, стараясь доказать, что в то время как Готторпская династия явилась к нам «княжить и править», то есть в XVIII веке, род Каракозова еще не был внесен в дворянскую родословную книгу Саратовской губернии. Третьи думали, что легко могло статься, что не будучи дворянами, Каракозовы все таки были русскими, мещанами, или чем либо в этом же роде; основываясь на этом, они обратились к психической философии, чтобы доказать, что в «семье не без уroda», и придумали сейчас же меланхолическое и даже ипохондрическое настроение души преступника.

Все это было делом первой минуты. Вторая навела более глубокия и обширныя мысли на представителей русского общественного мнения. — «Где та среда, спрашивали они, которая способна была родить и воспитать такого злодея? где почерпнул он свои законопротивныя понятия?» Узнали что он из мелкопоместных дворян, и дворянский орган сейчас же потребовал зачисления всех дворян, не владеющих столькими-то тысячами десятин земли, в мещанство и крестьянство. За тем потребовали, чтобы каждому, кто не предвидит себе в наследство известного количества земли, были пресечены все пути к умственному развитию, ибо в противном случае он, дескать, начнет умничать и совершать покушения на жизнь Государя и крупных поземельных собственников. Это требование уже «принято в соображение». Узнали также что Каракозов воспитывался в гимназии и слушал лекции в университетах. — «А! воскликнули наши доморощенные гасители просвещения, наши магницкие, переодетые в докторскую мантию Оксфордского университета вот оно где развиваются учение о цареубийстве и разделе земли между мужиками!» Министр народного просвещения, который в ревностном мракобесии не уступит никакому Каткову, никакому Скарятину и даже никакому Аскоченскому, слетел с своего места собственно потому, что он, начальник университетов, не заметил

четыре года тому назад, что в одном из ведомственных ему заведений кроется человек, могущий поднять руку на современный порядок и на свято-святейший принцип собственности. — «Надо, кричали на все органы гласности вырвать зло с корнем» — гимназиями, университетами и даже чуть ли не со всеми теми домами и улицами, в которых когда либо совал свой нос Каракозов.

За тем обратились к исследованию причин и учений, могших вызвать в Каракозове мысль о преступлении, и к догадкам о цели выстрела. — «Он, верно, хотел уничтожить крупных поземельных собственников!» кричала дворянская газета. — «Нет, он хотел посягнуть на единство России, кричали «Московский Вестник», связывая покушение с какими-то статьями „Revue de Mondes“ «Современника», какой то немецкой газетки и еще чорт знает с чем. — «Врете, ревели другие, он посягал на религию, и хотел всадить, вместе с пулею в грудь Государя, атеизм в сердце России. — «Вы все не то говорите, лепетали третьи, это революционная ассоциация (или ассоциационная революция), желающая...» и так далее, до бесконечности.

И благодаря всем этим крикам, дело Каракозова будет связано с делом чуть ли не самого Алибо и знаменитого барселонского «Общества истребления коронованных особ». Имя Муравьева служит нам к тому порукою...

II

Впрочем, несмотря на эти преувеличения наших при- сяжных публицистов, мы совершенно согласны, в принципе, с необходимостью рассмотреть мотивы, вызвавшие не только покушение на жизнь Государя, но и вообще теперешнее положение общества. Современное-же положение можно резюмировать следующим образом: правительство взялось переделать устаревшую государственную машину, но его переделки не удовлетворяют людей, желающих коренной перестройки общественного и государственного порядка. А для того чтобы понять это недовольство и оценить его силу, нужно принять в соображение требования вызвавшие правительственные реформы, нужно сравнить богатые ожидания с жалкою действительностью, нужно словом, рассмотреть ход русской общест-

венной жизни за последнее время. Взглянем те ж на это
ход.

Освобождение крестьян с давних пор было потребностью общества и еще более народа. Когда Разин поднял бунт против Московского государства, к нему со всех сторон бежали помещичьи крестьяне, и одной из главнейших причин успеха этого бунта была народная ненависть к крепостному праву. Бунт Стеньки Разина, уцелел в народной памяти единственно потому, что был вполне народным делом, и русский народ, считая Разина все еще живым, обнаруживает тем самым как крепко в нем вера в будущее освобождение от крепостного ига во всех его видах. Чтобы там не говорили официальные историки русского правительства, как бы долго они не приписывали и самый бунт и даже его успех «кабацкой голи», остается все таки несомненным, что в деле Разина заинтересовалось все крестьянство и мещанство, словом все то, чему не жилось под гнетом бояр, помещиков и приказных; это одно заинтересование придает исторический смысл и характер личности Разина и его товарищей, хотябы там они шли «бочками сороковыми». Тоже самое нужно сказать и о деле Пугачева, потому что, не смотря на очевидное стремление пугачевщины к поголовному истреблению помещиков, а с ними и крепостного права, наши историки все еще смотрят на это дело как на какое то безъалаберное похождение буйного сорви-головы. Надо же наконец понять, что никакое буйство отдельных личностей, никакое удалство их, и даже никакая хитрость неспособна вызвать какого бы то ни было народного движения, если только в народной массе, или по крайней мере в ее большинстве, не кроется элементов неудовольствия, перешедшего все меры прославленного народного долготерпения. Все действия отдельных личностей и каст, все их помышления, как бы благородны и чисты они не были, остаются совершенно чуждым массе, которая встречает их с убийственно-холодным равнодушием, до тех пор, пока масса не сознает, что между ее неудовольствием и попытками этих людей существует коренная и неразрывная связь. В таких случаях, впрочем довольно редких, масса вмешивается в дело и принимает попытки отдельных личностей

за свое собственное дело, придавая им свой характер и свои образы.

Как ни сильна была в Польше, например, пропаганда, как ни неутомимы были польские революционеры в распространении в народе своих идеалов и своей любви к русскому правительству, они однакож не достигли своей цели, хотя и имели за себя и пламенное, и религиозное различие и ненависть к русской администрации. Польские крестьяне не были достаточно уверены в том, что дело их «панов» есть их собственное дело, что под властью шляхты им будет легче житься, чем при русском господстве, и в этом именно и состояла причина сперва народного равнодушия к польскому возмущению, а за тем и прямой, открытой вражды к нему... Если же теперь народ нельзя уже волновать такими сильными средствами, как религиозная нетерпимость и различие народностей, то спрашивается, возможно ли было взволновать его тем пустым обстоятельством, что какойнибудь Петр III, личность которого была сомнительна в глазах даже наиболее добродушных и доверчивых людей, будто бы жаловался на захват престола его мнимою женой? Такою авантюрой можно поддеть двух-трех искателей приключений, не больше; но ведь они за это и называются авантюристами.

Несомненно, стало быть, что такая сильная движения массы народа, как Разинское и Пугачевское, не могли не быть народным делом, делом всеобщей протестации против ненавистного крепостного права, и не менее несомненно, что эти движения не могли пройти не только безследно, но и не оставив в народе элементов таких же движений в будущем. И действительно, ниже мы увидим, каким образом эти элементы грозили проявиться в наши дни. Но между этим проявлением и пугачевщиною лежит одно довольно важное событие в русской общественной жизни, которое имеет некоторую связь с предметом этих строк, и о котором мы должны сказать несколько слов, — это попытка 14 декабря 1825 года.

Сказанное выше об отношениях народных масс к индивидуальным или мелко-коллективным попыткам как нельзя лучше подтверждается взглядом на возмущение 14 декабря. Казалось, чего не доставало этому заговору? За него стояли все, что было хоть на капельку способного

в образованном русском обществе; его программа основывалась на самых гуманных, свободных началах: она заключала в себе, в числе прочих пунктов, и освобождение крестьян с поземельным наделом; мало этого, программа, так или иначе, поддерживалась довольно значительной частью армии, расположенной в Петербурге — и однакож достаточно было нескольких выстрелов, чтобы не только рассеять толпу «мятежников», но и изгладить воспоминание об этом событии из памяти народной. Сохранил-ли, в самом деле, народ такую же память о заговоре 1825 года, какую сохранил он, ну хоть бы о попытке Стеньки Разина? Воспоминание о 1825 годе живет, и долго может быть будет еще жить, но не в народной памяти, а в памяти небольшой кучки образованного общества, и это обуславливается тою причиною, что народ не считал дела заговорщиков за свое собственное дело. Он, конечно, ошибался в этом, но если тут и есть ошибка, то во всяком случае не он виноват в ней. Заговор 14 декабря велся, как ведется все вообще заговоры, под спудом. А между тем то, что хорошо в применении к формальной стороне дела, далеко не так полезно в приложении к его сущности; и если условия государственного устройства требуют соблюдения строжайшей тайны в отношении к месту и времени возстания или же числа и местопребывания заговорщиков, то условия народной жизни точно также требуют придания возможно полнейшей гласности цели, к которой стремятся заговорщики... Декабристы смешали сущность своего дела с его формальною стороною, и скрывая тайну своей организации, скрывали вместе с тем и ее желанья и ту связь, которая могла существовать между ними и народным делом. В этом их главнейшая ошибка, которая впрочем принесла пользу в том по крайней мере отношении, что указала нам на необходимость новой дороги и этим дала нам возможность идти по ней.

Возстание 14 декабря было задавлено, элементы, или скорее люди подготовившие его — рассеяны, и правительству Николая I легко было уверить народ, недоверчиво относящийся ко всем вообще действиям образованного люда, что картечь и избиение толпы на Сенатской площади необходимы были для блага отечества и для на-

родной пользы. Народ, повторяем, легко поддается этому обману, да и не мог не поддаться ему, потому что противная сторона до попытки не хотела говорить, а после попытки уже не могла, хотя бы и захотела. Фрэнк заговорилась трагическая история Сенатской площади и петербургских рудников, по отношению к народной массе, что же касается до ее влияния на последующее развитие образованного меньшинства, то это последнее, с первого же своего появления на общественную сцену — высказало гораздо более осмысленные стремления, более ясное и глубокое понимание народных потребностей и совершенно иную систему действия..

Народное неудовольствие крепостным правом нимало не исчезло вместе с подавлением Пугачевского бунта оно высказалось как с нельзя рельефнее в одну из самых трагических эпох русского правительства — во время Крымской войны. — Когда пронеслась первая весть об ополчении, и когда императорские манифесты указывали народу на печальное положение России, повсеместно явилось в народе рвение идти на защиту отечества, но как патриотично ни было, по видимому, это рвение, правительство поняло с чем имеет дело, и принуждено было приступить к самым страшным мерам для подавления этого излишнего патриотизма. Дело было в том, что крестьяне собирались ватагами, продавая за бесценок все свое имущество, для того чтобы иметь возможность «идти в казаки» т. е., как они понимали, освободиться от крепостного права. Народный здравый смысл говорил крестьянам, что человек идущий на защиту отечества, оставляющий все свое достояние, жертвующий своею жизнью на пользу государства, имеет полнейшее право на известную благодарность с его стороны; и они не иначе воображали себе эту благодарность, как в виде предоставления человеческих прав людям принесшим пользу отечеству, возвращаясь обратно на свою родину, поставлены были в прежнее положение рабов, крепостных, и чтобы их снова предоставили на полный произвол людям спокойно сидевшим дома, в то время как, они крестьяне, давали свои последние гроши и доплачивали их своею кровью, — «Мы идем сражаться с врагами, говорили крестьяне, — мы идем в вольные казаки, стало быть мы

будем вольными, когда вернемся домой». — Логика, по нашему мнению, безукоризненна, но не так думало правительство: Киевские волнения были усмирены военною силою формально, как чистое возмущение; в разных местах внутренних губерний происходило тоже самое, или тоже самое, с тою, конечно, разницею, что дело получило большую или меньшую гласность.

Повсеместное движение крестьянства в этом смысле не могло не служить достаточно ясным предисловием более серьезному движению. В народе, в особенности по окончании Крымской войны, возник такой всеобщий ропот, что не заметить его могло только предвзятое, преднамеренное ослепление дворянской партии. Этот ропот был скоро понят новым императором, и следствием этого были Октябрьские рескрипты 1857 года.

Читатель видит уже, что если мы и распространились о таких отдаленных событиях, как бунт Стеньки Разина или Пугачевщина, то только за тем, чтобы показать по возможности яснее, что уничтожение крепостного права Александром II никоим образом не могло быть личным делом, прихотью, желанием прославиться, словом, капризом того или другого государя. Это было не больше, ни меньше, как настоятельную потребностью русского народного развития, ибо народ, чувствующий на себе свою тягость крепостного права, начинал сознавать необходимость его уничтожения во чтобы то ни стало. Александр II вступив на престол, увидел Россию в полне разстроенном положении: он видел силу русского патриотического движения, видел какия жертвы приносились народом и обществом, но вместе с тем он видел, что и эти жертвы и этот патриотизм проходят даром, что они поглощаются безобразною администрациею, интендантством, чиновниками. Сборы в пользу раненных оставались в карманах правительственных лиц, тогда как раненные мерли тысячами как собаки, не дождавшись ни лекарств, ни сноснаго пропитания. Очутившись лицом к лицу с подобным устройством чиновничества и армии, Александр конечно должен был подумать о преобразованиях: чиновничество было нужно ему, вместе с армиею и дворянством, для сдерживания народного неудовольствия, и он понимал уже что с таким чиновничеством, которое не су-

мело помочь ему при содействии целого народа, далеко не уедешь в случае противодействия хотя бы части народа. Следовательно являлась потребность уговорить народ зажать ему рот: эта потребность, в виду общего характера дел государственных становилась необходимостью. Александр II понял очень хорошо силу этой необходимости, и решился уступить ей, но уступить именно для того, чтобы сохранить по возможности полное остальную часть современного экономического устройства общества и выиграть время в которое можно было бы починить заржавевшую машину государственного управления.

Раньше чем приводить выписки в доказательство этой последней мысли, мы позволим себе еще одно отступление насчет личного характера Александра II. У нас сильно распространено мнение, что император сам лично имеет весьма добрые и похвальные намерения, но что приложение к делу этих прекрасных качеств встречает непреодолимое препятствие со стороны его окружающих. Говорят, что сам по себе, Александр II обнаруживает слишком слабые государственные способности, и что он замечателен только неслыханною, но за то и невидимою добротою сердца. А между тем все его поведение, с тех пор как он находится во главе самодержавного правительства, доказывает совершенно противоположное, и это не в отношении только жестокости сердца. Что Александр II действует независимо от всяких дворцовых интриг, это видно уже из того, что он провел, до чего хотел, крестьянскую и другие реформы, не смотря на все сопротивление придворных; — следовательно тут является вопрос: действует ли он сознательно, зная куда идет и за чем, или же он действует на обум, поддаваясь если не влиянию той или другой партии, то по крайней мере настроению минуты мимолетному «вдохновлению». Но все его действия, как читатель увидит ниже, носят на себе такой полный, целостный отпечаток единства, они связаны такою живою нитью личности, что невозможно допустить тут ни малейшей мысли о влиянии партий, а еще меньше минутных вдохновений. Остается стало быть продолжительное вдохновение, нечто вроде божественного промысла, на которой ссылается теперь Наполеон III, но

говорить о чем либо подобном, значит морочить читателя. Из сказанного очевидно, что можно допустить только одно толкование целостности действий русского правительства за последние десять лет — это именно сознательную самостоятельность Александра II в этом деле, в начале же крестьянской реформы, мы можем отыскать интереснейший во многих отношениях документ, который послужит ключом к пониманию кажущейся двойственности политики Александра II. Мы хотим говорить о знаменитой речи императора к московскому дворянству, в Августе 1858 года. — «Господа, говорит Александр II в этой речи, — рано или поздно надобно приступить к изменению крепостного права и надобно чтобы оно началось лучше сверху, чем снизу». Эти слова приняты были тогда за доказательство желания взять в руки движение, осмыслить его и тем самым придать ему более силы и прочности. Император, очень хорошо понимая, что его речь может подвергнуться таким превратным толкованиям, не забывает тут-же разрушить иллюзию мечтательных филантропов: — он прибавляет: «я сам первый дворянин России, я хочу стоять за дворянство дайте же вы мне возможность стоять за него». Ясно как свет, что этим государь хочет сказать, что, по его убеждению, сохранение дворянских институций возможно только ценою улучшения быта крестьян, и он требует чтобы ему дали возможность достичь этой цели, т. е. сохранить, во чтобы то ни стало, дворянские учреждения...

Но как ни ясно должно было быть это заявление, государь не ограничивается и этим; он старается разжевать свою мысль как нельзя лучше и положить ее в рот дворянству и всем «кому о том ведать надлежит». Он входит в развитие своей мысли, намекает, что если дворянство не хочет уступить теперь крестьянам личную волю и часть земли, то оно скоро потеряет все, чем владеет теперь; дальше он уверяет дворянство, что он и в помысле не имеет уменьшить исключительного положения привилегированного сословия, и что он надеется и желает, чтобы дворянство и впредь занимало в общественной и государственной организации тоже самое место, которое оно занимало прежде. Не знаем, как иначе можно понять, чем объяснить следующие, по нашему мнению,

вовсе не двусмысленные строки: — «Я люблю дворянство, считаю его первою опорой престола. Я желаю общего блага, но не желаю, чтобы оно было в ущерб вам всегда готов стоять за вас... Дайте же мне ~~дворянство~~ ^{еще раз} стоять за вас. Понимаете-ли вы господя?... ~~еще раз~~ ^{еще раз} ~~господя~~ ^{господя}, делайте так, чтоб я мог за вас стоять».

Разве случайность может распространяться так безоглядно, что с самого начала крестьянской реформы и до нынешнего дня эта речь служит руководящею нитью к правительственным действиям, и что невозможно найти ни одной строки в безчисленном множестве статей «Положений» и приложений к ним, ни одного распоряжения министра внутренних дел губернских комитетов, мировых посредников и пр. и пр. которые бы противоречили или шли в разлад с этою вполне выработанною программой? — Фатальность, что-ли, виновата в том, что в деле устройства крестьянского быта призывают не крестьянских депутатов, а представителей дворянства? Игра-ли случайности, что во главе крестьянской реформы ставится человек, приобретший известность, главным образом, своею ревностью к дворянским интересам, что в верхние и нижние слои комиссии и комитетов по крестьянскому делу нарочно пихают известных крепостников; что журналам, защищающим дворянские интересы даже в самом узком значении этих слов, предоставляется почти полнейшая свобода, тогда как за напечатание статей в роде «Новые условия крестьянского быта» задается нагоняй по всей цензуре? Нет, тут чтонибудь да не так...

С первого дня крестьянской реформы, правительство приготовлено против всевозможных увлечений наивных людей; оно цинически, ни мало не конфузясь, кричит во всеуслышание, что ему только потому хочется улучшить крестьянский быт, что это улучшение входит в интересы дворянства; его не слушают. «Журнал Землевладельцев» вторит правительству: он говорит либералам, что не следует забывать, что дело идет не о чем ином, как об «улучшении» быта помещичьих крестьян; правительство подкивает этому журналу — а либералы все-таки несут свое... В провинциях принимаются сторожайшие меры против «возможных» крестьянских волнений. Дворянство спешит обобрать крестьян, выжать поскорее все, что только

можно выжать из них; — крестьяне сильно жалуются на эти беззакония, — их не слушают; они пробуют сопротивляться, — их усмиряют. И это не в одном каком-нибудь уезде, не в одной губернии, а повсеместно, ^{везде, выше} из представителей дворянства — это для того, ^{видите ли,} чтобы обсудить нужды людей, интересы которых прямым образом противоположны интересам дворянства, — «и этим комитетам предоставляется задача — выработать новые условия народной жизни. «Это простое недоразумение», говорят оптимисты. «Государь не знает, что делается вокруг него, он изволи-те-ли видеть, окружен целою шайкою крепостников». Положим, что так. Но в таком случае, каким образом съумел он разглядеть, сквозь дворцовый туман, истинное значение «вольного казачества» 1855 года, каким образом выработалось в нем убеждение в настоятельной потребности крестьянской реформы для благосостояния дворянства? Или тогда он был в состоянии ясновидения, явился ему святой муж какой-нибудь что-ли? И каким же образом человек, так ясно видевший год тому назад положение России, вдруг оказывается в невозможности понять такую простую истину, что для устройства быта крестьян, необходимо спросить мнения самих крестьян, — если уж спрашивается мнение дворянства, ибо в массе, дворянство, по своему развитию, стоит ни как ни выше крестьянства? Мы не думаем, чтобы вокруг него вдруг произошла какая-нибудь волшебная перемена, чтобы вдруг коварные льстецы и придворные ухитрились воздвигнуть вокруг него какую-нибудь самоновейшую китайскую стену — и наше убеждение основано на том, что его, после начала реформы, окружают те же самые люди, которые окружали его с самого детства. Каким же образом съумели они совершить в какие-нибудь два-три года то, чего они не могли сделать в течение всей своей жизни, то есть каким образом скрыли они от Государя ход и положение дел?... Повторяем, тут что-нибудь да не так...

Реформа, начатая в такой обстановке, велась почти что «при закрытых дверях». Литература сунула было свой нос в это дело, и хотела подать и свой голос; но все, таки то, что хоть сколько-нибудь противоречило правитель-

ственной программе, или что не соответствовало мещанскому идеалу Александра II, было преследуемого и стесняемого, тогда как «Журналу Землевладельцев», «Русскому Вестнику» и тому подобным журналам, оставяя им полный простор действия. Впрочем тут мы должны говорить: журналы подобные «Русскому Вестнику», помещали иногда двусмысленные статейки, в которых говорилось нередко, между прочим, и о «народных интересах». Такие статейки, помещенные даже в таких изданиях, возбуждали гнев и недовольствие правительства. — Нечего, стало быть и говорить о том страшном гнете, который падал всею своею тяжестью на два три издания, ставившие интерес народа выше дворянских интересов.

Но не смотря даже и на этот гнет, в этих журналах проскальзала иногда хоть часть того, что хотелось сказать их сотрудникам. Так было например со статьями: «О новых условиях крестьянского быта», или о том, «Труден ли выкуп земли?» помещенными в «Современнике». Напечатание таких статей влекло за собою во первых, выговоры цензорам, во вторых приказание не пропускать впредь ничего подобного, и в третьих еще большее стеснение журнала, поместившего не понравившийся правительству статьи. С другой стороны люди, писавшие эти статьи, видя что практической пользы от них для народного дела слишком мало необходимо должны были умерять свои усилия и ограничивать свою деятельность мелкими замечаниями на счет тех или других частных крестьянского дела. Таким образом пропадали даром богатая сила лучших умов того времени, и эта потеря, вынужденная правительством, вполне соответствовала правительственной программе.

Скажут, что это последнее мнение не справедливо, и что правительство не хотело вынудить литераторов тратить их силы по напрасну. — Допустим на минуту, что правительство действовало честно и искренно, без всякой задней цели, и что оно стремилось единственно к благу народа; возможная лишь вещь, чтобы правительство, будучи до такой степени безкорыстно, боялось проявлений такой-же безкорыстной любви отдельных граждан к общему делу? Возможное ли, чтобы правительство не только не вызвало само этих проявлений и даже

этой любви, а напротив того, стремилось к подавлению и к истреблению всяких не официальных мнений и желаний. А коль скоро какое нибудь правительство действует в этом последнем смысле, то из этого очевидно следует заключить, что его намерения далеко не так чисты и не безукоризненны, и что оно давит всякую мысль собственно потому, что она может повредить и повредит его задним целям.

Дальнейший ход пресловутой реформы еще более убеждает нас в том, что в крестьянском деле правительство сознательно действовало в видах дворянских интересов, и что оно шло по определенной программе: по всем вопросам касавшимся экономического быта, везде где только интересы крестьянства сталкивались с дворянскими интересами, комитеты и редакционная комиссия постоянно давали преимущество этим последним, и ни мало не колеблясь, жертвовали им крестьянскими интересами. Шло-ли дело о выкупе земли, или о внутренней полиции крестьянских обществ, — везде дворянству оставлялись наиболее существенные из его привилегий, тогда как крестьянство выигрывало только относительно тех пунктов, которые предварительно, еще до начала реформы, решено было принести в жертву, ради сохранения сущности дворянских учреждений. Эти жертвы заключались — в личной свободе крестьян и в предоставлении к этим пунктам присоединен был выкуп крестьянского надела. Решаясь на эти жертвы, правительство очень хорошо знало, что не смотря на очевидный прогресс в народной жизни, зависящий от возвращения крестьянам личной свободы, дворянство все таки в состоянии будет ограничить пределы этой свободы, при помощи своих экономических и общественных преимуществ. В умах громадного большинства приверженцев реформы, как и в уме ее предпринимателя, все дело сводилось на введение и развитие вольнонаемного труда, при котором помещики занимали бы точно такую же роль, какую занимают в Западной Европе патроны, в отношении к пролетариям. В самом деле внимательный просмотр предварительных работ различных «комиссий», и «Положение 19 февраля 1861», с безчисленными к ним приложениями, точно также как и чтение журнальных статей

по крестьянскому вопросу показывает, что самые отдаленные желания наших официальных и мнимо оппозиционных либералов-реформаторов шли никак не дальше Стаго и Добролюбов был совершенно прав, резюмируя это положение следующими словами: «Явится статейка, в которой казывающая, что не следует заставлять людей совершенно даром на нас работать, а нужно только стараться нанять их как можно дешевле; все в восхищении и кричат, что общечеловеческия начала у нас превосходно выработались».

Желание добиться такого порядка вещей, при котором бы господству капитала и поземельной собственности не полагалось никаких пределов, было обще всем вообще либералам либерального периода нашей истории. На этом желании и на его пропаганде основан был весь успех «Русского Вестника», и все вообще дармоеды, воспитанные на крепостном труде и на крестьянском оброке, все чужездныя твари, жившия этими доходами, убаюкивали себя надеждою, что с уничтожением обязательного крепостного труда не уничтожится обязательный труд, вынуждаемый необходимостью жить и питаться чем нибудь. К осуществлению этой надежды направлялись все усилия наших реформаторов и Александр II не только не противуречил им, но даже поощрял их стремления, как совершенно согласныя с его идеями о крестьянской реформе. Его правительство сознало чрезвычайно ясно, как видно из речи к московскому дворянству, что привилегированным сословиям, а следовательно и всему теперешнему общественному строю, грозит неминуемая опасность со стороны крестьянства; оно думало избежать этой опасности ценою некоторых уступок. Но так как в его уме главную роль играло сохранение дворянских институций, а не народное благо, то оно естественно старалось ограничить дело, и вернуться возможно малыми уступками. Каковы были ни были обстоятельства, — правительство хотело дойти только до такого результата, чтобы его любимым привилегированным элементам все-таки оставались важныя экономическия преимущества; оно хотело основать свое будущее благоденствие уже не на законном признанном крепостном

порабощении одного класса другим, а на таком разделении интересов этих классов, при котором привилегированное сословие незаметно, и как-бы случайно, поработалоб, в экономическом отношении, будто бы освобождается крестьянство. С этою целью предполагалось наделить крестьян сперва одною только усадьбою, а затем решено было дать им право выкупать самое незначительное количество земли; дворянство же, следуя правительственной программе, сохраняло-б за собою большую часть земель. И так как было очевидно, что не возможность жить без земли вынудить крестьян нанимать ее у своих бывших помещиков, то можно было надеяться, что благодаря с одной стороны вынужденным и стесненным обстоятельствам крестьян, а с другой, не стесненному и сравнительно благоприятному положению дворянству, это последнее скоро снова заберет народ в свои руки.

В этом состояла первоначальная мысль крестьянской реформы, и хотя ее осуществление несколько и расширило, против воли реформаторов, пределы этой программы, но всякий знает, что в сущности она выполняется довольно целостно, и можно надеяться, что наконец она достигнет и полного осуществления. В настоящее время крестьяне уже начинают закабалиться у своих прежних помещиков* и те из этих последних, которые владели прежде порядочным участком земли, начинают уже разыгрывать роль «собственников» и забирать в

* «Вот на пример факт: — «Нам пишут, что Рязанской губ. Пронского уезда, помещик Ценин — дал своим освобожденным крестьянам займы тысячи две рублей сер. с тем, чтобы проценты и уплату капитала получать в годы работою. Проценты оказались так велики, что совершенно поглощают работу и погашение долга для крестьян невозможно. К сожалению этот новый вид крепостного права, сводящий дело совсем на старые порядки не составляет исключительного одиночного явления не только в целой России — но и в одной Рязанской губернии. Россия должна благодарить за упрочение крестьянской свободы — общее дворянское безденежье, иначе прежнее крепостное право боярское легко перешло бы в крепостное право ростовщиков».

— «К о л о к о л» № 213. 1 февраля 1866.

свои руки безземельное крестьянство и даже мелкопоместных дворян. В сущности, от уничтожения крепостного права пострадали только эти последние, потому, что они жили всегда не на счет своей земли, а на счет обязательного труда своих крестьян. Личная воля, предоставленная теперь крестьянам, освободила их от обязательного труда, и так как мелкопоместным дворянам остается слишком мало земли, а в большинстве случаев и совсем не остается ее, то они скоро попадут, в отношении к крупным собственникам, в такое-же неблагоприятное и жалкое положение в каком находятся и крестьяне...

Ко всему этому необходимо прибавить, что целостность крестьянской реформы и ее единство не составляют какого нибудь отдельного эпизода в нашей жизни — она вполне вяжется с прочими реформами, предпринятыми в последние девятилетие и представляющими собою такое же точно единство и такую же целостность.

Уничтожение откупов, например, привело в организации акцизного управления, совершенно приспособленного к буржуазным инстинктам и вполне удовлетворяющего мещанскому строю вещей. В Земских учреждениях предоставлено почти исключительное преимущество более или менее крупной собственности, купечеству и духовенству; крестьянству же оставлена самая незначительная доля влияния; оно введено туда только для балласта. Да хотяб ему были предоставлены большие права в Земских учреждениях, оно все таки было в зависимости от привилегированных классов, потому что в жизни оно зависит от них, благодаря всевозможным неправдам экономического устройства. Кроме того, роль самих Земских учреждений до такой степени незначительна в механизме общей государственной жизни, что можно подумать, что эти учреждения ничто иное как пародия, предназначенная убить в зародыше все поползновения к представительным учреждениям. — Уничтожение телесных наказаний судебным порядком конечно весьма и весьма похвальная вещь; но оно не влечет или не повлекло за собою уничтожения тех-же наказаний административным порядком, и если вспомнить, что в крестьянских обществах полиция, согласно с «Положения 19 февраля», пре-

доставлена в руки помещиков, и что они управляют своими же прежними крестьянами, то, конечно, нельзя особенно восторгаться этою реформою*. — Идет затем судебная реформа, скроенная на манер французского судопроизводства, совершенно приспособленная к интересам богатых собственников; благодаря этому и для самого небогатому человеку едва-ли возможно будет вести споры и тяжбы, не только с богатыми (это уж с покон веку и везде считается невозможною вещью) но и с своими равными. Судебная издержки, протори, адвокаты, нотариусы и проч. нарочно и созданы для того, чтобы закрыть двери суда людям, не владеющим туго набитым кошельком. К тому же в среде влиятельных реформаторов существует убеждение, которое можно надеяться — скоро превратится в обязательный закон, что преступников и вообще ответчиков следует защищать только известным образом, на основании законом определенных доказательств, а не на основании здравого смысла или там чего либо подобного. — Теперь остается стало быть реформа учебных заведений, или скорее реформа воспитания.

В конце пятидесятых годов, молодые люди устроили, почти повсеместно так называемые Воскресные школы, в которых предназначалось обучать ремесленный и вообще работающий люд грамоте и первым началам науки. Благодаря правительственным стеснениям, Воскресные школы с самого же начала были поставлены в самое печальное положение: их подозревали в различных вредных замыслах, их преследовали по пятам, к ним приставляли директоров гимназий, попов и тому подобных невежд, обязанность которых была доносить о всяком будтобы противузаконном слове, сказанном в школе даровым учителем. Эти стеснения, все более и более усиливаясь, душили мало по малу энергию молодых людей взявшихся за это дело. Школы постепенно начали упадать: оттуда гнали лучших учителей, а оставшимся зажимали рты различными средствами, так что наконец и народ, понявши бесполезность таких школ, не хотел уже идти терять по-

* «Нужно помнить, что уничтожение телесных наказаний не распространяется на ссыльных и каторжных. А сколько в Сибири крестьян, сосланных помещиками без суда и следствия, по представленной им власти?»

напрасну время своего отдыха. Школы одна за другою стали закрываться, или-же пустеть.

В таком печальном положении находились оне, когда в 1862 году, в одной аргели в Петербурге, какой то рабочий сказал другому, что земля принадлежит и должна принадлежать крестьянам, и что помещики не имеют никаких особенных прав на нее. Эти слова были подслушаны шпионами, и таким образом дошло до слуха правительства. Рабочаго задержали, допрашивали, от него кто внушал ему такія понятия, и конечно не добились ничего, потому что рабочий говорил, что слышал эти мысли в народе и постоянно слышит их, с самого детства. Но правительство не удовлетворилось этим; оно узнало, что этот рабочий раза два-три заходил в одну из Воскресных школ Петербургской стороны, и воспользовавшись этим обстоятельством, издало повеление, закрывавшее все Воскресныя школы по всей России..

При Николае I число студентов в университетах было ограничено законом, и ни один почти университет не мог иметь свыше двух-сот, трех-сот студентов. С 1857 года, когда уничтожено было обязательное число студентов, молодые люди хлынули в университеты и гимназии — учиться. Их мало по малу начали давить и преследовать, но увидевши что эти умеренныя меры не действуют, правительство решилось принять энергическия средства, чтобы разом покончить с учащейся молодежью. Для этого оно определило, что каждый, кто хочет слушать лекции в каком нибудь университете, должен платить ежегодно 50 руб. сер. за право учения. Для людей не имевших никаких средств к жизни, пробавлявшихся кое-какими уроками, живших на 7-12 руб. сер. в месяц, голодавших на половину, это определение было равносильно совершенному лишению средств к образованию. Но правительство не ограничилось и этим: оно закрыло «студенческие кассы», которые могли помогать бедным студентам, уничтожило библиотеки, в которых они могли доставать даром книги, запретило сходки, на которых они могли устраивать свои дела так, чтобы помогать друг другу и взаимно поддерживатьяся. Но и это опять таки показалось мало: приняло множество мелких мер, ненужных жалких, пошлых — запретили курить в стенах

университетов, уничтожили курительные комнаты, ввели матрикулы, и проч. и проч. — словом стеснили студентов хуже всяких кантонистов. Само собою разумеется, что правительство ждало сопротивления со стороны студентов, и когда эти последние, собравшись толпою, просили отменить эти стеснительные правила, против них выведены были полки, а переодетые будочники рассказывали народу, что студенты бунтуют потому, дескать, что царь освободил (!) крестьян... Студентов забрали в крепость, многих разослали в дальние губернии на жительство, других сослали, университеты закрыли, и теперь эти правила имеют полную силу закона...

Таким образом, стесняя и задавливая народное образование закрытием Воскресных школ, правительство не забыло стеснить и образование тех, которые в свою очередь могли образовать народ. — Все это, повторяем, происходило в самый разгар «либеральной эпохи» нашей истории, в 1861 году, а про государя в то время говорили, что он читает с усердием «Колокол» и так либерален, как никто.

Но это еще ничего, в сравнении с косвенными мерами, принимавшимися правительством в видах задавления молодого поколения не мытьем, как катанием: правительство организовало целую орду шпионов, чтобы следить за всеми сказанными и не сказанными, словами молодых людей; но для того чтобы вернее вызывать разговорчивость молодежи, правительство снабжало своих шпионов станками, запрещенными книгами, журналами и так проч. Шпионы — представлялись молодежи, как порядочные люди, шедшие против правительства, и этим вызывали ее сочувствие и содействие: затем, запасшись достаточными письменными доказательствами соучастия, шпионы сдавали своих знакомых в руки полиции, которая препровождала их в крепость и Сибирь. — Так было, например, в 1861 г. в Казанской губернии, где шпион поручик Пушкарев завел станок, чтобы удобнее ловить молодых людей: то же самое делали в Москве, в 1861 году Всеволод Костомаров, а в 1862 — студент Должиков и в Петербурге кандидат Дмитриевский, называвшийся тоже Петровым. Кроме этого, правительство распускало тоже самые нелепые слухи о молодых людях, чтобы возбудить

против них негодование и месть народа: оно приписывало им участие в петербургских пожарах, надевало на пойманных мошенников студенческую одежду и водило их таким образом по городу, внушало крестьянам мысль, что студенты хотят возобновить будто-бы уничтоженное крепостное право и проч. и проч. Все эти меры ^{направлены} были к тому, чтобы возбудить в народе ненависть против молодежи и этим убить в этой последней охоту учиться и вместе с тем желание быть полезным народу. Таким образом стеснено было развитие и образование молодежи.

Затем были изданы правила для народных школ. Это было в 1864 году. Хотя народное образование и развитие грамотности сильно зависит от материальной обстановки народа и от той доли свободного от труда времени которую народ может посвятить учению, но все таки необходимо, чтобы всякий имел право учиться, если только найдет возможность к этому. И так как правительство не хотело дать народу этой возможности, то оно по крайней мере должно было дать право учиться. Правительство так нелепо ограничило это право, что теперь все обучение находится в руках безграмотных попов, и духовенству, в новом законе о народном просвещении, предоставлено вполне исключительное влияние. Каждая школа, где-бы она не открывалась, должна иметь в своей главе местного «попа» руководителем, местного помещика — попечителем, а затем она подлежит ведению архиерея, исправника и еще чорт знает кого. В таких школах народ, конечно, не выучится ничему, и так как от них пользы никому никакой не будет, то народ, по всему вероятно и не пойдет в них а правительство будет кричать что вот мы, дескать, школы устроили, да чтоже прикажете делать, когда народ не хочет учиться, и когда его в школу и калачем не заманишь! Нечего сказать, хороши калачи!...

Положение печати при Александре II тоже может служить мерилом того, на сколько правительство желало распространить в народе образование. До 1862 года, то есть до решения крестьянского вопроса, когда порядочное правительство всеми мерами старалось-бы вызывать все живые силы народа и все его мыслительные способности, у нас царствовала самая страшная, мракобесовавшаяся цензура. «Устав о печати», был признан негод-

вым в 1862 году и тогда-же приступлено было к выработке новых «правил». С 1862 по 1865 год, печать находилась под властью «временных правил» и во все это время запрещено было заводить новые типографии и литографии, и вообще господству цензоров не полагалось никаких пределов. Запрещены были простыми распоряжениями министра внутренних дел, журнал «Время» и газета «Современное слово» (1863 г.) и приостановлены на более или менее продолжительные сроки: «Современник», «Русское Слово» и «День» (1862). Про книги же, брошюры и мелкие издания и говорить нечего. — Новый «устав о печати», 6 апреля 1865, составлен в духе подавления всякой человеческой мысли. Отличительная черта этого устава — строгия меры, принимаемая против книг, могущих, по своей дешевизне быть доступными народу и вообще не богатым людям. — Эти меры заключаются в том, что всякая книга, имеющая меньше 10 листов оригинального сочинения, или 20 — переводного, подлежит предварительной цензуре. Книга-же имеющая такие размеры обходится издателю так дорого, что он не может пустить ее в продажу дешевле рубля сер., а известно, что народу и не богатым людям не откуда брать таких денег на покупку книг. Правительство очень хорошо знало, что богатые люди, имеющие возможность платить значительныя деньги на приобретение книг, заинтересованы в сохранении теперешняго порядка вещей, и потому оно думало, что книги, написанныя в свободном духе не произведут никакого впечатления на этих людей. Таким образом новый «устав о печати» прямо направлен против народного развития, и если он может кому либо принести пользу, то только состоятельным людям, да двум-трем издателям газет в роде гг. Каткова, Краевского и К³. Об остальных сторонах нового «Устава» теперь незачем распространяться.

Но правительство пошло еще дальше, в своей страсти душить всякую живую мысль: оно не только преследует и стесняет всех, сколько нибудь самостоятельных и независимых писателей, не только ссылает их без правильного суда и следствия, но и заранее обрекает их на каторгу или ссылку, и только затем и откладывает исполнение своего намерения, чтобы выждать благоприятное вре-

мя, — в роде польского возстания, смерти наследника или покушения на жизнь Государя когда общественное мнение высказывается в его пользу и стоит на его стороне. Так было в 1864 году, — при ссылке Чернышевского, в 1865 — при ссылке Серно-Соловьевича, а теперь в 1866 году, при аресте Елисеева и многих других. И еще за долго выстрела 4 апреля, в 1863 году, сенатор Жданов говорил в Казани политическим преступникам, что «мы (правительство) слава богу обзавелись верными людьми, теперь наша полиция не уступит наполеоновской, у нас и в вагонах на железной дороге, и за границей есть свои люди. Вот Чернышевский, хотя и умный каналья и извительно смеется, а запрятали. Мы вот тоже окружили глазами и ушами Антоновича с Елисеевым, не увертятся». Это подлинныя слова Жданова. К этому прибавлять нечего...

Так действительно либеральное правительство Александра II, а либералы всетаки умилялись душою и пели радостныя песни об освобождении крестьян, об уничтожении телесных наказаний, о развитии грамотности, об уничтожении откупов, да еще о том, что с этих пор «правда и милость будут царствовать в судах». Но ведь они на то и либералы!...

Теперь спрашивается, могло-ли все это удовлетворить молодое поколение? — Посмотрим.

III

У современного молодого поколения не могло быть целью сохранить, во чтобы-то ни стало, дворянския институции; оно не хотело, да и не могло, подражать тому знаменитому магистру Везобразову, который пришел, как и Александр II, к заключению, что сохранить дворянския привилегии возможно только посредством уступки народу, и который предлагает ограничить эту уступку шарлатанским переименованием помещичьих крестьян в крестьян поселенных на помещичьих землях... Желания молодого поколения шли дальше дворянских интересов: — оно ставило выше всего общее благо. Если это благо было противоположено каким нибудь привилегированным сословиям, —

то до этого молодому поколению не было дела, и оно не колеблясь жертвовало чужаидными интересами меньшинства вполне законным интересам масс. В этом отношении молодое поколение коренным образом расходилось с либеральными и официальными реформаторами.

Простое чувство справедливости говорило молодому поколению, что в столкновении дворянства с народом, этому последнему должны принадлежать безраздельно и всецело все его симпатии. Молодое поколение думало, что мнимые жертвы, будто-бы приносимые дворянами, достаточно уже окупаются продолжительною жизнью дворянства на счет народного труда, и что вековое порабощение народа дает этому последнему полнейшее право требовать не только пустых уступок, но и уничтожения существенных привилегий дворянства. Таким образом, как только зашла речь об усадьбе, и в то время, как Александр II ограничивался требованием «я под усадебною оседлостью понимаю не одно строение, но и всю усадебную землю», молодое поколение тотчас-же поняло, что тут речь должна идти не об одной только усадьбе или усадебной земле, но и о всей земле, которая должна принадлежать народу. Оно совершенно искренно было уверено в этом, и наивно веря в действительное существование того, что должно было-бы существовать, немедленно принялось разсуждать и спорить о том, в каком виде выгоднее крестьянам владеть своею землею, в виде личной поземельной собственности, или-же в виде общинного владения. Полемика показала превосходство этой последней формы, но когда молодое поколение достигло этого результата, оно увидело, что главное то дело еще вовсе не сделано и что вопрос о принадлежности земли крестьянству чрезвычайно спорный вопрос.

Тогда возникла в русской общественной жизни та страшная борьба, которую мы видим еще и сегодня, и которую мы еще долго будем видеть: молодое поколение стало, в лице своих лучших представителей, на сторону народа, который служил дойною коровою для правительства и дворянства; и для того чтобы его отношения к народу были вполне чисты от паразитных попопзновений, оно положительно отказалось от всяких привилегирован-

ных положений, и решилось подготовить себя таким образом, чтобы иметь возможность жить своим собственным трудом. Впрочем это решение зависело еще от других соображений: так, по мнению молодого поколения, единственным средством к охранению человеческого достоинства может служить только труд, не ложащийся ни на чью чужую спину. Понятно, стало быть, что желание охранять свое достоинство и обезпечить себе независимость от сильных мира сего, должно было побудить молодое поколение приняться за изменение самых коренных оснований общественной жизни, признанием необходимости, для всех и каждого, жить своим собственным, а не чужим трудом. Исходя из этого положения, молодое поколение ставило непременно условием правильного, человеческого устройства общества такую организацию труда, при которой каждому члену общества, без различия, были бы обезпечены орудия труда; следовательно, при таком порядке вещей, сословия и иныя преимущества не могут иметь равно никакого места; а коль скоро ставится такое условие очевидно, что никакое сословие и никакая горсть людей не имеют ни малейшаго права владеть исключительно или преимущественно землею т. е. самую существеннейшую из всех возможных привилегий. Устройство общественного быта, предположенное молодым поколением, основывалось именно в этом отсутствии всяких привилегий и на предоставление земли во владение трудящегося люда, и притом таким именно образом, чтобы в таком виде организованному народному труду предоставлено было справедливое покровительство законодательства, до тех пор исключительно благоприятствовавшего привилегированным сословиям. Общинное устройство землевладельческого труда принималось молодым поколением так сказать за норму организации всякого вообще труда, и таким образом, в его понятиях, мануфактурный, промышленный, умственный и всякий другой труд должен был устроиться на тех же самых условиях, на каких организован был бы труд земледельческий т. е. на полном равенстве трудящихся и на предоставлении им как средств труда, так и его выгод.

Само собою разумеется, что при таком понимании

народных интересов, так называемые интересы дворянства должны были уступить им свое место, или, вернее, слиться с ними. Во всяком случае, молодое поколение, понимая таким образом задачу устройства народного государства, никоим образом не могло высоко ставить дворянские привилегии и считать их за нечто священное и неприкосновенное: для него неприкосновенною и свяленною была только одна вещь — общее благо, благо целого народа, и все то, что противодействовало этому благу, или же препятствовало его осуществлению, считалось, молодым поколением, вещью весьма и весьма прикосновенною и далеко не свяленною...

И так, скоро после предприятия крестьянской реформы, молодое поколение должно было очутиться далеко не рука об руку с правительством. Оно расходилось с этим последним в цели, и следовательно и в средствах: правительство стремилось к сохранению дворянских институций, молодое поколение желало их уничтожения для народной пользы: правительство хотело обатрачить крестьян, молодое поколение — предоставить им во владение землю и облегчить их труд посредством правильного устройства экономических отношений: правительство хотело удержать разделение между народом и дворянством, молодое поколение слить их выгоды и этим заинтересовать дворянство в народном деле. Это в отношении к крестьянской реформе.

В отношении к прочим реформам молодое поколение точно также оказывалось постоянно против правительства, на стороне народа. Оно кричало об уничтожении телесных наказаний, когда правительство еще и не помышляло об этой реформе, и до сих пор все еще стремится к уничтожению тех остатков этих наказаний, которые уцелели после указа 17 апреля 1863 года. По судебной реформе оно с давних пор старалось убедить общество в том, что нелепо наказывать человека за произвольные, вынуждаемые обстоятельствами действия; в подтверждении этой мысли, оно ссылалось на то, что человек всегда находится под влиянием внешних обстоятельств, никогда не зависящих от его личной воли, и по большей части созданных самим обществом, и что эти неблагоприятные обстоятельства вынуждают его пос-

тупать так, а не иначе, и часто нарушать законы, представляемые влиятельною частью общества в свою исключительную пользу. Эта невменяемость преступлений проповедывалась молодым поколением главным образом потому, что результаты противоположного преступления падают всюю своею тяжестью почти исключительно на массы, постоянно находящиеся в самых неблагоприятных и затруднительных обстоятельствах. Богатым людям, которым благоприятствуют теперешние законы и всякого рода преимущества, незачем нарушать эти законы и совершать преступления или проступки; и хотя они и совершают ежедневно тысячи крупных и мелких преступлений уже тем одним обстоятельством, что живут на счет народного труда, но законодательство относится к ним весьма благосклонно и нимало не считает эти преступления за что-либо противозаконное и заслуживающее наказания. Не в таком положении находятся народные массы и вообще все те, кто живет своим собственным трудом: каждое их посягательство к каким-либо человеческим правам, всякое желание охранить свою личность от произвола и капризов богачей, считается современным законодательством за преступление, нарушение законов, оскорбление общественной нравственности. Понятно, стало быть, что молодое поколение не могло не стремиться к коренному преобразованию законов, устроивших и поддерживающих современный порядок вещей, и в этом отношении оно неизбежно должно было столкнуться с правительством Александра II, старавшимся сохранить в природном целомудрии и этот порядок, и его отличительное качество порабощение немущих имущими.

В юридической области, как и в экономической, главное усилие правительства и лже-реформаторов направлено было к тому, чтобы основать и удержать государственное устройство на этом порабощении. По мнению этих господ, нет ничего естественнее предоставления почти что полного произвола людям наделенным земными благами; люди же родившиеся на божий свет ни с чем, должны довольствоваться и тем уже, что богачи нуждаются иногда в них и дают им работу. Одним словом,

эти господа считают, что человек не владеющий приличным состоянием не имеет ровно никакого права на пользование земными благами. Такой взгляд на богатство и бедность довел наше законодательство до таких извращений, что оно считает людей не пользующихся приличным состоянием за лишних людей и вполне предоставляет их на произвол судьбы, так что если они не нужны богачу для черной или какой нибудь иной работы, то им остается одно — умереть с голоду.

Между тем молодое поколение смотрело на дело иными глазами: оно утверждало, что все люди имеют равные права на жизнь, каковы-б там не были их имущественные и наследственные права, и что до тех пор пока не доказано будет, как говорил Вольтер, что одни люди рождаются со шпорами на ногах, а другие — с седлами на спинах, несомненно будет, что все люди без различия имеют одинаковое право требовать свою долю в пользовании земными благами.

Прилагая такое начало к юридическим вопросам, молодое поколение спрашивало — на каком это основании богатые, издав благоприятствующее им законодательство, требуют чтобы ему беспрекословно оказывали уважение все граждане, и главным образом те, против которых оно направлено и которые не принимали ни малейшего участия в его составлении? А отсюда логически следует, что для нового порядка, основывающегося на полном равенстве всех членов общества, требуется коренное преобразование всего законодательства — созданного богатыми и для богатых — для того чтобы выработать новое, — созданное народом и для народа. Такое законодательство, в связи с коренною реорганизациею экономических отношений и системы общественного воспитания, делало бесполезным всякия карательныя меры, потому, что оно уничтожало в корне побудительныя причины преступления.

Незачем и говорить, что правительство и не думало принимать в расчет эти «нелепая (Sic!) требования буйных голов», преобразовывая некоторыя основания крестьянского быта, оно старалось оставить все остальное по возможности в прежнем порядке, в том самом порядке, который был установлен грабителями и завоевателями, для

охранения захваченных силою или обманом привилегий и богатств.

В области народного воспитания молодое поколение точно также шло, и должно было идти, в слепом слепом тщательством. Это последнее стремилось поддержать народ в самом возмутительном невежестве, в полнейшем неведении всяких человеческих понятий, в состоянии близком граничавшем с животным, для того чтобы народ не мог понять своих интересов и не вздумал требовать себе своих естественных, неоспоримых прав на человеческую, а не на животную жизнь. Для того чтобы добиться этого результата, правительство, как сказано выше, закрыло Воскресные школы, затруднило молодым людям доступ в учебные заведения, ввело поповский задавляющий элемент в народные школы, словом приняло всевозможные меры для задавления народного развития. Молодое же поколение, так ревностно принявшееся за Воскресные школы, и так горячо набросившиеся на университеты, стремилось, напротив того, распространить в народе по возможности больше истинных, человеческих понятий, и оно только тогда оказалось на время от осуществления своей мысли, когда было связано по рукам и по ногам нашим правительством. Но, несмотря даже и на эти затруднения, молодое поколение не перестает стремиться тому, чтобы народу дано было, во первых, полнейшее право к учению, совершенно даровому, а во вторых, и возможность учиться. И под этою «возможностью» должно разуметь не только повсеместное учреждение даровых школ, не только образование способных и дельных учителей и учительниц, но и введение такой системы экономического устройства, при которой бы семейство, посылая детей в школу, не лишалось тем самым части своих заработков и могло содержать своих детей иначе, чем трудом этих последних... К этой цели направлены лучшие стремления молодого поколения, потому что оно видит единственное средство выйти из теперешнего хаоса не в чем ином, как в развитии масс посредством обучения молодого поколения народа...

Нужно-ли теперь говорить об отношении молодого поколения к делу о «Печати»? Кто не знает, что в этом отношении молодое поколение постоянно требовало пол-

нейшей свободы печати, не только для себя, не ^{даже} и для своих противников, и что оно видит в совершенно свободной печати одно из могущих средств к народному развитию?

Самый поверхностный, ^{беспристрастный} проведенную нами параллель покажет, что ^{важно} молодое поколение не могло идти рука об руку с мнимо реформативным правительством царя Александра II, и что эти две совершенно противоположные силы непременно и скоро должны были столкнуться друг с другом и завязать между собою упорную борьбу, не на жизнь, а на смерть, как говорится. Между этими двумя лагерями невозможно никакое ровное никакое сближение, невозможно никакое примирение, не мыслима ни малейшая уступка, кроме, конечно, уступки поля действий. Самая борьба, ведущаяся между этими лагерями ясно показывает свой непримиримый характер... Впрочем, не в этом теперь дело: мы хотели показать, что правительство Александра II, прямо противоположно было, есть и будет всякому движению в смысле народного блага, а следовательно и молодому поколению».

IV

Поразительно странная вещь, что в нашем обществе безцветные люди, не приставшие еще ни к тому, ни к другому лагерю, не задают себе чистосердечно вопроса: который же из этих лагерей лучше?... Сомнения нет, что тут выбор не труден. — между защитниками прадедовских нравов и призерженцами нового порядка вещей невозможно колебаться. — почему же наши безцветные стоят на перепутьи?...

Все это так, говорят нам, знать-то знаем, что программа молодого поколения честнее и разумнее правительственной, но тут ведь красное знамя!...

Да. Красным знаменем пугают быков в Испании ослов в некоторых других странах... Люди, боющиеся призраков и привидений, не любят размышлять и задумываться. — им ничего не втолкуешь, и что бы вы им ни говорили, они все таки будут нести отчаянную околесицу про свое красное знамя. Но, быть может есть между

безцветными людьми, в особенности между мечолюдами, и такие, которые способны сохранить частичку здравого смысла, под влиянием не только красных призраков, но даже самого Муравьева. Вот этих-то людей мы и хотим попросить взглянуть хладнокровно на положение. Неужели сказать, есть ли возможность мало-мальски честному человеку оставаться тут в раздумьи и не знать какой стороне должен он сочувствовать, или вернее, содействовать?

Правительство начинает крестьянскую реформу словами: «я (т. е. Государь) люблю дворянство, считаю его первой опорой престола. Я желаю общего блага, но не желаю чтоб оно было в ущерб вам (дворянам), всегда готов стоять за вас». Такая речь несколько странновата но ее держит кто? — либерал, проникнутый до мозга костей реформативными стремлениями, освободитель...

Молодое поколение, злонамеренно отказываясь восторгаться императорскими реформами, говорит, что когда дело идет о благосостоянии целых 60 миллионов, незачем жертвовать их интересами преувеличенным исключительным и незаконным интересам нескольких лиц. И эти люди, видите-ли, деспоты и кровопийцы, желающие поливать кровь, как воду; они только и грезят, что о топоре да о диктатуре.

Либеральное, гуманное правительство предоставляет дело устройства крестьянского быта тем самым людям, которые всегда жили, и хотят жить на крестьянский счет; оно давит крестьян, не щадит их интересов и вырабатывает новое крепостное право, в замен старого. Кровожадное же молодое поколение, желающее, как известно, действовать только диктатурою и казнями, говорит, что надо выслушать тоже и крестьян, ибо в этом случае дело идет об устройстве их быта, об узаконении новых оснований их жизни; что похвально, конечно, выслушивать одну заинтересованную сторону, но с тем вместе необходимо выслушать и другую. Оно не выезжает на слове жертва, — не надо говорит оно, никаких жертв, требуется только обсудить дело серьезно, и тогда очевидно будет, что слитием дворянских интересов с крестьянскими можно уладить дело, помимо всяких столкновений и кровопролитий. Но главное, продолжает молодое поколение, нужно непременно спросить мнение самих крестьян, иначе

они будут иметь полнейшее право говорить, что общественные законы выработаны без их соучастия, и стали бы против них; этим крестьяне приобретают себе законное основание к резне...

Правительство вводит свои положения, и, же самым изобретенных привидений, принимает ропот народного неудовольствия за знак ко всеобщей резне; оно разстреливает крестьян повсеместно разгоняет их сходки картечью, бьет, сечет, разоряет, ссылает крестьян, — все для блага отечества, тогда как молодое поколение выказывает свои кровожадные наклонности, говоря: к чему эта кровь? к чему было обещать народу волю, и давать ему новое крепостное право, без земли? Зачем было вызывать, готовить и совершать эти преступления в Бездне и в сотне других местностей? К чему, наконец, эти разстреливания, когда дело можно уладить и без них?

Правительство уничтожает телесные наказания по суду, но прибавляет, что административная сечка необходима, что этого требует либеральная постепенность, умеренный прогресс и даже гуманность: розги, уверяет оно, лучше и выгоднее для крестьян, потому что не будь сечки, они подвергались бы денежным штрафам и телесному наказанию. Словом, правительство объявляет, что оно не может обойтись без палки. Чтобы еще ярче высказать свой либерализм, оно удерживает кнут для ссыльных и каторжных, говоря, что они уже не люди, а выкидьши общества. Оно до такой степени уверено в непреложности этого взгляда, что ссылает на каторгу людей, осмеливающихся думать что мало уничтожить кнут, — надо отменить и розги, надо уважать человеческую личность и в осужденном, который в большинстве случаев ничто иное как жертва общественной неурядицы и несправедливости законов.

Польша вынуждена возстать, чтобы добиться своей полноправности, свободы и национальной независимости; правительство душист ее, хватает, в одну ночь, десятки тысяч лучших жителей, чтобы послать их солдатами в Оренбург или на Кавказ, ссылает поляков гуртом на поселение и партиями на каторгу, разстреливает и вешает на право и на лево, и в конце концов разоряет целую страну, предварительно надув крестьян обещанием дать

им господскую землю, которую оно отводит теперь дворянам, приезжающих из внутренних губерний. И несмотря на все это, оно пользуется кредитом у наших добродушных радикалов. Молодое же поколение знает, что Россия не имеет ни малейшего права вступать в другую страну, желающую распоряжаться своею судьбою и управлять своими делами, и что, помимо всякой справедливости, даже наши собственные интересы требуют от нас признаний польской независимости, так как Польша обходится России гораздо дороже того, что она дает ей.

Правительство душит воспитание, закрывает школы, стесняет и закрывает университеты, поддерживает в народе и, так сказать, увековечивает невежество. — и его все-таки считают проникнутым искренним желанием служить народному благу, ему продолжают приписывать благия намерения, его все еще стараются увещевать! между тем про молодое поколение, основавшее Воскресные школы, употребляющее все свои усилия на развитие народа, и учащиеся на голоде и холоде, говорят, что оно не хочет учиться и что оно состоит из злоумышленников, посягающих на народное благосостояние, деспотов, желающих просвещать народ против его воли, возмутителей общественного спокойствия, словом, тиранов да и только.

И так далее, до бесконечности: правительство выкалывает свои высокие и благородные качества задавливанием масс ницетою и невежеством, закрытием Воскресных школ, отнятием земли у крестьянства, поддержанием целой шайки туеядцев, ссылками, приговорами на каторгу, вешанием, казнями за простейшия преступления, казнями за проступки, казнями по подозрению, казнями по капризу Муравьева и К^о, казнями в угоду Каткову: а молодое поколение, за то только, что не вторит всеобщему униссону и хочет добиться возможности высказывать свое мнение, за то, что оно высказывает его обиняками, признается всеми тираническою шайкою, стремящеюся «терроризировать общество» и насладиться в волю хаосом переворота. Его обвиняют в государственной измене, в делании фальшивых бумажек и в тому подобных преступлениях за то только, что оно думает, что крестьяне имеют право на владение землею, да еще за то, что

оно не соглашается с привилегированными органами
мнимого общественного мнения России.

...Все это непостижимо странно, неправда-ли, чита-
тель? И что всего страннее, — все выше сказанное про-
то, само собою вытекает из взгляда на ход наших общест-
венных дел, так что совершенно непонятно, каким обра-
зом все это может составлять предмет споров препина-
ний: однакож, несмотря на эту простоту, у нас все еще
существует такой жалкий хаос в наших понятиях о пра-
вительстве и его поведении, о силе противудействующей
ему и ея стремлениях... Эх, читатель, есть еще много
других странностей, и гораздо поважнее, которые вы
могли бы заметить, если-б захотели. Странно, например,
то, что вы не замечаете, как быстро идет Россия, благо-
даря своему правительству, к верному разорению, и как
сильно скомпрометировано уже общественное поло-
жение, не только в экономическом, но и в нравственном
положении. Странно также, что вы не соображаете ваше-
го собственного положения, не рассчитываете ваших инте-
ресов, — иначе вы поняли бы, что вам, вместе с русским
обществом, выгоднее стать на сторону действительной, а
не лживой перестройки общественного порядка. Да мало-
ли что странно читатель!..

V

Мы видели выше, что молодое поколение имело сво-
его рода *raison d'être* и что это самое вынуждало его
действовать оппозиционно. Посмотрим теперь, через какие
фазисы проходила его деятельность.

Прежде всего, молодое поколение должно было, конечно,
действовать в пределах поставленных законом, если толь-
ко они оставляли какую нибудь возможность к противу-
правительственной деятельности. Русские законы не запре-
щали публичной пропаганды новых понятий и мыслей,
с тем, разумеется, условием, чтобы цензура дозволила
их распространение, — следовательно молодое поколение
могло попытаться действовать на общество литературным
путем. Это и было сделано.

Молодые люди принялись, с 1856 года, проводить в
общество совершенно новые понятия об общественных
отношениях, об искусстве, науках и пр. Проходя через
цензурные тиски, эти понятия, конечно, теряли часть
своей силы, но благодаря необыкновенному таланту мо-

лодых писателей, взявшихся за это дело, значительная часть этой силы успевала проскользнуть в публичку. Под влиянием этих мыслей, настала в русской литературе новая эпоха, отличающаяся полным посвящением литературы общественным вопросам и общему благу, в противоположность безцельному служению какому-то мертвому и полу-разваливающемуся искусству, как было в предшествовавшем периоде. Главнейшее средство к достижению предположенной цели состояло, по мнению литературных деятелей этой эпохи, в нравственном развитии общества. Все вопросы относящиеся к области чисто политических прений, и в особенности вопросы о форме правления, тщательно устранились, потому что молодое поколение находило бесполезным заниматься им, когда общество еще не подготовлено к пониманию простейших оснований общественной науки. Таким образом, все внимание новой литературы было обращено на развитие нравственных понятий читающего люда, для того чтобы этот последний, в свою очередь, мог развить массы, не имевшие возможности читать и мыслить над прочитанным.

Само собою разумеется, что такое направление нового периода литературы нимало не мешало ей заниматься вопросами, в которых было заинтересовано народное и общественное благосостояние. Разработка предметов общечеловечности, напротив того, составляет одну из характеристических черт литературной деятельности современного молодого поколения, — но эта разработка, как и вся деятельность, производилась на совершенно иных основаниях, чем работа основной части литературы. Выше сказано было, что молодое поколение ставило своею главною целью общее благо: к этому тут необходимо добавить, что оно считало непременным условием этого блага такое устройство общественных отношений, которое бы давало полное удовлетворение физическим и умственным потребностям отдельных членов общества, и при котором бы их умственные способности находили себе полный простор, вместе с возможностью развиваться вволю.

— Новый период русской литературы считал одною из своих главных задач, выискивание средств к достижению этой цели, и так как правительственные реформы:

не заключали в себе этих средств и не имели этой цели, то весьма естественно, что оне не могли встретить одобрения со стороны молодой литературы, и должны были вызвать в ней неудовольствие и приготовление к серьезной борьбе... Действительно, правительственные реформы шли в разрез с стремлениями новых литературных деятелей, и эти последние чрезвычайно срочно заметили эту разницу — и так как им необходимо было выбрать свою систему действий, то они начали открытую литературную пропаганду необходимости иных преобразований, на совершенно других началах. Такова была деятельность друзей Чернышевского, во все время от 1856 до 1862.

Чернышевский и его друзья представляли собою молодое поколение — они работали в видах осуществления его стремлений и выполнили, по мере возможности, его программу. Что их деятельность не имела в себе ничего эхидного, и развивалась на божьем свете, а не в потемках, — это лучше всего видно из нескольких строк Чернышевского, выставленных на первой странице этой статьи. В чем же состояли противузаконные поступки кружка Чернышевского, навлекшие на него правительственный гнев? В том, что этот кружок поддерживал право крестьян на землю, что он отстаивал общинное владение против личной поземельной собственности, что он старался распространить в обществе сознание необходимости собственной инициативы, что он возбуждал в отдельных индивидах мысль о личной независимости и сознание человеческого достоинства, в том, наконец, что он ставил выше всего общее благо, и во имя его осмеивал всякого рода чуженство и эксплуатацию... Он учил молодежь жить своим трудом, не сидеть ни на чьей чужой спине и не терпеть чтобы другие сидели на ея собственной. В проповедывании этих оснований общественной нравственности состояла вся преступность так называемых «социалистических и материалистических учений», проповедывавшихся кружком Чернышевского... Правительство видело в работе этого кружка прямой призыв к возмущению, тогда как вся эта работа резюмируется следующими словами Чернышевского: «будущее светло и прекрасно. Любите его, стремитесь к нему, работайте для него, приближайте его, переносите из него в настоящее, сколько

можете перенести: на столько будет светло и добра, на столько радостью и наслаждением ваша жизнь, на столько вы вместе перенести в нее будущего. Стремитесь к нему, работайте для него, приближайте его, переносите в него в настоящее все, что можете перенести.

Правительство ужаснулось этого учения и принялось противодействовать ему по своему: оно решилось раздавить всю заразу и заставить его сгнить в Сибири. Первою жертвою выбран был М. Л. Михайлов, сосланный на каторгу и умерший в прошедшем году на сибирских заводах; за ним последовал Чернышевский сосланный на каторгу на основании подделанных документов, фальшивость которых признана была даже самим Сенатом. Добролюбов только тем спасся от верной каторги, что догадался умереть до начала гонений. «Современник», бывший в то время органом кружка Чернышевского, был запрещен на восемь месяцев и затем стиснут в такие клещи, что едва мог переводить дыхание. Незачем и говорить о том, что цензурою приняты были все меры к подавлению всяких попыток пропаганды, в роде пропаганды кружка Чернышевского...

Стесняемая в литературной пропаганде цензурою, молодежь принялась за педагогическую деятельность в Воскресных школах. Как она выполняла эту задачу, и как принуждена была отказаться от нея, читатель уже знает из предыдущих страниц... Но во время этих стеснений Воскресных школ, то есть с 1859—1862 года, все еще можно было работать в литературе. Когда же в июле 1862 одновременно закрыты были Воскресные школы и изданы «Временные правила о печати», то молодое поколение очутилось почти что в полнейшей невозможности вести публичную пропаганду своих воззрений. Круг его деятельности был стиснут слишком сильно для того, чтобы можно было думать о публичности и о влиянии на общество... Пришлось удовлетворяться меньшим, и выбрать аудиторию не целое общество, а более или менее многочисленный кружок...

История таких «кружков» составляет довольно интересную сторону нашей общественной жизни за последнее время. Дело вот в чем: несколько молодых людей, имевших одинаковые убеждения, одинаковым образом

смотревших на жизнь и события, группировались где-нибудь без шума и толков, и старались устроиться по возможности лучше, как в материальном, так и в нравственном отношении. И так как эти люди не забывали, что труд служит единственным средством к личному благополучию и к сохранению личного достоинства, то они брали труд за основу своих отношений. Весьма естественно, что они старались устроить свой труд на таких началах, которые бы всего лучше удовлетворяли их потребностям и соответствовали их убеждениям; такия начала заключались в общинном, ассоциационном устройстве труда. Поэтому те кружки о которых тут идет речь устраивались совершенно на манер французских и немецких ассоциаций рабочих.

Подумаешь, какой вред государству от того, что несколько молодых людей желает жить так, а не иначе, хочет идти в работники, а не в чиновные пролетарии, предпочитает работать в мастерской, вместо того, чтобы гнуть спину в передней? Стремления рабочих кружков молодежи, с 1862 года, шли никак не далее осуществления, в малых размерах, правильной человеческой жизни, и избегания, на сколько это возможно при теперешних обстоятельствах, напрасных мучений для себя и для других. Вот эти то стремления и показались особенно опасными правительству. «Люди вызывающие баррикады, говорили правительственные публицисты, не так опасны как эти юноши, работающие в тихомолку над перестройкою общественных отношений, над изменением коренных оснований современного порядка». Поддаваясь этим опасениям, правительство принялось гнать и преследовать все «рабочия артели», устроенная молодежью, как в Петербурге, так и в Москве, Одессе, Саратове и в других городах: кружки разгонялись с ожесточением, мастерския закрывались, и чтобы непризнанные рабочие не вздумали снова устраивать свои артели их разсылали по разным городам, где уж, конечно, им и в голову не пришло-бы заводить ассоциации или что либо в этом роде, по той, весьма простой, причине, что не с кем было заводить их.

Таким образом правительство, порешив с литературною и педагогическою деятельностью молодого поколения.

порешило и с самою невинною деятельностью, с рабочими ассоциациями..

Теперь спрашивается, что должно было делать молодое поколение, в виду таких преследований, и что оставалось делать ему? Куда было деть молодого находившийся исхода, на что употребить энергию, во имя чего было утолить жажду деятельности, каким образом было ему сидеть сложа руки, когда кровь кипела в жилах и желчь во всем организме? И еще, какое придумать средство к усмирению того негодования и той ненависти, которые возбуждаются, во всякой еще не разрешенной душе, зрелищем ежедневных мерзостей, преступлений и несправедливостей, совершающихся в нашем дорогом отечестве, под эгидою нашего гуманного правительства? Что могли сделать эти юноши, у которых правительство отняло всякую возможность к образованию и деятельности, и которым не сегодня завтра угрожает заключение без суда без гласности, без присяжных и верный, неизбежный приговор на каторгу, за выдуманные преступления?..

Сколько-б мы ни думали над этими вопросами, мы можем найти только два выхода из этого начального положения:

1. Молодые люди могли продолжать работать, не обращая внимания ни на что — пока не попались бы в руки правительства — не останавливаясь в своей работе даже и тем соображением что их деятельность приносит пользу, может быть, двум-трем, а может и только одному; или-же

2. Они могли кинуться, очертя голову, в жизни и делать все то, что подскажет минута, т. е. вступать в отчаяннейшие заговоры, покушаться на жизнь первого встречного противника, искать ссор и дуэлей (как Пушкин или Лермонтов), проказничать, словом, искать случая покончить какнибудь с жизнью...

Но не следует забывать, что молодым людям не остается возможности выбирать между этими двумя выходами: не у всякого юноши хватит энергии работать, точно каторжник, зная что эта работа приносит пользу одному или двум, много если трем, другим юношам, — не у всякого хватит выдержки чтобы не дать разгуляться чувству негодования и вечно иметь безстрастный вид, когда внутри

кошки скребут, что есть силы... Нужно иметь известную степень развития, чтобы сразу попасть на верную дорожку — и все те, которым недостает этой энергии у которых нет этой выдержки и этого развития, фатально предначинаны ко второй категории...

И так, несмотря на то, что направление и убеждения современного молодого поколения положительно исключают всякую мысль о невозможных *coups d'etat* всяких покушениях и тому подобных поступках часть молодого поколения приведена правительством к печальной необходимости тратить свои силы на ненужные, бесполезные выходы, в роде выстрела 4 апреля 1866.

Скажут, что такие революционные средства врождены не только части молодого поколения, но и всему этому классу. Так могут говорить люди совершенно незнакомые с стремлениями молодого поколения, никогда не бравшие в руки ни одной статьи, писанной его членом, не знающие ни иоты из его программы. Современное молодое поколение считает коренным злом теперяшнего общественного устройства две темные силы: невежество и нищету. На этих силах держатся все вообще мерзости и гнусности современного порядка вещей. — следовательно, понимая дело таким образом, молодое поколение естественно должно направить свои усилия на уничтожение этих именно сил, чтобы уничтожением причины уничтожить и ее последствия. Развивать народ, дать ему человеческие понятия, освободить его, насколько теперь возможно, от нищеты. — вот в чем состоит программа молодого поколения. В ней нет ни политических, ни иных тонкостей, нет ни громких фраз, ни трескучих заклинаний, одним словом нет ничего подобного тому, что мы привыкли видеть ежедневно в политической пропаганде. И это обстоятельство объясняется тем, что современное молодое поколение убеждено в необходимости приняться за умственное преобразование общества и народа, а не терять понапрасну времени на чтение нотаций и нравоучений двум-трем правительственным лицам. Наше современное общество способно парализировать усилия всякого порядочного правительства, если только эти усилия не соответствуют его интересам. А для того, чтобы провести в государственную жизнь, новые начала общественного

устройства, нужно переделать понятия современного общества, начать его умственное развитие, забыть в нем желание жить на чужой счет и возбудить симпатии к честному труду.

Выполнить такую задачу несравненно труднее, чем произвести какуюнибудь политическую революцию, в роде 1830 или 1848 года. И молодое поколение отлично понимает эту трудность своего дела, но оно все таки не останавливается этим соображением, — этим мы вовсе не хотим сказать, что молодое поколение считает бесполезным вмешательство законодательства в дело общественных преобразований, и что оно не имеет помышления пересмотреть и переделать законы, на которых основан современный порядок. Нет, оно нимало не разделяет в этом отношении, взгляда школы Сэ и Шульце-Делича; но оно полагает, что для того чтобы политическая, законодательная или экономическая реформа принесла надлежащую пользу, необходимо, чтобы она заранее приобрела себе сознательное сочувствие и твердую поддержку в известной части общества и народа, необходимо, стало быть, вводить в общественное сознание новые идеи, на которых должна основаться будущая реформа.

Спрашивается, можно-ли связать такое понятие о государственных делах с выходками против того или другого из влиятельных государственных людей настоящего времени? Что значит для людей, придерживающихся такого направления, какойнибудь Александр II, Николай I, или кто бы там ни был на их месте? — ничто. Личность Государя, личность его министров совершенно равнодушна для молодого поколения, видящего основу зла не на поверхности или внешности, а гораздо глубже, — в невежестве и нищете масс, как сказано выше. Разве молодое поколение приблизится хоть на капельку к своей цели тем пустым обстоятельством, что на престоле будет сидеть не Александр II, а Александр III, или Константин I? Ясно что нет. Личные перемены на престоле важны только для личного-же состава государственных учреждений, молодое же поколение оставляет в стороне до поры до времени, как престол, так и государственные и иные учреждения, — теперь ему нет ни малейшего дела до них. Если-же перемена государя не принесет ни

малейшей пользы молодому поколению, то из этого следует, что оно не заинтересовано ни в каких покушениях на жизнь, ни в каких переменах, придворных лакеев или альковных фрейлин...

Следовательно, выходки в роде выстрелов решительно не входят в программу современного молодого поколения; — чем же они объясняются? Тем, что правительство пресекло юношеству все пути к разумной общественной деятельности, — а известно, что эта деятельность составляет естественную потребность всякой живой силы, а стало быть и молодого поколения. Когда же какая-нибудь естественная потребность находит непреодолимое препятствие к своему проявлению, когда ей невозможно проявиться естественным, нормальным образом, она неизбежно проявляется как-нибудь в ложном, фальшивом направлении, но все-таки проявляется, — это неизбежный закон. Весьма естественно, стало быть, что молодые люди, которым некуда деть богатых, молодых сил и которым отрезан доступ к правильной деятельности, не сидят сложа руки, а бьют мух, делают скандалы и скандалчики, танцуют на шпиг-балах, конспирируют в подвалах, стреляют на площадях. Тут решительно нечему удивляться, — здесь нужно сожалеть только о том, что такая могучая натура принуждена тратить свои силы на совершенно ненужные вещи, что она истощает свою энергию на пустое, безцельное противодействие различным Катковым и Муравьевым, что она гибнет даром, бесплодно, тогда как при иных обстоятельствах она была бы, быть может, лучшими гражданами России, и их деятельность не прошла бы без пользы для нея. А теперь, кто виноват? Кто как не правительство?

Защитникам современного порядка, кажется, на роду написано подвергаться постоянно подобным злополучным разочарованиям: наделают они глупостей, ошибок, пошлостей, преступлений и за тем, когда им покажут их деяния, когда их заставят ткнуть носом в заваренную ими кашу, они отрекнутся христом-богом, что это дело не их рук... Например, они забивают в женщине всякую способность к умственной работе, наряжают ее как куклу, говорят ей, что она создана только для любви, — и когда женщина, поверив их словам, предается любви, они с

азартом кричат «караул!» обвиняют ее в разврате и решительно не хотят согласиться, что если она и развратна, то только благодаря им и той роли, которую они представили женщине в общественной организации. Совершенно то же самое случается и в судебных казусах: тоже самое случилось и в деле Каракозова, — подите-ж теперь убеждать наших консерваторов, что это они подняли на Государя руку и револьвер Каракозова... Как бы не так! А между тем очевидно, что тут виноваты они одни, и никто кроме них...

Эх, это бы еще ничего, если бы они стыдились сознаться в своих промахах, в том, что результаты их работы решительно не удовлетворяют их ожиданиям. Нет. Они отказываются от результатов, не отрекаясь от своей работы, — и вот, благодаря этому обстоятельству, мы видим теперь, что наши Сизифы снова принимаются за свой вечный, напрасный труд. Они не думают догадаться, что поступок Каракозова просто на просто вынужден ихнею деятельностью, что они сами первые виноваты в покушении на жизнь Государя, вместе с этим последним они, как кажется, и не думают, что Каракозов их создание, — нет, они злобно радуются тому, что «преступник высказывал когда-то самые крайния социалистическия и материалистическия мнения». Эх куда хватили!... Очень может быть, что Каракозов действительно разделял теоретическия убеждения молодого поколения, но отсюда до выстрела — «как до звезды небесной далеко!».

«Теперь то мы знаем, кричат наши консерваторы, кто виноват в выстреле, мы догадываемся какая рука зарядила преступный пистолет, и какая спустила курок на Государя — это все делали демократы, социалисты». Пусть же они повторяют теперь свои иеремиады против новых учений, пусть накликавают всевозможныя гонения на двух-трех уцелевших представителей молодого поколения, да на тех личностей, которыя давно уже подвергаются этим гонениям в сибирских рудниках. Все это, конечно, не будет ново, но такая проповедь будет особенно характеристична после всего, сказаннаго нами...

Однакож, вернемся к нашим Сизифам. «Мы, говорят они, нашли в чем состоит корень зла, разъедающего Россию, теперь то мы съумеем искоренить его». Нужно по-

казать им — подобно тому как мы выставили их прямое соучастие в выстреле 4 Апреля — что они никоим образом не съумеют и не могут достичь своей цели. В самом деле, для того чтобы достичь ее, наши консерваторы и наши правительственные львы должны будут сожрать и стереть с лица земли всех без исключения людей, принадлежавших к современному молодому поколению, не только окружить каторжным карантинном всех, находившихся в более или менее отдаленных сношениях с ним, но и запретить, даже своим приверженцам производить на свет детей. Это немножечко трудно, но этаго требует «необходимость спасти государство», этаго требуют святейшие интересы семьи и собственности, это необходимо для соблюдения сословных перегородок.. Иначе новорождающиеся тоже будут иметь в своих жилах молодую, горячую кровь, тоже будут искать какого нибудь поприща к общественной деятельности, тоже будут пробовать всевозможныя средства применить к делу свои богатия, молодая силы. Что-же прикажете делать с ними? Все пути к деятельности, благодаря мракобесию правительства и консерваторов, закрыты; все средства к разумному развитию — уничтожены, делать молодым людям нечего, вот они и примутся бесить кварталных в танц-классах — неумеренностью и неприличием телодвижений, пугать честной народ в трактирах криками и выбиванием стекол, да наводить ужас на консервативных публицистов конспирациями, да покушениями на жизнь Государя, Каткова, Муравьева, а может быть даже и Трепова... Чтобы избегнуть этих ужасов, чтобы сохранить в теперешнем виде наш общественный порядок, требуются такая жертвы, как уничтожение всяких следов так называемых реформ, требуется узаконение бесплодности браков, для соблюдения уважения к семейству, конфискации имущества молодых людей, — для охранения принципа собственности, и казни, казни без конца, — для проповедывания принципа личной неприкосновенности известных лиц. Консерваторы могут продержаться только благодаря своей последовательности, — всякая уступка убивает их — и дает силу их противникам, пусть-же они следуют прямо и твердо по своему пути, пусть искореняют они, вместе с «превратными» понятиями об общественных отношениях,

все, что есть физически молодого и здорового в нашем обществе. Этим они достигнут своего буржуазно-тощего идеала, — мирной и тихой гавани, с комфортом пристанью, без зубовного скрежета и перебранок... Что же это? Что это эта пристань через день, через два, превратится в могилу? На их то жизнь ея куда.

Шутки в сторону, — чего в самом деле хотят наши консерваторы? Неужели они думают вырвать с корнем те идеи, которые составляют основание программы молодого поколения? Что за чепуха! Будто возможно вытравить из человека его убеждения, будто есть какая нибудь сила, могущая уничтожить однажды добытую истину! Древние консерваторы хотели было уничтожить ошибочную веру христиан, хотели вытравить из них ни на чем не основанную надежду на будущее пришествие массни, да сами надорвались в борьбе, и чем сильнее было их ожесточение, тем крепче и сильнее утверждалась вера христиан... А теперь, хотят уничтожить не веру, а сознание, хотят опровергнуть устаревшим хламом и вытащить заржавевшими клещами истины добытая наукою, да при том такая, осуществление которых выгодно массам, выгодно всем молодым, честным, натурам... Если все соединенные силы древняго мира не могли убить в нескольких десятках наивных мечтателей веру в Христа, от которой, собственно говоря, веровавшим не было ни тепло, ни холодно, то какая сила может уничтожить в крестьянине уверенность в своем праве на землю, или в молодом человеке сознание необходимости обойтись наконец без нянек и мамок, без дядек и старшин? Надо быть слепым, для того чтобы не видеть, что нет на свете, да и не может быть, такой силы...

Напрасныя усилия наших консерваторов: теперь они празднуют свою мнимую победу, — но на душе то у них скверно, ибо они сознают, что новыя мысли об общественных отношениях не могут умереть, что оне выкажутся наконец с новою силою, что идея, раз вошедшая в сознание нескольких людей, не может погибнуть безследно, — и вот они вызывают к себе на помощь все силы и все полицию земли, — напрасно:

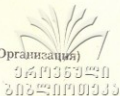
...то, что с жизни взято раз
Не в силах рок отнять у нас!

ПРОЦЕСС 50-ти

(Всероссийская Социально-Революционная Организация)

1874—77 гг.

I

В наше время обострившагося национализма всякому, непосвященному в тайны возникновения «Всероссийской Социально-революционной организации», послужившей основанием «процесса пятидесяти», покажется прежде всего странным, каким образом главными участниками, а следовательно и душою ее являются (из мужчин) большей частью грузины, притом выросшие не в центре России, а по рождению и воспитанию — подлинными дети далекой Грузии. Это явление изумляло многих даже в 70-х годах, в эпоху широкого распространения идеи интернационализма в России. Не только газеты того времени, печатавшие судебный отчет по этому процессу, например либеральный орган Краевского «Голос», выражали изумление по этому поводу, но даже такой знаток истории общественных движений, как присяжный поверенный В. Д. Спасович, фигурировавший в процессе 50-ти в качестве одного из защитников по назначению от суда, высказал такое же изумление при первой встрече, со мною в Петропавловской крепости в декабре 1876 года.

Беседуя наедине по делу моей защиты, В. Д. Спасович спросил меня: «почему в нашем процессе главными участниками организации, как видно из дела, являются грузины — Цицианов, Чикоидзе, вы — Джабадари, Гамкрелидзе и полугрузин — Зданович».

Этот вопрос крайне удивил меня, так как с момента возникновения вышеназванной организации, т. е. фактически с конца 1874 года, нам самим ее участникам никогда не приходилось останавливаться на этой мысли, до такой степени в те времена наша революционная молодежь в России (на севере) и за-границей была чужда чувства племенной розни и не умела различать людей по происхождению и по национальности.

Видя мое удивление и стараясь все-таки выяснить себе поразившее его явление, Спасович поставил вопрос в более прямой форме: «Вы — грузины, сказал он, принимаете

участие в русском движении, конечно, не как социалисты-революционеры, а как грузинские сепаратисты? Велико было удивление Спасовича, когда я чистосердечно сказал ему, что ни один из моих земляков, принимающих участие в нашем процессе, о сепаратизме и не думал, а работал исключительно для торжества русской социалистической революции, которая одна даст свободу всем народам России, а следовательно и нам грузинам; для большей убедительности я указал ему, как поляку, что к нашей организации примыкали и поляки, совершенно чуждые польскому сепаратизму и отдавшиеся обще-русскому социально-революционному движению. «Мы работали в России, говорил я, во имя общечеловеческих интересов, а не узких, изжитых национальных».

При дальнейшей беседе Спасович вспомнил, что и он слышал мельком о существовании в Петербурге группы польской молодежи, которая, подобно нам, относилась прямо враждебно к польскому сепаратизму и примыкала к общерусскому социально-революционному движению. Как на одного из крупных и талантливых представителей такой польской группы в 1873—75 годах, я указал ему на моего товарища по Академии Гласко, погибшего впоследствии в административной ссылке в 1881 году.

Спасович, охотно уступая в вопросе польского и грузинского сепаратизма, как явления изжитого, заметил мне: «да, сепаратизм вы считаете узким и буржуазным; но, вдумчиво продолжал он, знаете ли вы, что вы все-таки работаете не для социальной революции; нет, она еще далеко, а расчищаете только путь нам — «буржуа — либерализм», как вы нас называете, и только. Мы воспользуемся вашим трудом и вашими жертвами».

Это было сказано очень искренне и серьезно.

Помню, эти слова долго гвоздем сверлили мне голову, когда я, лежа на койке в моей крепостной камере, вспоминал эту нашу беседу. Передо мной отчетливо рисовался обширный зал Алексеевского рavelина, где произошла моя первая встреча с Спасовичем. «Здесь, в этом зале, говорил он мне полушопотом, происходил суд над декабристами; от этих стен веет еще всем ужасом их горя, горя побежденных; но эта повесть уже стертая временем, а вот вам повесть вся еще трепещущая жизнью, вы о ней не мо-

гли еще слышать». И он рассказал мне, как несколько дней тому назад (6-го декабря 1876 года), на площади Казанского Собора группа молодежи вздумала произвести демонстрацию. Какой-то рабочий, мальчик, выкинул красное знамя «Земли и Воли», а другой юноша, вероятно студент держал речь перед толпой народа. Эта невиданная дерзость возмутила полицию, она стала грубо разгонять толпу и била всех без разбора; на помощь полиции примкнула часть публики и с криком «бей поляков» продолжала избивать прохожих даже на Невском проспекте: многих арестовали и посадили в тюрьму...

Я сделал невольное движение.

— Вам это не нравится, вдруг спросил меня Спасович. Почему?

— Да, потому ответил я, что я не бунтарь, а пропагандист-народник.

— Да ведь это тоже пропаганда, заметил он.

— Нет, это неразсчетливая агитация, бесполезно растрачивающая и без того скудные силы.

— Да?! задумчиво произнес он и, меня разговор, спросил: А знаете-ли вы, кто вас будет судить?

— Нет, равнодушно ответил я, но он продолжал.

— Первоприсутствующим Особого Присутствия Правительствующего Сената назначен сенатор Петерс, очень корректный господин и знающий судья. Членами Суда — Тизенгаузен — когда-то во времена Герцена — красный, в такой степени красный, что в чемодане из-за-границы привозил «Колокол» и снабжал им не только нас грешных, но был поставщиком «Колокола» и во дворец.

Поглощенный нахлынувшими мыслями, я рассеянно слушал меткие характеристики остальных судей, даваемые Спасовичем; тут были и красные, и трехцветные и других цветов лица. Заметив мою рассеянность, Спасович скоро ушел, пообещав зайти еще раз, чтобы поговорить по вопросу о признании существования организации, вопросу крайне важному как для меня, так и для других товарищей. Нужно было решить, признавать ее или нет.

И вот я лежал опять один в моей келье, еще весь потрясенный нахлынувшим новым строем дум и чувств, пробужденных неожиданно набежавшей волной жизни с воли.

Нет, думалось мне, надо попытаться вырвать у суда нашу свободу; я не хочу, чтобы наше дело служило чуждым целям, я не хочу, чтобы свобода, которой мы служим, была узурпирована опять новыми захватчиками, чтобы ими осквернена ее своекорыстием и эгоизмом. Мы не должны говорить товарищам не признавать устава, найденного в копии у Здановича; это отнимет у суда самый сильный козырь к обвинению нас; но нужно во что бы то не стало ярче выяснить на суде наши цели, наши взгляды. Суду трудно будет доказать нашу формальную организованность и индивидуальность каждого выскажется ярче и полнее, не давая почвы для формального обвинения.

Обдумав все это, я решил на следующем же свидании просить Спасовича передать от меня товарищам, чтоб они не признавали существования организации, так как такое признание усилит наказание; мы же должны стоять за экономно революционных сил, конечно, в пределах нравственного достоинства.

Правда, Спасович ставит вопрос ребром: как быть с уставом, отобранном при аресте Здановича и с письмом его, которым устанавливается несомненная принадлежность многих из нас к революционной организации, в том числе и меня. Если для суда это покажется несомненным, то он и засудит нас; но мы еще достоверно не знаем, как отнесется суд к этому вопросу; признание же в принадлежности к организации наложит на нас обязанность неминуемо указать подробности возникновения и деятельности этой организации, а это далеко нежелательно, так как не только усилит обвинение против некоторых подсудимых, но и может повредить лицам, находящимся еще на свободе. А потому гораздо удобнее не признавать организации и предоставить каждому подсудимому полную свободу действий, согласно с уликами, имеющимися в деле. Ведь в отношении многих из нас нет никаких данных для обвинения, а одно признание в принадлежности к организации может дать основание суду отправить такого подсудимого на каторгу.

Когда я объяснил Спасовичу все эти соображения, он согласился с моими доводами; согласились с ними и мои товарищи. Вот почему только те из судившихся по процессу 50-ти членов «Всероссийской Социально-революцион-

ной организации» признали на суде свою принадлежность к ней, которым это нужно было для ограждения других подсудимых от сопричисления к ней.

Благодаря такой постановке дела, история возникновения революционной организации, послужившей основанием для процесса 50-ти, осталась совершенно неизвестной как для суда, так и для общества; и, читая обвинительный акт по процессу 50-ти, многие верят на слово утверждению этого акта, будто все главные члены этой организации, как мужчины, так и женщины, получили образование в Цюрихе и там же составили тайное революционное сообщество, после чего отправились в Россию с целью действовать согласно уставу, найденному при аресте Здановича.

Между тем, такое утверждение обвинительного акта верно только в отношении женского кружка, составившего только часть этой организации; зарождение же и возникновение всей этой организации совершилось в России, на русской почве и совершенно иначе, чем это излагает обвинительный акт.

Вся мужская часть этой организации вышла из студенческих кружков столичных высших учебных заведений и нашла идейную подготовку еще в ученическом мире средних учебных заведений в различных самых отдаленных углах России. Третья часть этой организации — рабочая — вскормлена русской деревней, русскими фабриками и заводами. Эта организация плоть от плоти самой русской жизни, русской школы и русского подневольного труда.

II

В конце 60-х и начале 70-х годов, в школах Тифлиса, как и других крупных городов внутренней России, молодежь увлекалась самодеятельностью, которая проявлялась в самых разнообразных формах. Увлечение это в нашем городе Тифлисе было так сильно, что почти каждый юноша старался создать свой маленький кружок со своими маленькими, но непременно собственными делами. К такой самодеятельности нас поощряла прекрасная плеяда молодых учителей, которые вне классных занятий руководили нашим развитием, приглашая иногда нас к себе по вечерам для беседы за чашкой чаю. Здесь, просиживая целые вечера, молодые люди обсуждали самые акту-

чие вопросы, поводом к которым служили те или другие прочитанные нами статьи Белинского, Писарева или Добролюбова, а также произведения И. С. Тургенева, Достоевского, Л. Н. Толстого и отчасти Н. Г. Чернышевского; говорю отчасти, потому, что наши лучшие учителя бесспорности, как напр. очень любимый нами ~~и~~ горячий поклонник великих художников русского слова, относились отрицательно к роману Чернышевского «Что делать» и удерживали нас от увлечения лишенным художественного достоинства произведением Чернышевского. Но эта недружелюбная критика наших любимых наставников, колебля литературный авторитет Чернышевского не могла затемнить в наших глазах того ореола мученичества, которым увенчан был Чернышевский, несмотря на то, что мы совершенно не знали, или лучше сказать, крайне смутно знали, за что понес он свой мученический венец.

Художественная литература будила мысль, оформляла характеры и молодежь искала хорошего, доброго дела. Кто создавал библиотеку учебных пособий для нищих, кто фонд для поддержки совершенно незнакомых людей, довольствуясь лишь слухами о том, что они очень талантливы, но по бедности лишены возможности кончить курс; а ныне, за ненахождением более подходящей цели, увлекались задачей нравственного спасения павших женщин и спускались в вертепы, чтобы извлекать оттуда этих несчастных и помещали их в какую нибудь белошвейную или иную мастерскую, теша себя надеждой что они спасали их навсегда.

Наших учителей и нас интересовал прежде всего человек, человеческая душа, кто бы он ни был; этими чувствами мы обязаны были не только христианским традициям семьи, но и учителям нашим, которые учили нас любить угнетенных; отсюда и их гуманное отношение к нашему языку и национальным традициям.

Помню, однажды, как сидя за стаканом чая у Н. В. Горяева, мы с увлечением говорили о русских беллетристах; вслушиваясь в нашу беседу, Горяев неожиданно задает мне вопрос: «Вы, конечно, занимаетесь и вашей родной литературой?» — Нет, ответил я; наша литература очень бедна; все ее богатство состоит из одной средневе-

ковой поэмы Руставели да нескольких современных стихотворений двух-трех наших князей, которые мы знаем наизусть с детства, а больше у нас ничего и нет. — «Да, чем же с вами занимается ваш учитель грузинского языка?» — спросил нас с изумлением Горяев. — Мы должны признать, что мы почти не посещаем классов грузинского языка, потому что на этих уроках нам учиться нечему — наш учитель грузинского языка так плохо владеет хорошим литературным грузинским языком, говорит с нами таким испорченным наречием (имеретинским), что мы вынуждены поправлять его и невольно подсмеиваемся над ним.

— «Что вы, что вы, господа; как же это можно не заниматься своим родным языком, воскликнул Горяев; неужели вы думаете ограничиться одним языком русским, или европейскими языками; это глубокая ошибка; подумайте, говорил он, если после университета вы захотите вернуться к себе на родину служить своему народу, вы должны знать свой язык в совершенстве; во всяком случае лучше, чем его знает заурядный простой грузин; иначе как и чему вы его научите без языка? Конечно, вы можете наверстать недостатки изучения языка и после, но знайте, что вы должны непременно владеть им в совершенстве. Вы и теперь могли бы многое сделать для родной литературы, собирая во время каникул по деревням былины, легенды, сказки и вам сказала бы спасибо ваша родина. Нет, господа, не ограничивайтесь любовью литературы русской и европейской, только потому, что эти литературы богаты, но любите и свою родную бедную, иначе вы не научитесь любить и вашего народа и не сумеете, значит, любить и весь остальной мир. Вся цель вашей жизни должна быть любовь к миру во всем его разнообразии величии и только тогда вас все полюбят, всем вы будете близки и будете счастливы, закончил он».

Да, любить весь мир! какая заманчивая цель жизни для 17-летнего юноши; а еще заманчивее надежда, что весь мир тебя полюбит... Этим заветам, этой предначертанной цели жизни и определились все дальнейшие шаги наши на жизненном пути.

Следуя указаниям нашего любимого, талантливого учителя, преподававшего в старших классах нашей тиф-

лисской реальной гимназии, мы с жадностью читали и Пушкина и Лермонтова, и Мольера, и Сервантеса, и Гете и Шиллера, и Шекспира, и Байрона, и Гейне и Берне, не забывая и своих грузинских писателей.

Несмотря на полное незнакомство с русскими, французской, немецкой, английской и испанской живописью и западноевропейские писатели казались нам родными, до такой степени они были проникнуты широкими, общечеловеческими идеалами.

Итак, лучшие из наших учителей были не только преподавателями науки, но и истолкователями жизни в лучшем значении этого слова. Сам попечитель Кавказского учебного округа Я. М. Неверов, близкий друг Грановского и Станкевича, и тогда уже почтенный старик, отличался удивительной любовью к юношеству; бывало он останавливал на улице нас, мальчиков, совсем ему лично незнакомых, здоровался с нами, расспрашивал о родителях, с интересом входил в положение каждого, а маленьким, лаская своей старческой рукой, говорил: «учитесь, дети мои милые, учитесь!» и нам как-то хорошо становилось от ласки этого старика; и мы охотно учились, считая науку святым делом; учились сами и помогали учиться более слабым и менее состоятельным товарищам.

Так, когда я был в 6-м классе реальной гимназии, мне с моими товарищами удалось собрать по подписке несколько десятков рублей; мы купили на эти деньги учебные пособия и заложили таким образом фундамент «библиотеке учебных пособий для беднейших товарищей»; библиотека эта помещалась в моей квартире, где я жил, отдельно от семьи, с двумя товарищами и, как это всегда бывает, в эту библиотеку вошли и книги неучебного характера, как то: Виктор-Гюго, Луи-Блан, Миаль с примечаниями Чернышевского, «Колокол» Герцена и другие. Бедные ученики на расхват разбирали учебные пособия и об этом скоро прослышал инспектор нашей реальной гимназии — Иваненко; он узнал о месте нахождения ее и захотел ее осмотреть. Однажды вечером, когда мы собрались в количестве 10-15 человек у нас на квартире, и сидели, помню, за чтением нового журнала «Дело», в котором печатались талантливые корреспонденции Жака-Лефрениа (Эл. Реклю) из Парижа, к нам внезапно вошел

Иваненко в сопровождении двух воспитателей. «Что это сборище?» спросил он нас строго. Я объяснил ему, что мы каждую субботу собираемся читать что-нибудь интересное — журнальные статьи, газеты.

— А какую это библиотеку вы тут завели? Мы объяснили и это.

Не сказав ни слова, Иваненко пересмотрел несколько книг и ушел.

Позднее посещение инспектора нас не на шутку перетревожило; боясь дурных последствий, мы послали одного из наших товарищей предупредить директора о случившемся; товарищ этот был никто другой, как сын самого директора Пенгинский, принимавший участие в наших чтениях. Директор Пенгинский и инспектор Иваненко сочли однако нужным сообщить о случившемся попечителю Неверову. Через несколько дней в гимназию явился сам Неверов (это было в 1871 году), вызвал к себе некоторых из учредителей нашей библиотеки учебных пособий и к изумлению нашему стал благодарить нас за наш почин, за нашу заботливость о немущих товарищах.

— Сколько же денег вы собрали, дети мои? — спросил он нас с доброй улыбкой. Мы сообщили, что собрали всего 70 руб.

— Этого мало, дети мои; я вам помогу; вы будете получать 100 р. в год для вашей библиотеки учебных пособий но с тем, чтобы библиотека помещалась в гимназии, а заведывать ею будет кто-нибудь из вас — учредителей библиотеки.

Нам жалко было расстаться с нашим детищем, нашей свободной библиотекой, но делать было нечего: книги характера неучебного мы оставили у себя, остальные перенесли в гимназию...

Это было время тревожное, очень тревожное как в Европе, так и в России. Учреждение республики во Франции, возмущение коммунистов в Париже и одновременно с этим процесс Нечаева в России, не могли не волновать нас. Мы не могли говорить без слез о парижской драме, о Франции растерзанной и униженной врагами. Нечаевский процесс нас интересовал, но не увлекал; убийство студента Иванова всех возмущало; культ любви, в котором нас воспитывали, не мирился с убийством. Наши учителя от-

носились прямо враждебно и к делу Нечаева и к коммунистам. Нечаева они считали пустым честолюбцем, а коммунистов называли сумасшедшими. Мы инстинктивно чувствовали, что они ошибаются в этом, говорят не то, и стали искать удовлетворения новых запросов мысли в других сферах и в других слоях, окружающих нас.

В 7-м классе нам приелся вообще и наш тесный гимназический круг; нам хотелось разнообразия, новых впечатлений и мы стали стараться расширить его; мы приглашали бывать у нас офицеров, студентов, недавно исключенных из Медико-Хирургической Академии, трудящихся или мечтающих трудиться женщин, собравшихся ехать на женские курсы в Россию, юнкеров, семинаристов старших классов и учеников межевого училища. Этот новый разнообразный состав кружка чрезвычайно оживил нас; как раз в это время знакомые нам петербургские студенты, прислали нам сочинения Ф. Лассалья, «Капитал» Маркса и ром. Швейцера «Эмма и Люцинда». Все это увлекало нас своей новизной. Но этот новый расширенный кружок был кружком самообразования, с задачами гуманной, просветительной работы для народа, и только.

Наш новый, расширенный кружок, в числе других юношей, стал посещать и ученик выпускного курса межевого училища Мих. Чикоидзе, а также ученик классической гимназии — кн. Александр Цицианов, ставшие потом моими ближайшими товарищами по делу «Всерос. соц. рев. организации», с которыми пришлось потом делить и тюрьму и скамью подсудимых, а затем каторгу и ссылку.

Крупная фигура Чикоидзе сразу обращала на себя внимание. Небольшая голова, покрытая густой шапкой черных волос несколько склонялась на длинной шее; горящие, черные прямо страшно большие глаза, всегда упрямо, неотвязно устремленные в лицо собеседника, как-то невольно смущали; но приятный густой баритонного тембра голос противоречил этому впечатлению и безсознательно привлекал к нему с самой первой встречи.

Приглашенный однажды на одно из наших собраний, он пришел довольно рано и когда я вошел в комнату, то застал его в горячем споре с двумя-тремя присутствовавшими там женщинами о значении математических наук для выработки строгого мышления; женщины не соглаша-

лись с ним и, ложно толкуя Писарева, которому она, как и большинство молодежи поклонялись, утверждали, что строгость в мышлении достигается только изучением естественных наук, а не отвлеченной чистой математики. Чикоидзе строго, но добродушно качая своей головой, которую впоследствии другие женщины, его товарищи по процессу 50-ти, называли в просторечии «шваброй», возражал своим оппоненткам, доказывая, что в каждой отвлеченной математической формуле гораздо больше реальности, нежели в теории происхождения видов, к немалому смущению своих оппоненток. Математика была его культом; впоследствии я узнал от его товарищей по межевому училищу, а потом и по Михайловскому Артиллерийскому училищу, что он обладал необычайными математическими способностями, которые были замечены сначала преподавателем Межевого Училища артиллеристом Воропаевым, а затем и профессором Мих. Арт. Учил. в Петербурге Будаевым, которого поражал Чикоидзе не только способностями своими, но и обширными познаниями своими в математических науках. Эти отзывы Воропаева и Будаева передавали мне товарищи Чикоидзе, а сам он был так скромен, что, кажется, даже и не сознавал своих сил и никогда не кичился своими знаниями.

Другой юноша, с которым меня свела судьба на этих собраниях, был кн. Александр Цицианов: это был молодой человек среднего роста, с большим выдающимся лбом, с особенно рельефно выступавшими лобными буграми, сильно оттеняемыми его синими очками. Во время наших споров он почти всегда сидел молча в углу комнаты и, понуря голову, улыбался: трудно было разгадать, смеется ли он над спорящими или сочувствует комунибудь из них.

В этом нашем юношеском кружке, Цицианова я видел всего раза два и потом на некоторое время потерял его из виду: потом я узнал, что в год моего окончания курса гимназии (в 1872 году) Цицианов бросил классическую гимназию и отправился в Цюрих, а я и Чикоидзе отправились в Петербург, чтобы поступить: Чикоидзе в Артиллерийское Училище, а я в Медико-Хирургическую Академию, которую мне пришлось, уже много лет спустя, променять на юридический факультет.

Вообще летом 1872 года весь наш кружок разбрелся:

значительная часть его уехала в Россию для поступления в высшие учебные заведения; остальные заканчивали курс в местных среднеучебных заведениях, поддерживая в новых рядах молодежи традиции кружковой самостоятельности и самообразования.

III

В Петербурге я сразу попал в среду молодежи, говорившей, мечтавшей и бредившей лишь о народе. Меня встретили там старшие тифлиссские товарищи; они проживали в Лесном и ютились вчетвером в одной комнате; несмотря на то, что все они получали порядочные деньги из дому, я застал их питающимися ржаным хлебом и без копейки денег; они нисколько не унывали и весело работали.

Мне предстояло выбрать дорогу.

Еще на гимназической скамье я мечтал о врачебной деятельности. Незабываемые еще впечатления моего детства в деревне, где я провел свои первые двенадцать лет жизни, подсказывали мне, что в роли врача можно очень много сделать для бедного люда. Мать моя, большая деревенская филантропка и глубоко верующая женщина, бывало ежедневно посылала меня с человеком в деревню, нагружая нас чаем, сахаром, фруктами, свежим хлебом, булками, которые она выписывала себе из города и прочими съестными припасами, а также лекарствами для бедных. Мы разносили все это бедным в их жилища, разбросанные иногда в разных концах нашей обширной деревни (Сагаредж), растянувшейся на протяжении нескольких верст к склону Цивских гор над долиной р. Иоры. На всю эту обширную деревню не было тогда ни одного врача, ни одного фельдшера и за всяким лекарством крестьянам приходилось ехать за 50 верст в Тифлис. Естественно, как высоко ценили они заботливость моей матери. Меня, еще ребенка, уже тогда поражала беднота и убожество крестьянских домов, куда я заходил, спеша проворно выгрузить свою корзинку, чтобы избежать благодарности больных, но они все-таки считали своим долгом, подняться, если могли, с постели, провожая меня благословениями моей матери и выражая пожелание мне долгой жизни, какой сподобился дед мой, умерший на 104-м году жизни.

Слезы и причитания этих беспомощных больных, убожество их жилищ, нищенская обстановка и жизнь, в кото-

рой они утопали, обезсиленные трудом, меня в такой степени волновали, что иногда я отказывался исполнять поручения матери, потому что слезы и причитания меня самого доводили иногда до слез и заставляли почувствовать мою беспомощность серьезно помочь им. Но мать всегда умела склонить меня снова и снова посещать их: «если ты не будешь», говорила она, «ходить к бедным, Бог узнает, что ты недобрый мальчик и, когда ты заболеешь сам и меня не будет с тобою, никто тебе не поможет»; и я безпрекословно повиновался. Это чувство сострадания к бедным, с детства развитое во мне, определило и первые шаги моей жизни.

Естественно поэтому, что, попав в Петербург, я поступал прежде в двери Медико-Хирургической Академии. Имея аттестат реальной, а не классической гимназии, я в сущности не имел права поступать в эту Академию, но мне посоветовали обратиться к военному министру Милютину. По его распоряжению меня приняли в Академию, так как мое хорошее знание языков французского и немецкого ценилось профессорами гораздо больше, нежели поверхностное знание гимназического курса латыни, с каким вступали в Академию классики. Что же касается преподавания естественных наук в нашей реальной гимназии, оно было поставлено так хорошо, что на I-м курсе Академии, мне почти ничего не приходилось делать, так как уже в гимназии я знал гораздо больше по физиологии, анатомии, зоологии, сравнительной анатомии, химии, физике, ботанике и минералогии, нежели это требовалось по программе I-го курса Медико-Хирургической академии.

По принятии меня в Медико-Хирург. Академию, я отправился в Лесной Институт, где у меня были земляки. Этот институт был тогда центром сближения петербургской молодежи; здесь в обширном зале институтской библиотеки и читальни можно было встретить кого угодно — студентов всех учебных заведений Петербурга, а в дешевой столовой при этом институте обедал в кредит каждый, кому хотелось есть, лишь бы об этом был предуведомлен староста столовой. Тут-то впервые я увидел студенческие сходки: этими сходками руководили обыкновенно старые студенты или вечные студенты, как их называли, а также иногда и люди, которые никогда студентами и не были.

как-то некоторые литераторы, а также бывшие офицеры, как Сергей Кравчинский, Дмитрий Рогачев и многие другие.

Помню меня очень поражало тогда, что тема на этих сходках, были те же, что и в далеком лисском кружке: говорили о Парижской Коммуне, говорили о буржуазных республиканцах, как об изменниках народа, говорили о Нечаеве и его аресте в Цюрихе и в связи со всем этим о нашем правительстве, которое душит молодежь и народ, как душило французское правительство Парижскую Коммуну.

Иногда я посещал также сходки кружка студентов-кавказцев которые собирались на квартире кого-нибудь из земляков; но эти собрания были вообще мало интересны, хотя темы были те же, что и на русских студенческих сходках.

Прожив первые месяцы в Петербурге и убедившись, что слушание лекций в Академии — пустая трата времени для меня, так как программа I-го курса, как я уже сказал, была пройдена мною еще раньше в гимназии, и находя, что основательное занятие химией мне поможет в изучении многих отраслей медицины, я по совету студентов Лесного Института Бакрадзе и Садовского попросил профессора Лесного Института Бородина разрешить мне заниматься в лаборатории института, так как при всем богатстве Медико-Хирургич. Академии, ее химическая лаборатория постоянно пустовала и никто из студентов не занимался там: старый профессор Зинин поглощен был своими собственными исследованиями, а профессор Бородин (однофамилец проф. Лесного Института) — зять проф. Зинина занимался, по словам самого же Зинина, больше музыкой, чем химией.

Профессор Лесного Института согласился на мою просьбу и я приступил к занятию количественным анализом, т. к. качественным анализом я занимался еще в гимназической лаборатории.

В виду того, что занятия в лаборатории велись обыкновенно по вечерам, начиная часов с 5—6, мне неудобно было уже жить в Петербурге и я совсем переселился в Лесной Институт, где к услугам моим оказалась не только просторная комната, но и вся необходимая обстановка с по-

стелью, самоваром и даже булкой и молоком по утрам и обедам в кредит в столовой Института. Когда какой-то сторож явился ко мне с просьбой сообщить ему мою фамилию, чтоб написать ее на дверях моей комнаты, я просил его не делать этого, так как я студент Мед. Академии Лесного Института; но он преспокойно ответил мне: «да, я это знаю; мало ли студентов не лесников, которые целыми годами живут у нас, а все же фамилию надо прописать на дверях».

Действительно, порядки были в то время такие удивительно патриархальные, что там, как мне рассказывали, проживали нередко литераторы и другие интеллигенты, временно не имевшие никакого приюта. Я расположился таким образом в Институте на всех правах студента-лесника. Утром раза три в неделю я шел в Петербург, чтоб работать в препаровочной, где сверх программы I-го курса я занимался практической анатомией у проф. Ландцерта, чтоб облегчить себе предстоящие занятия на 2-м курсе у проф. Грубера, работы у которого отнимали обыкновенно массу времени у студентов и мешали занятиям по физиологии и гистологии, читавшимся также на 2-м курсе.

По вечерам я возвращался опять в Лесной и занимался химией в лаборатории Института, а остальное свободное время посвящал чтению книг по разным общественным и научным вопросам, поставщиком которых в Институте был в то время большой библиоман, старый студент — Игнатий Носеллиани из типа вечных студентов, которого мы в шутку называли Игнатием Лойоллой; он обладал редкими библиографическими сведениями по всем отраслям знания, и был живой книгой очень полезной для студенчества. У него всегда можно было найти целый склад лучших произведений того времени по вопросам социальным, политико-экономическим и историческим. Благодаря сношениям его со всеми книжными магазинами, у него раньше всех можно было найти на столе всевозможную литературную новинку. Я обязан ему тем, что, не выходя из здания Лесного Института, мог доставать самые новейшие и самые лучшие книги; я перечел в то время невероятную массу солидных книг и журнальных статей, составляющих иногда библиографическую редкость; через него же я получал всякие запрещенные и заграничные издания. Впоследствии

вин, в разгар революционного движения того времени после бурных сходок в Институте, кончавшихся обыкновенно поздно ночью, можно было встретить ранним утром в его комнате целый нелегальный склад не одних лишь книг и нелегальных людей, располагавшихся в его комнате в своем собственном.

Зимой 1873 года, когда появился уже журнал «Вперед», издававшийся за-границей эмигрантом П. Л. Лавровым, сходки студентов еще более участились. Мне приходилось участвовать тогда на таких сходках, наприм. на Петербургской стороне и в Измайловском полку, где молодежь собиралась иногда в числе около тысячи человек. Студенческая молодежь, интересовавшаяся общественными делами, делилась уже тогда на две большие партии: бакунистов и лавристов и оказывала поддержку соответственным изданиям за-границей. В Мед. Академии уже с давних пор существовал обычай ежегодно устраивать студенческие вечера, которые давали иногда до 5.000 руб. сбора. Распределение этих сумм предоставлялось курсовым представителям. Зимой 1873 года мне по выбору товарищей пришлось быть представителем от 2-го курса и принять участие в распределении этих сумм. Вся Академия выбрала 10 человек, по 2 от курса; мы должны были обойти и осмотреть квартиры студентов, просивших пособия.

Мне впервые пришлось тогда видеть такие картины студенческой бедноты, которая пожалуй оставляли за собою все виденное в деревне; некоторые из студентов были в таком ужасном положении, что мы тут же, не дожидаясь распределения собранных денег, выдавали им на свой страх по несколько рублей, чтобы спасти от голодной смерти или от перспективы очутиться на улице за неуплату квартирных денег за угол, который занимал иногда студент, держа какой-нибудь перепиской себя, мать, сестру или маленького брата на каких ниб. 25 коп. в день. Но рядом с такими бедняками оказывались зачастую и люди, жившие не только безбедно, но по-студенчески даже роскошно, мы им, конечно, отказывали в пособии. И вот, когда все необходимые сведения были собраны, мы сошлись у одного из представителей курса, помнится у студента Воронцова, чтоб окончательно распределить

собранные деньги. Кто-то из присутствующих внес неожиданно предложение распределить между действительно нуждающимися студентами только половину сбора, а другую половину около 2500 руб. отдать на поддержку изданий Лаврова и Бакунина, мотивируя это предложением, что распространение таких изданий скорее приведет к уничтожению бедности и всяческих неправд, чем бесплодная филантропия; поднялись несколько голосов протеста; заявляли, что мы не в праве употреблять по своему усмотрению, хотя бы на общественное дело деньги собранные для студенчества. Но эта строго правовая постановка вопроса победить не могла; многие указывали, что сбор был бы на половину меньше, если бы в дело распространения билетов не вложили свой труд и энергию лица, задавшиеся целью поддержать именно названные издания; они говорили, что формально-правовая сторона лишена внутренней правды и проч. и проч. Самовластное употребление денег было принято. Но так как распределение этих сумм происходило под контролем начальника и инспектора Академии, то суммы, предназначенные для выдачи на нелегальные издания, приходилось записывать на имя студентов заранее дававших свое согласие уступить получаемые ими пособия на эти издания. Это фиктивное распределение пособий несколько испортило дело и меня очень шокировало; мне казалось, что мы совершаем нечто вроде кражи и чтобы выйти из этого неловкого положения я предложил, чтобы право распределения пособий было по крайней мере предоставлено нам безконтрольно; но предложение мое было отвергнуто, так как начальство все равно не согласилось бы с ним.

Тем не менее такое фиктивное распределение пособий очень хорошо было известно тогдашнему инспектору Пескову и начальнику Академии Чистовичу; но во избежание разного рода осложнений, они смотрели на это сквозь пальцы, тем более, что то же самое проделывалось и с суммами, собираемыми с балов и вечеров другими учебными заведениями. Можно смело было сказать, что в первое время, т. е. в 1873—74 гг., большая часть революционных изданий велась в значительной мере на деньги, собираемые студентами; конечно, были единичные пожертвования состоятельных лиц, но сумма их была нес-

равненно ниже суммы сборов: таких лиц можно было перечесть по пальцам. Сверх того, революционные издания не только требовали издержек, но давали и некоторый доход, так как молодежь, и другая интеллигенция часто платила за них хорошие деньги: помню, как за номер «Вперед» за «Государственность и Анархия» платили от 2 до 5 рублей, а иногда и больше. Правда, эти книги приходилось перевозить через границу, что сопряжено было с большим риском и немалыми расходами, но расходы эти вполне покрывались, вероятно, продажей изданий. В то время агентуру бакунистских изданий держал некто Рабинович, впоследствии известный ренегат, выдавший почти весь состав кружка Чайковцев; агентура журнала «Вперед» была в руках студента Медико-Хир. Академии Гинсбурга, который до конца 1875 года деятельно собирал деньги для поддержки лавровского издания; но с каждым годом сборы были труднее и труднее и уже в феврале 1875 года нашей, уже тогда создавшейся, организации пришлось выдать в Москве Гинсбургу на поддержку журнала «Вперед» 2.000 рублей через Евг. Субботину. Между этими двумя агентами, т. е. Рабиновичем и Гинсбургом происходили вечные недоразумения, доходившие иногда почти до открытого скандала: они перехватывали друг у друга контрабандный путь, открыто обвиняли друг друга в якобы умышленном провале целой партии контрабанды и вся эта неприличная свара возмущала молодежь, которой не было никакого дела до их счетов и которая относилась с одинаковым интересом к обоим рода изданиям и с одинаковой жадностью читала и те и другая.

Молодежь была права, не делая различия между этими изданиями. Споры петербургских представителей бакунистов и лавристов были чисто академические, вроде того, например, нужно ли дать народу знание и именно в полном размере, чтоб произвести революцию; нужно ли самим революционерам запасаться большими знаниями, или же ограничиться имеющимся у них богатством и идти с ним на революционное дело и т. п. На эти темы шли безконечные и бесплодные споры, бесплодные потому, что никто не знал народа, никто не обращал внимания на то, что в сущности и та и другая тактика была хороша в зависимости от того или другого данного исторического момен-

та, от той или другой меры накопления революционной энергии в народе. В этих спорах на ряду с немногими серьезными людьми принимало участие не мало болтунов, крикунов и фразеров, совершенно незнакомых с народной жизнью; эти люди отрицая всякую подготовительную организационную работу толкали более впечатлительных юношей на чрезвычайно скользкий путь, приводивший весьма часто к разочарованию и ренегатству. Адепты же партии лавристов, называвшие себя также марксистами, хотя с Марксом они, пожалуй, были менее знакомы, чем лучшие представители бакунистов, вечно ходили, как бы с тяжелой артиллерией, пригнетавшей их к земле, слишком не соответствовавшей пылким запросам молодежи, готовой отдать без оглядки жизнь, лишь бы поскорее сломить цепи политического и экономического рабства, угнетавшего народ. Большинство этих марксистов разсуждали об организации рабочего класса, о пропаганде теории Маркса среди рабочего населения, не имея ни мужества, ни таланта проникнуть в эту среду, сойтись с рабочими и подвинуть их на что либо активное. Это были горожане—теоретики и только. Лучшая часть молодежи внимательно прислушивалась и к тем и к другим, но сама намечала свой путь. Она быстро разобралась в этих иногда бесплодных теоретических спорах и произнесла свой приговор над обеими партиями: лавристов она признала резонерами, не способными к активной работе, бакунистов назвала вспышко-пускателями, которые толкают молодежь на многочисленные вспышки, кончающиеся горьким разочарованием, а потом и бесплодной гибелью сотен молодых жизней.

Теоретические споры о том, следует ли бороться за политическую свободу или необходимо теперь же добиться торжества социализма, надоели всем; всем хотелось бороться и за политическую свободу и против экономического рабства. Бросив бесплодные споры и узкие односторонние программы, молодежь ринулась в народ, ища там ответа на свои наболевшие вопросы.

Многим из нас, детям сельских сословий хорошо было известно и раньше, что такое народ, что он хочет. Проповедь Бакунина мы понимали в том смысле, что надо организовать массу интеллигентную, рабочую и крестьянскую

против всей жизненной неправды, чтобы разом ударить на врага; задаваться же целью преподавать народу тонкости учения социализма, сделать массу сознательной в проведении в жизнь социалистического, в ~~социалистического~~ ~~идеала~~ идеала, мы считали сумасбродством ~~идеала~~ воды. Другое дело горожане: их увлекала стройность этой теории; они совершенно не знали массы и никогда не имели с нею дела; они знали эту массу лишь по книгам, а когда соприкасались с нею в действительности, народ казался им сфинксом: они думали, что проповедью отрицания царя, бога, церковных обрядов, брака и проч. можно увлечь народ; мы же с детства знавшие его в деревне, бессознательно изучившие там психологию масс, никогда не переоценивали ее; мы прекрасно знали, что к народу надо подходить очень осторожно и при том умело, в противном случае вся эта масса пойдет против нас и станет за правительство с царем и духовенством во главе. На ряду с ее положительными сторонами, мы прекрасно знали отрицательные свойства народной массы и мирились даже с фактом — возможного предательства нас со стороны крестьян и рабочих. Примеры такого предательства были уже в конце 1873 и начале 1874 года, как были те же примеры и в интеллигенции. Естественной реакцией против вышеуказанных бесплодных, наскучивших всем споров явилась могучая волна движения в народе. Эта волна была так сильна, что стерла в сердцах молодежи все другие расчеты, все почти о науке, о личном будущем; получение диплома считалось тогда преступлением; все немедленно спешили покинуть стены учебных заведений, чтобы поскорее сжечь свои корабли; все спешили облечься в сермягу и двинуться в народ, чтобы там жить его жизнью, делить с ним горе и радость. Не только высшая, но и среднеучебная заведения быстро пустели, а так как пристроиться всем сразу в народе было не легко, то большая часть этих молодых людей продолжала оставаться в Петербурге. Всего труднее приходилось тогда молодым девушкам, которых за самовольное оставление учебных заведений родственники часто лишали средств и оне не знали, чем жить. Некоторые из них вступали в фиктивные браки, чтоб избавиться от стеснительной родительской опеки и располагать своими личными средствами, если они

у них были, но браки эти часто еще более осложнили дело; если такая девушка попадалась в чем-нибудь, то администрация водворяла ее немедленно в дом фиктивного мужа, которого это обстоятельство не смущало. Я помню, как некая П-а, связанная фиктивным браком с одним лицом и жившая позднее, как жена, с другим арестованная в Петербурге, была выслана к фиктивному мужу, а этот последний отказался принять ее. Подобные истории производили удручающее впечатление: еще более удручал меня эксцентричный наружный вид этих девушек, совсем негармонизировавший с привычной условностью: высокие смазные сапоги, платье какого-то необыкновенного покроя, поверх платья не то плед, не то платок, стриженные волосы, а на голове мужская шляпа. Весь этот ненужный маскарад меня удивлял не на шутку. Подобной эксцентричностью возмущала меня, напр. В. П. Рогачева (рожд. Карпова); она возмущала всем внешним видом, своими жестами, разговором; а между тем она была прекрасной души человеком; я познакомился с нею ближе лет через семь после описываемого периода, когда всех нас, заключенных, в том числе ее фиктивного мужа Дм. Рогачева, из Харьковской Центральной тюрьмы пересылали в Сибирь в Карийскую каторжную тюрьму. Здесь на пути я напомнил ей наши первые встречи в Петербурге и откровенно высказал мое тогдашнее возмущение. По внешности она уже перестала быть эксцентричной, но меня все-же поражило в ней, что проведя на воле около 7 лет, и стоя почти в стороне от движения (все это время она провела в административной ссылке в северных губерниях), была, как и раньше, почти полной невеждой; она не попыталась изучить даже историю, понимание которой так важно для всякого революционера и на мое удивление, высказанное по этому поводу, она пояснила, что и до сих пор остается при том же мнении, что для революционера не требуется знаний, что знание лишняя обуза для него и революционеру нужно одао самоотвержение и честность.

Вот как своеобразно преломлялся бакунизм в некоторых умах. В. П. Рогачева смотрела, след., на вопрос о ненужности знания не как на уступку требованиям момен-

та, а как на безусловное положение, независимое от времени и места; и таких было не мало.

Будучи революционером по убеждению, я не разделял однако мнения той части молодежи, которая всех и всех итти в народ, требовала обязательного посещения учебных заведений; мне казалось что знание, как профессиональное, так и всякое другое, способствующее общему развитию человека, отнюдь не составляет того груза, который может помешать революционеру в революционной деятельности; поэтому, стоя довольно близко к революционной молодежи, я продолжал заниматься в Академии со всем юношеским пылом со всей жаждой знания.

Но судьбе угодно было распорядиться мною не так, как я того хотел.

IV

После выхода из Академии профессора Сеченова, кафедру физиологии в Академии занял профессор Цион, человек крайне несимпатичный, получивший место в Академии, благодаря лишь протекции высокопоставленных лиц. Профессора Академии делились в то время на две партии — русскую и немецкую; русская партия во главе с Грубером (чех), Заворыкиным, Рудневым и Боткиным была против Циона; немецкая же партия во главе с профессорами Эйхвельдом, Ланцвертом и другими — за Циона. Грубер не скрывал своего антагонизма к нему и нередко во время экзаменов ни с того, ни с сего начинал держать речь на своем полу-русском, полу-латынском и полу-немецком языке о том, как профессор Цион удостоился степени доктора медицины за открытие какого-то якобы нерва, который впоследствии оказался простой связкой; помню, как нас смешил и его воляпюк и его придирчивость и то, что, добросовестно оценивая знание студента, он нередко произносил сурово: «ну, господин (имя рек), приходите езе раз»; аудитория разражалась гомерическим хохотом и громко аплодировала этой привычной фразе; и сам срезавшийся студент хохотал обыкновенно до упаду, удивляясь, как это Грубер, рассказывая о проделках Циона, все же узнал, что он не готов к экзамену. При всей неумолимой строгости к знанию студентов, порою даже придирчивости его, многочисленные

поколения студентов, прошедшие через руки Грубера, всегда относились к нему с большим уважением, главным образом, потому, что он смело отстаивал неприкосновенность своих владений (анатомический театр на Выборгской стороне) и во все смутные периоды жизни, когда полиция разносила другие аудитории, она не могла проникнуть в анатомический театр, куда обыкновенно спасались преследуемые полицией студенты. Тут Грубер выходил в своем кожанном халате и, стоя в трагической позе, объявлял полиции и жандармам, будь в числе их хоть сам Трепов, что никто не смеет переступить порог анатомического театра, что он Грубер никому не позволит осквернить храм науки, который он обязан оберегать как святилище. Эта благородная речь и его выразительная фигура производили должное впечатление на полицию и она ступшеывалась, рассеивалась, как дым. Осенью 1874 года, когда вспыхнули открытые беспорядки, вызванные Ционом, некоторые из вожаков студентов, преследуемые полицией, нашли себе убежище в анатомическом театре: Грубер объявил помощнику Трепова — Козлову, что готов встретить грудью всякое насилие, но студентам не выдаст; объявив это, он залер дверь анатомического театра, и сам лично поехал к Александру II-му, который приказал полиции не трогать этого помещения.

Такая защита студентов от насилия полиции страшно подкупала молодежь, и старик Грубер пользовался неслыханной симпатией ей, несмотря на то, что большинство студентов относились отрицательно к его строгим экзаменам и к его ассистентам, которые фактически всегда его заменяли.

Эта огромная популярность Грубера, личного врага Циона, грозила последнему гибелью и сам Цион всем своим мелким существом способствовал этой гибели. В то время, как все знаменитости Академии ходили на лекции в слякоть и дождь пешком, или тряслись на ваньке, профессор Цион наряжался в свой генеральский мундир и приезжал в карете. Его европейское произношение, монотонность речи, вся его незидная фигура прямо отталкивали нас; только что вышедший его курс физиологии с массой научных ошибок, которые были тотчас же отмечены в прессе, окончательно подорвал к нему доверие студентов.

Мало того, учредив экспериментальный курс физиологии, демонстрируя на нем разные физиологические опыты, он объявил, что студенты, желающие заниматься в его лаборатории, обязаны подвергаться ежемесячным экзаменам; в противном случае он никого не допустит в лабораторию. Такая регламентация обидела и возмутила всех студентов, искренно желавших изучать физиологию; это и понятно; незнающий студент не станет попусту ходить в лабораторию и целые часы, а может быть и дни, посвящать необязательным опытам по физиологии; очевидно Цион путем стеснительных регламентаций хотел ограничить число занимающихся в лаборатории и тем избавить себя от обязанности руководить их занятиями. Уже в 1872 году студенты бойкотировали лабораторию Циона и в ней продолжали заниматься каких-нибудь — 4-5 человек, которые на моих глазах чуть не были избиты в аудитории и одного из них мне лично пришлось спасать от наступавших на него с кулаками студентов. Лучшая, занимающаяся молодежь бойкотировала лабораторию Циона; его регламентации подчинились только карьеристы, для которых вне диплома другого божества не было.

Возмущение против Циона росло; он считал нужным свести счеты с Грубером и его партией и, не будучи в состоянии открыто померяться с ними силами, задумал выместить свою злобу на нас — студентах.

Задумал он это сделать во время экзаменов 1874 года, т. е. при переходе моем со 2-го курса на 3-й.

Цион порешил резать всех студентов, которые имели полные баллы у Грубера и Заворыкина; некоторые из студентов прознали об этом и, явившись рано на экзамен, стали предупреждать других, что проф. Цион хочет экзаменовывать не только по физиологии, но и по анатомии и гистологии, надеясь доказать этим, что лучшие студенты Грубера и Заворыкина ничего не знают. Весь курс из 250 человек постановил не отвечать Циону ни на один вопрос по анатомии и гистологии; решение это состоялось до моего прихода и когда мне объявили его, я выразил — сочувствие — меня возмущал мелочный замысел Циона. Вызывали обыкновенно по алфавиту; несмотря на это, меня почему-то вызвали первым; мне достался билет — физиологические функции почек.

— Прежде, чем говорить о физиологических функциях, потрудитесь описать анатомическое и гистологическое строение почек, сказал мне внушительно Цион.

— Ваше желание исполнено не будет, ответил я, потому что сегодня экзамен по физиологии, а по анатомии и гистологии экзамены мы уже сдали. Происходит длинное препирательство. Наконец, не слушая его, я приступаю к изложению физиологических функций: Цион волнуется, призывает в свидетели ассистентов, указывая им, что я не подчиняюсь его законным требованиям, я с своей стороны указываю на незаконность его требований; слышен многоголосый ропот студентов по адресу Циона и громкое обращение ко мне: «не отвечайте ему, не отвечайте». Все это меня выводит из терпения, я встаю с кресла и говорю Циону: «собственно говоря, с вами и разговаривать то не стоит». Вставая с кресла, я кладу на стол перо, которое держал в руках и слышу в это время крикливый возглас Циона: «смотрите господа, он бросил в меня перо». Эта ложь сильно возмутила меня; ассистентами были: Эйхвальд, Ландцерт, Бородин и еще кто-то. Я обращаюсь к ним и спрашиваю: «когда же я бросил перо в Циона?». В ответ полное молчание; тогда я говорю им: «в учебном заведении, где потворствуют лжи, оставаться не стоит» и, присев тут же, я взял лист бумаги и написал «не желая больше оставаться в академии, прошу выдать мне мои документы», и, вручив эту бумагу инспектору академии Пескову, ушел. Вслед за мною были вызваны еще четыре студента и с ними произошло то же, что и со мною. Тогда Цион уступил и перестал экзаменовать по анатомии и гистологии, так что остальные экзамены прошли спокойно. Цион просил конференцию предать нас пятерых академическому суду за оскорбление, нанесенное ему. Председателем суда был профессор Бородин (химик, он же композитор); все остальные были немецкой партии и нас осудили на 8 суток на гауптвахту. Бородин пригласил меня к себе на квартиру, просил подчиниться решению суда и взять назад заявление об отставке; я не согласился, не согласился, кажется, и Венгеров. Лучшие студенты поклялись отомстить Циону. «Не пройдет и года, говорили они мне, как мы свалим этого карьериста и свалим так, что он не найдет себе кафедры на всем земном шаре».

Действительно, так и случилось. Осенью 1871 года произошли такие беспорядки в академии, что Цинн вынужден был навсегда покинуть кафедру физиологии и только после долгих скитаний, он устроился в Париже, но не профессором по кафедре физиологии, а директором министерства финансов; эта роль, очевидно, ему была более по плечу.

Вскоре по объявлении нам вышеприведенного приговора академического суда, инспектор академии просил нас в назначенный день явиться на адмиралтейскую площадь, откуда он и свел меня на гауптвахту при адмиралтейской части, а других в другие места.

Отправляясь на гауптвахту, я взял с собой «Капитал» Маркса, книгу, которую я полюбил, изучая ее еще в 1872 году и мне доставляло удовольствие перечитывать ее, начиная с любой главы. На гауптвахте, в одной комнате со мною оказались гвардейские офицеры, которые все время ели и закусывали, запивая все это хересом, мадерой и шампанским. Несмотря на различие наших привычек, не прошло и двух дней, как мы перезнакомились и у нас завязались оживленные беседы; оказалось, что они знакомы с произведениями Герцена и Бакунина, слышали кое-что о Чернышевском, Михайлове, Писареве. Но всех больше их интересовал Бакунин; один из них, как оказалось, был с ним лично знаком. Когда я заговорил о Лаврове и журнале «Вперед», он ответил мне: «ну, это что за революционер, писал бы лучше историю, а революция не его дело». Ночью они рассказывали мне о распутной жизни, какую вели высокопоставленные лица, говорили, что у них целый гарем из девиц — институток, что морское начальство ворует целые миллионы во флоте и сплавляет их за-праницу, что все они готовы продать Россию немцам и т. д. и т. д. Тут мне пришлось встречаться и с дежурными по караулу из разных полков; помню офицера Семеновского полка, который собирался поступить в технологический институт, и который не мало изумил меня своим знакомством с историей движения в России; он говорил о значении декабристов и находил, что вся ошибка их в том, что они не сумели захватить в руки власть; помню, как я горячо спорил с ним по этому поводу, высказываясь против всякого захвата власти, так

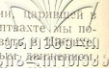
как вместе с бакунистами я признавал принцип народо-властия и был против всякого захвата.

Случайная встреча на гауптвахте с массой офицеров разных полков, их смелое вольнодумство и резкая критика существующего порядка правления, сходная в некоторых частях с той критикой, которую мы сами высказывали, еще более убедила меня, что почва для революции готова даже в такой среде, как гвардия. Но я, как и вся тогдашняя молодежь, если был против захвата власти, то в особенности против захвата ее войском, так как это могло бы привести только к *pronunciamento*.

Недовольство в крестьянской и рабочей среде, недовольство всей молодежи, недовольство, наконец, в среде офицеров, — все это заставляло думать, что при умелой организации этих готовых элементов, можно создать открытый сознательный протест, который будет услышан и поддержан всей страной. Эта мысль поглощала тогда всю мою душу.

Подав прошение об отставке, я тогда же, уходя с экзамена, решил уехать в Париж и там в стране свободы закончить курс медицины и скорее вернуться в Россию. Я тогда же условился ехать за-границу с одним товарищем, студентом-медиком Иванишевичем, с которым я жил на одной квартире и который, как австрийский серб, пользовался стипендией славянского комитета. Его страшно тяготил петербургский режим, он уверял меня, что даже славянам в Турции живется гораздо свободнее, нежели нам в России и звал ехать в Европу. Такое мнение о положении славян в Турции не мешало ему мечтать об освобождении их из под турецкого ига; он стоял близко к подготовлявшемуся тогда движению славян на Балканах; помню, как к нам приходили тогда сербы — офицеры русской службы и с восторгом говорили о том, что скоро, очень скоро вспыхнет возстание на Балканах и славяне при помощи России освободятся от ига турецкого. Когда же освободится сама Россия, думалось мне...

Иванишевич почти ежедневно посещал меня на гауптвахте; вместе с ним приходил ко мне и Михаил Чикондзе, который незадолго перед тем решил бросить Михайловское Артиллерийское училище, стеснительные порядки которого он не в состоянии был терпеть; он любил военные

науки, но питал отвращение к субординации, царившей в русской военной службе. Здесь же на гауптвахте мы решили всем троим ехать в Париж, побывав в Швейцарии, Женеве, ознакомиться с интернациональным движением, которое тогда так интересовало нас и затем, смотря по обстоятельствам, устроиться, где это будет возможно.

К нам присоединились вскоре еще два студента — технолога — Иван Кузьмин и Николай Дмитриев, оба уроженцы Кавказа.

В июне месяце 1874 года мы двинулись в путь, денег у нас было немного; подню, я внес в общую кассу, кажется, двести рублей, из которых сто я перед самым отъездом получил от уполномоченного Уральского Казачьего Войска полковника П. В. Мартынова, сына и дочь которого я подготавливал в гимназию. Мартынов был человек образованный, все время возился с Гакстгаузенем, Чернышевским, как защитником общинного землевладения и относился к молодежи с большим сочувствием и любовью. Его щепетильность в деле вознаграждения за труд была поистине редкая; он не только платил мне за каждый урок по три рубля, но если я случайно просиживал с детьми более часа, то он оплачивал и это добавочное время. Такое отношение было для меня большой неожиданностью и когда я отказывался принять деньги за эти добавочные часы, он говорил мне «помилуйте, вы так много трудитесь для моих детей, я — честный человек ценю ваш труд». Эта его щедрость облегчила мне возможность побывать за границей. Он очень сожалел, что я бросил Академию.

Мы отправились за-границу через Варшаву, на Границу, Вену, Мюнхен, Цюрих, Мюльгаузен, Париж.

Путешествие это не обошлось без некоторых приключений, о которых писали тогда даже в газетах. Направляясь из Швейцарии в Париж, мы приехали в Мюльгаузен в 1 час ночи, а в 3 1/2 отходил наш поезд; находя излишним отправляться ночью на такое короткое время в город и занимать номер на каких нибудь 2 часа, мы решили провести эти часы в довольно обширном саду, который находился тут же, против вокзала; привыкшие в России проводить целыя ночи на вокзале, в ожидании поезда, мы были поражены, когда по требованию зачальства пришлось оставить вокзал. Мы вышли в сад; там были очень

удобные скамейки, на которых мы и расположились, разослаив на них пальто и пледы.

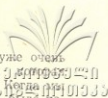
Растянувшись таким образом с возможным удобством, мы закурили папиросы, никак не ожидая грозы. Прошло и нескольких минут, как послышались тревожные полицейские свистки и вслед за ними вдруг откуда-то выросли перед нами 5 бравых сержанта, что-то тихо говоривших друг другу по польски. Один из них осветил нас светом потайного фонаря и громко крикнул: "Stehen sie auf", а остальные подхватили ему в тон — auf, auf! Не давая придти в себя, они оцепили нас и скомандовали следовать за ними: мы не хотели повиноваться; они схватили нас, мы стали сопротивляться; произошел горячий обмен отборной брани на русском, польском, немецком, французском и даже грузинском языках, без которого не умел обходиться Чикоидзе в таких случаях. Мюльгаузен, еще только недавно бывший французским городом, только что перешел тогда в германские руки и был поэтому почти на военном положении. Ночью всех арестовывали, но мы этого, конечно, знать не могли. Сержанты стали угрожать нам револьверами и только тогда мы поневоле пошли за ними и скоро очутились в полицейском бюро. Надо было видеть тут озверевшие лица этих поляков в прусских мундирах; один из них в ярости своей вскочил на нары, достал со стены громадных размеров нагайку, которою он, вероятно, так недавно расправлялся с французами и стал играть ею в воздухе. При виде нагайки, мы все пятеро приняли боевую позицию, а Чикоидзе с ловкостью военного человека с такой силой схватил руку сержанта, что она бесильно опустилась вниз. Между сержантами нашелся благоразумный, который вырвал нагайку из рук собрата и бросил ее на нары; затем они потребовали у нас паспорта и деньги, которые все хранились у меня, я отдал им паспорта, а деньги только показал и положил себе обратно в карман. Уже было три часа ночи; через полчаса наш поезд отходил, но неумолимые прусские поляки, взяв паспорта, втолкнули нас в темную, где мы и просидели всю ночь, пропустив, конечно, свой поезд. Эта темная была так грязна и отвратительна, что могла бы с честью поспорить с русской каталажкой!

На другой день нас пригласили к начальнику полиции, который оказался также поляком; он молча вернул нам паспорта и отпустил нас на все четыре стороны.

При выходе из полицейского участка, вдруг целая группа французов; приветствовали нас, сняли шляпы и объявили, что мы их гости на чашку кофе; они выразили нам соболезнование и вместе с тем радость, что мы, испытав на себе прусский режим, расскажем о нем всей России.

Придя в кофейню вместе с нашими случайными друзьями, мы застали там новую группу французов, которые спешили рассказать нам о всех ужасах новых прусских порядков; мы от всей души сожалели, что такой симпатичный народ, как французы, принужден терпеть позорное иго грубых пруссаков. Наше сочувствие умиляло и утешало их. Поезд отходил в 12 часов дня, нам объявили, что для нас готово особое купе, чтобы избавить нас от встречи с прусскими свиньями; я хотел расплатиться за кофе, французы не позволили. Вдруг кто-то из публики, видимо сотрудник какой-то газеты, подносит мне составленную на французском языке телеграмму на имя тогдашнего русского канцлера князя Горчакова: в телеграмме кратко излагалось, как совершенно неповинно 5 русских *gentil hommes* — ов (так значились мы в наших паспортах) подверглись аресту, оскорблению на словах и даже угрозе нагайкой со стороны прусской полиции.

Едва я успел подписать телеграмму, как откуда-то явились прусские жандармы, чтобы отнять телеграмму у француза, но толпа загородила дорогу жандармам и француз с телеграммой исчез. Телеграмма была отправлена по адресу. Что сказал Горчаков, не знаю, только она была помещена каким-то образом в петербургских газетах; немецкия же газеты, и в том числе, кажется, даже социал-демократ. цюрихская газ. «*Tageblatt*», старались высмеять этот факт. Мы выехали из Мюльгаузена с такой овацией, устроенной нам французами, какой не удостоила наша революционерствующая публика даже шлиссельбургских узников в 1905 году, когда после почти четверти века заключения, выпустили их на свободу!

В июне 1874 года в Цюрихе оставалось уже очень мало от той, недавно такой обширной колонии, прогремела здесь в период 1872 — 74 годов. Когда приехали в Цюрих, издание журнала «Вперед» было перенесено уже в Лондон, куда переехал и сам Лавров со своими сотрудниками; Бакунин, после бурной борьбы его с марксистами в Интернационале, отдыхал в итальянской Швейцарии, в м. Локарно. Молодежь рассеянная известным циркуляром русского правительства, лишившим право вернуться на родину тех, кто останется в Цюрихе, также разбрелась по разным местам — в Женеву, Берлин, Париж, Лондон. Зато, к удивлению нашему, мы застали в Цюрихе многолюдную грузинскую колонию. Тут на ряду с лицами, не успевшими окончить по тем или другим причинам курса средней школы в России, были доценты университетов (Меликов, Петриашвили, Тарханов), были и отставные генералы со своими семьями, причем матери этих семейств щеголяли по улицам Цюриха в грузинском головном уборе, что составляло предмет не малаго удивления для обывателей этого города, принимавших их почему-то за египтянок. Часть грузинской колонии, впрочем, перекочевала уже в Женеву; там в это время жили сестры Николадзе, грузинский писатель Георгий Церетели, молодой князь Чолокаев, поселившийся у весьма симпатичного коммунара Монтенгю, в квартире которого устраивались сходки и вечеринки, до которых поэт князь был большой охотник; тут был даже представитель Дагестана — студент московского, а потом Вюрцбургского университета — Магомет-Домгат, а также мой старый товарищ по гимназическому кружку князь Александр Цицианов. Грузинская молодежь в Цюрихе, произвела на меня до некоторой степени удручающее впечатление; она почти ничем не занималась и оказалась совершенно незнакомой не только с народническим движением в России, но и с тем, что происходило на ее собственных глазах в Цюрихе в знаменательный период 1872 — 74 годов, о чем мы так подробно знали даже в Петербурге. Точно по отдаленной наслышке говорили они с нами о программах Лаврова и Бакунина и видимо ничто кругом не будило их любознательности.

Зато, по их словам, их сугубо интересовала там родная литература, ее история и в качестве вещественного доказательства такой любви к ней, к обеду подавалось грузинское вино, которое наливалось обильно — кавказски, прямо из бурдюка (козьга) грузинский сыр и разные другие родные кушанья.

Зачем приехали они сюда? думал я; но этот вопрос оставался открытым.

Среди этой грузинской колонии в Швейцарии, кроме кн. Ал. Цицианова, которого, как я сказал, знал еще в Тифлисе, меня привлекал к себе и другой юноша, в высшей степени симпатичный и общительный Элиозов; в противоположность другим цюрихским грузинам, они оба очень интересовались движением в России и сильно увлекались, как личностью Бакунина, так и его проповедью народничества; они были близко знакомы также и с некоторыми французскими коммунистами; оба они, восторжались русской молодежью, с грустью указывали на безсодержательность молодежи грузинской, хотя некоторые в ее кругу бессознательно поддаваясь общему настроению эпохи, мечтали об общественной деятельности. Цицианов и Элиозов передавали нам с Чикоидзе, что грузинская колония основала даже здесь кавказское общество в целях всестороннего изучения Кавказа. Конечная цель этого общества — кавказская федеративная республика; у них был и устав, который я бегло прочел и вынес впечатление, что это общество мертворожденное. Изучать Кавказ и историю Грузии в Швейцарии, конечно, нелепо; демократическая же республика в этой феодальной стране — историческая невозможность. Мечты о демократической республике были, конечно, навеяны примером Швейцарии; но неприкосновенность маленькой Швейцарии охраняется соглашением смежных великих держав, заинтересованных в ее существовании; кто же стал бы охранять неприкосновенность кавказской федеративной республики? Неужели Турция и Персия могли бы когданибудь так усилиться, чтобы дать охрану этой новой республике, выдвигая свой голос на равных правах с Россией. Рассчитывать же на охрану со стороны какой-нибудь враждебной России европейской державы или союза держав также не было ника-

ких оснований, т. к. ни у одной из таких держав не было никакой хотя бы мало-мальски веской, прицепки для этого; а без правовой, хотя бы и фиктивной опоры, иностранное вмешательство невозможно. Напротив, Кавказ исторически связанный с русским народом, должен был своим трудом добывать и свою свободу; это путь, давно предначертанный историей.

Всецело охваченные идеей международного социализма и отрицательно относясь к буржуазным республикам мы с Чикоидзе, конечно, столь же равнодушно отнеслись и к мечте о кавказской федеративной республике, тем более, что внутреннее содержание этой расплывчатой политической формы в вышеназванном уставе совсем не было определено. Нам интересовало существование свободы и социальной правды во всем строе жизни, а форме правления мы не придавали тогда решающего значения.

Это основное различие во взглядах делало цюрихский грузинский кружок мало для меня интересным: помимо того в нем отсутствовала какая бы то ни было оригинальность и новизна.

Напротив, меня, как и моих товарищей, чрезвычайно интересовала тогда могучая личность Бакунина, его роль в интернационале и громадное влияние в среде романских народов; интересовал он меня и как апостол анархизма, учения, с которым никто тогда еще не был как следует знаком в России. Мои товарищи просили меня съездить к нему, познакомиться с ним лично и передать им точные впечатления встречи; товарищи отпустили мне на это деньги из общей нашей кассы и я отправился в Беллинцону, поручив студентке А. Розенштейн (по мужу Макаревич) сообщить по телеграфу Россу (Мих. Сажину), через которого Бакунин обыкновенно сносился с посторонней публикой, чтобы он Росс встретил меня в Беллинцоне.

Переезд по Фирвальдштетскому озеру, ночь проведенная в Флюлене, путешествие в дилижансе через С. Готард в Беллинцону, все это оставило в душе неизгладимое впечатление, как промелькнувший волшебный сон.

В Беллинцоне, действительно, меня встретил Мих. Сажин; первое впечатление встречи с ним было хорошее.

Он повел меня в гостиницу, в которой обыкновенно останавливался Бакунин и, как бы в утешение мне, взял тот

самый номер, в котором обыкновенно останавливается этот знаменитый революционер. Спросив меня о цели приезда Сажин сказал мне, что за Бакуниным следят и каждое посещение нового приезжего чрезвычайно плохо отзывается на старике: это сильно волнует, раздражает старика. Так что если бывает какое нибудь экстренное дело, то обыкновенно сам Сажин передает его Бакунину, как его личный секретарь.

У меня никакого особенного поручения к Бакунину не было и мне пришлось отказаться от мысли посетить его; со слов Сажина это значило бы ухудшить и без того стесненное положение знаменитого старика. Итак, мне оставалось отказаться от мечты видеться с Бакуниным и ехать обратно.

Моя поездка, впрочем, не была вполне безрезультатна. Здесь в Беллиндоне я провел с Сажиним почти сутки. Он рассказал мне много интересного о недоразумениях между Бакуниным и Лавровым, о расколе в интернационале и роли Бакунина в этом расколе; говорили о Марксе и об отношении его к Бакунину, говорили наконец о Нечаеве и чайковцах, которые в это время (июль 1874 г.) работали уже в народе и которых уже стали арестовывать; аресты эти сначала ограниченные, стали через несколько месяцев после того массовыми. Хотя Сажин уже несколько лет, как оставил Россию, но у него были очень свежие сведения об арестах, подробности о которых я узнал лишь в сентябре, когда в Женеву приехал мой товарищ по Академии Воронцов, бежавший из Петербурга, спасаясь от ареста по прикосновенности к кружку чайковцев.

Лежа в постели, мы всю ночь проговорили с ним, как бы люди давно знакомые: он мне рассказывал много интересного о Герцене и Огареве, что я тогда еще не знал и мне хотелось слушать и слушать без конца. Говорили также о некоторых общих знакомых, бывших уже в народе и принимавших то или иное активное участие в движении. При этих разговорах я узнал, что очень близко к Сажину стоит некто Рабинович, о котором я упоминал выше и которого я знал, как поставщика бакунинских изданий в России.

Совершенно юный (кажется лет 17—18), способный, до юркости живой, Рабинович раздражал всех на сходках

своими неуместными и резкими призывами истреблять и убивать всех, кто только носит европейский сюртук. Меня лично он до такой степени возмущал этим диким призывом, что я перестал далее здороваться с ним даже на случайных встречах.

Эта близость Мих. Сажина к Рабиновичу, которого петербургские революционные кружки считали несносным мальчишкой, а затем узнали как предателя, навела мне самые грустные мысли о самом Сажине и о людях, льнувших к Бакунину; поэтому я уехал из Беллинцоны сильно обезкураженный; я никак не мог примириться с тем, что люди, не имеющие кредита в петербургских революционных кружках, могут стоять близко к личному секретарю Бакунина. Но вскоре через несколько месяцев, когда я встретился с Сажиным в Женеве, мне все разъяснилось; но об этом я буду говорить после, когда придется коснуться Ткачева.

Вернувшись в Цюрих, я передал товарищам моим, Чикондзе и другим, обо всем виденном и слышанном мною в Беллинцоне, а на другой день мы выехали в Париж.

VI

После двенадцатичасового переезда мы подъезжали к Парижу; было раннее утро; перед нами вырисовывался этот великий, многострадальный город, куда еще так недавно мы уносились мечтой, когда оцепленный кольцами вражеских штыков, он истекал кровью. Вот и улицы, над которыми почти еще вчера грохотали пушки; горькое чувство охватило меня, когда впервые пришлось блуждать по этим улицам. Стены домов зияли еще кое-где пробоями, но это были безкровные раны; живая, теплая людская кровь давно уже была всюду смыта, и народ, как в муравейнике, беззаботно кишел в этих улицах, предаваясь с прежней изумительной энергией своему дневному труду, точно торопился затушить этим трудом, быть может, еще неизжитое горе.

Мы прибыли в Париж с северным поездом, который останавливается в рабочей части города, именуемой Батиньодем; это обстоятельство облегчило нам возможность наблюдать рабочую жизнь в Париже и мы нашли

себе помещение в этом же квартале, недалеко от рабочего парка Монсо и знаменитого Монматра, в какой-то захудалой гостинице m-caz Бланка, скорее похожей на трактир, чем на гостиницу.

В этом доме жило много рабочих, занято было много то темные углы, где можно было оставаться только ночью, чтоб выспаться, а выспавшись, надо было спешить вон из этой конуры, мраком и размером своим напоминающей гроб. Так как нас было пять человек, а комната с окном, которую мы заняли, могла вместить только четырех, то одному из нас пришлось принять один из таких же гробов, за который мы платили, кажется, десять франков в месяц. В этот гроб мы ходили ночевать по очереди, через четыре дня на пятый, да и то было невыносимо; каково же было тем, которые считали для себя большим счастьем иметь хоть такое пристанище!

Здесь мы наблюдали весь ужас жизни европейского рабочего, неприютного, голодного и унылого; уныние до такой степени поражало нас, что мы удивлялись, как такой унылый народ мог совершать недавние геройские подвиги во время коммуны и осады Парижа. Но, вспоминая реки пролитой крови, решили, что герои погибли, а остались жить робкие и унылые.

И странное дело, в этом всемирном городе, за участь которого так горячо билось мое сердце и который я так любил, я искал прежде всего моих земляков — русских.

Еще перед отъездом из Петербурга, по инициативе нескольких студентов II курса Мед. Академии решено было сняться всем студентам вместе с проф. Грубером в пику проф. Циону; когда мы собрались в фотографию, я только что был выпущен с гауптвахты; я сообщил встретившимся товарищам, что навсегда оставляю Академию и на днях выезжаю в Париж; один из товарищей, некто Михайлов, который на лето уезжал в Лондон, предложил мне взять рекомендательное письмо к его родной сестре (по мужу Даниловой), которая была знакома со всей русской эмигрантской колонией, как в Швейцарии, так и в Париже; я поблагодарил его за эту товарищескую заботливость и охотно взял письмо.

Поверхностно осмотрев некоторые части города и его достопримечательности, я отправился к Даниловой; она

жила с молодым ученым Чуриновым, который сразу заинтересовал меня, заслонив собою все другие впечатления этой первой встречи. Он был человек, в высшей степени симпатичный: после первых незначительных фраз говорил со мною о своем очень интересном труде («Историческом подборе», написанном им на премию Парижской Академии Наук. Я почувствовал в нем серьезного ученого. Несмотря на его скромность, которая в особенности понравилась мне в нем, как явление очень редкое в ученой братии. После многолетних трудов произведение его было напечатано и премировано Академией; об этом я читал долго спустя, кажется по выходе моем с каторги.

Материалы для этого своего труда он черпал из французской истории, которую ему пришлось изучать всесторонне — весь долгий период войн и революций, пережитых французским народом.

Я так заинтересовался его темой, что просил прочитать нам написанное им в рукописи; он согласился. На чтение пришли Чикоидзе и другие мои товарищи по путешествию, пришел также и Соколов, автор «Отщепенцев», которые тогда гремели в Петербурге, которыми зачитывалась молодежь. К нашему горю мы узнали тут, что Соколов страдает алкоголизмом и действительно, он был навеселе. Это страшно огорчило нас; он мешал чтению и, прочитав несколько глав, Чуринов предложил для сокращения времени, изложить нам на словах содержание дальнейших глав.

Не успел Чуринов окончить свое изложение, как Соколов встал и ходя по комнате обратился к нам: «Ну, для кого и для чего писать всю эту ученую мудрость? Кто не знает, что после ряда войн, французский народ мельчает; доказывать такую банальность все равно, что доказывать, что дважды два четыре». Мы стали возражать, а Соколов стал горячиться. «Ну, что же господа, говорил он, продолжайте учиться и удивляйте мир своими учеными трудами, которые будут оплачиваться потом и кровью голодного народа. Вместо того, чтобы отдать жизнь на завоевание политической и экономической свободы масс, вы хотите, напустив на себя вид ученого, копать десятки лет в архивной пыли, а потом провозглашать всем известную истину, что благодаря господствующим классам и их политике, масса народа физически и умственно вырождается. Все это из-

вестно всем: вы лучше скажите, что надо делать, чтобы возродить вымирающий народ?» — Соколов говорил горячо и убедительно, потягивая стакан за стаканом, из бутылки с каким-то напитком, который охотно предлагал увлекшемуся оратору гостеприимный хозяин. Чикоидзе, несмотря на свой недостаток, своим ярким вмешательством сразу заставил нас бросить ученый спор о военном подборе: он окончательно овладел словом и продолжал: «Господа, revenons a nos moutons, moutons russes ! Вы приехали из России, расскажите, о чем там думают; намереваются ли спасать овец, стригомых мошенниками, если да, то как?»

И пошла опять давно знакомая мне речь о знании и революции, о необходимости бросить науку и идти в народ: и я здесь убедился, что русский человек, раз он революционер, одинаково смотрит на свое назначение, будь он в Париже или Петербурге: идти немедленно в народ, делить с ним горе, пока не настанет светлое время для всех...

Когда мы расходились мой приятель Чикоидзе взялся проводить Соколова, которого он сразу полюбил, в особенности когда во время спора случайно узнал, что Соколов артиллерист и математик. «Раз вы математик, мы друг друга скоро поймем», говорил Соколов.

Наша первая встреча, как я уже сказал, произошла на квартире Даниловой, которая жила в Латинском квартале, недалеко от университета. Несмотря на страшную даль, Данилова иногда приходила к нам, в Батиньоль и приглашала знакомиться, не теряя времени с остальными русскими, проживавшими в Париже. Когда занятый работой в Батиньоле, я отказывался идти с ней, за недостатком времени, она говорила: «нет, я должна перезнакомить вас со всеми, т. к. брат просит меня об этом в письме, которое вы сами же доставили мне», и я сдавался.

Так, однажды она потащила нас к И. С. Тургеневу: но он, к сожалению, выехал тогда на дачу и нас принял у него, его хороший знакомый Васильев, который жил у Тургенева. Она познакомила нас также и с Германом Лопатиньим, который оказался товарищем по детству с Иваном Кузьминным, спутником моим в Париже.

Васильев рассказывал нам за стаканом чая, которого мы давно уже не пили, о жизни Тургенева, о его взгляде

на русскую молодежь. Тургенев, по его словам, отрицательно относился к тогдашнему движению в народ. Сам Васильев показался мне человеком скучным, а больше всего меня возмущало то, что он как бы отказывался от права на независимое мышление, что Тургенев был для нас большим авторитетом; я сам был большим почитателем Тургенева, но по вопросу о движении в народ я не считал его непогрешимым.

Из бесед с Васильевым я узнал также, что в Париже есть компания бывших дюринских студентов, которые посещали иногда библиотеку Тургенева и это меня заинтересовало. Как бы отвечая моему желанию, однажды приходит к нам Данилова и сообщает, что несколько молодых русских женщин желают познакомиться с нами, но она не знает, как устроить нам свидание с ними.

Решено было на другой же день встретиться на лекции профессора Клода Бернара, который читал в *Jardin de plantes*: чтения эти происходили в сравнительно небольшой аудитории, а физиологические опыты производились на открытом воздухе в саду.

Как живая встает передо мною статная, но уже старческая фигура Клода Бернара: несмотря на свой возраст, он сам возился с лошадьёю с чисто демократическою простотой и сам пристраивал прибор, при помощи которого предстояло демонстрировать давление крови в сосудах. Каждый из присутствовавших свободно обращался к нему с вопросами и он с большой готовностью сам, а иногда его ассистент Лоран, также крупный ученый, давали подробные объяснения. Такая простота и любезность знаменитого ученого, — имя Клода Бернара я хорошо знал еще заочно, — меня прямо поражала; я невольно переносился в Петербург с его чопорными, бездарными, сухими и надменными профессорами, в роде господ Ционов, Ланьцетов и им подобных, которые не только с посторонней публикой, которой они и не допускали, но и с самими студентами были грубы и невнимательны.

Клод Бернар не прятал науки в застенки, он с одинаковой снисходительностью относился как к стекавшимся со всех концов мира молодым ученым, так и к какой-нибудь старой торговке яблоками, которую непогода загоняла иногда в его аудиторию, и которая, слушая его вся трепе-

тала в священном ужасе перед тайнами жизни, отмыываемыми этим стариком.

Тут я воочию убедился, почему у французов даже самые глубокие ученые так популярны в народе, а в нас, в России, их никто не знает даже по имени. Да и среди нас таких ученых! Большинство наших преподавателей скорее департаментские чиновники, чем люди науки, работающие не для себя, не для сухой науки, но и для народа.

Стоя в таком раздумьи поодаль лектора, я заметил неподалеку на скамейке под деревом трех молодых девушек, одетых чрезвычайно просто и в незатейливых шляпках. Оне как то выдавались среди пестрой аудитории Клода Бернара и невольно привлекли мое внимание; я заметил, что и оне наблюдают за мною и почему-то отвернулся. В это время ко мне подошла Данилова и говорит: «эти девушки здесь, пойдемте я вас познакомлю»; она подвела меня к ним и что то пробормотала; я снял шляпу и протянул им руку, чтобы пожать их худенькия, полудетския, рученки, как в те времена жали руку в Петербурге, жали так, что кости хрустели. Девушки не заметили моего движения, они не тронулись с места, не протянули мне руки, а ответили лишь легким поклоном; одна из них с очень светлыми, почти белыми волосами, потупила глаза, вычерчивая что-то зонтиком по песку и тихо проговорила в мою сторону: «здесь не Россия: здесь мы отвыкли подавать руку», как бы в извинение, сказала она. — Ну, и прекрасно, отвечал я, несколько смущенный; поступок барышни мне все таки показался странным; я невольно посмотрел на свои руки и тут только заметил такая мозоли на них, что и сам обрадовался отказу этих девушек в рукопожатии.

Дело в том, что недели через две, по приезде в Париж, я и Чикоидзе, желая поближе познакомиться с рабочими, отправились на работу в небольшую кузницу, где работали всего четыре человека; кузница помещалась недалеко от нас, шагах в пяти-десяти. Когда мы представились хозяину кузницы и объяснили ему наше желание учиться кузнечному ремеслу, ему сначала показалось странным, что два бравых молодца желают на старости лет (нам только что минуло тогда 21 год) учиться кузнечному ремеслу, но потом, разпросив кто мы и зачем нам это ремесло, от

которого он сам готов был бы бежать, он заинтересовался нами и принял обоих в молотобойцы.

Еще в детстве мне нравилось смотреть на раскаленное железо, сыпавшее искры, как звезды, а гимназистом я любил петь известную песню: кузнец, раздуй огонь, железо раскали красней...; но тогда я видел в этом акте одну поэзию и не понимал, какой адский труд быть кузнецом.

На другой день по поступлении на работу, в назначенный час, помнится часа в 4 утра, я уже был в кузнице; Чикоидзе решил идти после, когда я несколько освоюсь с этим делом, и облегчу ему путь к усвоению ремесла; его затрудняло почти полное незнание французского языка.

Мне дали 20-ти фунтовый молот, который мне показался сначала очень легким, но когда мне показали, как нужно описывать этим молотом целый круг, держа за самый кончик рукоятки, я понял, что дело мое плохо; целый час промучился я, пока научился наносить удар, как следует. Если бы я не постиг в этот час искусства молотобойца, суровый француз не преминул бы выгнать меня; но когда он убедился, что наконец то это искусство постигнуто мною, он весело воскликнул: *ah, c'est bien ça, mon vieux Caucass!* Я расхохотался на всю кузницу, так, что прохожие на улице остановились и заглянули к нам; меня размешала кличка, которую дал мне кузнец — *mon vieux Caucass*, так он и продолжал величать меня впоследствии.

Я вернулся домой в 6 час. вечера; день был не легкий; с 4 час. утра до 7 все работали без отдыха; в 7 час. утра полагалось $\frac{1}{2}$ часа отдыха, когда пили по стакану кофе с хлебом; с 7 $\frac{1}{2}$ час. до 12 час. дня опять непрерывная работа; в обеденное время часовой отдых и с 1 часа дня до 6-ти часов вечера — опять работа без перерыва; таким образом мы работали 12 $\frac{1}{2}$ часов в сутки.

Вернулся я домой весь разбитый, у меня не было ни одного живого места; все сухожилия и связки казались мне надорванными, сочленения рук вывихнутыми; ладони были в таких пузырях, что о работе на следующий день, казалось, не могло быть и речи. Чтоб испытать все удовольствие каторжного рабочего труда, я отправился в вышеописанный гроб, где и спал мертвецким сном до утра, пока не встал из соседняго гроба другой рабочий и стуком своей

деревянной обуви jabot не нарушил моего первого рабочего отдыха. На утро, к удовольствию, в теле моем все обстояло благополучно, кроме рук; на ладонях огромные пузыри, наполненные сукровицей, еще более вздулись. Я побежал все таки в кузницу и показал старику мои пузыри; « ah, ça ne fait rien, mon vieux, prends le marteau » и я взялся за молот. Не успел я ударить им два-три раза, как все пузыри лопнули, а сукровица вытекла; с тех пор пузырями уже не было, на их месте образовались мозоли.

Вот мне и показалось, что мои новые знакомки отказали мне в рукопожатии за эти мозоли и я простил им это. Я тогда еще не знал их и далек был от мысли, что через несколько месяцев они сами станут работницами и узнают, что такое трудовые мозоли. Белокурая девушка, давшая мне урок парижского обычая не давать руки мало знакомым людям, оказалась Варварой Ивановной Александровой. Она первая нарушила молчание и спросила меня каким-то детским картавым говором: « не вас-ли это арестовали в Мюльгаузене? » — А вы откуда об этом знаете, спросил я. — « Мы прочли в « Голосе », сказала она и вслед за этим все три стали смеяться до упаду; стал хохотать и я, Чикоидзе и все присутствующие русские. — Да, разве так смешно быть арестованным? спросил я. Ведь по арестованным плачут, а вы смеетесь закончил я полушутя, полусерьезно. — « А вот вы приходите к нам если, хотите, мы дадим вам газеты, в которых описывают ваш арест; это вам интересно, конечно ».

Мы с Чикоидзе согласились, конечно на это предложение и не откладывая в долгий ящик, в тот же вечер нанесли визит нашим новым загадочным знакомкам. Они были для нас действительно загадочными, так как мы еще ничего о них не знали даже от Даниловой, которая познакомила нас и сама куда-то исчезла. Вечер еще не наступил, когда мы были уже в латинском квартале, где эти девушки занимали довольно большую квартиру на ул. Port-royal! Когда мы пришли к ним, в приемной уже сидела группа молодых людей, только что приехавших из Лондона, куда они ездили « на поклонение » к П. Л. Лаврову. Докладчиком этой лондонской поездки был некто Фесенко, впоследствии кажется уездный предводитель дворянства в Черни-

говской губернии. Он говорил с сильным малороссийским акцентом, очень вяло и все время развивал слушателю программу лавристов, которая как он выражался, сводилась к тому, что прежде чем отправлять в народ, надо узнать его, понять его и только «усосавши и усмаковавши» все это погрузиться в море народное и организовывать его на революционное дело». Он восторгался мирной пропагандой, постепенной и продолжительной организацией народа и в таком способе действия видел залог успеха революционной молодежи; бросаться же очертя голову, как это, по его мнению, советовал Бакунин, он находил безумным.

Ему возражали, что не менее безумно растягивать подготовительный период организации революционных кадров в народе на целые десятки лет, как это советуют лавристы, которых он так усердно защищает: «идти в народ чуть ли не с седыми волосами, уже и сил не хватит», говорили ему. Словом, мы все сделали такой сильный натиск на лондонских пилигримов, что они моментально снялись и ушли. Барышни нам понравились, и Чикоидзе радостно шепнул мне, что хозяйки, кажется, разделяют наши убеждения. Кроме Варвары Александровой, тут были Софья Бардина и если не ошибаюсь, Хоржевская, которая все время молчала и в спорах никакого участия не принимала. Все эти девушки вместе с другими их подругами стали впоследствии нашими товарищами по работе в народе, и затем, осужденные по процессу 50-ти делили с нами тюрьму и ссылку.

После этой первой встречи, в Париже, я больше к барышням не ходил да и некогда было: я продолжал посещать мою кузницу, где старик кузнец скоро счел нужным оплачивать мой труд и мне неловко было манкировать, а после 12 1/2 часового труда в самый разгар летнего пекла (конец июля и начало августа), какого я после Парижа нигде не видывал, я решительно не в состоянии был ходить по гостям. Только в воскресенье я заходил в «Jardin des plantes» и там видел этих барышень, кажется еще раза два, но никаких деловых сношений у нас еще не завязывалось в то время.

Насколько я усердно посещал нашу кузницу, настолько Чикоидзе все более и более охладевал к ней отчасти по

слабости здоровья, отчасти потому, что совершенно не владел тогда французской речью, что крайне стесняло его, наконец он совсем бросил ходить в кузницу. После того, как однажды не в пору ударил большим молотом по раскаленной полосе железа и испортил работу старого кузнеца, который грубо выругался по-французски.

Наше изучение парижского рабочего мира не ограничилось однако кузницей; помню как однажды, по просьбе одного из моих товарищей, мы отправились на биржу труда, чтобы наняться в чернорабочие и узнать всю нужду этой категории рабочих. Было еще темно, когда мы пришли туда: трех товарищей мы не могли добудиться и я отправился вдвоем с Дмитриевым. Зрелище было замечательное, обширная площадь была битком набита голодным изнуренным рабочим народом; у каждого рабочего было в руках какое-нибудь орудие — лопата, кирка, заступ, тачка и наконец корзина, поражавшая нас своей величиной; прикрепленная к спине рабочего, она высоко подымалась над его головой. Мы замешались в эту пеструю толпу, предлагая, как и другие свой труд, но, к изумлению нашему, никто нас не брал. Догадавшись, что без всякого орудия труда, с голыми руками нас не возьмут, мы хотели наскоро купить у кого-нибудь из рабочих одну из вышеописанных корзин, но в ответ на такое предложение нам разсмеялись в глаза; да, мы и сами с Дмитриевым смеялись не мало, поняв свою наивность. Когда все разбрелись на работы и только несколько не нанятых рабочих направились в кофейню, туда зашли и мы с ними; тут в огромном котле варилось сладкое кофе с молоком; громадная чашка вмещающая не менее двух чайных стаканов кофе и $\frac{1}{2}$ фунта белого хлеба предлагалось здесь за два су, т. е. за 3 коп.; мы заплатили наши 4 су и расположившись, как и другие рабочие, прямо на мостовой, с необычайным аппетитом поглощали и кофе и хлеб.

Дмитриев был крайне обезкуражен неудачей нашего похождения, его не мало возмущал гонор с каким простые рабочие вели себя на бирже: «ходит, говорил, он, подлец, с корзиной, что твоя кляча, да еще фордыбачится, словно ему принадлежит весь Париж; никакой скро-

многости в нем; то ли дело, наш бедный мужик; как он скромн и тих! а этот чванливый француз, даже с корзиной на спине держит себя петухом».

Из этих сетований я заключил, что в душе варища наступила реакция против хождения в народ, по крайней мере в Париже; и заключение мое оправдалось; вскоре он вернулся в Россию и вновь поступил там в одно из высших учебных заведений, кончил там курс и занялся мирной педагогической деятельностью. Теперь он уже выслужил и соответственные чины и пенсию...

Серб Иванишевич, который больше был занят славянским движением в Турции, чем революцией в России, относился безразлично к нашим экспериментам хождения в народ и быстро решил свою жизненную задачу, поступив в один из заграничных университетов, где благополучно и кончил курс медицины, как я о том слышал впоследствии.

Всецело верными народничеству из нас пятерых остались мы двое — я да Чикоидзе, хотя и Иван Кузьмин, вернувшись в Россию, принял впоследствии небольшое участие в движении, о чем я буду говорить ниже.

VII

Я уже говорил выше, что в Цюрихе мы нашли кавказскую молодежь, организованной, связанной уставом в общество, ставившее себе целью кавказскую федеративную республику. Одним из учредителей этого общества был публицист, Николадзе «Николка публицист», по терминологии Серно-Соловьевича, известный за-границей еще во времена Герцена, как редактор издатель «Современности», затем, перекочевавший на Кавказ и подвизавшийся в грузинской литературе, предварительно сжегши все корабли; но после двух-трех лет такой деятельности он не поладил с местными грузинскими писателями и, отряхнув прах с ног своих, в 1873 году уехал в Цюрих, куда он увлек с собою некоторую часть кавказской, преимущественно женской, молодежи.

Я говорил уже, что мы отнеслись совершенно равнодушно к выше указанному обществу кавказцев и почти забыли о них в Париже. Вдруг, во второй половине августа 1874 года я получаю письмо с 200 франками, в

котором Чикондзе и я приглашаемся на конгресс в Женеву «для обсуждения национальных вопросов»: приглашение было обставлено так официально, за подписью председателя правления и секретаря, что Чикондзе оно невольно заинтересовало; невольно заинтересоваться еще и потому, что названное общество приглашало ехать нас на его счет, выслав на каждого по 100 франков.

Мы поехали в Женеву, где застали уже съехавшимися всех почти грузин, бывших тогда за-границей. Там был представителем Дагестана доктор Домгат, был совершенно юный П. Алибеков в качестве представителя Армении, была А. Ц. Домбровская, уроженка Кавказа полька, полу-немка, все же остальные, насколько помнится были грузины.

Из грузин тут были: Георгий Церетели, Александр Сараджев, Иванов, Джапаридзе, Петр Меликов, кн. Рев. Чолокаев, кн. Александр Цицианов, кн. Гурамова, Екатерина Меликова, две сестры Николадзе, Элиозов, Сергей и Конст. Месхи и многие другие, которых я теперь не припомню; в общем на конгрессе присутствовало человек сорок.

Конгресс был объявлен публичным; думали было даже вести прения на французском языке, но скоро оказалось, что огромное большинство не владеет им; решили затем вести прения на грузинском языке, но и это оказалось неудобным, во-первых потому, что многие из грузин, воспитывавшиеся в русских закрытых учебных заведениях, не могли и двух слов сказать на родном языке, а во-вторых, на конгрессе присутствовали дагестанец, армянин, русские, из уважения к которым надо было остановиться на языке доступном всем; остановились поэтому на языке русском.

Помещение для конгресса было нанято где-то совсем за городом; дом стоял особняком, в нем был светлый, довольно вместительный зал; сюда в первые дни заглядывали и русские эмигранты Ткачев, Гольденберг, Элидин, Ник. Жуковский, французские коммунары — Ле-Франсэ, Монтельс, Бабик и другие, наконец, некоторые русские женщины, среди которых особенно выделялась своей внешностью Гребницкая — сестра Д. И. Писарева.

которая являлась на конгресс в мужском костюме. После конгресса я познакомился с нею ближе и она поражала меня не только эксцентричной внешностью своею, но и оригинальным образом мыслей, прямо граничащим с помешательством; она в самом деле была ненормальна; уже вскоре после того она покончила с собою самоубийством.

Председателем конгресса был избран Георгий Церетели; избран был, кажется и вице-председатель, но кто — не помню; секретарем-докладчиком был, кажется, А. Сараджов.

До открытия заседания, члены конгресса почтили память погибших коммунаров вставаньем, так же почтили и память покойного Дзигаева, ближайшего сотрудника Бакунина, тогда единственного из кавказцев. Дзигаев был родом осетин; самоучкой добрался он до 3 класса реальной гимназии уже 18-ти лет от роду и затем, не окончив курса, уехал за-границу, где скоро стал ревностным адептом Бакунина. Я знал Дзигаева еще в детстве, когда он учился в реальной гимназии; мне он казался человеком в высшей степени симпатичным; его товарищи отзывались о нем, как об очень начитанном и способном юноше.

Когда усопших почтили вставаньем, была прочитана приветственная телеграмма члена-учредителя общества кавказской федеративной республики Н. Я. Николадзе, который извинялся, что по болезни не мог явиться на конгресс.

Главный вопрос, подлежавший разрешению конгресса, заключался в том, следует ли кавказцам и в частности грузинам, стремиться к созданию федеративной кавказской республики, и если да, то какие меры надо принять для этого? Или же:

Следует нам кавказцам примкнуть к революционному движению в России, задачи которого сходны по цели с социально-революционным движением в Западной Европе и работая рука об руку с русскими революционерами, стремиться к ниспровержению существующего политического и экономического гнета во всем русском государстве?

Ничтожное меньшинство в лице Домгата, Цицианова, Чолокаева, Элиозова, Чикондзе и меня, высказались за

то, что ни о какой федеративной республике не может быть речи там, где между отдельными национальностями не существует ни взаимных симпатий, завязанных воедино исторической жизнью, ни общих интересов, ни общности культуры: что для создания этой общности требуется гигантская, мирная работа целых десятков лет, а за это время при теперешних обще-государственных условиях от кавказских народностей может пожалуй остаться одно лишь печальное воспоминание. Всеобщая же дружная работа всех без различия народностей, составляющих русское государство, во имя освобождения всего русского народа от деспотизма, гнета и власти капитала скорее приведет к торжеству свободы и лучшего социального строя — этой конечной цели человечества: что стремление к объединению Кавказа в форму кавказской республики сведет великую социально-революционную борьбу к узкой национальной задаче, которая вызовет опасный антагонизм между русским народом с одной и кавказскими народами с другой, а также вызовет раздражение и между самими кавказскими, не равными по силе народностями. Такой неосторожный политический шаг, при малом политическом развитии кавказских народов и самого народа русского, может привести к тем же печальным событиям, театром которых еще так недавно была Польша: эти чаяния завершатся не свободой, а полным разгромом.

В виду всех этих соображений меньшинство конгресса высказалось за присоединение кавказской интеллигенции к всероссийской социально-революционной организации в целях завоевания политической и экономической свободы всех без различия народов русского государства под общим русским, социально-революционным знаменем.

Услыхав это наше мнение, громадное большинство членов конгресса стало клеймить нас изменниками отечеству, которые во имя каких-то туманных социалистических идеалов хотят принести в жертву родную землю, родной народ и его язык, литературу, нравы и обычаи, хотя ни на что подобное мы покушаться и не думали. Никто из членов большинства не умел понять, что борьба на общечеловеческой почве не только не убивает любви ко всему родному, но напротив облагораживает узко-на-

циональную, зоологическую любовь и содействуя осуществлению общенародной свободы, тем самым способствует и свободе национальной, не противопоставляя, а совмещая их. Никто не хотел понять, что подобно тому как для евангельской любви несть ни эллина, ни иудея, так и для нового социалистического евангелия не должно существовать и самой идеи национальной борьбы.

Большинство конгресса не хотело понять нас потому, что по убеждению и направлению своему они в массе не были ни революционерами, ни социалистами; они по-просту тешили себя детскими надеждами о восстановлении Грузии со всей ея мишурой, средневековой помпой, ради которой пришлось бы принести народ в жертву интересам кучки своекорыстных честолюбцев, мечтавших разыгрывать из себя меценатов в будущей республике; если бы это было иначе, кто мешал предкам этих защитников кавказской федеративной республики создать ту же республику до присоединения Кавказа к России; зачем было отдавать себя какой-то неведомой российской державе, если грузины, армяне, татары, чеченцы, дагестанцы и проч. могли бы объединиться между собою и создать нечто в роде Швейцарской республики на Кавказе. Но большинство членов конгресса этими вопросами не задавались, не желая смотреть прямо в лицо истории и трудить над ними свою усталую голову; им хотелось жить, а может быть просто играть иллюзиями, потому что действовать они не собирались.

Все члены большинства конгресса вернулись в Россию и в то время, как почти все лица, примкнувшие к меньшинству конгресса, бросились со всем пылом молодости работать на пользу обще-русского революционного движения, не забывая и Кавказа, куда впоследствии были посланы некоторые члены революционной организации, все эти узкие националисты поступили в чиновники, а некоторые из них дослужились и до казенной пенсии...

Вся русская эмигрантская компания в Женеве, а также французские коммунары, которые в это время собрались там в большом количестве слушать чтение Лефранса о коммуне и республике Гамбетты, отнеслись с полным сочувствием к мнению меньшинства нашего конгресса,

колая Жуковского и Гольденберга (эмигранта), которые сообщили мне, что меня очень хочет видеть мой близкий товарищ Крафт, только что приехавший из Петербурга и поселившийся в типографии Александра (эмигранта); это известие показалось мне очень странным, так как никакого товарища Крафта у меня никогда не было: тогда Гольденберг и Жуковский высказали опасение, не имеем ли мы дело со шпионом. Все это меня крайне заинтересовало и я сейчас же отправился к Крафту, так как тогда я ни в чем не был замешан и шпионов не опасался. Войдя в типографию, я прямо наткнулся на этого Крафта и с радостью узнал в нем своего товарища по академии Воронцова. Он лежал в типографии прямо на голом полу и что-то читал: приходу моему он сильно обрадовался, но после первых приветствий, с волнением заговорил о грандиозных провалах повсюду в России, где только были революционные кружки. Случайно уцелев один из немногих, он почувствовал бесполезность дальнейшего пребывания в России, тем более, что после оговора некоторыми из арестованных, его искали и он считал лучшим спастись за-границу, чем бесполезно томиться в тюрьме. — Что же вы, совсем навсегда сюда? — спросил я. — «Нет, только переждать, чтобы следы замело и узнать, в чем оговор, а там... опять побреду в Россию; бороться, так бороться до конца: погибнем — на смену другие придут» говорил он спокойно и просто. — «Вас и Иванишевича, кажется, тоже оговорили», добавит он.

Я никак не мог объяснить себе, кто мог оговорить меня, так как никаких практических дел с революционерами в России у меня еще не было, а за-границей с эмигрантами я также в никакие практические отношения не вступал. Впоследствии разъяснилось, что оговорен был не я, а только Иванишевич; оговор был сделан Рабиновичем, а отчасти и Исааком Павловским, впоследствии сотрудником «Новаго Времени», писавшим письма из Парижа за подписью И. Яковлев.

Вести, сообщенные мне Воронцовым, сильно огорчили меня; мне некогда было расспрашивать подробности и я распрощался с ним, так как спешил к товарищам, с которыми условился идти вместе к нашим новым знакомкам.

Проводив меня, Воронцов опять улегся на пол и принялся штудировать Шиллера на немецком языке. Мне говорили, что он работал по 18-ти часов в сутки, выучившись наизусть все слова, какая попадались в этой книге и недели настолько овладел немецким языком, что мог уже читать любую немецкую книгу.

Я ушел от Воронцова чрезвычайно взволнованный; гибель массы товарищей и знакомых будила во мне какую-то нравственную потребность идти на смену погибшим за общее всенародное дело. Я переносился мыслью в далекий мрачный Петербург с его тоскливо однообразными улицами и грозной Петропавловской крепостью, на которую я когда-то очень долго смотрел, как очарованный, в первый день моего приезда в Петербург. Революционные кружки охватывали тогда уже несколько десятков губерний и дать заглухнуть такому широкому движению я считал прямо преступным. Когда-то еще будет такая широкая, могучая волна движения в молодежи, думалось мне и я тут же решил немедленно вернуться в Россию.

С этими думами, под впечатлением рассказов Воронцова о России, о погромах, поглотивших столько жертв, я вместе с Чикондзе и Домгатом пришел к тем молодым девушкам, которых так гостеприимно звали нас к себе. Оне жили где-то далеко, в загородной части Женевы, на *Chemin de Carouge*, в каком-то небольшом деревянном домике в нижнем этаже.

В небольшой тесной комнате мы застали Софию Бардину, Варвару Александрову, Евгению Субботину, Веру Любатович, Лидию Фигнер, Бетю Каминскую, Александру Хоржевскую и, кажется, еще кого-то: одним словом, целое женское общество. Когда мы выразили наше удивление при виде такой многолюдной дамской компании, одна из присутствующих заметила: тут далеко не все мы; Ольга Любатович недавно уехала с Марией Субботиной по делам в Сербию, а в Берне осталась Вера Филиппова (Фигнер), Дора Антекман и А. Топоркова. Все были такие юные, очень просто, но изящно одеты, так что невольно привлекали взор; некоторые из них были так застенчивы, что потупляли глаза при обращении к ним. От них веяло деревней, может быть глушью провинции; во всяком случае добрая половина этих девушек, очевид-

но, не успела еще переступить порога, так называемого света: в них не было ни спокойной развязности светской женщины, ни безшабашного внешнего удалства, ни тех петербургских знакомок с их старыми, без нужды выдетыми сапогами и стриженными волосами. Глядя на этих девушек, можно было думать, что это семья; и в самом деле, это была очень тесная, но товарищеская семья, а не кровная. Среди них более всех выделялась бойкостью София Бардина, которую все ее подруги называли «теткой», хотя все они были почти ровесницы ей. Это была девушка с оригинальной большой головой, некрасивым, но очень умным лицом, выдающимся высоким лбом, из под которого блестела пара небольших черных искрившихся юмором глаз; эта женская голова почему-то с первого взгляда напоминала голову Вольтера; Бардина была одета вся в черном и сидела на диване перед большим круглым столом. Она приветливо пригласила нас присесть к этому столу: голос у нея был мягкий, симпатичный, певучий, контральтового тембра. Не успели мы сесть к столу, как другия, более робкия девушки обступили свою «тетку», как дети: одна села на одну сторону и крепко ухватила за ее руку, другая — по другую и охватила ее за талию, третья всем корпусом перегнулась через ручку дивана и обхватила обеими руками ее плечи, четвертая пыталась также примоститься как нибудь ближе к «тетке», но Бардина, видя, что ей грозит задушение, высвободилась от их тесных объятий и шутливо воскликнула, обращаясь к нам: «что за чорт, просто не дадут с людьми слово сказать!». Все засмеялись, но не уступили своих позиций; засмеялись и мы: нам вспоминалась картина детства; мы дети также обступали мать, когда к нам приходили незнакомые люди, выглядывая как зверьки из-за ее плеч.

Какие могут быть дела у этих девушек, подумал я, вспомнив о только что сообщенной нам поездке двух из них в Сербию?

Когда неловкость первой встречи прошла, мы заговорили о России; я сообщил последние новости о погромах: девушки забыли свою застенчивость; они бросили «тетку» и придвинулись к нам, слушая наш рассказ с широко открытыми глазами; посыпались вопросы за вопросами;

не арестована ли такой-то; не замешана ли такая-то и слыша какое-нибудь знакомое имя, восклицали: «Боже, только что выпустили и опять в тюрьму!» У нас оказались общие знакомые; но что меня больше всего удивило, то, что в эту минуту у них и на уме, и на сердце, и на устах же, что и у меня: бросить за-границу, оставить университет и ехать в Россию.

Возник тут же вопрос — если ехать, то зачем? т. е. какой способ революционной деятельности признать наиболее плодотворным; порицали борьбу в разсыпную, признавали необходимым объединить деятельность, но не допускали централизации, боясь «генеральства», о котором тогда, как здесь за границей, так и в Петербурге, никто и слышать не мог; после нечаевского процесса это отрицательное отношение к руководительству сверху доходило в молодежи до такой степени, что нередко каждый маломальски выдающийся своей организаторской деятельностью или инициативой, обвинялся в генеральстве, в желании захватить в руки все. Нечаев у всех был на памяти, всех возмущал и отталкивал его образ действий и это, как мне кажется, и было главной причиной привычки обвинять чуть ли не каждого в генеральстве. Конечно, не без влияния остались для нас и господствовавшая тогда анархическая теория, отрицавшая всякую власть в семье, церкви, обществе и государстве. Но несмотря на такое отрицательное отношение к единственной известной в то время организации — нечаевской, мы в тот же вечер пришли все-таки к выводу, что если члены организации явятся носителями нравственных начал истинной свободы, то в такой организации не будет места для лиц, желающих генеральствовать.

Мне было чрезвычайно приятно встречаться с этими девушками, которые только на вид казались очень юными, в действительности же они были самыми развитыми, самыми подготовленными для революционной деятельности, каких я только встречал не только среди женской, но и мужской молодежи; школьного знания у них было слишком достаточно, так как, окончив курс в гимназиях или институтах, они еще года 2—3 учились в Цюрихском университете; помимо общей начитанности, они прекрасно знали всю западно-европейскую и русскую революцион-

ную литературу, что редко встречалось даже в петербургской молодежи; правда, оне мало интересовались тогдашней русской публицистикой, с которой считалась молодежь русских университетов, но в ней им и не было нужды, так как оне были хорошо знакомы по первоисточникам: лектурами, курсами, трактующими ими; оне изучали историю всех, сколько нибудь крупных революционных движений, прекрасно знали французских социалистов, а также Герцена, Бакунина, Лассалья, Маркса и пользовались также редким счастьем слышать живое слово таких гигантов русской мысли и революционного дела, как Бакунин и Лавров; я не говорю уже, что оне присутствовали на международных конгрессах Интернационала, происходивших в Швейцарии — в Сент-Имье и Женеве. Словом, я убедился, что женщины петербургских революционных кружков, которых я встречал в России, не выдерживали никакого сравнения с этим новым для меня миром русских женщин — революционерок.

Когда вскоре после вышеописанного конгресса, все кавказцы разъехались, Чикоидзе, Цицианов и я продолжали еще оставаться в Женеве, чтобы завязать между прочим и более тесныя сношения с русскими эмигрантами, которых было в то время не мало в Женеве. Там я познакомился с Ткачевым, который, благодаря своему пристрастию к якобинизму и бланкизму, стоял тогда одиноко. Я его видел всего два раза: взгляд его стеклянных глаз, оттененных рыжеватыми волосами, производил на меня впечатление психически разстроенного; движения его были какия-то не то робкия, не то вкрадчивыя; он был крайне молчалив, но по некоторым вопросам его я заметил, что он очень интересовался восстаниями на Кавказе: но когда я стал говорить с ним об этом Кавказе, то по некоторым его замечаниям убедился, что он не имеет никакого представления о нем, ни о народах, его населяющих; он думал, например, что поднять восстание среди грузинского населения, значит поднять восстание и на всем Кавказе; он очень удивился, когда я ему объяснил, что на Кавказе приходится считаться с национальным антагонизмом между собою многочисленных народностей, его населяющих; что татары и армяне за грузинами не пойдут; что социаль-

но-революционная деятельность на Кавказе ^{немыслима} без согласования ее с такой же деятельностью в России и что преступно даже подымать возстание на Кавказе, когда в России все еще молчит. Ткачев был того мнения, что на окраинах легко устроить возстания на основе национальной независимости и что такое одновременное возстание в Польше, Прибалтийском крае, в Сибири и на Кавказе может послужить хорошим сигналом для возстания и в Центральной России.

— Ну, а если Россия не возстанет, спросил я Ткачева, ведь тогда правительство при помощи русского народа сломит Польшу и Остзейский край и сравняет с землей, сметет все народы Кавказа; ужели же мы — социалисты-революционеры в праве вести окраины на такой рискованный шаг: напротив, говорил я, мы обязаны удерживать их от всякого опрометчивого шага, чтобы не дать повода правительству вести русский народ на вторичное завоевание Кавказа, Польши и проч. и тем навсегда разобщить чувством ненависти эти народы — ненависть дурная основа социальной правды, к которой мы стремимся.

— «Может быть, вы правы, — сказал мне Ткачев; но ведь вам, окраинцам, долго таки придется ждать возстания в России; а у вас так это легко делается — засел в горы с одним ружьем и перестрелял целый полк русских солдат!» закончил спокойно свою речь Ткачев, смотря на меня в упор своими стеклянными глазами.

Во все время этого разговора молодая, довольно полная кокетливая дама ходила взад и вперед по комнате, часто останавливаясь перед большим зеркалом, прихорашиваясь перед ним, то поправляя свои волосы, то оправляя платье, чем очень сильно раздражала меня, отвлекая внимание и мешая нашей беседе; это была жена Ткачева (урожденная Дементьева), судившаяся с ним по Нечаевскому процессу, но которая по отзывам моих товарищей, близко ее знавших, в революционном движении никакого серьезного значения не имела.

Ткачев не имел приверженцев в Петербурге; но по вопросу о роли окраин в русской революции, бакунисты, к сожалению, были одного мнения с ним: выражаясь вульгарно, мне чудилось, что Ткачев и ему подобные смотрели на обитателей окраин, как на пушечное мясо, само по

себе мало ценное и которое нечего жалеть ради успеха революции. Эти люди жаждали революции, но не верили в скорое осуществление ее; они видели, что русская жизнь — это море, застывшее в мертвой зыби и чтобы взбаламутить его, чтобы дать выход силам, klokoтaщим в его бездонной глубине, нужен гигантский и терпеливый труд многих и многих поколений, безстрашные и самоотверженные; им же не хватало на это ни терпения, ни самоотвержения; а потому они и были сторонниками возстания там, где оно казалось, легче возбудимым, хотя бы и во имя задач, чуждых социально-революционным целям; а к чему приведет такое возстание, это повидимому их мало заботило.

Сам Бакунин едва ли разделял такие взгляды Ткачева и ему подобных, и лично я думаю, что если Бакунин и принимал участие в польском возстании, то это просто в силу увлечения, присущаго человеку, рожденному для вечной борьбы, в которой он и провел всю свою жизнь, а не в силу хладнокровного расчета.

Когда я передал Чикондзе и Цицианову содержание нашей беседы с Ткачевым, последний порывисто зашагал по комнате и нервно дергая свою жидкую бородку, стал по обыкновению своему произносить бранные слова. Когда Цицианов перестал ругаться, Чикондзе сказал: «и как это русскому человеку не стыдно проповедывать кавказцам засесть в горы и перестрелять целый полк русских солдат! Этого не может советовать ни один порядочный русский человек: да, я последнего русского солдата, честно исполняющего свой долг, не променяю на целую сотню Ткачевых; русского солдата я знаю, на его руках я вырос; если бы я питал ненависть к русскому солдату, как к русскому, конечно я последовал бы проповеди Ткачева, но ведь я этой ненависти не питаю, а напротив, я хочу уничтожить всякую ненависть и между самими народами Кавказа, и, если хочешь, между обитателями всей земли, а в том числе русским народом и его врагами; так, во имя чего же я буду уничтожать целые полки русских солдат, без всякого с их стороны повода; я не стремлюсь возстановлять грузинского царства, я не стремлюсь возстановлять старые грузинские феодальные порядки, мы стремимся объединить общей любовью наш народ со всеми наро-

дами мира на почве великого учения социализма; а почему же нам не начать этого общегития с народов русского государства? на наш век хватит и этих задач. К чему же приведут в таком случае все эти сепаратные, национальные возстания, которые разъединят, а не сближат народы?»

Да, так думали мы тогда, когда нам было 40 лет и оставались верными этим взглядам всю свою жизнь; поэтому мы выступили на арену политической деятельности не как пружины, а как члены общерусской революционной семьи. Русская молодежь была ближе нам, чем узко-националистическая грузинская, армянская и всякая другая кавказская; нас связывала общность идейного воспитания, общность взглядов и убеждений.

Мы решили работать в России рука об руку с русскими, глубоко убежденные, что если нам когда-нибудь суждено победить в России, тем самым мы победим и на Кавказе; завоевать свободу народу русскому, тем самым завоюем ее и для народа Кавказа. В нашем лице мы внесли в общее дело русской свободы и скромную лепту Кавказа. Не сепаратизм, а совместная работа — вот был наш лозунг.

Охваченные стремлением продолжать дело погибших пионеров русского революционного движения, мы с Чикоидзе решили попытаться создать новую революционную организацию, воспользовавшись, конечно, уроками наших погибших товарищей. Строгий подбор людей прежде всего был необходим; мы знали, что недавние провалы произошли, главным образом, благодаря малодушию таких ренегатов, как М. Рабинович, Городецкий, Низовкин, Гриценков, Ярцев и друг., погубивших своими признаниями обширную сеть кружков организации Чайковцев.

Так как наши новые знакомки тоже собирались в Россию и мы с ними сходились в убеждениях, то решено было войти с ними в более тесные сношения, не ограничиваясь выяснением одних программных вопросов. Из нескольких разговоров с этими девушками мы убедились, что в смысле идейного и нравственного закала лучшего ничего нельзя было искать, они представляли собою не случайную компанию студенток, а уже тесно сплоченный кружок, созданный известным самоподбором; что могло сильно

помочь замышляемому нами делу организации. Затем, необходимо было вступить также в более тесные сношения с заграничными типографиями, где печатались нелегальные издания, так как для устройства типографии требовались большие денежные средства и силы. Для осуществления этих задач решено было одному из нас остаться в Женеве; остался Чикоидзе, более сблизившийся с женским кружком; я же в октябре уехал в Петербург.

VIII

Я застал Петербург совершенно разгромленным; одни сидели в тюрьме, другие, только что выпущенные, находились под сильным надзором, третьи скрывались, прячась в разных квартирах; о тех больших сходках, которые бывали в Лесном и Измайловском полку в конце 1873 и начале 1874 годов и речи быть не могло; можно было собираться по 10—20 человек и то с большой опаской; вдобавок, майский инцидент с Ционом, отозвался уже в самом начале нового семестра и в октябре вспыхнули в Академии беспорядки из-за того же Циона; к Мед. Академии присоединился Технологический Институт и некоторые факультеты Петерб. Университета. Я приехал в разгар этих беспорядков и хотя не был уже студентом-медиком, но принял в них участие. Полиция арестовала с десятков студентов; пошли требования об их освобождении; академическое начальство воспретило сходки в библиотеке Мед. Академии, где они обыкновенно происходили открыто; поэтому решили собраться в Технологическом Институте; Институт оцепили жандармы с пожарной командой; стали окачивать холодной водой студентов, разгоняя их; всем этим усмирением руководил сам Трепов, при содействии помощника своего генерала Козлова. Часть студентов, не успевшая выйти через подъезд, осталась во дворе Института; начальство объявило их арестованными; тогда студенты, успевшие уйти, вернулись назад и громадной толпой в несколько сот человек бросились на жандармов и под холодным душем пожарных труб, стали штурмовать ворота Технологического Института; ворота поддались нашему дружному напору, с криком «ура» мы ворвались во двор института и на глазах Трепова и Козлова освободили всех бывших там. Это было часов в 8 вечера; шпионы проследили всех

участников этого штурма и, по приходе домой, многих арестовали в ту же ночь: помню, когда мы ворвались во двор института, меня схватил за руку сам Козлов, желая передать в руки жандармов, но догадливая группа студентов, сделавшая стройный натиск, вырвала Козлова и я окольными путями благополучно добрался домой.

Это было моим первым и последним чисто-случайным участием в уличной схватке с полицией: на второй день я уже не принимал участия в продолжавшихся еще студенческих беспорядках: мне казалось, что значение их крайне не велико для дела соц.-револ. борьбы, которому я уже решил посвятить себя: я был конечно всей душой против руководства русской наукой такими чиновниками карьеристами, как Цион и ему подобные, которые стесняли учащихся в свободном изучении предмета и я считал своим долгом стоять против всякого ограничения этой свободы; но мне казалось, что не следует искусственно создавать студенческие истории, якобы в целях усиления революционных кадров, как того держались некоторые: для меня было несомненно, что естественно возникшая студенческая история дает крупных протестантов, которые сами без всяких искусственных мер вовлечения, примыкают к общей борьбе против чиновничьего деспотизма, царящего безгранично во всех сферах жизни русского государства; искусственно же вызванные, они ведут только к охлаждению и разочарованию. Мы, студенты, были естественными врагами политического режима: ведь мы не могли не видеть и не замечать оскудение, и даже отсутствие талантов в русской науке и литературе, вызванное гонением против живого духа: старые представители науки и литературы продолжали еще работать, новых не нарождалось, преобладать стали бездарности, так как вся трудящаяся и талантливая масса молодежи, вследствие непрерывных студенческих волнений, принуждена была или бежать из университетов, или изгоняться из них, т. к. университетское начальство пресмыкалось пред властью, первым делом вымещало свою злобу на лучших студентах.

Когда я приехал в Петербург, крупные представители петербургских револ. кружков, как я уже сказал, почти все

были арестованы или скрывались. Мне удалось, однако повидаться, хотя и мельком, с Дмитрием Клеменцом, Сергеем Кравчинским, Грибоедовым, Саблиным, Марковым, Сердюковым и другими.

Я вступил с некоторыми из них в прямые переговоры о необходимости собрать оставшиеся силы для продолжения борьбы. Переговоры с Клеменцом закончились в один вечер; это происходило у А. М. Эпштейн; Клеменц заявил мне категорически, что он и раньше был против всякой организации, а теперь и подавно, так как опыт убедил его окончательно не только в бесполезности организации, но и в ее вреде, если при тех громадных силах, которыми мы располагали еще так недавно, говорил он, ничего нельзя было сделать, то что можно сделать теперь, когда почти никого не осталось.

Сердюков, напротив, отнесся к моей мысли восторженно; он предложил мне все свои связи и даже, если понадобятся, денежные средства как для организации, так специально для издания книг и газеты; от средств я отказался, так как женский кружок, с которым мы сблизились за-границей, располагал уже очень крупными средствами, но охотно принял его рекомендации к старым испытанным революционерам, которые, правда, еще не были руководителями кружков, но которые уже побывали в крупных переделках; это облегчало нам первые шаги.

Пользуясь результатом предшествовавшей действительности в народе, мне хотелось попытаться сплотить в одну организацию интеллигенцию и рабочих вместе; до сих пор все организации и организованные кружки были исключительно интеллигентские, теперь хотелось поставить революционное дело на более широкую, чисто народную почву.

Работа в среде петербургских рабочих Синегуба, Чарушина, Кравчинского, Кропоткина, Шишко, Рогачева и других не осталась бесплодной и хотя их уже не было (они были арестованы или скрывались), но занятия с рабочими продолжались довольно деятельно другими.

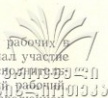
На Лиговке, недалеко от Воздвиженской церкви существовала еще тогда артель рабочих, преимущественно заводских и железнодорожных, артель эту посещали несколько интеллигентов, занимаясь с рабочими после работ,

часов с 8—9 вечера: они преподавали главным образом школьные предметы и, несмотря на усталость, рабочие с замечательным вниманием относились к этим занятиям.

В то время, когда я впервые познакомился с рабочими (это было в конце октября 1874 г.), занятия им руководил весьма толковый, мирный пропагандист, обладавший основательными соц. экономическими познаниями — И. А. Жуков; это был человек замечательно уравновешенного характера, весьма осторожный в занятиях с рабочими и умевший быстро подмечать в рабочих склонность и способность к активной революционной деятельности; он задался целью намечать всюду, куда только он попадал, годных взрослых рабочих и вместе с тем занимался и с рабочими — мальчиками, сообщая им помимо школьных занятий и кое-что, что воспитывало бы их в революционном духе; этих птенцов своих он держал при себе и жил с ними одной жизнью, что их сильно привязывало к нему; из числа этих юнцов вышли вскоре сначала участники по процессу 50-ти, а потом и по процессу Казанской демонстрации, а впоследствии и рабочих кружков «Народной Воли» (Яков Потапов, Иван Окладский и др.); остальных юнцов я потерял из виду и не знаю, что из них вышло.

Яков Потапов, привлекавшийся к дознанию по процессу 50-ти, а затем в декабре 1876 года, в день Казанской демонстрации был арестован на площади с красным знаменем в руках. Иван Окладский, работавший (в 1875 г.) сначала в Одессе и проживая затем под именем Петра Сидоренко в Туле, в качестве брата Ольги Любатович, спасся бегством во время ее ареста по делу процесса 50-ти, а впоследствии (в 1879 г.) вместе с Желябовым участвовал в заложении мины на полотне жел. дороги под Александровском, но, приговоренный в 80 году (по делу 16 террористов) к смерти, замененной ему пожизненной каторгой, кончил весьма печально...

Среди взрослых рабочих Воздвиженской артели было несколько интеллигентных, с которыми можно было уже начать дело организации рабочих других городов. Среди них выдавался более других Михаил Грачевский, который и раньше работал в качестве пропагандиста, привлекался еще по процессу Долгушина, хотя и не был судим.

затем участвовал в первых шагах организации рабочих в Москве по делу 50-ти, а впоследствии принимал участие в деятельности «Народной Воли», как член Исследовательского Комитета. Грачевский был интеллигентный рабочий в высшей степени деятельный и преданный революционному делу: в кругу рабочих он пользовался всегда большой симпатией, а для интеллигенции он был незаменимым человеком, так, как через него можно было проникнуть во все фабрики и заводы. По наружности его и складу речи трудно было определить с первого раза, рабочий он или интеллигент. Его худощавое бледное лицо с румянцем грудного больного, редкой русой бородкой и русыми, всегда кудрявыми волосами, большими голубыми глазами, всегда широко раскрытыми, как у страдающего грудью и слегка покрасневшими веками, которые иногда подергивались судорогой, — внушало мне опасение еще в Петербурге, что Грачевскому остается недолго жить. Но когда пришлось мне работать с ним в Москве, я видел с какой энергией взялся он за организацию рабочих и убедился, что в этом тщедушном теле таятся неисчерпаемые силы. В один месяц мы исходили с ним всю Москву вдоль и поперек и во время этих непрерывных хождений, он меня всегда поражал своей неутомимостью; он готов был целые дни оставаться голодным, лишь бы приобрести хоть одного нового сознательного сочувствующего нам рабочего.

Другой выдающийся член Воздвиженской артели — рабочий Василий Грязнов, по профессии кузнец; он поражал своей начитанностью и любовью к книгам; он до такой степени любил книги, что это даже мешало ему заводить сношения с рабочими, он прекрасно знал рабочую массу и когда мы восторгались кем либо из рабочих, он всегда обдавал нас холодной водою; стоит вам увлекаться такой дрянью, говорил он. Мы недолюбливали его за этот скептицизм и шутя называли его «баринном», так как он хотел знаться только с распропагандированными рабочими.

Третий выдающийся член Воздвиженской артели — Петр Алексеев, стяжавший такую огромную известность по процессу 50-ти за речь, произнесенную им на суде, —

был не заводским, а фабричным рабочим, по профессии ткач, хотя в Петербурге временно он работал на заводе. Несмотря на его малую интеллигентность, удалось заметить даже при первом знакомстве силу характера в нем; довольно словоохотливый в своей среде, он проявлял необыкновенную сдержанность в теоретических спорах с нами, только изредка вставлял какие-нибудь иронические замечания; каждому из нас (мне, Грачевскому, И. Жукову) казалось, что он относится к нам с недоверием и это не мало озабочивало нас, так как в центральном рабочем ядре он должен был занять видное место; была даже маленькая стычка между ним и Грачевским, которого он грубо оскорбил; Грачевский показал себя замечательно благородным: «я прощаю тебе это оскорбление во имя того дела, которому отдаю свою жизнь», спокойно и серьезно сказал он Петру Алексею; эти слова до того потрясли Петра Алексея, что он прослезился и горячо обнял Грачевского; с тех пор между ними не было уже никаких недоразумений.

В период переговоров моих с петербургскими кружками и сближения с Ив. Жуковым, и другими участниками Воздвиженской артели, которую посещал, как преподаватель арифметики, и мой товарищ Ив. Кузьмин, я встретил также в Петербурге и Георгия Здановича, которого, правда, очень немного знал и раньше, до отъезда моего за-границу; по возвращении моем, стали встречаться чаще в разных кружках и обменявшись взглядами, оказались в главных чертах единомышленниками в вопросах о способе практической деятельности; он оказался согласным с мнением меньшинства женевского конгресса кавказцев, относился отрицательно к программе петербургских лавристов и примыкал больше к программе бакунистов; мы стали иногда посещать вместе Воздвиженскую артель. Зданович знал также, что я уже нахожусь в известных обязательных отношениях к Чикоидзе и Цицианову, а также поддерживаю связь с кружком цюрихских женщин, с которыми в то время он еще не был знаком.

Обязательные отношения к женскому кружку оформились лишь в ноябре 1874 года. Чикоидзе, как я уже сказал, поддерживал сношения с этим женским кружком после моего отъезда в Россию, но эти отношения не име-

ли еще практической почвы. Так как этот женский кружок представлял собою организованное целое со своим уставом и с довольно крупными денежными средствами, то для объединения его с нами требовалось согласие всех членов кружка, которые были разбросаны по разным местам: так, Ольга и Вера Любатович, по возвращении в Россию, были арестованы и содержались осенью 1874 г., в Черниговской тюрьме, Бардина уехала в Тамбов к себе на родину; Мария Субботина была в своем курском или орловском имении, Евгения Субботина, Вера Фигнер и Дора Аптекман оставались в Берне, Лидия Фигнер и Варвара Александрова и Бетя Каминская были в Петербурге.

Перед разездом их, в начале ноября Чикоидзе сообщил мне письмом из Женевы, что фричи (так звали этот женский кружок в Цюрихе) разбредаются в Швейцарии, думают, подобно нам, начать работу в России и желают окончательно объясниться с нами для составления одной революционной организации. Мне неловко было говорить об этом с присутствовавшими тогда в Петербурге членами этого кружка, так как я не знал в то время с полной достоверностью, кто из них является полноправными членами кружка и потому счел более удобным лично повидаться с Чикоидзе, чтоб узнать от него непосредственно, чего желают фричи, а потому я поехал для этого на несколько дней за границу, т. к. Чикоидзе не мог сам выехать; его задерживали там еще другие дела.

Для переезда через границу я взял заграничный паспорт у одного своего земляка, князя Ратиева, облачился в его шубу и выехал в Берн. Перед отъездом Варвара Александрова дала мне письмо к Евгении Субботиной; к назначенному дню Чикоидзе и Цицианов приехали также в Берн, где мы встретили Евгению Субботину, Д. Аптекман, Александру Ходжевскую, Топоркову и Веру Филиппову.

Евгения Субботина жила отдельно в какой то гостинице, куда я и приехал прямо по данному мне в Петербурге адресу.

Выходя с вокзала и подымаясь по высокой лестнице, чтобы идти в верхнюю часть Берна, я был удивлен неожиданной встречей с тремя моими петербургскими знако-

мыми, с которыми я расстался в Петербурге всего за несколько дней до моего отъезда, после встречи с ними в квартире А. М. Эпштейн; это были — Николай Морозов, Саблин и Грибоедов. Несмотря на ноябрь месяц, все было одето довольно легко и просто. Тощий, высокий Морозов, которому вероятно тогда не было и 20 лет, сильно сгибался под каким то громадным узлом, который он нес на спине. Поровнявшись с ними, я обратился шутя к двум его другим товарищам с вопросом, что это вы навалили все на одного? — он молоде нас, ответил Саблин, и должен нести; мы разсмеялись; они сообщили мне, что перебрались через границу при помощи контрабандистов, что вероятно устроила им Анна Михайл. Эпштейн.

Узнав от меня, что я через день уезжаю обратно в Россию, Саблин воскликнул с радостью: «счастливый человек может ездить свободно! Да, и мы, впрочем, тоже скоро вернемся, лишь бы замести следы, а там опять воротимся; да и делать то здесь нечего нашему брату, сказал он, грустно понурив голову».

Но мне не пришлось уже встретиться с ними в России, а с Морозовым нас свела еще судьба в московских и петербургских тюрьмах.

Чикоидзе подтвердил мне в Берне то, о чем писал в Петербург; мы пошли с ним к фричам; в небольшом номере Евгении Субботиной мы встретили Веру Фигнер, которая молчаливо следила за нашей беседой, а также Топоркову, Дору Аптекман и Хоржевскую. Я предложил Чикоидзе открыто поставить вопрос об объединении наших кружков в присутствии всех членов кружка фричей, для чего нужно всем фричам собраться в России; а так как главным базисом революционной деятельности предполагалось нами избрать Москву, то и было условлено устроить съезд в Москве в декабре 1874 года.

Бернские фричи выразили на это согласие и действительно к этому времени из Берна вернулись в Москву Евг. Субботина, Ан. Хоржевская и А. Топоркова; в Берне оставались только Д. Аптекман и Вера Фигнер (Филиппова), которая вернулась в Россию в 1876 г., когда большая часть фричей была арестована и на ее долю выпала тяжелая задача ликвидации дел нашей организации.

Итак, в Берне было заложено начало объединению женского кружка фричей с нами и чтоб закрепить нашу деловую связь фричи выдали мне письмо, по которому я получил в России две тысячи руб. на начатое там дело организации рабочих.

На обратном пути в Россию, по совету Чикоидзе, я заехал к его школьному товарищу Степану Кардашову, который учился в Дрездене на химическом отделении тамошнего политехникума: он никакого отношения к революционному движению не имел и совсем не думал посвящать себя революционной деятельности в России; но Чикоидзе предполагал, что в организации понадобятся люди с техническим знанием, которое сплошь и рядом необходимо для революционных целей; если бы Кардашев почему либо не согласился на содействие нам в этом отношении, то он поручил мне обратиться к другому его товарищу Айвазову в Петербурге, который тогда посещал технологический институт.

IX

По возвращении в Петербург первой моей задачей было постараться выделить более активных революционеров преимущественно из рабочего кружка воздвиженской артели и, объединив их с нами, отправить их в Москву, где в то время было гораздо легче работать, нежели в Петербурге. Кроме того, Петр Алексеев и Мих. Грачевский, с которыми я переговорил уже об этом до отъезда за-границу, заявили мне, что сознательные заводские рабочие проявляют мало деятельности, корчат из себя студентов и не желают знаться с рабочими других профессий, то ли из боязни попасться, то ли из пренебрежительного отношения к массе неразвитых и непосвященных рабочих; Грачевский и Петр Алексеев находили, что фабричные рабочие напр., ткачи, хотя и менее развитые, гораздо восприимчивее к революционной пропаганде, нежели заводские, являющиеся своего рода аристократией в рабочем мире; кроме того, фабричные рабочие раза 3—4 в год посещают свои села, где соприкасаются с крестьянским миром, и пропаганда на фабриках останется таким образом не без влияния на крестьян—сельчан; между

тем как сфера влияния пропаганды среди заводских рабочих ограничивается лишь городом, т. к. редко кто из заводских рабочих сохранил тесную связь с деревней, они большей частью омещаниваются и порывают с родиной: наконец, принималась во внимание московских и подмосковских фабричных рабочих (почти исключит. русские), что облегчало сближение, а также численность рабочего населения города Москвы и его окрестностей. Принято было во внимание и то, что в Москве оставалось несколько ценных людей, принимавших деятельное участие в кружке чайковцев, как наприм., Ал. Осип. Лукашевич, рабочий И. Ос. Союзов и другие, которые могли быть полезны для сношений с трудовым миром; кроме того, в Москве жил в то время Гамов, который с своей стороны мог помочь возстановить связи Долгушинцев.

В ноябре месяце первыми выехали в Москву Мих. Грачевский, Василий Грязнов и Петр Алексеев с братом своим Никифором Алексеевым; Грачевский немедленно завязал сношения с Лукашевичем и столяром Ив. Ос. Союзовым, а Петр Алексеев с фабричным миром, поступив сам с братом своим, в качестве ткачей, на фабрику Тимашева; Василий Грязнов, как кузнец и слесарь, завязал сношения с железнодорожными рабочими района московских железных дорог. В декабре приехали в Москву последовательно Зданович, я, Софья Бардина, Лидия Фигнер, Бетя Каминская, Евгения Субботина, а к Рождеству съехались и остальные «фричи», кроме Ольги и Веры Любатович, которых, впрочем, к новому году освободили из черниговской тюрьмы и отдали на поруки отцу, который жил в Москве. Несколько позднее приехали Хоржевская и Варвара Александрова.

Я поселился с Здановичем в номерах Андреева в Казачком переулке, Грачевский и Грязнов поселились в рабочем квартале Яузской части и на их квартире собирались в первое время исключительно рабочие и то только по субботам и канунам праздников. Затем, я нашел у одного знакомого комнату на Патриарших прудах, где хранились нами документы и куда заходили переодеваться рабочие и интеллигенты в соответствующий костюм для посещения тех или других слоев общества. Несмотря на

то, что комната эта посещалась многими, не исключая приезжих из разных местностей и из за-границы, квартира эта осталась неизвестной полиции и потому не фигурирует в обвинительном акте процесса 50-ти. Тут же находился и склад нелегальных изданий. В наш рабочий кружок рабочих был скоро введен московский рабочий Василий Васильев, опытный ткач, человек средних лет, весьма влиятельный в фабричном мире, а за ним Филат Егоров, ткач-кустарь, Василий Баринов и другие.

Таким образом наш основной рабочий кружок был очень силен по тогдашнему времени; он состоял из Ник. Васильева, Ивана и Прокофья Барановых, Филата Егорова, Василия Грязнова, Петра и Никифора Алексеевых, Ивана Союзова, Панфутья Николаева, Семена Агапова и наконец, Мих. Грачевского.

Желая охватить революционной пропагандой еще больший круг фабрик, а также и женскую рабочую среду, наши члены женского кружка при помощи Петра Алексеева и Михаила Грачевского поступили также на фабрику. Первыми поступили Бетя Каминская, Ольга Любатович и Бардина. Нужно заметить, что мужчины, члены нашего объединенного кружка (я, Грачевский, Лукашевич) были против поступления женщин на фабрики; нам было жаль бросать молодых девушек, никогда в жизни не соприкасавшихся с фабричной средой, в такие тяжелые условия, выносить которые было не под силу, даже многим рабочим — женщинам. Меня до такой степени пугал фабричный мир своим неведомым загадочным ужасом, что однажды я нарочно посетил фабрику, на которой жил и работал Петр Алексеев, чтобы лично видеть, как придется жить нашим женщинам; Петр Алексеев показал мне жилища помещения, условия, при которых придется жить нашим девушкам, познакомил с некоторыми из фабричных женщин, и мне стало несколько легче; но когда он сказал, что на этой фабрике поместить их нельзя и что придется искать для них место на других фабриках, я не соглашался допустить это до тех пор, пока не познакомил меня, Грачевского и Чикоидзе с теми рабочими, которые поручились за полную безопасность наших женщин. Об этих наших заботах мы конечно не говорили им

ни слова, оне засмеяли бы нас, гордые и сильные своим незнанием жизни.

Помню я ту ночь, как с воскресенья на понедельник в 4 часа утра я и Грачевский сдавали на фабрику Моисеева Бетю Каминскую; накануне мы взяли два номера в какой-то гостинице на Трубном бульваре; в одном ночевали Каминская и Евг. Субботина, в другом я и Грачевский; никто в сущности не спал. Субботина одела Бетю Каминскую в простой русский ситцевый сарафан с пышными рукавами и повязала ей на шею простые стеклянные бусы, как носят крестьянские девушки; она ухаживала за нею, как ухаживает подруга, обряжая невесту; мы с Грачевским прилегли не раздеваясь; окончив рабочий туалет Каминской, Субботина постучала к нам в 3 часа; мы вскочили и, выйдя в корридор, увидели Субботину со свечой в руке; вся гостиница спала; ведите же скорее Бетю, господа, торопливо прошептала Субботина; она обняла Каминскую и заплакала: — Зачем же вы плачете, с изумлением спросил я Субботину. — Ах господа, вы не знаете, как ей будет тяжело, ответила она. — Если тяжело, зачем же идти ей, заметил я в недоумении. Бетя торопливо и молча направилась к подъезду, мы поспешили за нею. Была январская морозная ночь; мы прошагали в темноте версты три, не сказав друг другу ни слова; сцена прощания подруг буквально потрясла меня; мне казалось, что мы ведем эту девушку на какую-то ужасную казнь и что Субботина плакала, как бы предчувствуя эту казнь. Когда мы подошли наконец к небольшой ветхой, тряпичной фабрике Моисеева, у ворот уже толпились фабричные мужчины и женщины; они спешно входили в ворота, в которых виднелся подворотный, тщательно обыскивавший всех входивших, точно они шли не на работу, а в тюрьму. Каминская отступила было, но потом, ни слова не сказав, дала себя обыскать и быстро вошла в калитку. Мы долго стояли у ворот в раздумьи, не зная что делать; нас вывел из этого раздумья окрик подворотного: а вам чего тут надо? крикнул он; мы, не отвечая, пошли своей дорогой; отойдя несколько шагов от фабрики, Грачевский предложил мне вернуться сюда обратно через час и повидать Каминскую; мы вернулись в наш номер, Грачевский захватил с собою какой-то платочек и связку

сьма ценных членов — Михаила Грачевского и Ивана Союзова: первый был выдан полиции в трактире рабочим Скворцовым, который, не ограничиваясь этим предательством, оговорил еще Ивана Союзова и брата его Петра Союзова, жившего в деревне в Московской губернии. Но как Иван Союзов и раньше в 1874 году привлекательны по делу чайковцев, то потеряв Грачевского, мы решили выпроводить его из Москвы куданибудь подальше; он уехал, кажется на юг, где вскоре и был арестован. Связь с Скворцовым была заведена нами через Ивана Союзова. Когда Грачевского вели из трактира в жандармское управление, он бросил большим комом снега в сопровождавшего его городского и бежал, но по близорукости своей, споткнулся и упал, это было на Таганке; уличная толпа схватила его и предала полиции; я скоро завязал с ним сношения, но все попытки освободить его были тщетны. т. к. его держали в Пугачевской башне, откуда побег был невозможен.

Потеря этих двух очень деятельных членов организации в рабочей среде заставила меня, а также и Лукашевича временно прекратить хождение в трактиры, которыми раньше мы широко пользовались для пропаганды в среде мало знакомых рабочих; с тех пор члены нашей организации посещали трактиры только для свидания с более близкими.

Двухмесячный опыт пропаганды среди московских фабричных рабочих дал блестящие результаты; мы охватили до 20-ти фабрик: Тимашева, Моисеева, Носова, Лазарева, Альберта, Гюбнера, Тютчева, Шибаева, Горячева, Соколова, Рошфор и др., а также мелкие мастерские — столярная, слесарная, кузнечная, и мастерские Курско-Харьковской жел. дороги. Во всех этих фабриках и мастерских у нас были небольшие группы рабочих из 4—5 человек, делавших свое дело по намеченной нашей организацией программе; члены этих новых возникающих групп еще не знали о существовании нашей организации, но посещали нашу рабочую квартиру сначала в Яузской части города, а потом в Сыромятниках (в д. Коститорова), затем на Краснопрудском проспекте, недалеко от Николаевского вокзала и наконец на Красносельском проспекте в д. Корсака.

Все выше поименованные лица, съехавшиеся в Москву в целях пропаганды социально-революционных идей среди рабочего населения города Москвы, его окрестностей, а затем и других городов и губерний Российской империи, уже с конца 1874 года были связаны между собой словесными условиями работать вместе, но эти свои отношения не успели еще оформить уставом; первые месяцы своей совместной работы они посвятили прежде всего постановке практического дела пропаганды и лишь в первых числах февраля 1875 года смогли приступить к окончательной выработке устава, долженствовавшего скрепить их отношения формальной организационной связью.

Согласно желанию большинства членов вышеназванного московского кружка, в первых числах февраля приступлено было таким образом к выработке устава организации.

Мне было поручено написать проект устава и программы этой организации сообразно с данными условиями революционной деятельности и согласно со взглядами, в общем уже известными, членов нашего кружка.

Для ближайшего же ознакомления со взглядами женской половины формирующейся организации мне передан был набросок программы и устава, составленной кружком фричей на съезде их летом 1874 года в Невшателе и формулированный тогда Ольгой Любатович.

Этот набросок представлял краткую формулировку отрицательных сторон современного русского политического и экономического строя, как нравственное основание борьбы с ним в целях осуществления свободы и социальной правды в политических и экономических формах жизни России. Это вступление завершилось кратким уставом, связывавшим членов данного революционного общества на основах полного равенства, но в нем очень немного говорилось о способах борьбы для достижения поставленного им идеала: а на практике это было главное; идея нравственного начала в борьбе проходила красной нитью, как основа этого устава.

Когда проект нового устава был мною написан, для обсуждения его собрались те из членов кружка, которые смогли освободиться в этот день от своих работ. Присут-

езовали: Софья Бардина, Бетя Каминская, Лидия Фигнер, Ольга и Вера Любатович, Варвара Александрова, Евгения Субботина и Александра Хоржевская; из мужчин присутствовали: Михаил Чикоидзе, Иван Жуков, Александр Лукашевич, Василий Грязнов, Петр Александрович Филат Егоров, Николай Васильев, Иван Барынов и я.

Из женщин, заочно примыкавших к нашей организации, отсутствовали: Мария Субботина и Анна Топоркова; из мужчин — Александр Цицианов и Георгий Зданович.

Таким образом, в действительные члены организации вошли 17 человек, 9 мужчин и 8 женщин и 4 человека условно, т. е. когда они подписали бы вырабатываемый устав; оставшиеся два бывших члена фричей за-границей — Вера Фигнер и Дора Аптекман могли бы примкнуть к этой сформировавшейся в Москве организации, если бы приехали в то время работать в Россию. Что же касается Цицианова и Здановича, то первый еще в январе уехал на Кавказ по делам нашего кружка, а Зданович тоже с января был в отъезде по устройству пути для перевозки нелегальных изданий из за-границы, а потому Здановичу был предъявлен устав уже в Одессе Ольгой Любатович лишь в июле месяце 1875 года, в копии, писанной рукой Веры Любатович, а Цицианову устав совсем и не предъявлялся, хотя фактически он исполнял такие функции, для исполнения которых требовалось быть действительным членом организации.

Первый день заседания был посвящен вопросу о том, следует ли вырабатывать детали формы будущего строя, или ограничиться выработкой устава организации и способов революционной деятельности.

Вопрос этот был поставлен, помнится, Жуковым, но я, Бардина и другие энергично возстали против этого. В самом деле какой был смысл вырабатывать форму будущего строя, когда целые десятилетия, мы знали, придется посвятить одной лишь разрушительной работе. Достаточно было для нас и того, что мы все были приверженцами учения социализма, хотя и разных толков; были между нами коммунисты, коллективисты и даже катедер-социалисты, как напр. Жуков. В политическом же отношении наши требования сводились к свободе слова, собраний, равенства всех перед законом без различия пола и нацио-

нальности и проч. Выработку деталей будущего экономического и политического строя мы предоставляли тем, кому посчастливится присутствовать при ликвидации старого порядка, на развалинах которого придется осуществлять новые политические и экономические формы, образно условиям времени и свободного желания народа. Мы все хорошо сознавали и то, что прежде чем удастся восторжествовать социалистическому строю, неизбежно будут переходные экономические и политические формы жизни, которые вопреки нашим теоретическим построениям, будут приняты народом в силу необходимости. Поэтому мы решили никому не показывать детальной программы. Организация наша преследовала объединение всех русских социалистических кружков; нам не было, следовательно, никакого расчета выдвигать еще свою новую программу и тем еще более разъединять силы. Напротив, мы стремились отмечать общие нам всем стороны нашего идеала и сближать, по возможности, всех в борьбе с общим врагом. А нашим врагом было все то, что поддерживало политический и экономический гнет, все то, многоголовое самодержавие полицейско-чиновнического уклада страны, — поддерживаемого капиталом и крупным землевладением, — которое давило все и вся вокруг.

Будучи крайне уступчив в вопросах деталей будущего строя, каждый из нас был крайне требователен в вопросе о способах организации революционной деятельности; нас не столько интересовал в данную минуту будущий строй, сколько то положение, в которое каждый из нас должен поставит себя, отдавая на революционную деятельность всего себя, всю свою жизнь; в этой деятельности, несмотря на всю исключительность нашего положения, мы стремились осуществлять на деле самые строгие нравственные начала, которые должны были руководить как деятельностью самих членов организации, так и воздействовать на массу, с которой приходили в соприкосновение члены организации, хорошо понимая, что только нравственный идеал может освещать нам путь и привлекать сердца, ищущия правды. Словом, до момента революции, в наступление которой мы не могли не верить мы хотели словом, делом и всем образом жизни своей расположить к себе не только ре-

волюционные кружки, но и широкую индивидуальную массу, а может быть и врагов своих; и в этом отношении, по общему признанию наших современников, наша организация достигла действительно многого.

Итак, в первое заседание нашего кружка на рассмотрение товарищей был представлен мною проект устава нашей организации, которой мы дали название: «Всероссийской Социально-революционной». Некоторые пункты моего проекта вызвали горячие прения, а потому для переработки его была назначена комиссия из трех лиц: Ив. Жукова, Лукашевича и Бардиной, в то время уже оставивших фабрику, которые вместо со мною и выработали тот устав, который фигурирует в обвинительном акте по процессу 50-ти и который был отобран у Здановича.

Редакционная комиссия заседала в номерах Руднева, на Тверской ул., где жила Евг. Субботина; в общем проект остался без изменения, но благодаря настоянию Лукашевича и Жукова был введен такой пункт, который повлек за собою большие неудобства, не мало способствовавшие провалу организации; пункт этот гласит: «Член должен быть в положении простого работника, об исключениях решает община». (См. Устав, III, условия приема в члены общины, п. 4).¹

Я возражал против этого пункта во-первых потому, что большинство членов организации были интеллигенты, которые рано или поздно, должны были бросить фабрики и мастерские и продолжать пропаганду в интеллигенции, так как для связей с рабочими у нас уже было достаточно членов рабочих; во-вторых, этот пункт лишал нас возможности свободно распространять организацию вне рабочего круга; наконец, провал интеллигентов на двух фабриках (Вера Любатович и Лидия Фигнер) меня убедил, что хождение интеллигентных женщин в работницы на фабрики, может иногда вредно отзываться на организации.

¹ Устав этот напечатан в отчете о процессе 50-ти. См. сборник «Государственные преступления в России» — Базилевича-Богучарского, Загр. изд., т. II, стр. 190 и след. и Сборн. под тем же заглавием, изданный в России, (Русская Историч. Библиотека № 6), стр. 155 и след.

Но все наши доводы остались гласом вопиющего в пустыне и после моего ареста (в апреле 1875 г.) половина членов организации из женщин все же отправилась на фабрику в Иваново-Вознесенск, где произошел второй огромный провал, повлекший за собой провалы в Москве, Киеве, Туле, Одессе, Воронеже и других местах.

Организация наша была построена на принципе безусловного равенства всех членов и отсутствии всякой власти в руках центрального бюро организации — так называемой «администрации» или «управления», которая даже не выбиралась, а назначалась по очереди из состава членов через определенный промежуток времени; единственным связующим началом, объединяющим членов организации было начало нравственного долга. Никакого принуждения организация не признавала; вступая в нее, человек добровольно отказывался ото всего, что связывало его с остальным окружающим его миром, и весь отдавал революционному делу — отдавал ему все свое имущество, свою свободу и жизнь. Поручкой тому, что он будет вполне товарищем, было одно добровольно данное слово. Но обособляя себя для борьбы и выделяя себя из круга сограждан, член этой организации не освобождал себя от нравственного долга к ним и к человеку вообще; он не смотрел на мир, как на безразличный материал для своей деятельности, так как, только после свободно данного слова кого-либо, организация допускала за собою право располагать имуществом, свободою и жизнью человека, но тогда он становился уже ее сочленом (См. Устав I, III и VI).

Возмущаясь правительством, как организованным насилием, наша организация не допускала ни нравственного, ни физического насилия над народом, над согражданами ни в подготовительный период, ни даже в разгар революции, а сосредоточивала всю свою борьбу исключительно на правительстве. Поэтому члены нашей организации, как враги всякого организованного и легализованного насилия, естественно были также горячими противниками якобинизма и не стремились к захвату власти в свои руки. Уважая право народа самому свободно устраивать свою жизнь и не допуская с чьей бы то ни было стороны насилия над ним, мы в отношении к правительству допускали

в борьбе его же средство, т. е. не только борьбу оружием, если понадобится, но и косвенную конфискацию правительственных фондов, наприм. в виде фальшивых денег, но допуская это в предположении, наша организация фактически этого не осуществляла во-первых потому, что организация при скромных условиях быта своих членов, обладала в лице их же очень крупными денежными средствами и в деньгах не нуждалась, а во-вторых, присущая ей инстинктивная брезгливость к таким средствам принудила бы ее обратиться к другим, более подходящим для этого дела людям, а этого она естественно избегала (См. Устав IX и X).

Устав нашей организации, как я уже сказал выше, носит заглавие: «Устав «Всероссийской Социально-Революционной Организации», что указывает на наше стремление поставить дело на широкую всенародную почву: то заглавие, которое приведено в обвинительном акте («Программа деятельности. Устав революционера и организация тайного общества») принадлежит, конечно, кому-либо из переписчиков, приписавшему это для пояснения, так как устав в целях конспирации, вероятно, был переписан совсем без заглавия. Я знаю только, как я уже сказал, что в руках Здановича была копия, переписанная рукою Веры Любатович и врученная ему Ольгой Любатович в июле 1875 года в Одессе. В подтверждение того, что устав носил название, какое я привожу выше, я укажу на пункт 8-й последней главы устава — «Условия межобщинного сношения», где говорится: «уведомление о движении в своей местности, а также в местностях где не имеется общины всероссийской организации». А что эта всероссийская организация называлась также и социально-революционной, видно из следующих мест устава: «Направление там должно быть чисто социально-революционное (см. Устав, IX об агитации, 1, ж) и «при бунтах выдвигаются личности, и члены общины должны давать им направление социально-революционное» (см. Устав IX, 2, б).

В пояснение содержания устава нужно сказать еще несколько слов относительно выражения «организованных шаек», которое может навести мысль о допущении разбоев со стороны организации; но всякий, кто внимательно прочтет весь отдел С, главы IX, чистая агитация,

I. от а до ж., тот увидит, что наши шайки не могли иметь ничего общего с обыкновенным стяжательным разбойничеством, мы просто хотели в сущности найти такое название для свободных вооруженных революционных отрядов, которое даже по имени не напоминало бы правительственные военные организации; слово «дружина» подходило бы, м. б., ближе, но и оно употреблялось в правительственном войске; поэтому мы сочли лучшим, чтобы наши военные отряды «удалых» назывались «шайками» — это все таки напоминало свободную организацию свободных людей, но как я уже сказал, слово «шайка» ни в коем случае не было выражением поклонения обыкновенному стяжательному разбойничеству. Наши шайки брали его удаль, его социальный протест и только. Лучшим подтверждением справедливости вышесказанного могут служить следующие строки устава, в главе, «Денежная сторона организации»: «Средства для пополнения фонда должны быть такие, которые не вредили бы безопасности и кредиту организации». (См. устав, X, 2); эти строки имеют в виду, конечно, кредит нравственный, так как о финансовом кредите тайной революционной организации речи быть не могло.

Относительно слова «шайка», употребляемого в уставе, нужно заметить, что в представленном мною проекте устава это слово употреблено еще не было, а употреблено было однозначное слово «банды»; а так как против слова банда возстали члены рабочие, то пришлось заменить его равнозначным словом «шайки»; это последнее слово не могло в то время особенно шокировать наш слух, так как литература наша идеализировала понизовую вольницу (Мордовцев), и имя Стеньки Разина с его шайкой отважных удальцов, вызвало в нас большую симпатию к себе.

Обращаясь к отношению нашей организации к вопросу о бунтах, возмущениях и других формах движения в народе, а также к вопросу о способах дезорганизации и утраты правительства (см. устав, IX, С, 1, в, 2, во время бунтов, а, б, в) необходимо заметить, что организация допускала брать на себя инициативу возбуждения к бунту и возмущению только для поддержки уже возникшего естественным путем возмущения или бунта, а не позволяла себе вызывать их искусственно, так как она бережно

относилась к силам народным и была чужда идеям какого бы то ни было нравственного давления. Что же касается дезорганизации и устрашения правительства, то это допускалось только в самых крупных и необходимых случаях, не размениваясь на мелочи, которые могли бы лишить этот способ деятельности всякой нравственной опоры.

Переходя к денежной стороне организации (см. устав. X), нужно прежде всего отметить, что в 70-х годах, едва ли была более богатая организация, чем наша. Некоторые из наших женщин располагали большими денежными средствами; правда, большая часть этих средств заключалась в недвижимом имуществе (имения сестер Субботиных), или находились еще в руках родителей (Хоржевской, Любатович и друг.), но большую часть их можно было во всякое время реализовать, что и было бы сделано, если бы не преждевременный арест шести членов организации 4 апреля 1875 года. Из членов мужчин, никто, кроме кн. Цицианова не располагал серьезными личными средствами. Цицианов, прибыв из Москвы в Тифлис в феврале 1875 г. для организации кавказской общины, приступил также к реализации своего недвижимого имущества в наличные деньги; но ему помешало то обстоятельство, что после моего ареста его сейчас же выписали в Москву, где он и оставался вплоть до своего ареста. Его чрезвычайно волновало в тюрьме, что он не успел перевести своего имущества в революционный фонд; но все же он это сделал, кажется за день до своего осуждения, но сделал это очень неудачно, так как унаследовавшие нам революционеры смогли выручить из его огромного имения кажется всего только несколько тысяч руб., а между тем оно стояло не менее сотни тысяч руб., по крайней мере теперешний обладатель имущества кн. А. Цицианова оценивает его в 200.000 руб.

При таких обстоятельствах, когда денежные средства организации были обеспечены на много лет, для постороннего являются странными следующие строки устава: «через них (т. е. шайки) приобретать денежные средства для деятельности общины» (см. устав, IX, 1, д). В идее конфискация казенных средств допускалась нашей организацией только в период открытой революционной борьбы, как это допускается вообще на войне. Введения этого

пункта устава требовали, главным образом члены рабочие, которые казенные деньги считали народными, а следовательно, до некоторой степени и своими. Иначе бы избежать слишком распространительного толкования этого пункта, другие члены организации внесли с своей стороны следующую поправку: «средства для пополнения фонда должны быть такие, которые не вредили бы безопасности и кредиту организации» (см. устав X, 2); т. е. организация не признавала ни разбоя, ни воровства.

Когда устав, несколько переработанный вышеназванной комиссией, был окончательно принят всеми членами, то, вместо того, чтобы подписывать его, решено было, чтобы каждый член написал собственноручно часть текста устава; подлинный устав был, таким образом, написан всеми присутствовавшими членами основателями организации, за исключением Николая Васильева, который за безграмотством начертил в конце какой-то загадочный некроглиф, при чем не преминул выругаться *по адресу дворян, купцов и попов, благодаря которым, по его мнению, он остался безграмотным до седых волос.

Резюмируя содержание этого устава, нужно сказать, что он, как набросок, вмещал в себе все формы революционной борьбы, выработанные историей других народов, приспособляя их к русской почве и предчувствуя в будущем их неизбежный партизанский характер в борьбе слабого с сильным.

Устав написанный всеми членами организации, был сдан в «храмушку» (так мы тогда называли архив организации), которая помещалась в квартире на Патриарших прудах, уже упоминавшейся мною раньше. После гибели организации храмушка эта перешла к лицам, хотя и близким к организации, но не членам ее; поэтому я и теперь не знаю, куда девался подлинный устав со всеми другими бумагами, книгами и документами, хранившимися там. Но имею основание предполагать, что они попали к Вере Шатиловой, родственнице Субботиных.

XI

По написании устава, была сформирована наша первая администрация; в нее вошли: Василий Грязнов, Евгения Субботина и я. Функции администрации мы распреде-

лили так: Евгения Субботина заведывала финансовой частью организации, Василий Грязнов, как рабочий, заведывал сношениями с рабочими, а я вел сношения с интеллигентными легальными и нелегальными кружками.

На одном из первых заседаний нашей администрации я внес следующие предложения: 1) о необходимости выделить из состава членов новые организационные общины в виду многочисленности членов организации в Москве, где пока можно было ограничиться двумя-тремя членами, сверх трехчленной администрации; для основания новых общин я предложил командировать некоторых членов в другие рабочие центры и крупные города, как-то в Иваново-Вознесенск, Серпухов, Шую, Тулу, Киев, Одессу, Тифлис и другие местности, кроме Петербурга, куда вернулся обратно Жуков и продолжал организацию петербургских рабочих и молодежи; 2) я предложил также приступить немедленно к реализации денежных средств организации, которые, как я уже сказал, заключались, главным образом, в недвижимых имениях, чтобы, по продаже их, образовать фонд и вложить его в один из иностранных банков, поручив заведывание им одной из Субботиных, которая и должна была жить для этого за границей, производя расходы на нужды организации, как в России, так и за границей, где уже издавался в то время на средства нашей организации периодический орган «Работник», в котором участвовал Ник. Жуковский, Ник. Морозов и другие; и, наконец, 3) я предложил организовать в России особую редакцию по изданию революционных книг и мелких изданий как в России, так и за границей, для чего предполагалось устроить типографию на Кавказе; в этих целях был даже добыт шрифт, который впрочем после следовавших один за другим разгромов был зарыт в Сокольничьем лесу под Москвой, в надежде на лучшее будущее.

Первый из поднятых нами вопросов — об учреждении новых общин, был в такой степени назревшим, что уже в начале марта решено было разъехаться в различные заранее намеченные центры: Петр Алексеев вызвался ехать в Иваново-Вознесенск, Ник. Васильев и Ив. Бариннов — в Серпухов, Ал. Лукашевич в Тулу, Варвара Александрова — в Шую, куда она ездил с Ник. Ва-

сильевым еще в марте, Александра Хоржевская — в Ниже, Ольга Любатович — в Одессу, Мих. Чикоидзе и Ал. Дицианов (выехавший еще раньше) на Кавказ и т. д.

Второй вопрос принят был также единогласно, но осуществить реализацию средств в фонд не удалось мне, но и после моего ареста, не удалось, отчасти потому, что сестры Субботины стремились сами принять непосредственное участие в революционной работе и неохотно соглашались сидеть, как они выражались, сложа руки в своем имении или за-границей, отчасти потому, что реализация крупного имения вообще не легка; мешало также и то, что эта семья была уже под подозрением, так как мать их С. А. Субботина и третья сестра — 17 летняя Надежда были привлечены уже к дознанию по процессу 193-х и даже в одно время сидели в тюрьме.

К осуществлению же третьего предположения даже приступить не пришлось.

Для осуществления задач организации революционных общин в новых центрах, некоторым членам пришлось оставить места на фабриках, с которыми можно было продолжать сношение и без них, через вновь примкнувших к организации рабочих. Начались сборы к отъезду в назначенные места; решено было также ликвидировать квартиру в доме Корсака, хозяйкой которой была Софья Бардина, уже оставившая тогда фабрику; эта квартира служила приютом для всех членов организации, приходивших с фабрик и заводов, а отчасти и местом свидания с новыми рабочими.

К тому дню, когда совершился наш первый большой провал, т. е. к 4 апреля 1875 года, почти все члены организации, кроме Ольги Любатович, продолжавшей работать на фабрике, уже оставили свои места и проживали временно несколько дней в этой же квартире (в д. Корсака), чтоб окончательно перетолковать между собою и разъехаться. Но нам не суждено было осуществить этот план. На мне, как на члене администрации, лежала большая ответственность за безопасность этой квартиры, куда приходили, как я уже сказал, кроме интеллигентов, и многие рабочие; собирать их в других интеллигентских квартирах было неудобно; разрешить же им оставаться в этой общей квартире было бы прямо преступно, так как только что

(29 марта) арестовали нашего наиболее деятельного рабочего — Николая Васильева, и жена его Дарья Скворцова, неожиданно для нас всех появилась на этой квартире, которую она не должна была знать; она рассказала нам, что Ник. Васильев арестован по доносу его врага и давнишнего соперника по влиянию на московских фабриках — крестьянина Яковлева; она говорила, что мужа ее забрали с кистенем, который он всегда носил в кармане, и это еще более ухудшает его положение; она рыдала и просила помощи. Я успокаивал ее, как умел; посоветовал просить свидания с мужем, уверенный, что привязанность к мужу скует ее язык перед властями, а мы пока успеем ликвидировать квартиру. Я дал ей денег и посоветовал снабдить Николая Васильева всем нужным в тюрьме. Это видимо утешило ее, но некоторые из рабочих (Панфутий Николаев и Семен Агапов) позволили себе безтактные выходки, они подсмеивались над нею и раздражали ее. Я сейчас же почувствовал после этого, что нашей квартире грозит большая опасность, неминуемый провал и стал просить всех разойтись оттуда немедленно; недалеко от нас была квартира Молодецкого, где можно было приютить нескольких рабочих; Василия Грязнова я выпроводил сейчас же в Петербург, так как на всех фабриках и заводах Москвы он был уже известен, и его могли арестовать на улице, интеллигентным же членам организации я предложил переехать в гостиницы, а оттуда уже разъехаться по назначению. Я позаботился также, чтоб все нелегальные вещи были унесены с квартиры и в ней оставались только простая мещанская мебель и самовар с чайной посудой, что можно было бросить во всякую минуту.

И странное дело, несмотря на глубокое сознание всех о грозившей опасности, мы все же не могли оставить квартиру, куда почти поминутно приходили рабочие со всех фабрик, встревоженные арестом Николая Васильева, Ивана Барина, Прокофья Барина и Филата Егорова. Надо было каждого из них ободрить, сказать слово утешения, а не скрываться от них, иначе мы возбудили бы в них недоверие и вся полугодовая деятельность наша среди рабочих пропала бы безвозвратно. Но для этого не было нужды оставаться всем, а потому я нанял номер в

меблированных комнатах Келлера, дал всем членам организации этот адрес и просил в другие конспиративные квартиры не ходить. Это было 2 апреля. Фабричные рабочие все уже были предупреждены и решено было, что 3 апреля уже никто из нас не должен явиться в дом Горсака и что сама хозяйка этой квартиры — Бардина должна была оставить ее. Не вполне полагаясь на осторожность товарищей, я, несмотря на наш уговор, пошел все-таки проведать квартиру Бардиной, желая узнать все ли исполнено так, как было решено накануне; были сумерки: в окнах нижнего этажа виднелся свет, условный знак на окнах был на месте; я подошел ближе и сквозь занавесы увидел Бардину и других, сидевших спокойно за столом, точно они и не думают перебираться; я быстро направился к калитке, чтоб войти к ним; на встречу мне шел городской с книгой в руке и, посторонившись, сказал: ты лучше, брат, сюда не ходи!

Эти слова поразили меня, но я все же осторожно вошел во двор и, не входя в сени, стал прислушиваться; слышу веселые шутки Бардиной, громкий смех Чикоидзе и шуточные реплики Петра Алексеева. Я вошел в квартиру и обратился к Бардиной с серьезным упреком, зачем она до сих пор не очистила квартиру; я рассказал им странное предупреждение городского и стал прямо умолять их, бросить все и бежать немедленно, чтобы не быть застигнутыми здесь. Бардина и Чикоидзе отнеслись к этому предупреждению шуточно: «ну, вот, говорили они, если бы была настоящая опасность, городской не стал бы предупреждать тебя; что ему до тебя». На минуту эти слова пошатнули и мою уверенность, но потом я опять стал всех просить разойтись; Бардина настояла, чтоб выпить по стакану чая, а затем уже идти; никакие доводы не могли поколебать этого решения. Мне оставалось сесть и ждать, чтоб уйти последним; не успела Бардина поднести первого стакана к губам, как дверь с треском распахнулась и к нам в комнату ввалила масса народа без предупреждения, без слов, как врываются разбойники. Первым вступил к нам генерал Воейков и наскочил прямо на меня, стоявшего еще на ногах.

«Арестовать всех!» крикнул он своей многочисленной свите: какой-то молодой офицер окружил нас солдатами;

их было человек 20, нас — 9: Бардина, Каминская, Чикоидзе, Петр Алексеев, Лукашевич, Панфутин, Николай, Семен Агапов, Василий Георгиевский и я; о сопротивлении, о побеге не могло быть и мысли; тем не менее Чикоидзе предложил нам вдруг броситься всем на штурм и таким образом, дать возможность хоть кому-нибудь из нас бежать в окно; я отдернул занавес и увидел, что весь дом оцеплен кругом; сопротивляться было бесполезно. У Чикоидзе оказался полный карман конспиративных бумаг; надо было уничтожить их во что бы то ни стало. Чтоб оттянуть обыск, мы заявили, что без прокурора обыскивать нас не позволим. — А для чего вам прокурор? Прокурора нет и не будет, крикнул Воейков. — Не будет, так не имеете права и обыскать нас, заявили мы. Воейков смутился несколько и сказал: ну, хорошо, будет вам и прокурор; сделав строгий наказ своей свите, сторожить нас, он быстро вышел из комнаты. Мы уселись за стол и с горя стали опять пить чай, только уже закусывая его конспиративными бумагами Чикоидзе; некоторые из нас успели проглотить и подложные паспорта, по которым мы жили; к 9-ти часам вечера все, подлежащее уничтожению, было съедено и запито чаем на глазах всей стражи.

Прокурор Кларк приехал около полуночи; за это время мы, конечно, успели сговориться как держать себя и какие показания давать относительно посещения дома Корсака; этим только и объясняется отсутствие противоречий в показаниях всех нас, арестованных в доме Корсака. Мне, Бардиной и Чикоидзе надо было скрыть свои фамилии, чтобы очистить те квартиры, где мы были прописаны под своим именем; поэтому мы назвали себя литератами А. Б. В.

Выходя последний раз из этой роковой квартиры, уже несвободными, а под охраной жандармов, я оглянулся назад; картина погрома была полная, мебель, посуда и другие вещи, в беспорядке разбросанные по полу, по столу и по окнам, напоминали картину жилища в только что взятом штурмом городе. Я взглянул на первое окно, разорванная занавесь, служившая нам сигналом, разная и смятая валялась запрятанная в углу. Никто, подумал, я, не попадет в западню; я вспомнил, что в это утро

должна была оставить свою фабрику. Ольга Любатович, которая условилась с Каминской встретиться в церкви, чтобы вместе отправиться на неизвестную еще ей квартиру. Если она заглянет сюда, подумал я, отсутствующий на окне остановит и спасет ее. И действительно, проведя бесплодно четыре часа в огромной, пустой старообрядческой церкви, она пришла все-таки к квартире дома Корсака и увидела вместо занавески в окне красное пьяное лицо посаженного для засады дворника, спокойно распивавшего чай из нашего, какой-то судьбой уцелевшего блюдечка. В окне висел клочок сорванной занавески, предательски зацепившись за гвоздь, как бы знаменуя свершившуюся драму... Уже через два года после этого она рассказала мне, что ее все-таки подмывало войти в этот дом, но благоразумие одержало верх: к счастью, уже наступали сумерки и она, как была в сарафане и крестьянской душегрейке, должна была отправиться к Евгении Субботиной в номера Рубнева на Тверскую, где та жила как интеллигентная барышня и откуда такую деревенскую девку могли пожалуй и прогнать: но этого не случилось. Евгения Субботина уже знала или догадывалась о погроме, и с ее приходом все ее сомнения рассеялись. Велико было их горе: оне условились во что бы то ни было освободить нас; и много дней выслеживали, стоя по очереди близ жандармского управления, иногда с лотком яблок в руках, переодевшись торговкой, чтобы узнать куда нас посадили, и завести сношения с нами, часто рискуя быть узнанными Дарьей Скворцовой или другими оговорщиками. Сношения были заведены скоро, но вести их пришлось потом уже другим: Евгении Субботиной нужно было скоро уехать в Петербург, а Ольге Любатович — в Одесу.

Когда нас, арестованных, вывели под конвоем из дома Корсака и усадили на девяти экипажах, то весь этот длинный поезд направился к Бутырскому замку; нас всех посадили в так называемую, Пугачевскую башню, где, как говорят, сидел в железной клетке Пугачев, дерзавший пошатнуть своей рукой трон Екатерины.

Непростительная оплошность наша, благодаря которой произошел провал 6-ти членов организации и трех других, которым предстояло скоро войти в нее, потрясла

меня до глубины души; я и до сих пор укоряю себя, за-
чем не хватило у меня характера вытолкнуть всех в штырь
из этого проклятого дома, когда я вошел к ним в этот па-
мятный вечер, уже предупрежденный горючими слезами
бы я это сделал, кто знает, может быть и до сих пор были
ли бы живы и Бардина, и Петр Алексеев, и Чикоидзе, и
Каминская и другие, которые так безвременно погибли
потом! Конечно, арест в конце концов не миновал бы их,
как не миновал он и всех остальных членов нашей орга-
низации; но нет ничего ужаснее, как выбыть из строя в
самом начале борьбы.

Подкошенный страшным горем, я бросился на гряз-
ную постель в номере 1-м пугачевской башни и три пер-
вые дня спал непробудно, точно одурманенный; целыми
часами будили меня жандармы, спрашивая меня, не надо
ли мне чего-нибудь поесть, но я, как рассказывали они
потом, не просыпаясь, сквозь сон отвечал: ничего не на-
до.

Да, было о чем горевать; еще накануне мы мечтали
о том, как в недалеком будущем покроем Россию сетью
нашей соц.-революционной организации; и вдруг, благо-
даря простой случайности, благодаря тому только, что мы
не сумели исполнить в точности своего же собственного
решения и не разъехались немедленно, мы нанесли непоправимый урон нашей молодой организации, отняв у
нея, целых 6 деятельных и очень ценных членов: удар
был страшный, тем не менее в душе таилась надежда,
что нас скоро выпустят, потому что я был уверен, все
будут держать себя хорошо, о существовании организа-
ции никто не обмолвится, а остальные улики были так
несущественны, что мы могли отделаться одним предва-
рительным заключением. Так оно действительно и было
бы, не последуй осенью 1875 г. ареста других членов
организации, при которых найдены были крайне неосторож-
ные письма Георгия Здановича, благодаря которым
прямо устанавливалась принадлежность всех нас к одной
и той же общей организации, а арестом самого Здановича
в октябре того же года, при котором найден был и наш ус-
тав, существование организации, пока только предпола-
гавшейся дознанием, было окончательно установлено. До
ареста Здановича меня причисляли только к процессу

193-х по оговору Рабиновича, который почему-то считал меня членом кружка чайковцев, (вероятно, потому, что в студенческих кружках я слыл за бакуниста); а после ареста Здановича, благодаря найденным документам и в Иваново-Вознесенске, составил самостоятельный процесс, куда привлекли и меня. Отцу моему, которому перед тем категорически обещано было в Петербурге освободить меня на поруки, окончательно отказали в этом.

Итак, пришлось засесть в тюрьме крепко. Почти через год после моего ареста закончилось предварительное дознание по процессу 50-ти, и в марте 1876 года мы все из ведения жандармов перешли в ведение городской полиции. К этому времени всех обвиняемых по процессу 50-ти стали свозить в Петербург. За несколько времени до отправки в Петербург меня увезли из Пугачевской башни и посадили в Пречистенскую часть, где я впервые был приятно поражен отсутствием жандармов; меня посадили в один из номеров 2-го этажа этой части: через несколько минут обнаружилось, что я нахожусь в общем коридоре с Бардиной, Чикоидзе и Ник. Морозовым, с которым я в последний раз виделся мельком в Берне.

Здесь в присутствии скучающего городского мы свободно говорили о пережитом. Уже тогда, взвешивая, каких огромных жертв стоила нам мирная пропаганда в народе, мы искали других путей. Со мною рядом сидел Николай Морозов, это облегчало беседу нашу через окна, выходявшие на большую поляну, на которой лениво расхаживал единственный городской, совершенно не интересовавшийся ни нами, ни нашим разговором. Уже тогда меня поражало увлечение Николая Морозова широкими планами террористической деятельности; он часто говорил об орсиньевских бомбах и утверждал, что все спасение русской революции в них, по крайней мере теперь, когда нас так мало. Недостаток численности нужно заменить силой и энергией действия, говорил он, как бы предвосхищая будущее. Эту нашу беседу я невольно вспомнил в апреле 1881 г., когда переведенный из центральной каторжной тюрьмы в Мценск для отправки на Кару вместе с другими товарищами моими по Централке, я с захватывающим интересом следил за процессом по делу 1-го марта и не

удивился, когда узнал, что автором брошюры «Террористическая борьба» был Ник. Морозов.

Здесь же, в той же Пречистенской части я встретил впервые после ареста и рабочего Николая Васильева; в то время, как мы, интеллигенты, взвешивали арестный путь, этот сын народа, еще так недавно изшедший из фабрики Москвы, сзывая на дело освобождения своих братьев рабочих, среди которых он пользовался огромным влиянием, положительно изнывал в тюрьме от вынужденного безделья. Первые дни я не знал, что он сидит там; однажды в полдень я слышу голос с нижнего этажа; прислушиваюсь, это голос Николая Васильева; часовой показывает мне знаком, что со мною из нижнего этажа хотят говорить. — Господин, слышу я, а господин, слышите или нет? — Слушаю, слушаю, ответил я. Кто вы такой, спрашиваю. — Николай Васильев; неужто же вы по голосу не узнаете меня, обиделся он; а я вас сейчас же по голосу узнал, как вы с соседом стали перекликаться. — Как же твоего голоса не узнать, и я узнал, здравствуй Николай, говорю я; я хотел убедиться только, не ослышался ли я; как живешь можешь?

Это была первая наша встреча после того, как мы виделись с ним год тому назад на очной ставке в московском жандармском правлении. — Ах, черт тебя возьми, Михайлов, продолжал он, называя меня по привычке моим рабочим именем; а ведь я думал, что ты и говорить-то со мною не станешь. — Почему же? — спросил я. — Да, так... ведь ты оказываешься барин, да еще какой: дворянин столбовой; мне ведь капитан Ловягин все рассказал. А ловко ты нашего брата — мужика околпачил, мне ни в жисть не пришло бы в голову, что ты барин... — Да, не все ли равно тебе, барин или мужик, лишь бы я с тобою за одно был, спросил я. — Нет, не все равно; я, например, думал, что все господа мошенники, да и при тебе я всегда говорил это нашему брату фабричному, а вот оказывается, меж господ есть такие люди, как ты да Федор (Чикондзе), а может и другие, а ведь этого ни в жисть бы положительно не подумал; помилуй Бог, чтоб барин, да всей душой за мужика; чтоб из-за мужика он в острог пошел, да это и в сказках не сказывается... Эх, Михайло, грех на твоей душе, ты должен был сказать

мне, кто ты такой: скажи ты мне, что ты сам-барин. Я на всю Москву крикнул бы: правда взяла и господ на нашей стороне; а то, что одни мужики могут сделать против господ, попов (Николай Васильев был старшой из дворян и всякой сильной сволочи... Поддержки со стороны нетути, поддержка нужна. Вот к примеру, посадили меня в острог и сижу я, как в яме, положительно как в яме (Ник. Вас. злоупотреблял словом «положительно»); караулит меня наш же брат-мужик и не выпустит он меня до самой смерти: затоскуешь по воле, подойдешь к нему и говоришь, как своему брату: что, милый человек, слышь, долго ли меня тут будут томить? А он мне в ответ ступай, ступай от фортки, не велено разговаривать. Ну, да и понятно: он сам тоже попал в яму. А тут приходит капитан Ловягин, я к нему: что господин, милый, долго ли еще меня будут томить в яме? Не знаю, Николай Васильев, не знаю; а что вам, скучно? Вы бы книгу почитали. — Да, кабы я книги то умел читать, в острог бы не попал, а попал, так скоро бы вышел; сколько ведь господ попадает в острог за разное мошенство, он напишет письмо и смотришь, опять на свободе гуляет; а наш брат, как попал ни за что в тюрьму, так там и пропадает. — Вам надо грамоте научиться, говорит капитан Ловягин. Поздно, говорю, пробовал и раньше, а теперь в сорок лет не научишься. — А я вас в две недели научу и читать и писать, говорит мне капитан, говорит так убедительно. — Ну, ладно, говорю. На другой день капитан приходит ко мне в камеру и приносит четверку табаку Габая; да я, говорю, старовер, не курю; да и не надо, говорит: вот тут написано, табак Габая; возьмите да и срисовывайте, да по рисованному читайте и научитесь. И что же бы ты думал, в один месяц всю премудрость одолел; а сначала то я думал, что раз стоит буква Г, значит гусь, б — это брат, как в азбуке показано; а потом сразу понял всю музыку и теперь умею и читать и писать. С неделю тому назад, сижу я это в Суцевской части, строгости такие, что хоть вешайся; я говорю унтеру: жаловаться хочу; он мне в ответ: что же, пиши прокурору; я написал и через неделю меня переводят сюда, а здесь хорошо... вот что значит грамота... Хочешь, Михайло, я тебе прочту, что я

прокурору написал? И Николай Васильев прочел приблизительно следующее:

«Господин прокурор, барин ты мой милый, посадили меня в эту яму, т. е. положительно ни за что, ни за что, ни за что ни свету, воздуха, пространства и людей; что же, мужикто прикажешь мне вешаться: где же у вас Бог, неужто царь приказал положительно ни за что людей в яму сажать; освободите меня из этой ямы, верните мне свет, воздух и пространство»... Ты слушаешь, Михайло? спросил он, окончив чтение. Ну, что скажешь? — Очень, брат, хорошо. Неужели ты сам это писал? — Да, что ты? Неужели ты не веришь? Вот я сейчас напишу тебе записку и пришлю с часовым, чернило то будет мокрое, и ты поверишь тогда.

Действительно, я сейчас же получил записку с невысохшими чернилами; бедняга, впрочем писал, печатными буквами, подражая обложке этикетки Габая. А сколько возился с Николаем Васильевым на воле кузнец Василий Грязнов, чтоб научить грамоте этого оригинального и талантливоего пропагандиста! А жандармский капитан Ловягин, тот самый Ловягин, в которого стрелял при аресте князь Цицианов, научил его грамоте в 5 минут; странная ирония судьбы!

Однажды я спросил Николая Васильева: вот, хорошо: ты пишешь; а что ты читаешь? — Все читаю, а толку никакого; т. е. положительно не понимаю для чего это люди пишут; пишут совсем не то, что надо бы писать, а так, какую-то чушь; читал и про мужика, и про рабочего и вовсе эти господа писатели не знают, чего наш брат хочет; надоть освободить нашего брата от всякой неправды, чинимой барами, попами да купцами; а как освободить? этого никто не пишет. Я тебе сколько раз сказывал, Михайло, что надоть в один час собраться всем фабрикам московским да подмосковным на Покровке, да оттуда идти в Кремль, а там всенародно суд учинить над господами; как засверкают топоры, неправды не будет.

Действительно, Николай Васильев не раз предлагал нам поднять возстание в Москве и учинить в Кремле суд всенародный; я помню, как в одно воскресенье вбежал он к нам в рабочую квартиру вместе с Иваном и Прокофьем Бариновыми и требовал, чтобы в следующее воскресенье

учинить этот всенародный суд. Когда мы стали возражать против этого предложения и называли его безумием, Николай Васильев возмущенно сказал: доколь же пропагандой заниматься? Ведь положительно ни одного профинаниста среди фабричных нет, все согласны за профинансацию, так чего же ждать-то? по моему либо сейчас, либо никогда: нашему брату не надо вздоху давать, а как дашь, он сейчас на попятный; зачнет затылок чесать и поминай, как звали; другой раз калачом к себе не заманишь, потому — нельзя народ долго томить; согласны, так надо идти, а не идешь, значит сам не хочешь идти; так зачем же зовешь, спрашивают все меня...

Я объяснил ему, что если встанет одна Москва, ее задашат; нужно, говорю, чтобы за Москвою пошла вся Россия; тогда только правда настанет.

— Вся Россия, промолвил он; уже велика же она, не скоро это будет; а что мы с тобою, Михайло, в острог угоним, это верно; так коли попадать, так попадать не зря.

Николай Васильев был замечательный знаток народа; сознательным рабочим он не придавал значения в момент борьбы и даже несколько презирал их. Когда такой сознательный рабочий, как Василий Грязнов, возражал ему, Николай Васильев говорил: поди ты к чорту с своим сознанием; вот ты сознательный да что в тебе проку; ты с книгой в руках умрешь, а на Кремль все же не пойдешь; а мы не сознательные все до единого хоть сейчас на Кремль пойдем и за правду русскую ляжем.

Он хорошо видел жизненную неправду; он испытал ее на себе; знал, что эту неправду инстинктивно сознает всякий рабочий, и в этом общем сознании чуял согласие массы на борьбу. Вот почему он считал прямо потерей времени развивать в массе сознание; он заботился лишь о том, чтобы поскорее повести ее на борьбу. Пропаганду и распространение книг он считал бесполезным и даже вредным делом; так думая этот народный трибун и во многом был прав.

Неудивительно поэтому, что всю жизнь, тоскуя по грамоте и овладев ею в сорок лет, он кончил все же тем, что в одну ужасную ночь он обложил себя книгами и сжег себя вместе с ними; спасти его не удалось... Это была натура сильная и могучая, тоску бездействия перенести он

не мог; он потерял надежду, а быть может и веру; его не спасли ни бог, ни царь, в которых он так горячо верил в сердце своем.

Мне недолго пришлось оставаться в Пречистинской части, одного за другим перевезли нас в Петропавловскую крепость, где я и пробыл почти до суда, то есть до февраля 1877 года.

Наш перевоз в Петербург уничтожил последние иллюзии возможной свободы; нас будут судить, это мы знали; а что кроме неволи даст нам судебный приговор!...

XII

За несколько дней до открытия заседания Особого Присутствия Сената, на рассмотрение которого было отдано наше дело, всех нас перевели в Дом Предварительного Заключения. Раз утром меня вызвали в школьное помещение этого дома; меня встретил там В. Д. Спасович, который уже раз посетил меня в крепости. — Ну, вот, скоро и суд, сказал он. Я хотел бы знать, продолжал он, думаете ли вы во-первых произнести речь на суде, во-вторых, разрешите ли мне, как защитнику вашему по назначению от суда, говорить о Вас, не *pour plaider Couprable* конечно, и в третьих, все мои товарищи по защите: Герард, Боровиковский, Ольхин, Бардовский и другие желали бы устроить в Вашем присутствии совещание, чтобы заранее ознакомить вас с содержанием защитительных речей каждого из нас; это необходимо во избежание недоразумений. — Я ответил, Спасовичу, что заранее никакой речи не приготавливаю, что судебное следствие само покажет, что мне говорить и что все будет зависеть от отношения председательствующего к нам; будет позволять говорить, найдем что сказать, не позволит, и не надо. Во всяком случае, кто-нибудь из 50-ти человек найдет чтонибудь сказать.

Да, — перебил меня Спасович, — все это так, но имейте в виду, что говорить речь на суде, не подготовившись, экспромтом очень трудно. Скажу вам про себя; когда я оставил кафедру и выступил в качестве защитника, в первое время я так терялся, что принужден был писать речи и читать их на суде, только продолжительная

практика научила меня говорить речи без помощи тетради. Ну, хорошо, — продолжал добродушно Спасович, — вы не думаете писать речи; по крайней мере, вы должны решить вопрос, будете ли признавать свою принадлежность к организации?

— Нет, — ответил я. — Ведь я сказал же вам еще в крепости, что я не признаю возможным признавать участие в организации.

— Как, вы до сих пор стоите на этом? А я со своими товарищами и с согласия некоторых обвиняемых находим необходимым признать существование организации.

— Интересно бы знать, по каким это мотивам, спросил я.

— А вот, если хотите, я сейчас приглашу моих товарищей, которые все здесь, и мы потолкуем, сказал Спасович: он быстро вышел, кого-то куда-то послал и человек семь присяжных поверенных вошли к нам. Это были: Ольхин, Бардовский, Боровиковский, Герард, Хартунат, Корш и Зубарев.

— Вот, господа, сказал Спасович, г. Джабадари стоит на своем, попробуйте-ка уломать его.

— Думаю, никакой необходимости нет уламывать меня: вы лучше скажите господа, кому и для чего нужно наше признание в существовании организации вообще и в частности моя принадлежность к ней. Если другие товарищи мои по процессу настаивают на этом, я их не удерживаю; что же касается лично меня, я не буду признавать своего участия в организации по мотивам, которые я сообщил уже Владимиру Даниловичу.

— Позвольте, возразил мне Ольхин, ведь устав отобран у Здановича, связь его со всеми обвиняемыми доказана его же письмами, отрицать организацию, значит записывать и усугублять вину.

— Это верно, это верно, подхватили все.

— Устав попался у Здановича, связь его с другими доказана его же письмами, это верно; но ведь неизвестно, когда, где и при каких обстоятельствах написан этот устав; подумайте же, чего вы от нас хотите: вы хотите, чтоб мы поведали суду и т. е. что ему, слава богу, еще неизвестно.

Тут Бардовский вступился за меня и сказал: — Это

Правда, это правда; для чего в самом деле давать суду
лишний повод докапываться до корней: мы так и поставим
дело: устав сам по себе, неизвестно откуда он взялся, а
каждый обвиняемый сам по себе: пусть что хочет, то
ворит о себе, но об уставе не следует заикаться. И
придется говорить только тому, у кого он найден, т. е.
Здановичу.

На этом мы и покончили, сообщив членам организации
о нашем решении.

Мне кажется, что наших защитников не столько инте-
ресовало наше усугубляющее вину заpiresательство, сколь-
ко желание увидеть всю картину возникновения этой ор-
ганизации, что облегчило бы им задачу защиты.

21 февраля 1877 года в 10 часов утра всех нас, в
числе 50 человек, приводя по очереди, собрали в ряд в
корридоре петербургского окружного суда, разставив та-
ким образом, что между каждыми двумя стояло по жан-
дарму с обнаженной саблей. Тут были все, кроме Бети
Каминской, дело о которой было прекращено, вследствие
ее душевного расстройств.

Началась переключка по алфавиту. Переключку делает
офицер, немилосердно коверкая фамилии, обвиняемые
поправляют его; дойдя до буквы Г, офицер с большим
усилием старался разобрать фамилию Гамкредлидзе; ему
это не удается и он громко выкрикивает: — Гам..., гам...,
гам... раздается всеобщий неудержимый смех, показав-
ший, что и после двухгодичного предварительного заклю-
чения подсудимые несколько не потеряли душевной бод-
рости, что они весело и спокойно идут на суд, который,
как все знали, должен сурово осудить их. Настроение их
было приподнято радостью первой встречи, и они не хоте-
ли думать о будущем. Офицер, смущенный общим смехом,
спешил закончить переключку и командует ввести подеу-
димых на суд: двинулась торжественная длинная процес-
сия: подсудимые шли по одиночке в том же алфавитном
порядке, как их выстроили в корридоре, в перемежку с
жандармами. Через длинный, почти подземный проход,
соединяющий дом предв. заключения с зданием окружного
суда, они вступают спокойно и молча в зал суда.

По левую сторону от судей, на обычном месте возвы-
шалось место для 3-4 обвиняемых, названное нами Гол-

гофой, где посадили Кардашева, Здановича, крестьянина Острова и Сидорацкого. По правую сторону на скамьях, расположенных уступами одна над другой, разместили остальных подсудимых. Внизу под хорами был ряд стульев для привилегированной публики, уже в сборе и с холодным любопытством, казалось нам, наблюдала нас. Позади судей занимали места высокопоставленные лица там были: канцлер князь Горчаков, министр юстиции граф Пален, принц Ольденбургский, князь Мингрельский и друг.; на хорах помещалась другая публика, среди которой изредка мелькали знакомые лица родственников некоторых подсудимых.

Когда подсудимые разместились на своих местах, жандармы с обнаженными шашками стали по сторонам. Многие из нас, в особенности женщины, жившие в юности за-границей, никогда еще не бывали в судах, и они с непривычным изумлением смотрели на всю эту обстановку. Впереди нас разместились защитники.

Пока длился обычный опрос обвиняемых о летах, звании и проч., большинство членов организации разместились ближе друг к другу, чтобы выработать программу, как держать себя на суде, в случае вопроса о принадлежности к организации. По окончании допроса началось чтение обвинительного акта, длившееся несколько часов, после чего председательствующий Петерс объявил, что Особое Присутствие постановило разделить подсудимых на восемь групп и что судебное следствие будет происходить по каждой группе отдельно, что на завтрашний день будет вызвана одна первая группа, остальные будут вызываться в суд последовательно.

Это заявление грозило нам разлукой, мы не хотели уступить без борьбы свое право быть вместе. Было очевидно, что суд именно и не желает видеть нас вместе, а потому собственно и решил разбить на группы. Защита нерешительно просила суд о допущении всех групп совместно присутствовать на заседаниях, мотивируя тем, что иначе придется постоянно прибегать к просьбе о вызове подсудимых из других групп для выяснения некоторых фактов: первоприсутствующий не соглашался с доводами защиты и возражал против них. Недалеко от

меня сидел Боровиковский; я шепнул ему, что желаю бы по этому поводу сказать несколько слов и вкратце объяснил ему, что именно хочу сказать. — Прекрасно, прекрасно, вставайте скорее, просите слова, пожалуйста, от меня. Я встал и заявил следующее: ничего не имея в виду о разделении нас на группы, я предлагаю суду, чтобы прокуратура отказалась в таком случае от обвинения в принадлежности всех нас к одному и тому же противозаконному сообществу, к одной и той же организации и чтобы судили нас каждого за отдельные, только ему принадлежащие действия, не обвиняя уже в составлении антиправительственного сообщества.

Боровиковский был в восторге. — Ловко, ловко, говорил он мне. Ведь вот нам, юристам и в голову это не пришло. А почему? Потому что мы стояли за признание организации, а вы все время против; понятно, что вы и нашлись привести неотразимый довод. Суд уважит, конечно, ваше ходатайство, иначе прокурору придется отказаться от самого главного обвинения, от обвинения в составлении преступного сообщества.

После краткого совещания судей, Особое Присутствие вынесло постановление допустить присутствовать на судебном следствии всех подсудимых вместе, причем само следствие вести по группам. Победа была огромная: эта победа обусловила дальнейший успех процесса: во-вторых, члены организации в течение почти пяти недель находились в соприкосновении с остальными товарищами не членами, что действовало на них, в особенности на рабочих, ободряющим образом; благодаря этому отчасти все без исключения обвиняемые держали себя безукоризненно хорошо; во-вторых, выиграла и публика, которая ломилась в зал заседания отчасти потому, что желала присутствовать на большом процессе, где представлялась возможность лицезреть сразу целую полсотню обвиняемых; ведь это был первый большой политический процесс, где одновременно фигурировали, почти в равном числе, интеллигентные мужчины, рабочие и женщины. Эта большая, пестрая, но дружная группа обвиняемых, не выделявшая из себя ни главарей, ни второстепенных участников, ни изменников, эта группа, спокойно и гордо смотрящая в лицо своей участи, внушала публике невольное

удивление и уважение к себе. Впечатление, конечно было бы слабее, если бы подсудимых вывозили на суд по группам. Правда, мы не думали импонировать публике, мы не знали ее состава, хотя с воли нам уже писали еще до суда, что обвинительный акт производил сильное, хорошее впечатление на молодежь; требуя, чтоб нас судили вместе, мы прежде всего хотели, как можно дольше, остаться вместе; ведь это м. б. была последняя наша встреча в жизни.

Показания свидетелей — рабочих на судебном следствии давали понять и суду и публике, что народ относится к обвиняемым сочувственно; напр., рабочие, которые хорошо знали меня и с которыми я беседовал не раз и не два, на суде без всякого уговора с кем-либо, отрицали всякое со мною знакомство; то же было и с другими. Из сотни свидетелей единственным и то мягким обвинителем оказалась Дарья Скворцова, которая слишком много сказала раньше, чтоб идти назад, и ткач Яковлев, который питал личную вражду к Николаю Васильеву. Свидетелям обвинения, по требованию прокурора, то и дело представлялись показания, данные ими при дознании, но свидетели оставались при показаниях судебного следствия. Интерес публики видимо возрастал с каждым днем. Я не могу умолчать об одном происшествии, имевшем место во время судебного следствия; я говорю о подделке билетов на вход публики в зал заседания, куда по распоряжению суда более 50-ти человек не допускалось.

Следствие приближалось к концу, когда однажды, во время допроса какого-то свидетеля, поднялась страшная возня на хорах; мы видели только, что хоры наводнились вдруг жандармами, вытеснившими оттуда всю публику. Не зная в чем дело, мы думали, что Петерс распорядился на дальнейшие заседания публики не допускать; только вечером, когда я пришел к себе в камеру и в обычное время принял участие в своеобразном заседании нашего тюремного клуба (так назывались разговоры через водосточные трубы), вдруг в моем клубе, где были, между прочим, Куприянов, Боголюбов (впоследствии жертва Трепова) и другие, я слышу, ко мне обращается незнакомый голос: «Здравствуйте, Иван Спиридонович, я так полюбил вас и

всех ваших товарищей, познакомившись с вами из чтения обвинительного акта, что сам попал к вам в тюрьму.

Это был Валериан Осинский, о котором я еще ничего не слышал раньше и обращение которого по имени обстоятельству, что в нашей среде не было принято, поразило меня. Неужели вы попали сюда из любви к нам? спросил я Осинского.

— Из любви, Ив. Спир., ей, ей из любви. Я так любил ваших женщин, этих небесных ангелов, я так любил ваших рабочих и всех вас кавказцев и русских, что хотел дать возможность полюбить вас и широкой публике и задумал я с товарищами снабдить публику, не имеющую билетов на вход в зал заседания, поддельными билетами, которые мы и отпечатали сами. В первый день, т. е. вчера нам удалось вместо 50-ти впустить свыше 200 человек, но на 2-й день, когда мы роздали уже более 500 билетов и вся эта публика разом осадила хоры, жандармы догадались, и я вместе с товарищами моими, раздававшими билеты у входа, попали сначала в участок, а затем и к вам в тюрьму.

Все это Осинский говорил спеша и волнуясь от необычного и крайне неудобного способа разговора по трубам. Такое открытое выражение любви к единомышленникам, столь редко встречавшееся в революционной среде того времени, меня чрезвычайно поразило и возбудило во мне горячее чувство к нему. Я просил, чтобы на другой день во время гулянья он подошел к моему окну первого этажа, чтоб я мог видеть его; он подошел, и мы долго и молча смотрели друг на друга; я до сих пор помню это прекрасное юношеское лицо с большими горевшими радостью глазами. За это недозволенное, хотя и молчаливое свидание, его сейчас же перевели в другую камеру, и с тех пор я его больше никогда не видел; я пошел в Каторжную Центральную тюрьму, а он через два года был казнен.

В 1877 году Дом предвар. заключения представлял обширную политическую лабораторию, где производился тщательный анализ пережитого и где намечались новые пути борьбы с врагом, с которым, как все видели, трудно было бороться одними мирными средствами, как боролись до сих пор: нас было собрано там около 225 человек (по

казанск. процессу, по большому, по нашему процессу и по другим мелким процессам); собственно говоря уже здесь в д. пр. закл., положены были первые зачатки сформировавшейся партии «Земли и Воли» и «Народной Воли»; вдохновителями этих партий, а впоследствии и главными участниками их, были по преимуществу люди этих процессов, вынашивавшие свои думы под кровлей этой тюрьмы. Те осужденные, кому не суждено было скоро увидеть свободу, клялись стойко нести свой крест, а освобожденные клялись продолжать дело до последнего вздоха; и те и другие остались верны своей клятве.

В этой политической лаборатории обсуждались и некоторые речи, которые предстояло произнести на суде: речи Петра Алексеева, Бардиной, Филата Егорова, а впоследствии по процессу 193-х и Мышкина были предварительно просмотрены многими из заключенных и, уже по одобрении близких, сказаны на суде. Впечатление, произведенное этими речами, было так сильно, что князь Горчаков, выслушав объяснение подсудимых, выразил сожаление в кругу правящих лиц, зачем допустили публичность этого (нашего) процесса. — Вы думали, сказал он, убедить наше общество и Европу, что это дело кучки недоучившихся мечтателей, мальчишек и девчонок и с ними нескольких пьяных мужиков, а между тем вы убедили всех, что это не дети и не пьяные мужики, а люди вполне зрелые умом и крупным самоотверженным характером, люди, которые знают за что борются и куда идут; я это предвидел и предупреждал Вас, говорил он, графу Палену; теперь Европа видит, что враги правительства не так ничтожны, как Вы это хотели показать.

Этот разговор кн. Горчакова я знаю из уст В. Д. Спавича.

Имея в виду, что организация наша носит характер преимущественно рабочий, явилась необходимость, чтобы речь была услышана судом и публикой, из уст не интеллигента, а самого рабочего; по начитанности и интеллигентности Петр Алексеев уступал многим другим рабочим, участвовавшим в этом процессе, напр. братьям Жуковым и другим; но во-первых, эти рабочие не были еще членами организации, а потому неловко было выпускать их с публичной программной речью, а во-вторых, необходимо

было обладать тем сильным характером, упрямой энергией и могучим голосом, каким обладал Петр Алексеев, чтобы во что бы то ни стало сказать такую речь, выполнить взятую на себя задачу. А выполнить было трудно потому, что защитники заранее предупредили нас, что нужно быть кратким и энергичным в речи, иначе Петерс не даст говорить до конца и лишит слова в самом начале речи.

Итак, выбор наш пал на Петра Алексеева; ему в общих чертах намечено было, о чем говорить, и предложено было, чтоб он сам написал свою речь; он ее написал в главных чертах так, как она была произнесена на суде и как она появилась в печати; когда он передал ее мне на просмотр, я исключил некоторые длинноты, исправил грамматические ошибки, вот и все; в окончательной редакции речь была просмотрена и другими членами организации, Чикоидзе, Цициановым, некоторыми женщинами, которые сидели рядом со мною и Петром Алексеевым на суде. Затем, я просил Петра, чтобы он заучил речь наизусть, как отче наш и декламировал бы ее у себя в камере: он ее выучил и читал на память мне и Чикоидзе, между которыми он сидел. За день или за два до произнесения этой речи, мы с Чикоидзе произвели нечто вроде генеральной репетиции. Во время обеденного перерыва заседания мы заставили Петра Алексеева, вытянувшись во весь рост, держать речь, как бы обращаясь к председателскому креслу; он произнес ее без запинки и крайне выразительно; когда посреди речи Чикоидзе перебил его обычным председателским окриком «подсудимый остановитесь», Петр Алексеев, вместо того, чтобы остановиться, повысил голос, оттолкнул Чикоидзе и докончил речь. Мы беззвучно аплодировали к великому удивлению окружающих нас жандармов. А Петр, обратившись к Чикоидзе сказал: ишь, ты какой, хотел меня сбить, нет брат, теперь не собьешь.

— Молодец, Петруха, молодец, говорил Чикоидзе, с силой ударяя его по плечу.

Во время произнесения им речи перед судом, мы сидели на том же месте, на последней скамье и в том же порядке между мною и Чикоидзе сидел Петр: Чикоидзе держал написанную речь перед собою на случай, если бы Петруха сбился, он должен был подсказать ему. Действи-

тельно, в середине речи, при глубоком молчании всех, когда и суд, и публика: и в особенности подсудимые, едущали его с затаенным дыханием, вдруг Петр на мгновение заступился и остановился; я положительно обмер от этой паузы, которая мне показалась вечностью; но Петруха, едва зав почему то «виноват», пошел дальше и блестяще закончил речь при громких аплодисментах публики и при неистовом крике председателя Петерса «подсудимый, остановитесь, я прикажу вас вывести». Но Петр, повысив голос и перекрикивая весь этот шум, закончил речь, как бы бросая последние слова: «и ярмо деспотизма, огражденное солдатскими штыками, разлетится в прах!»

Это была огромная победа, обратившая в бегство весь суд. Тотчас объявлен был перерыв заседания. Петруха, этот высокий, здоровенный мужчина охвачен был таким волнением, что по окончании речи трясся, как в лихорадке: руки и ноги дрожали до такой степени, что он не мог стоять на ногах и когда к нему потянулись руки защитников и товарищей с поздравлением, он еле мог протягивать свою дрожащую руку. — Это народный трибун, взволнованно воскликнул Спасович, обращаясь к нам.

Триумф Петра был полный! но это был его первый и последний триумф! Замурованный в центральной тюрьме, переведенный потом на Кару, а затем водворенный в Якутской области, он безвременно погиб, убитый каким то диким якутом, позарившимся на небольшие деньги, хранившиеся у него в подушке для побега.

Сочувствие публики к Петру Алексееву после произнесенной им речи было так сильно, что на другой день вся камера Петрухи была завалена табаком, сигарами, фруктами, жареной дичью, поросятами, индейками, конфетами и печеньями, а также платьем и бельем. Петруха, вскормленный на черном хлебе, иногда быть может пополам с лебедой, дивился, какими сладостями питаются бары, купцы и попы и шутя говорил, что если бы всегда его кормили так на убой, он пожалуй и не произнес бы своей речи.

Забота о Петрухе, об успехе его речи волновала меня больше его самого; я так был занят им, что мне самому ничего уже не удалось сказать тем более, что всех интеллигентов Петерс немилосердно прерывал; вот почему никому ничего произнести не удалось, кроме Бардиной, на-

чавшей свою речь очень мягким вступлением. Речь Бардиной была написана по соглашению ее с ближайшими подругами своими и была передана в рукописи и нам. Я был в восторге от этой речи больше, когда я читал ее, чем когда я слышал ее из ее уст на суде. Бардина удалось сказать всю речь, благодаря тому, что она умела прорвать замечательно вкрадчиво, непринужденно и слушателям казалось, что она говорит о самых невинных вещах, точно беседует с близкими; простота речи и скромность, с какой она защищалась от нелепых обвинений прокурора в отрицании семьи, собственности и проч., ее уверенность, что она, напротив, думала защитить и то и другое, все это обезоруживало довольно корректного председателя суда Петерса и хотя он прерывал ее, но прерывал, как бы извиняясь перед нею.

Михаил Чикоидзе сказал всего несколько слов, но эти слова заставили плакать не только публику, но и подсудимых. Он сказал: «что мне говорить; я знаю, вы меня не оправдаете; какой бы вы приговор ни вынесли, будет ли это поселение или каторга, мне все равно; вы меня мучаете вот уже два года, вы властны мучить и дальше, пока не отнимите у меня жизнь, я отдаю вам ее».

У него был замечательно приятный тембр голоса, захватывающий за душу; при последних словах его на хорах послышались едва сдерживаемые рыдания, точно человека действительно осудили на смерть.

Последняя слова его речи оказались, на самом деле, как бы пророчеством для него; сосланный в Восточную Сибирь в 1877 году и бежавший оттуда в 1881 г., он прикнул к «Народной Воле», но скоро опять арестованный и сосланный административно в Сибирь, он по приговору Киренского полицейского дореформенного суда был отправлен за побег на каторгу на Кару, а оттуда в Якутскую область. Эти вторичные мытарства окончательно подорвали его физические силы, и он умер от чахотки в больнице на руках чужих людей, в захолустном углу Сибири, по дороге в Россию, куда ему вернуться так и не было суждено.

Несколько слов сказал также и крестьянин, ткач кустарь Филат Егоров. На вопрос председателя, что имеете сказать, он произнес следующее:

А вот, что я могу сказать: Вы обижаетесь, когда мы осуждаем ваши порядки, вы, пожалуй, правы, потому что Спаситель (при этом он указал на образ, висевший в зале суда) сказал: не судите да не судимы будете; но слова относятся к нам, они должны относиться к нам, так зачем же вы меня судите, если вы христиане? Я думаю, что вас также будут судить, но не здесь, а там (он поднял руку кверху)... на страшном суде господнем.

Пытались говорить и другие, но их останавливали с первых же слов; так, речь Здановича, опубликованная в Сборнике Базилевского не была произнесена; он успел сказать только несколько слов в объяснение своих писем и документа, отобранного у него, правдиво заявив суду, что автором устава он не был. Не произносил речи и Семен Агапов, хотя почему то его речь также опубликована в сборнике Базилевского¹.

Стенографический отчет по нашему делу, который вероятно сохранился, может вполне восстановить все, что было сказано подсудимыми в их последних речах.

Приговором, объявленным 14 марта 1877 года были присуждены к каторжным работам 15 человек, из них 9 мужчин и 6 женщин.

Этот приговор порастил своей суровостью всех, не исключая и Спасовича, который был заранее приблизительно осведомлен об исходе процесса. Так, мне он сказал, что меня осудят на 5 лет каторги и не ошибся; но когда он услышал суровый приговор многим и в особенности женщинам, он воскликнул; это возмутительно, это даже незаконно; они зарезали себя таким приговором.

Действительно, через несколько дней суд и прокуратура опомнились; они стали подсылать к нам некоторых товарищей прокурора, которые ходили по камерам и уговаривали нас подать кассационные жалобы. Мы, осужденные, решили, что мужчинам лучше не кассировать; женщинам же послали коллективную просьбу, чтобы они непременно обжаловали приговор; они долго колебались, с отвращением думая о новых судебных мытарствах, но, по настоянию Боровиковского и Спасовича, подписали кас-

¹ Она перепечатана мною из V тома заграничного журнала «Вперед» за 1877 год, где она помещена рядом с речами Бардиной, Алексева и Здановича. В. Богучарский.

сационную жалобу. Жалоба эта была написана Боровиковским и им же поддерживалась в Сенате. Приговор, после кассации, был оставлен в силе только в отношении тех пяти подсудимых, которые не подавали жалобы, т. е. в отношении Цицианова, Петра Алексеява, Кардашева, Здановича и Джабадари, которые и были заключены в Центральную тюрьму.

5 апреля 1877 года мы собрались еще раз для выслушания приговора в окончательной форме. Это был последний день свидания нашей дружной товарищеской семьи. В память этого дня нам принесли с воли 50 маленьких серебряных позолоченных крестиков, которыми мы обменялись друг с другом. — Крест — единственная дозволенная вещь, которую могли взять с собою даже каторжане; эти кресты были заказаны нами; на одной стороне было рельефное изображение распятия, а на другой едва заметная надпись: 5 апреля 1877 г. и начальные буквы Р. С. Р. Б., т. е. Русское Соц. Револ. Братство. Крест этот я берег долго, пронес его через Центральную каторжную тюрьму, до Карийской тюрьмы; но в 1882 году, когда после побега Мышкина и других, губернатор Ильяшевич разнес всю Карийскую тюрьму, а нас маленькими партиями, босиком, в одном белье, по снегу прикладами перегонял в другую тюрьму (верстах в 9-ти от Карийской), я потерял этот крест и мне так было грустно, точно с ним я потерял всех своих друзей. Тогда я еще верил в возрождение нашей тесной братской семьи, но с тех пор прошло 25 лет, суровые меры жизни развеяли ее в разные стороны, заметая самые следы ее когда то кипучей жизни.

И. С. ДЖАБАДАРИ.

Журн. «Былое», № 8, 9, 10, 1907 г.

РЕЧЬ ГЕОРГИЯ ФЕЛИКСОВИЧА ЗДАНОВИЧА

Вы выслушали, господа судьи, обвинение, выслушали защиту, выслушайте теперь одного из тех, к которым, по уверению обвинения следует относиться с порицанием, а по уверению защиты, по крайней мере некоторых из за-

щитников, — с сожалением. С сожалением! Я не знаю, нуждаемся ли мы, вообще все подсудимые, в чем бы то ни было сожалении, но что касается до меня, я скорее соглашусь, чтоб ко мне относились с порицанием, чем с сожалением. Не надо сожаления, оно оскорбительно. Один древний философ, если не ошибаюсь Демокрит говорил: «Смейтесь, надо мною, но не жалейте меня!». Защита моя будет коротка, я не стану говорить много. Я совершенно отбрасываю фактическую сторону, хотя и мог бы сказать кое что в свою пользу. Я мог бы, например, обратить ваше внимание на то обстоятельство, что в Кишиневе ни в одной гостинице меня не признали, не признали меня также весовщик и кассир на Кишиневском вокзале, добавив, что они всегда узнают то лицо, которое отправляло книги. Но я все это опускаю, прохожу мимо. Мне быть может, приходится сегодня говорить в последний раз в своей жизни, а это дает мне право надеяться, что мне будет позволено высказать несколько общих мыслей по поводу современного движения.

У нас очень распространено мнение, что Россия резко отличается от Западной Европы, что мы идем и должны идти по иному, своеобразному пути. В этом мнении много правды, но им слишком часто злоупотребляют, не надо забывать, что наука не знает национальности, что цивилизация и человеческие идеи международны. Конечно, идеалы человечества перерабатываются сообразно условиям исторической жизни народов, так что, оставаясь по существу общими для всех народов, они, т. е. идеалы, в подробностях приспособляются к условиям страны. Но изучение европейской цивилизации показало, что России вовсе не расчет выделять себя из семьи европейских народов, что, напротив, она обязана связать свою судьбу с судьбой запада и вместе с ним работать для достижения лучших условий существования.

Экономические основы народной жизни везде одинаковы. Как там, на западе, так и в России существует с одной стороны — маленькая группа, назовем ее хоть группой привилегированных, с другой масса, большинство, обреченные на безысходные страдания. Не мало великих умов, не мало благородных сердец работало над разрешением социального вопроса. Социализм стар, как сам мир.

Только формы и средства разрешения вопроса в различные исторические периоды дела не одинаковы. В последнее время, когда так называемый естественный ход событий получил полное развитие, когда темные стороны современной цивилизации высказались ясно, ярко социализм стал на практическую почву, создал свою самостоятельную партию. С каждым днем силы народной партии растут, чем дальше, тем страшнее становится пропасть, отделяющая сытое, праздное меньшинство от голодного, ограбленного большинства. Одна из характерных сторон европейского рабочего движения заключается в том, что народы сознали солидарность своих интересов, одинаковость своего положения и подали друг другу руку для общей борьбы, так что новейшая постановка социального вопроса делит человечество не на национальности, а на притесняемых и притесняющих; мерилom группировки человеческих обществ является не территория, не язык и племенные особенности, а экономическое начало положенное в основу народной жизни, экономический строй везде одинаков. Спрашиваю я вас, можно ли с этой точки зрения выделить Россию из рабочего движения? Нельзя ли требования европейских народов предъявить здесь с таким же правом, как там? Едва ли кто решится утверждать, что в общем обстановка труда в России резко отличается от обстановки труда на Западе.

Конечно, у каждой страны свои особенности, но главная жилка экономического вопроса везде одинакова и поэтому то возможна общая постановка социального вопроса для всех народов, не исключая и России.

Вот, почему мы видим, что развитие социализма как идей шло в России почти параллельно развитию его на Западе. Достаточно указать на конец сороковых годов в Европе и у нас на шестидесятые годы, наконец на современное положение вопроса здесь и там. При этом, прочность постановки социального вопроса в России помогала историческая судьба русского народа. Я хочу сказать, что элементы народной жизни заключали в себе много сходного с теоретическим социализмом, поэтому он не был у нас чем нибудь небывалым, несогласным с условиями русской жизни, — напротив, существовало, отчасти существует и теперь мнение, что социализм революцион-

ный на западе — у нас консервативен. Если вопрос уже решен силой, то у нас он может быть решен мирным путем. И этого взгляда держались вначале не одни отсталые люди. Русская молодежь, выработав социалистические убеждения, естественно должна была проводить их в жизнь. Первые же ее шаги в этом направлении мирного решения вопроса были неудачны, все ее попытки встречались если не прямо враждебно, то по меньшей мере недоверчиво. Недоверие это доходило до того, что деятели вдруг куда-то исчезали, предприятия лопались, дело приходило в упадок, молодежь призадумалась. Что же делать? Идти к заветной цели мирным путем оказывается невозможным; сидеть сложа руки и ждать решения свыше — это не мирится с искренностью убеждений и с величием цели. Ужели согласиться с тем, что естественный ход решит вопрос, что наша обязанность наблюдать только, изучать народную жизнь, знакомиться с законами истории; что лбом стены не прошибешь и что поэтому наши стремления и требования не должны идти в разрез с настоящими исторически выработанными условиями государственной жизни? Но ведь это в переводе значит пожать руку доктору Панглосу, и иными словами значит признать, что все идет к лучшему в сем наилучшем из миров! Нет подобная двумысленная философия не могла нравиться русской молодежи. Она, молодежь, решила несмотря на все опасности идти к цели путем революционным, а современное движение по преимуществу социально-революционное. Оно не есть явление случайное, переходящее, оно охватило почти всю молодежь, все живые ее силы. Оно не могло не коснуться и меня. Я пошел по той же дороге, работал по мере сил и возможности для великой задачи народного освобождения и работал-бы до сих пор, еслиб не был арестован.

Но что же такое народное освобождение, в чем оно заключается? Оно заключается в том, чтобы народный труд не эксплуатировался под каким то ни было видом, чтоб народное сознание не затемнялось предрассудками невежества, порождением безысходной нищеты и чтоб нравственность народа не падала, чтоб неизбежно при убийственной обстановке народной жизни, достигнуть этого можно при полнейшей самостоятельности и автономии

общин, владеющих землею и всеми орудиями производства сообща, при свободе труда и обязательности его для каждого индивидуума. Вот мои стремления. Средства для их осуществления по моему служит: «внести в народ сознание солидарности своих интересов, осмыслить народное недовольство, соединив разрозненные силы и сообща добиваться более справедливых условий существования. Что положение народа невыносимо, что недовольство его велико — это факт, неподлежащий сомнению, но надо воспользоваться этим фактом не для бесплодных, единичных вспышек и бунтов, а для более серьезного, прочного решения вопроса».

Таковы в общих чертах мои убеждения и они то заставляют меня сказать несколько слов по поводу программы, отобранной у меня. Признаюсь, после многочисленных как со стороны обвинения, так и со стороны защиты указаний на нее, я считаю более целесообразным не касаться этого вопроса, но не могу пройти молчанием одного факта. Прокурор, характеризуя настоящее движение, назвал его политическим движением, но не социалистическим, а нас политическими революционерами в противоположность социалистам. Он не испугался даже сравнить принципы современного движения с принципами интернационала. Говоря откровенно, я не понимаю, зачем это ему понадобилось, но из этого сравнения для меня ясно одно: или прокурор недостаточно знаком с социальными и нравственными науками, или же он руководствовался какими либо посторонними соображениями, к существу дела не относящимися. Но я не стану распространяться об этом предмете, ибо это ввело бы меня в подробности, быть может, неуместные здесь, на суде. Однако я полагаю, что сама программа указать прокурору на ошибочность его взгляда, но он повидимому не захотел ее понять, как следует. Между прочим он обратил особенное внимание на один отдел этой программы; я хочу говорить именно об этом отделе, но прежде всего я должен заявить, что программа эта принадлежит не моему перу, не я ее автор. Говорю я это все не для того, чтоб, так сказать, сбросить с своих плеч, силу обвинения. Нет! Я заявляю свою солидарность с общим ее направлением, но мои убеждения не позволяют мне согласиться с некоторыми отделами. Та-

ков, например отдел, так называемый чистой агитацией. На этот же отдел указывал прокурор и пытался дать толкование, имеющее целью доказать, что шайки образуются для грабежей. Если не делал такого прямого вывода, то по крайней мере, намекал на это. Целью этих шайк в программе ставится добывание средств, но не упоминается, каким путем шайки добывают эти средства, о грабеже нет и помину. Между тем, в той же программе, есть параграф, воспевающий членам организаций, пропагандистам, заниматься исключительно добыванием средств. Вот какой смысл имеет этот вопрос. Но оставляя в стороне эту часть вопроса, самая возможность проекта о шайках вообще объясняется не характером постановки социального вопроса в России, а теми преследованиями и гонениями, которые воздвигнуты на русскую молодежь. Крайности вызывают всегда крайности противоположного свойства. Давлению отвечает отпор — это закон механики. Трудно в самом деле оставаться спокойным, когда единственным средством убеждения молодежи служит тюрьма, ссылка, каторга, когда всякая честная попытка убивается грубой силой. Но как мало убедительны подобные средства, видно из горькой истории русской молодежи. Почти каждый день теряет она по нескольку друзей; товарищей, одних провожает в каторгу, других, невывесших мучений, — в могилу, но она ни разу не изменила своим целям, своим убеждениям. Из пустого ребячества, г. г. судьбы, из самолюбия, а тем паче из грязных побуждений редко люди жертвуют собой и идут на добровольные страдания. Только те убеждения двигают людей на рискованные дела, которые сделались потребностью природы. В настоящее время молодая сила, не успевшая погрязнуть в тину практической жизни, абсолютно не понимает, как можно не работать в интересах народа, как можно сидеть сложа руки, или опасаться последствий своих честных стремлений. Самоотверженность сделалась явлением обыкновенным, создалась, так сказать, социалистическая атмосфера, именно такие условия, которые предвещают успех современному движению.

Помимо причин, указанных выше, т. е. того, что в русском народе живет идея социализма, равенства, выра-

жившаяся в общинном землевладении, помимо самопожертвования и преданности своим убеждениям русской молодежи, будущее настоящего движения обеспечено еще общими историческими условиями. История развития элементов русской жизни многим разнится от истории развития западной Европы. Там мы видим сильно развитую политическую жизнь, множество партий всяких оттенков, борьбу интересов различных общественных групп. Ничего подобного в России не существует, и на это есть своя историческая причина. Образование партии там было неизбежно: нарождались известные интересы, идеи, которые группировали людей в одну тесную организованную партию. Борьба началась там с испокон веков и борьба шла таким путем: сперва создавались интересы общественные, сословные, а потом они получали уже стройную систему, обращались в теорию. Каждая из европейских партий стояла в свое время впереди движения, представляла собою прогрессивную силу, была обладательницей передовой мысли. Ни одна партия не может иметь будущего, если она не способна жертвовать личностями для общих интересов, ни одна партия не может быть живою, сильною партией, если члены ее не вложили всю душу в дело свое. Помимо этого партия бывала сильна и представляла передовую мысль до тех пор, пока не отделяла своих интересов от интересов народа. Между тем в России никакой жизни, никакой борьбы наблюдать нельзя. Начало русской истории повидимому заключало в себе элементы развития политической жизни. Но вот наступила татарщина, все заглохло. В этой тишине во время этого народного сна работала одна сила — сила монархическая. Со времени свержения татарского ига все интересы олицетворяются в государственной власти, все взоры обращены к ней. Дворянство теряет всякое самостоятельное значение, члены этого сословия — слуги и холопы царские. Буржуазии нет. Народная партия и народная свобода, уцелевшая от татарского погрома, были уничтожены государственной властью. Великий Новгород и Псков пали. Партии не могло быть: духовенство не представляло отдельной независимой корпорации — это был подчиненный орган государственной власти. Дворянство не жило своей жизнью, оно не имело даже личной собственности: все, и земля и

люди, принадлежит царю, от его воли зависит одарить или лишить всего имущества. Нет интересов дворянства, нет дворянства, как самостоятельного организованного сословия.

Председатель сенатор Петерс (останавливает Здановича). Это к делу не относится. **Зданович.** Я полагаю, что именно относится. Я хотел этим указанием на исторические факты установить то положение, что в России немислимо образование партий, так сказать, привилегированных, сословных. Они упустили удобную историческую минуту.

Я хотел указать на всю законность социально-революционного движения и на то в особенности, что одна народная партия имеет будущее, как и потому, что она одна стоит на высоте развития передовых идей нашего времени. Она сильна, сильна единством, чистотой своих принципов, самоотверженностью своих членов. Победа ее несомненна. Первая жертва, гибель многих ее членов, еще более придают ей силы и нравственного достоинства. Я глубоко верю в победу народа, в торжество социальной революции».

«Вперед» к. 5. 1877 г.

Г. Манашвили

ПИСЬМО К НАШИМ ОБЩЕСТВЕННЫМ ДЕЯТЕЛЯМ*

Вы, конечно, не могли не заметить то полное особое значения явление, что в последнее время литература каждого просвещенного народа с большим усердием занимается выяснением и исследованием экономического строя и положения. И если вы следили за политической жизнью европейских стран, то конечно заметили и то, что борьба между политическими партиями обострилась и ожесточилась потому, что эта борьба почти целиком вызвана различием взглядов на экономические вопросы. Я не буду упорствовать и не скажу, что многие другие различные идеи и дела не были предметом горячих дискуссий между партиями, но главным нервом этих дискуссий все-таки были экономические вопросы, те вопросы, которые до настоящего времени оставались без внимания.

И действительно, взгляните на то, что происходило и происходит в трех весьма просвещенных странах Европы, которые считаются властителями общественной мысли и общественного движения, т. е. в Англии, Франции и Германии.

В Англии важнейшим общественным явлением считается весьма известное дело Ирландии. Этот предмет стал основным повседневным материалом для газет и журналов, он является центром внимания правительства, на разрешение его направлены заботы и мероприятия властей. Вам наверно хорошо известна история этого дела; известно также и то, что этот жгучий вопрос был причиной падения консервативного министерства Биконсфильда, вместо которого было создано либеральное министерство

* Редакция считает необходимым высказаться об этом заслуживающем внимания письме в отдельной подробной статье.

под председательством Гладстона. Поэтому мы не считаем нужным напомнить подробности этого дела, хотя и они имеют глубокий общественный смысл и интерес. В наше внимание мы хотим обратить главным образом то, что является подоплекой этого дела, его основой, душой и сердцем. Из-за чего, из-за каких чаяний происходит сейчас в Ирландии ожесточенная борьба? Какого характера и направления борьба ирландцев, является ли это движение политическим или оно иного характера?

Ирландия находится в зависимости от Англии и под ее господством. Ирландия не имеет своего независимого парламента, она угнетена и лишена многих национальных прав и полностью зависит от воли англичан, счастливых победителей и хозяев. Легко представить, подумает каждый, что в таком положении причины ирландского движения непременно должны иметь политический характер. И правда, какое желание и стремление более закономерно и естественно, чем желание народа быть свободным, независимым от чужого владычества и господства, чтоб им руководило и управляло собственное правительство, иметь собственную жизнь, соответствующую собственным нуждам, а не предписаниям правительства и короля чужого народа! И хотя это так, но все-таки не желание национальной независимости является основой движения ирландцев, а изменение экономических отношений народа и изменение нынешнего строя является главной движущей силой в программе ирландского движения. Изменение земельных отношений, передача земли из рук ленд-лордов в руки земледельцев — вот чаяния и стремления ирландского народа. Я вовсе не отрицаю, что ирландцы хотят и национальной независимости, я хочу лишь особенно подчеркнуть тот несомненный факт, что экономические нужды вывели народ из оцепенения, подняли его на борьбу и дали окраску и остроту всей борьбе.

Земельный оброк, убийства аграрного характера, союз аграриев, помещики и земля и землевладельцы — вот что является непрерывной и неиссякаемой темой для главарей ирландского движения, вот что является сутью этого дела. Несомненно, что стойкость и острота борьбы происходят и от того, что она есть результат давнишней ненависти ирландцев к англичанам, угнетенных к угнета-

телям, побежденных к победителям. Но в конечном счете не национальная вражда и не политическое положение страны возмутили народ и подняли его на восстание. В этом смысле главари ирландского движения, хотя они и относятся равнодушно к национальной свободе, в первую очередь подняли знамя экономической борьбы, как выражение желаний и потребностей народа, в то время как в других странах во время национального движения, как например, в Италии, забывались все существенные интересы народа, за исключением национальной независимости. Обычно деятели и борцы национальной борьбы были людьми честными, они любили народ и защищали его интересы, но видя политическое угнетение своей страны, они забывали обо всем, кроме этого угнетенного положения. Возмущенные этим угнетением, они создавали программы действия, краеугольным камнем которых было обычно восстановление поправной независимости. Увлеченные этой единственной целью, они забывали об экономическом положении народа и оставляли его в прежнем нежелательном для него состоянии или же лишь немногим улучшали его. Или, говоря иначе: они не изучали значения общественных явлений и ошибались. Патриоты — как их часто называли — видели только недопустимость национального рабства и потому не догадывались, где таится корень и главная причина зла, предавались возмущенным собственным чувствам, считали соответственно национальность поруганной и поэтому понимание интересов народа становилось для них невозможным.

Результатом подобной деятельности обычно бывало изгнание чужеземных правителей и устанавливалось собственное национальное правление. Чужеземные правители и чиновники покидали постепенно свою службу, которую оставляли местным, «патриотическим» правителям и чиновникам, а жизнь государства от этого не изменялась, так же по-прежнему давя всей своей тяжестью на тот же народ, который минуту назад столь яростно боролся, мужественно проливая кровь для обретения свободы. Оставшийся ни с чем народ в дальнейшем убеждался на горьком опыте лишь в незначительном внешнем изменении жизни. Лишь политическое переодевание без глу-

боких экономических изменений основы основ никогда не дает народу желанной свободы и вот сознание народа по-прежнему искало выхода из горестного положения. Сознание народа вновь пробуждалось с удвоенной силой, и вновь начинались нескончаемые поиски свободы. И только пор, пока лучшие представители народа твердо не заключали, что только борьба за глубокие экономические изменения есть путь к настоящей свободе, только с установлением лучшего экономического строя с независимостью народа, народ будет по-настоящему освобожден и получит истинную свободу.

Лучшим доказательством этой мысли является современное положение Италии. Всем известно, в каком бедственном положении находится итальянский народ, в какой нужде живет он, все знают, что горемычная бессильная жизнь его полна нищеты и болезней. Все слышали, что эта нужда заставляет его покидать свою полную красоты ненаглядную родину, которую он защитил своею кровью и вырвал из рук чужеземных хищников. И вместо того, чтоб остаться на родине, покидает ее и заселяет открытые девственными лесами и непроходимыми болотами степи Южной Америки.

Большого внимания заслуживает примечательный ответ жителей Ломбардии министру внутренних дел, который всяческими мерами старался удержать народ от переселения и оставления им дорогой родины.

— Как вы думаете, г-н министр, что такое нация, — спрашивали они министра.

— «Толпа несчастных и обнищавших! Если так, то мы тоже народ. Взгляните на нас, как мы исхудали и какого цвета наши лица, как тяжкий труд и голод истощили и обессилили нас. Мы пашем и сеем, но не едим белого хлеба, мы работаем на виноградниках, но не пьем вина, мы разводим скот, но не едим мяса, вследствие бедности и несостоятельности, мы ходим в лохмотьях и живем в грязных мусорных помещениях; зимой нас мучает холод, летом — голод, единственная пища наша в Италии — кукуруза, но и ее не всегда хватает, чтобы насытиться, потому что дорого стоит в силу высоких государственных налогов и больших издержек. Мы живем скученно как мухи, нас уничтожают лихорадка и другие поварьные бо-

лезни. Конец всего этого вам известен: преждевременная смерть в больницах или в наших жалких лачугах. И вы, г-н министр, зная все это, советуете нам не оставлять нашу родину! Но разве можно назвать родиной страну, где нельзя прожить своим трудом, хоть домай себе поле?»

Таковы результаты там, где равнодушно смотрят на вопросы экономики и не уделяют им соответственного внимания и увлечены только национальной независимостью. К фактам такого рода и категории относятся известные факты из жизни вновь освобожденной Болгарии; теми же причинами полностью объясняются ропот и недовольство народа в княжестве Сербии. Казалось бы, что эти народы должны сейчас предаваться веселью и пребывать в неге, должны праздновать первые дни своего освобождения, но этого на деле нет. В действительности ропот народа не прекратился, экономическое неустройство по-прежнему лежит тяжелым бременем на шее народа, который не выказывает довольства по поводу внешнего блеска вокруг национальной независимости и ростом государственных расходов нового королевства. К сожалению здесь я не имею ни времени, ни места подробно останавливаться на выяснении факторов подобного рода, хотя подобный анализ имел бы глубокий и важный для нас, грузин, смысл. Эти и подобные им факты с непреклонной ясностью доказывают, что истинные борцы за благо народа, патриоты, великие почитатели своей родины своими руками роют своей дорогой стране яму, когда забывают об экономических интересах народа и придают первостепенное значение внешним условиям и обстоятельствам жизни народа, когда признают только национальные идеи и традиции.

К счастью ирландские патриоты избежали этой ошибки и в своей программе придали большое значение экономическому строю, что более соответствует жизни народа, для которого основная движущая сила это экономические явления (в этом случае — земельные отношения). Лишь после учета этих явлений возможно обратить внимание общественных деятелей на проблемы политической, национальной жизни, поскольку эти последние являются прямым результатом экономических явлений. Именно таким

правильным пониманием положения объясняется та удивительная сила и жизнеспособность, которыми обладает начатое ирландцами дело, тот широкий его характер, который заставляет англичан горько задуматься. Если бы борьба была только политической, если бы ирландское дело не касалось экономических интересов английских богачей, вы наверно не заметили бы того бешеного сопротивления ирландцам, той ярости и всеобщего неудовольствия в английском обществе и в самом парламенте, которые мы видим в этой стране. Английский рабочий же, наоборот, совершенно иначе смотрит на это дело. Он не разделяет ни ярости, ни угроз английского правительства в адрес ирландцев. Яростно вопиют и угрожают не английские рабочие, в кармане которых ничего не убавится от освобождения ирландцев, кричат и плачут английские землевладельцы, карману которых угрожает движение ирландцев. Интересно и примечательно следующее: когда материальные интересы привилегированных находятся под угрозой, тогда ими забываются все партийные интересы и все; и либералы и консерваторы в один голос кричат: «Наказать Ирландию!» И сама английская печать, которая устами своего старейшего представителя „Giles“ проповедывала во время итальянского движения: «Пора понять угнетенным народам, что свободный народ не может не сочувствовать тем, кто стонет, закованный в цепи рабства, что свобода — это такая нешуточная игра во время которой, по словам древних греков, надо действовать книжалом и топором, а не ядовитыми и острыми эпитафиями или петициями». — Сегодня эта же печать с облегчением вдыхает и аплодирует и кричит ура правительству по поводу ареста вождей и главарей ирландского движения. Всякая свобода и ее требование, всякие приобретенные политические права и политическая учтивость будут забыты и отброшены, когда на арену борьбы выступает не политический, а экономический предмет и тем самым снова подтверждается мысль, что политическая свобода и экономическое рабство — угнетение легко уживаются вместе в одной и той же стране. Мало того, когда если народ захочет избавиться от экономического гнета, то те, кто вчера и позавчера высоко поднимал знамя политической свободы, далеко отбросят всякую политиче-

скую свободу как враждебную им.

Если политическая свобода приобретена и дана народу, то эта свобода дана ему условно, с тем, чтобы он не переступал определенных границ, т. е. он не должен пользоваться этой свободой во вред, против власти привилегированных. Вот это хорошо и честно! Выходит, что если это тебе выгодно, то проповедуешь свободу, если же это задевает твои выгоды — гони эту свободу, осуди ее, старайся ее уничтожить. Свобода — самая необходимая вещь, но пользоваться ею предлагается экономически сильному для защиты его интересов. Такова эта хваленая политическая свобода буржуазии! Такова ее глубина и широта, таков ее образ.

Во Франции твердо и навсегда установилась республика. Я не считаю нужным приводить много доказательств и фактов, которые подтверждали бы, что материальное положение народа все-таки не изменилось ни на йоту, не улучшилось, если не ухдишилось под крыльями республиканских учреждений. Правда мы читаем в газетах и знаем, что национальное богатство значительно выросло во Франции после установления республиканского строя, но надо быть круглым невежей в экономических вопросах или же знать не больше тех газетных писак, которые рассуждают о тысячах им самим совершенно непонятных предметов, для того, чтобы объединить и считать одним и тем же национальное богатство и благоденствие народа, расцвет производства и промышленности и улучшение материального положения народа. Для каждого, кто серьезно рассуждает и углубляется в этот вопрос все это ясная и давно доказанная истина. Экономическая наука твердо считает, что рост национального богатства, расцвет отечественной промышленности вследствие нынешних условий экономической жизни народа означает обогащение привилегированных и обнищание народа, или говоря иначе: национальное богатство и богатство народа суть естественные враги — первое означает степень богатства буржуазии и вообще благоденствие привилегированных, а второе — степень благосостояния народа. Кто будет судить о благоденствии какого-либо народа по бриллиантам властителей Азии; наоборот всякий здравомыслящий и сознательный человек знает, что эти бриллианты

приобретены за счет обнищания и угнетения народа. Во время крепостничества никто не судил о богатстве господина по богатству крепостного. Чем богаче и материально обеспечена группа или ^{кружка людей} живущих народным трудом, тем хуже и ^{плачевнее} положение народа — вот истина, выработанная ^{идеями} на основе исследования фактов, так и с помощью теоретических и аналитических соображений. Поэтому нас не сбывают с толку и с истинного пути жалкие сообщения о небывалом расцвете промышленности и производства в республиканской Франции. Нам известна правильная точка зрения на этот факт: мы знаем, какой ценой куплен этот расцвет промышленности и не радуемся ему.

Вот здесь надо искать объяснение тому, на первый взгляд непонятному явлению, что хотя сокровенное желание французов исполнилось, и республиканский строй установлен, и к власти пришли искренние республиканцы, все-таки среди этих искренних республиканцев создаются различные партии, недовольные положением в стране и горячие сторонники изменений! Сам факт существования таких партий и их возрождение в современной Франции ясно свидетельствует, что народ ропщет и недоволен своим положением. Тогда как все охваченные буржуазными сокровенными стремлениями и намерениями объединяются для защиты своих общих интересов в большую республиканскую партию под руководством Гамбетты — этого жреца и проповедника буржуазии — в то время действительные представители истинных интересов народа отстраненные и гонимые объединяются в одну партию и борются против буржуазного большинства. Политические желания республиканской партии и самого народа теперь полностью удовлетворены и в этом отношении нет никаких спорных вопросов. Теперь для испытания прогрессивной партии поставлен экономический строй и вопрос, как относится эта партия к материальным интересам народа. И никогда борьба только за политические принципы не была столь упорной и непримиримой, как борьба за экономические интересы. В стране, имеющей свободные политические институты, мелкие различия в политических убеждениях между фракциями республиканской партии стираются и полностью затихают. Борцов в данном случае

разделяют на партии экономические вопросы, которые имеют существенное, животрепещущее значение для народа. Вот эту характерную черту мы и видим в современной Франции. Там нет сейчас монархистов или сторонников единодержавия, республиканцев, консерваторов, либералов умеренных и непримиримых, — сейчас там борются сторонники буржуазии и истинные защитники народа; первые за экономические интересы буржуазии, вторые — за материальное благоденствие народа.

Всем ясно, что оживление в политической жизни Германии, в частности, небывалое ожесточение во время выборов, является прямым следствием экономических программ борющихся партий.

Все эти факты с достаточной ясностью доказывают, что современное политическое оживление в Европе есть прямой результат предметов экономических, которые поставлены жизнью впереди всех остальных вопросов. Я мог бы привести еще много других соображений в подтверждение моей мысли, но эта мысль настолько естественна и бросается в глаза, что надо быть слепым или сознательно закрывать глаза, для того чтобы не увидеть и не понять истинное значение явлений.

Это занискивание перед рабочими, эти взоры, обращенные к трудящимся, эти государственные меры, принимаемые с тем расчетом, чтобы привлечь симпатию и сочувствие рабочих, — все это разве не ясно доказывает, что европейское общественное и государственное сознание пробудилось и стоит на той точке зрения, что экономический строй, экономическое положение суть решающая сила и основа жизни народа и государства.

В этом отношении велика роль науки и литературы. Представители и той и другой неустанно внушали обществу и государственным деятелям, что от такого или иного экономического строя зависит ход жизни страны, ее механизм. Эта мысль уже утвердилась и прочно засела в сознании тех ученых и литераторов, которые мыслили наиболее свободно и передовым образом и меньше всего были охвачены предрассудками. Вот, между прочим, чем объясняется множество появившихся за последнее время статей и трактатов по экономическим вопросам. Каждый солидный и серьезный журнал, желающий до-

биться влияния и приобрести вес, уделяет много места рассмотрению экономических вопросов; каждая новая газета стремится заранее сообщить читателю, что она особое внимание уделит объяснению «современных наболевших вопросов», т. е. тем же экономическим вопросам сам. С своей стороны ученые предметом своих произведений признают экономическую жизнь народа. Даже диссертации, написанные для получения ученых степеней и обычно не касающиеся современных нужд, не могут обойтись без этих проклятых экономических предметов. Таково общественное сознание, такова общественная атмосфера.

Между прочим, таково же положение и в России, где все силы и старания общественных деятелей обращены в эту сторону. Вы не могли не заметить, что лучшие русские журналы занимаются выяснением и разрешением этих предметов, с помощью как публицистических сочинений, так и художественных произведений. Вам хорошо известно, насколько незавидно и нежелательно экономическое положение в России. Ни для кого не секрет, что русский народ находится в крайней нужде и нищете, что он не может избавиться от своих невзгод, поскольку крестьянские наделы чрезвычайно малы и это мешает крестьянину иметь независимое хозяйство. Русский крестьянин зажат в тиски и едва дышит под бременем государственных налогов. Он трудится от зари до зари ломает спину и все-таки бедствует из-за чрезмерно тяжелых условий экономической и государственной жизни. Труд его бесплоден и непродуктивен, земля, полученная с таким трудом благодаря Положению 19 февраля, не дает столько дохода, чтобы погасить издержки государству и удовлетворить нужды своего хозяйства; даже работа по найму в других местах не улучшает его трудного положения. От такого положения народа сотряслось государственное здание, государственный строй того народа, на плечах которого держится все государство. Высшие слои общества ощутили это неожиданное сотрясение, испугались и пришли в смятение. Первым делом они спустились к простому народу и неустанно старались выяснить причину этих потрясений, создались различные правительственные комиссии для выяснения экономичес-

кого положения страны. Дума, земство или лучше говоря община, также обратила внимание на это неотложное дело. Началась горячая работа. Наряду с правлениями общин были созданы статистические отделы, вся деятельность которых была обращена на изучение тех экономических условий, в которых живет русский народ. Даже научные общества поддались влиянию времени, подчинились необходимости и направили свою работу в ту же сторону.

«Вольное экономическое общество» поставило целью всестороннее изучение одной из форм землевладения, распространенной в России, называемой общим землевладением или по-русски — «общиной». Для этого оно издало программу в виде вопросов, для сбора сведений и уже напечатало первый том самого сборника этих сведений. Результатом всех подобных действий как со стороны правительства, так и со стороны общественных учреждений явилось издание многочисленных ценных материалов по всестороннему изучению экономической жизни крестьян.

В ту же сторону была направлена согласованная деятельность частных лиц и трудящихся, которые своими исследованиями и изысканиями осветили такие стороны жизни народа, узнали и опубликовали такие небывалые и удивительные факты из экономической жизни народа, существование которых прежде даже представить нельзя было. Сейчас под влиянием этих фактов упрямые оптимисты, эти ложные защитники «величия и блеска» своей родины и, как они себя величают, патриоты своей родины и страны, вынуждены, говорим мы, дрогнуть и отступить, с сокрушением качая своими седыми и многоопытными головами. Правда, желания и стремления, которыми руководствовались частные лица и различные учреждения при экономических исследованиях и изысканиях, были разными, разнородными и противоречивыми, но результаты этих исследований не вызывают никаких сомнений в том, что положение народа — это очень затруднительное и отчаянное положение. Неужели правда, что крайне тяжелое положение народа есть прямой результат крестьянской реформы, которая была объявлена 18 февраля 1861 года? Этот заставляющий горько задуматься вопрос зарождается у всех. Как

должна была осуществиться подобная реформа, целью которой было благоденствие крестьян, их гражданское освобождение, их умственное и нравственное развитие? Где здесь злостное противоречие, — опять теперь те, кто были увлечены внешним и вались глубоко над этим делом.

Противоречие должно быть объяснено нашим непростительным и губительным непониманием истинного смысла общественных явлений, — отвечают те, кто прямо и неллицемерно и не пряча лица, смотрят на явления народной жизни.

Они показывают не то явление, что крестьянская реформа приняла двойственный характер и что эта двойственность привела Россию к очень тяжелому положению крестьян. Они неопровержимо доказывают тот твердо установленный факт, что деятели реформы были увлечены успехами европейской промышленности и производства и решили не только освободить народ от крепостничества, не только поощрить крестьян и побудить их к труду, но и, наряду с этим, поставили себе целью покровительствовать и поощрять отечественную промышленность. Тем самым деятели реформы совершили большую ошибку и по своей наивности они думали, что этим они приведут страну к экономическому развитию и расцвету. В ложной надежде на это власти начали всячески поощрять и содействовать капиталистам и денежным, богатым людям, от которых они ожидали всяческих благ для страны. Началась горячка с железнодорожным строительством. Основаны были банки, акционерные и кредитные учреждения: были затрачены несметные суммы и средства из государственного бюджета на прокладку железных дорог и на управление ими, на усиление и поощрение вывозной торговли с зарубежными странами. Вся финансовая и экономическая политика в пореформенное время была направлена на то, чтобы создать и укрепить сословие капиталистов, промышленников и купцов из среды тех, которые недавно занимались хоть отчасти подобными делами. Задачей этих начинаний и мер было то, чтобы сильные промышленные круги взяли на себя организацию народного и государственного хозяйства, с-

тем, что бы приблизить Россию к типу западно-европейских государств.

Кроме того вследствие упомянутого двойственного характера и двоякого рода последствий реформы, ничто не устроено, ни сделано для достижения основных целей реформы — для улучшения жизни деревни; крестьянам были розданы очень маленькие наделы, а выкупная цена за них была установлена столь большой, что невозможно было думать и заботиться о самостоятельном хозяйстве. Сторонники крестьянской реформы, были уверены и непредусмотрительно думали, будучи, правда искренне увлеченными мыслью, что лишь бы только освободить народ от крепостничества, лишь бы разбить вековые оковы, опутывающие жизнь его железным кольцом и народ будет жить счастливо и обеспеченно. Но в итоге получилось так, что положение народа если не ухудшилось, то и несколько не улучшилось, что народу вместо одного дикого и озверевшего господина навязали и другого. Этот другой — более либеральный, с хорошо подвешенным языком «святоша» торговец, который не сегодня, так завтра станет настоящим капиталистом, и в руках которого сосредоточится вся сила и культурные средства для полного и систематического ограбления народа.

Тогда же, во время крестьянской реформы, были люди, которые предупреждали деятелей реформы. Они говорили, что дело поставлено не так, как надо, что такое решение вопроса будет желательным решением, поскольку желательное решение зависит от того, какие экономические воззрения и экономические принципы будут положены в основу намеченной реформы. Они доказывали, что если не будет правильно разработана и выяснена экономическая сторона реформы, если реформаторы испугаются и обойдут ее, что подлежащее разрешению сложное и трудное дело не разрешат сразу и радикально, реформа обратится в ничто; тогда вместо ожидаемого блага и счастья вы получите худшие страдания народа, мы станем свидетелями еще большего его обнищания. Но, к сожалению, реформаторы не проявили достаточной силы духа. Они не вняли разумному совету представителей экономической литературы, которым они отвечали, что должны быть учтены и согласованы интересы разных

сословий, что сословия принимающие участие в этом деле должны быть одинаково удовлетворены. Разрешаемую проблему надо не усложнять, а по возможности упростить и так решить; сперва пусть народ освобождается политически, получит гражданские права, можно принять дополнительные меры для решения экономической стороны реформы. Таким образом, вопрос «был упрощен», советы «неопытных и упрямых» идеалистов были отброшены и оставлены без внимания. Реформа свершилась, стала реальным фактом и вот сегодня несчастная Россия тащит на себе тяжелый груз последствий подобного «упрощения» дела и жизнь оправдывает тех идеалистов и «неопытных» экономистов, которые заранее чувствовали, какая тяжелая жизнь будет последствием «простого» решения дела.

С другой стороны, нам известно, какого характера и направления «дополнительные меры», которыми хотели завершить и увенчать дело крестьянской реформы; знаем, в какую сторону они обращены, защитниками чьих интересов они явились и поэтому еще большей силой подтверждаем наши возражения против такой «урезанной реформы и ее упрощения».

Сейчас, после многочисленных исследований и работ, после тщательного изучения и познания тех правил и законов, которым подчиняется жизнь общества, русские—имеющие горький опыт и свидетели несчастий своей страны—постепенно убеждаются, что оставление без внимания экономической жизни общества дорого обходится стране, что игнорирование ее представляет губительную и трудноисправимую ошибку, и что внешний вид общественной жизни твердо соответствует условиям и положению материальной жизни. Каждая реформа, какой бы стороны жизни не касалась она, останется напрасной и не даст плодов, если она не опирается на твердо познанные и ясно высказанные принципы.

Вот как кратко высказывает свои взгляды один из величайших и образованнейших людей нашего времени и века, человек, чье полное и твердо-научное мировоззрение имеет большую силу. «Первый предмет, к которому я обратился, чтобы рассеять свои сомнения,— рассказывает он о ходе своих исследований,— было

критическое рассмотрение гегелевского учения о философии права. С помощью этого разбора и рассмотрения я заключил, что правовые отношения, а также политические формы не происходят, не проистекают из юридических и политических оснований да и не могут основываться на них. Тем более нельзя думать, что эти правовые взаимоотношения возникают и проистекают из так называемого общего развития человеческого духа.

Их истоком и основой являются материальные, имущественные, реальные жизненные отношения, которые Гегель в общем называет «гражданским обществом», согласно английским и французским авторам восемнадцатого века. А политическая экономия представляет собой анатомию гражданского общества. Так, коротко, могут быть выражены те мысли, из которых я сделал выводы после изучения ее (политической экономии). При материальном производстве между людьми устанавливаются определенные отношения, производственные отношения. Эти последние всегда соответствуют или, лучше сказать, представляют соответствие той производительности труда, которая существует благодаря развитию экономических сил человека. Взятые в целом, производственные отношения составляют экономическую структуру общества, реальную основу, на которой воздвигнуто политическое и экономическое здание, и которой соответствуют и соотносятся любые известные формы общественного сознания. Таким образом от способа производства зависят социальные, политические и духовные процессы жизни. Существование этих последних не только не зависит от сознания человека, но, наоборот, само это сознание зависит от них. На определенной ступени производительности труда и деятельности эти силы вступают в борьбу с установившимися между людьми производственными отношениями. При этом они со всей силой противодействуют и тому, что представляет собой юридическую форму, юридическое выражение, или формы производственных отношений, т. е. они противостоят имущественным порядкам. В это время производственные отношения между людьми не соответствуют производительности труда и стесняют ее. Отсюда возникают и здесь получают начало восстание и революция народов. Вместе с изменением экономической основы медленно

или быстро изменяется и само построенное и установленное на ней величественное здание. При изучении этих восстаний всегда следует твердо определить те изменения, которые произошли в отношении условий, и признать их непоколебимо — наукой — с одной стороны. А с другой также определены и научно признаны должны быть те изменения, которые произошли в отношении юридических, политических, религиозных, эстетических, философских, одним словом идеологических форм, тех идеологических форм в которых заключен смысл борьбы, с помощью которых этот смысл пробил себе путь в сознание людей и в которых происходит скрытая борьба из-за упомянутых материальных столкновений. Не судим же о каждом человеке потому, что он о себе думает, также нельзя судить об эпохе восстаний — по ее самосознанию. Напротив, в первую очередь это самосознание должно быть объяснено противоречиями материальной жизни, понято сознанием той борьбы, которая произошла между условиями производства и производительностью труда.

Общественная формация никогда не уничтожится и не погибнет, пока не разовьется сила производительности труда, которой она дает достаточное место и свободу для развития. Новые производственные отношения не возникнут вместо старых отношений, пока материальные условия для их существования не выработались и не возникли в старом обществе. Вот почему человечество обычно ставит перед собой целью только легко выполнимые, легко осуществимые цели. Тщательное наблюдение показывает и доказывает, что нуждающееся в разрешении дело возникло здесь и в то время, где и когда материальные условия для его разрешения или уже были готовы, или подготавливаются жизнью и могут быть познаны мыслью во время этой подготовки».

Иными словами, получится так как говорит и объясняет один из комментаторов этого глубокого мыслителя: «Изменение этого взаимоотношения человека и природы, представляющее главное содержание и неиссякаемый источник деятельности и производительности труда, вызывает изменение экономических отношений между людьми, а

это изменение со своей стороны вызывает изменение самих юридических, политических и бытовых взаимоотношениях».

Таким образом, когда усиливается экономическое угнетение между сословиями народа, когда усиливается их имущественное неравенство, тогда вместе с ним усиливается и политическое угнетение. Неравномерное течение экономической жизни заставит народ почувствовать, сперва хотя и смутно, что условия его жизни не нормальны. Постепенно народ познает это все более ясно и у него возникает желание изменить, желание разбить экономические оковы, которые мешают правильному развитию производительности труда. Те, чьи интересы подвергаются опасности в результате экономических изменений, страшно беспокоятся и приходят в волнение. И так как юридические и политические формы полностью сочетаются и соответствуют основам материальной жизни, т. е. поскольку юридические и политические институты являются верными стражами современной экономической жизни, которую они преданно и бдительно караулят, эти стражи как только заметят желание народа изменить экономическую жизнь, сразу же начнут бить в набат, надевают доспехи и выступают в защиту существующей экономической жизни.

Чтобы мои слова не были ложно истолкованы, здесь же отмечу, что мною не отрицается взаимное влияние форм политической и экономической жизни. Действительно, экономический строй влияет на политический строй и это влияние видно в том, что первый приспособляет второго к своим требованиям, но правда и то, что политические учреждения, со своей стороны, как защитники основ экономической жизни, стараются так или иначе воздействовать на них и подчинить политической жизни. Это получается именно так, как в том случае, например, когда экономические неровности заставляют человека почувствовать, что материальные средства производства непригодны, тогда сам человек оказывается под влиянием этой выявившейся мысли и старается оказать какое-то воздействие для устранения этих неурядиц.

Вот поэтому всякие политические или национальные

восстания берут свое начало в тех экономических устройствах, которые действуют в народе. Вожди общества увлеченные политическим или национальным делом так погружаются в водоворот политической борьбы, что сами не чувствуют, откуда черпают силу для движения, в силу каких условий возникло то политическое движение, в котором они принимают горячее участие. Стоит только ухудиться средствам материального производства, чтобы в тот же момент началось и усилилось политическое восстание и чем сильнее экономический строй придет в негодность, тем больше усилится политическое движение. Конечно, политические деятели думают (это пожалуй, немного удовлетворяет их самолюбие), что политическое движение и восстание происходят благодаря их действиям, но они не знают того, что сами они, эти деятели, порождены политическим движением, корни которого таятся в ухудшении экономической жизни и в стеснении материального производства. Я не доказываю этим, что политическая деятельность вождей общества не имеет никакого влияния на политическое движение и формы. Наоборот, я твердо уверен, что по вине их политическое движение вначале не сознает откуда оно возникло и тычется в разные стороны, пока после многочисленных ошибок, не поймет, что свою программу надо построить на экономических принципах, которые учат нас законам развития материальной жизни народа. Всякое движение имеет, поначалу политический или национальный характер и затрагивает внешние формы жизни, поскольку оно зачинается лицами из числа развитых лиц, которые лишь вокруг себя ищут объяснения вопросов общественной жизни. Много, очень много исторических ошибок понадобилось, чтобы главарь движения понял истинную причину неупорядоченности дел в их отечестве, поняли большое значение экономического уклада народа.

С другой же стороны по горло занятый делами народ, который гнет спину, чтобы добыть для себя кусок хлеба, никогда не принимал и не примет участия в общественном движении, если только инстинктивно или по внушению вождей движения не чувствует, что целью начатого движения является улучшение его жизни и

удовлетворение его потребностей... Правда, он зачастую обманывается в этом, но нужен долгий исторический опыт, чтобы он убедился, что движение начатое за народные интересы, несет за собой еще больше рабствование и закабаление народа иногда со стороны местных вождей, которые бессовестно используют это движение в своих интересах, а иногда и со стороны тех вождей, которые хотя и действительно сочувствуют народным интересам, но не направляют дело с самого же начала по верному пути. Ни одно общественное движение не будет иметь никакого значения, если народ так или иначе не принимает в нем участия, народ придает движению великую силу и значение... только защитой экономических интересов народа возможно удовлетворить нужды и потребности родной страны, что во время движения в первую очередь надо иметь в виду экономические интересы народа, а затем уже и другие интересы, которым народ также сочувствует, — политические и национальные.

Наряду с экономическими идеалами народ безусловно имеет в виду и политический идеал: конечно, этот идеал не похож на готовые политические проекты, которые составлены вождями народа, и в которых исследованы формы политического строя и заранее показаны все мелкие частности, но этот идеал все-таки достаточно определен и ясен и требуется лишь его логическая обработка.

Журнал «Иверия», № 7, 8, 9, 1882 г.

Гр. Умципаридзе

ЧТО НУЖНЕЕ?

(по поводу «Письма» г. Г. МАИАШВИЛИ)

Каждый, кто следит за нашими журналами — газетами, наверное внимательно прочел напечатанное в последних двух номерах «Иверии» «Письмо к нашим общественным деятелям» г. Г. Маиашвили. Мы не предполагаем, не имеем в виду критического рассмотрения этого замечательного «Письма», оценки его характера и направления, подробного анализа высказанных в нем мыслей, — это дело критики, — мы только мимоходом коснемся предмета и постараемся по мере сил ответить на вопросы, которые само-собой возникают у человека при чтении этого письма. Вот эти вопросы: какие взаимоотношения существуют между политическими правами и экономическим благосостоянием? Что более нужно в жизни нации вообще и в нашем нынешнем положении особенно, что более заслуживает предпочтения и внимания общественного деятеля — политическое или экономическое развитие? Так же, как конечной целью каждого шага и действия в жизни отдельного человека является достижение счастья, так для каждого народа и для всего человечества счастливая, радостная жизнь является заветным желанием и целью. Прогрессом называется движение к этой цели и все, что приближает нас к ней... Каковы, как можно разделить потребности отдельного человека и вместе с этим целого народа, человечества? На эти вопросы мы можем ответить словами Евангелия: «Не хлебом единым жив человек». Мера потребностей зависит от каждого человека, от развития его духовных и физических сил... Насколько многообразна природа и условие нашей жизни, настолько много людей и многообразны они, разные люди и народы, по-

столько многообразны жизненные потребности человека. Но что же в этом разнообразии и многообразии общего, необходимого и нужного для всех народов? Именно это общее и есть тот минимум наших потребностей, без которого человек не может уйти, если он не хочет стать жертвой смерти. Эта грань, которую человек не может перейти, минуя смерть, составляет потребность нашей телесной природы, нашу, если можно так выразиться, боль желудка. Когда мы говорим «желудок», мы имеем в виду не только пищу, а все нужное для человека, как живого существа. Но как было сказано, человек все более и более развивается и у него появляются тысячи потребностей, которые для него как для развитого существа составляют такую же необходимую потребность, как пища. Если английскую аристократию, воспитанную в величественных и прекрасных дворцах, ужившуюся и свыкшуюся с развитою жизнью заставить жить в хлебах и условиях жизни нашего, грузинского крестьянства, она испустит дух, погибнет так же, как не выдержит и погибнет наше нынешнее во всем нуждающееся крестьянство, если переселить их в первобытные девственные леса и заставить жить в условиях, в каких за многие тысячелетия в каменном веке жили их дикие предки... Человек нашего времени сравнительно с прошлым очень развит, наша современная жизнь весьма сложна и разнообразна. Для современного человечества насущной потребностью стало многое такое, о чем даже не снилось прошлым векам, — как мог представить себе охотник, вооруженный заостренным камнем, облаченный в звериную шкуру наш древний предок, что его потомок за один миг сможет сообщить свои мысли на расстоянии тысячи верст и преспокойно беседовать из кабинета отделанного шелком и бархатом, с другом находящимся в другом городе.

Нас же уже не удовлетворяет телеграф и телефон. Для счастья народа и всего человечества одинаково необходимо как удовлетворение его физической природы — пища, одежда, кров, так и удовлетворение его духовной природы, умственная и нравственная свобода, рост и развитие.

Был бы пустым разговором и напрасной тратой драгоцен-

ного времени, если человек приступил к рассмотрению и оценке того, какая из этих двух сторон более нужна и в первую очередь требует удовлетворения. Невозможно провести между ними прочную границу и сказать, вот здесь кончается царство физической природы и начинается господствовать духовное — настолько неразрывно и тесно переплетены эти две стороны. В жизни народа политические права, свобода слова, мысли и собраний, равенство перед законом и усилие направить общественные условия в соответствии к своим нуждам составляет духовную сторону жизни; все остальное же приобретенное этими правами и все, что впредь будет приобретено — материальное имущество, богатство, жилище, довольствие, общественные условия — это все экономическая, или материальная, физическая сфера. Политические и экономические обстоятельства жизни так тесно переплетены между собою, так прочно связаны друг с другом, что трудно даже между собою их различить, хотя разница между ними очевидна и несомненна. Спор о том, какая из этих двух сторон раньше должна быть удовлетворена, из этих двух сторон, что самое главное, бессмыслица и напоминает спор о том, насколько разделены тело и душа, насколько сильна одна, или немощна другая. Просвещенный ум нашего времени не может разъединить их так же, как нельзя разъединить огонь и пламя, солнце и свет. Экономический успех и благосостояние, улучшение этой стороны жизни поневоле вызывает соответствующий успех политической стороны, а эта последняя в свою очередь двигает вперед и помогает беспрепятственному и желательному развитию первой. У разумного, просвещенного и свободного человека, будь это народ или отдельная личность, разумеется, больше силы и он легче может достичь экономического счастья, чем существо политически угнетенное и лишенное человеческих прав. Экономически богатый по сравнению с крайне бедным, легче может расширить и увеличить политические права. Итак, мы имеем два до того изумительно переплетенных круга, что нельзя найти их ни начала ни конца, хотя в представлении ученого для легкости изучения жизни эти два круга совершенно различны.

Наука различает и отличает для изучения политическую экономию от государственного права, или экономиче-

ское от политического, но жизнь не знает такого разделения и хотя в жизни народа участвует множество сил, было бы странно и бесплодно провести между ними прочную границу. Для блага народа обязательно необходимо, чтобы обе эти стороны жизни были удовлетворены, однако во и гармонично, успех одной, вне связи с другой невозможен. Все исторические примеры, якобы разрушающие это заключение, ложно поняты или невольно искажены. Подобный закон господствует вообще. О том, какую силу имеет этот закон в нашей действительности и как он видоизменяется, будем говорить в дальнейшем.

Если читатель вспомнит, в предыдущей статье мы говорили, что народ и все человечество счастливы только тогда, когда полностью и всесторонне удовлетворены его жизненные потребности; что ни народу, ни человечеству не может ни удовлетворить, ни дать им счастья только экономическое довольство, так как «Не хлебом единым жив» народ и человечество, и, наконец, как вам известно, абсолютно невозможно отделить друг от друга политический и экономический успехи.

Тот, кто хочет достичь экономического благосостояния и избавиться от экономического ига, только в том случае достигнет желанного, когда он является политически свободным и независимым. Если одна часть общества владеет политическими правами, пусть никто не думает, что другая часть, лишенная этой силы, сможет достичь благосостояния и избавиться от рабского пролития кровавого пота для других, пока не станет равным с первым в политических правах. Все принадлежит тому, кто управляет судьбой страны, и если идеалом современной демократии является всеобщее счастье, мы должны стараться, чтобы один не был сильнее другого, что все были одинаковой силы, с одинаковым оружием, т. е. облечены одинаковыми политическими правами, все должны иметь одинаковую долю в управлении судьбой страны. Политический раб — является и рабом экономическим, и никогда не будет того, чтобы политически угнетенный, скованный и послушный раб пребывал в экономическом благополучии.

Что было сказано об отдельном обществе, то же самое

можно полностью и без преуменьшения сказать и об отношениях между народами...

Наша мысль ясна. Мы говорили о том, что нас не удовлетворит только экономическое благосостояние, если не будет удовлетворена другая такая же острая потребность, духовная сторона и вообще невозможность удовлетворение одной потребности, если в одно и то же время не будет удовлетворена другая..., так как обе так прочно и неразрывно слиты между собою, как огонь и теплота... Наше сочувствие на стороне той группы общественных деятелей, и правда на стороне тех, кто находит прочно спаянную связь не только между политическими правами и экономическим успехом, но и между определенной политической формой и улучшением экономической судьбы.

Если вышесказанное правильно и таков общественный порядок, должно быть очевидно, что и наша маленькая родина не сможет избежать этого закона, и здесь так же должны действовать жизненные силы, как всюду они действовали и действуют; дело только в нашем особом положении, но это положение не меняет означенной связи сил, — наоборот, дает ей большие прочности и с большей силой подчеркивает правильность сказанного.

Рассмотрим нашу современную жизнь. Какую картину представляет она для любящего человечество и отзывчивого сына родины?

С тех пор, как передовые люди Грузии пришли в сознание и раскрыли глаза, они не могут примириться с положением своей страны и ничем не могут рассеять острую тоску — скорбь...

Что является причиной тоски, скорби, плача с причитаниями и острого недовольства передового отряда? — То щемящее душу положение, которое очевидно для всякого кто зряч и немного хоть наблюдает за современной жизнью, кто по горькому опыту знает, что стремление и идеалы нашей передовой молодежи не только не упрочились, но даже надежда на их осуществление еле мерцает, а для некоторых и вовсе погасла... Какая сторона нашей жизни удовлетворена, какой из них открыт широкий путь и может свободно развиваться, идти вперед, расти, соответственно своей природе и укрепиться? Обе стороны, и духов-

ная, и материальная, о тесной связи которых говорилось выше, в крайне узких и удушливых путях и не могут давать такие плоды, какие должна была бы дать щедрая и богатая почва Грузии. Мы духовно нищи и материально бедны, в то время как прелестна и роскошна наша страна, какими плодами должна прорасти ее почва, и каким счастливым должен быть, если есть в мире справедливость, тот народ, которому судьба отдала такой величественный, всем одаренный край, как Грузия! Не зря было сказано восхищенным красотой и щедростью своей страны поэтом: «Где другая Грузия, какой край света!»

Да, не будем восторгаться, как поэты и окинем строгим взором политика-экономиста плодородную природу Грузии, тогда мы будем вынуждены сказать то же самое, что было выражено восторженным языком поэта. Где же в обширном государстве Российском должно быть счастье, если не в Грузии? Несомненно, что в этой громадной империи Грузия лучший жемчуг, щедро наделенный природой и всеми дарами.

Если грузинский народ талантлив, если его духовная природа щедра и богата, как физическая, как это подобает прославленной красоте Кавказа, почему же мы не счастливы, почему мы недовольны?

...Какой болезнью охвачены? — Политическим бесилием или экономическим несчастьем или обоими вместе? Ответ на этот вопрос очевиден, очевидно и истинно и то, что излечить болезнь невозможно, пока у нас нет права лечить; — понимание ее причины, искреннее желание вылечить и даже, представьте себе, знание целебного незаменимого лекарства — недостаточны!

Наконец и то, надо добавить, что совершенно справедлив упрек Маиашвили в адрес наших деятелей по поводу того, что они не уделили экономической жизни нашей страны соответствующего места и такого внимания, какого заслуживает эта сторона жизни, хотя как видит читатель, мы не соглашаемся с ним, с другой стороны, в том, будто выход из беды только в экономическом благополучии и как будто возможно шествовать по желанному жизненному пути в том положении, в каком находятся современные Грузия и Россия. Наше экономическое положение достойно глубокого внимания, его детальное и внима-

тельное изучение первейший священный долг нашей молодежи, но не потому, что в этом спасение нашей судьбы! Нет, потому что с этим стала более очевидной неразрывная связь между экономическим положением и политическими правами, стали более ясными характерные стороны его положения и его вредные стороны.

Газета «Шрома», 1882 г., №№ 46, 49.

Е. Боссе

КРИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР

(«Письмо к нашим общественным деятелям» Г. Маиашвили
«Иверия», №№ VII, VIII и IX, 1882 г.)

«Письмо» г. Маиашвили достойно внимания, как по многозначительному и важному содержанию и направлению, так и по обработке этого содержания. Ошибается или нет уважаемый автор в своем «Письме», это другое дело; замечательно и достойно внимания то, что редко нам приходилось читать в наших журналах и газетах публицистическую статью, снабженную подобными фактами и разъяснениями и анализом этих фактов. Уважаемый автор «Письма» для доказательства своей мысли не экономит ни логики, ни живых фактов, взятых из общественной жизни разных народов, чтобы склонить читателя и убедить его в истинности того, что он наметил предметом своей беседы, г. Маиашвили окидывает взглядом экономическое положение народов Ирландии, Франции, Германии, России и Италии и показывает, в какое положение, в какую венецу огненную, в какие невзгоды попадает материально производитель рабочий народ, т. е. большинство населения государства, когда общественными деятелями умышленно или по непониманию забыт главный нерв жизни.

Это достоинство видим мы в «Письме» г. Маиашвили и потому беремся за разбор его «Письма». Здесь же должны упомянуть, что на это письмо «может быть вовсе» и не обратили бы внимания читателя после того, как он раз прочел его, если-б автор его говорил о той всем знакомой и, как сам он признает, «азбучной истине», что в жизни каждое движение, каждая реформа, безусловно, должна иметь в виду поставить жизнь народа в лучшие условия.

Что каждый общественный деятель должен стараться установить в обществе справедливые экономические отношения, чтобы один не жил за счет другого, чтоб за обогащением наименьшей части общества не следовало обеднение и материальное обнищание большинства. Нет, г. Маи-

ашвили предметом своего «Письма» наметил нечто совсем другое и, скажем вам прямо, именно такой предмет, который и для нас представляет особый интерес, прим о «Письме».

Прежде всего должны заметить, что мы без внимания оставим заключающую двойственность ту часть «Письма», в которой автор и восхваляет общественных деятелей и упрекает и называет их «лишенными самостоятельности, оригинальности мысли и малолетними детьми, которые не поняли общественного значения того факта, что у нас литературный язык, как в других странах, не отделился от разговорного, народного языка». У нас «малолетние» и «забавные» общественные деятели слепо подражают литераторам чужих стран и проводят границу между народным и литературным языком, т. е. наши литераторы будто создают литературный язык, который для народа непонятен. Это клевета, или у г. Маиашвили это пристокает от незнания языка или по внушению тех господ, которые будучи несведущими в языке тоже самое вопиет и которые нарушение грамматических правил считают славой. И действительно, забавной является полемика в нашей литературе, но это мы оставляем в стороне тем более, что неудобное замечание у Маиашвили включено в «Письмо» между прочим и с его принципом, с основной мыслью никакой связи не имеет.

Передача нами содержания «Письма», думаем, не является необходимой, так как это «Письмо» всеми теми прочтено, кто действительно с интересом следит за нашей литературной жизнью, а кто не следит, тот и этого замечания не прочтет...

Если сказать кратко, по мысли г. Маиашвили, литература свое главное внимание должна обращать на экономическое положение общества, на экономический строй, на экономические отношения между членами и условиями общества. Литература прежде всего всю свою силу и средства должна употребить на исследование экономических предметов и на подробное и философское изучение этих предметов должна расходовать способности разума. Если передовой отряд общества, если сознательная часть его эти предметы научно не выяснила, если общественный деятель подробно не знает материального положения сво-

ей нации, ее экономических нужд, если вместе с тем он не постарается произвести экономические изменения для блага общества, ничего не выйдет: без этого из его деятельности, может быть, и очень добросовестной и ^{и искренней} целью общую пользу, не будет желанного результата: Почему? Как думает г. Манашвили, во-первых потому, что у программы действия будет недоставать то, что составляет наибольшую жизненную потребность и во-вторых потому, что у общественного деятеля не будет сторонником народ. Народ общественного деятеля только тогда признает своим добрым пастырем и последует за ним, когда с ним говорят, о понятном для него предмете, т. е. об экономических предметах.

Этим поясняет автор «Письма» то выдающееся, замечательное явление, что европейская литература, — художественная, беллетристическая и научная, — в последнем веке так основательно приступила к исследованию и разработке экономических вопросов и предметов и внедрению в сознание народа выработанных идей, по утверждению автора это обстоятельство в Западной Европе большую силу и значение придает отрядам деятелей, стоящих на экономической почве для народа и при этом увеличивает и расширяет как их число, так и поле их действия...

В сравнение с экономическими предметами какое значение должны иметь политические вопросы? Ровно никакого, если спросить автора «Письма». Напротив, борьба за приобретение политических прав причиняет только вред, так как направлению и стремлениям общественных деятелей сообщают ложный характер и лишает силы и энергии деятельности их...

Правда, г. Манашвили в своем «Письме» кое-где возвращается к политике и будто невольно признает влияние политического строя на характер экономических отношений. Но это он делает, так сказать, из уважения к восхваляемым им общественным деятелям, чтобы напрасно не возвели на него обвинения, слишком в большой крайности в суждениях, а то общий характер «Письма» и мысль всецело отрицает влияние политического строя на экономическое положение народа. После всего этого, читателю легко понять, почему автор «Письма» суждения о политических предметах в нашей литературе считает почти тол-

чением воды; эти суждения, конечно, не имеют никакого значения в деле экономического улучшения нашей жизни...

После изложения основной мысли «Письма» считаем необходимым познакомить читателя с нашим взглядом на этот предмет, в противном случае, возможно, подумает, что мы как будто разработке экономических вопросов и изучению экономического положения народа не считаем долгом литературы. И мы, как автор, убеждены, что в исторической жизни человечества всякое политическое движение, всякая революция имеет подоплекой главным образом эту причину. Экономическое поработанное положение вызывает в обществе недовольство современным экономическим и политическим строем, ропот и желания, чтобы произошло коренное изменение. Наполеон сказал: «Живот творит революцию», и история человечества подтверждает это мнение.

И действительно, всякое занятие человека сознательное или инстинктивное своей целью, своим конечным предметом всюду и всегда имеет улучшение мирской жизни, ее удобное устройство и в материальном, и в духовном отношении. Для того учения, которое землю считает чистилищем, человека же временным гостем земли, который мучениями и истязаниями в этом мире должен приобрести царство небесное другого мира, — время давно прошло; это учение уже не утешает ни ирландцев, ни рабочего люда Европы. Представьте себе, в этом учении целительное средство ни то сословие же находит, которое проповедует другим терпение. Это учение является прекрасным для бесед, разговоров обеспеченных людей после сытого обеда, но хлебом-солью для голодного желудка никогда не будет.

Что экономическая почва большую силу и значение придает ей вызванным движениям народа, это ясно и наглядно видно из теперешнего движения, которое в свои железные когти поставило все человечество и которое называют «социалистическим» движением. «Социализм» первенец современных экономических отношений; он создан теми обстоятельствами, в результате которых собственность и богатство накапливаются не в тех руках, которые неутомимым и постоянным, торопливым трудом создают

и одно и другое, а в руках тех, которым по справедливости меньше всего должны они принадлежать. Современный «социализм» — это выросшее и упрочившееся на плодотворной экономической почве учение, что наметил святой апостол Павел. Изменение тех же экономических отношений, но в том виде, что слова апостола Павла стали воплощенными: «Тот, кто не работает, не должен есть».

«Социализм» задумал таким образом организовать общественную жизнь, чтоб рабочий результат всего труда, продукт невероятных усилий, созданный, добытый оставался у него. Этот гонимый сильными сего мира социализм — это братство, свобода, равенство.

Экономические причины лежат в основе не только современного движения: такую же основу имели движения древние и средних веков. Желание изменить экономический строй погубило народных героев Гракхов, к этому же были направлены в Римской империи многократные восстания простого народа и рабов; экономические причины вызвали восстание крестьян Германии в середине века. Такова сущность и характер и современного социализма, социалистического движения, которое один немецкий социалист выразил словами: «социальный вопрос — вопрос желудка».

После этого, конечно, трудно простить периодической литературе пренебрежение экономическим вопросам и по этому поводу г. Маиашвили совершенно справедливо упрекает наших общественных деятелей и журналы и газеты. В одной из книг этого года редакция «Иверия» сама признавала значение экономических вопросов в жизни, признавала и молчание по этому поводу и обещала читателю восполнить этот пробел, но обещание, к сожалению осталось только обещанием.

Так, мы согласны с г. Маиашвили, что всякое политическое движение вытекает из экономического положения народа и необходимо иметь во внимание прежде всего установление в общественной жизни экономической справедливости. Мы и в том согласны с ним, что движение является более живым и сильным, когда оно стоит на экономической почве. И наконец, и то ясно, что каждый общественный деятель предметом своей деятельности должен иметь улучшение экономической жизни народа...

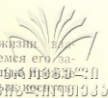

Теперь вопрос в следующем: какое средство использует общественный деятель, чтоб достичь означенной и определенной цели? Вот вопрос, с разъяснением которого мы несогласны с г. Маиашвили, и поскольку мы постараемся доказать читателю «ошибки автора «Письма» или же, будет более правильно сказать, его одностороннее разъяснение этого вопроса...

По нашему мнению, главный недостаток «Письма» проистекает от того, что г. Маиашвили при суждениях о действиях наших общественных деятелей не принимает во внимание тех особенных условий, в которые впала в силу обстоятельств времени общественная жизнь и которые определяют характер и направление действий, общественные идеалы и стремления этих общественных деятелей. Говоря коротко, г. Маиашвили в своих рассуждениях не руководствуется историческим методом, который меньше ошибается в своих выводах. Этим объясняется, что г. Маиашвили слишком узко и односторонне судит об этих исторических деятелях, которые видели политическое положение своего народа и которые, будучи болезненно задетыми этим положением, краеугольным камнем своей программы действий признавали составление потерянной независимости. Если г. Маиашвили использовал исторический метод рассуждения, тогда, несомненно, и действиям борцов за восстановление независимости и завоевания политической самостоятельности предоставил бы соответствующее место, смысл и значение в общественной жизни и в действиях этих честных деятелей увидел бы самый главный фактор, который помогает жизни, и следовательно, делает возможным установление в жизни и экономической справедливости.

В самом деле, чья вина, что иногда общественные деятели забывают все кроме политического положения, из-за изменения которого борются они прежде всего? Дело в том, что в исторической жизни народа бывают такие эпохи, когда народ лишен тех самых элементарных условий без которых невозможно сносное устройство общественной жизни. В этом положении общественный деятель сознательно, а народ более инстинктивно прежде всего борются из-за этих условий...

Мы хорошо знаем, что г. Маиашвили для подтвержде-

ния этого соображения потребует живых, из жизни, вятых фактов и свидетельства истории. Постараемся его законное и веское требование удовлетворить, только не все пусть дадут нам возможность хоть сколько-нибудь им самим приведенного факта из жизни итальянского народа. Если поверить г. Маиашвили, знаменитый патриот Гарибальди, друг этой свободы, натворил несуразность; объединив раздробленных итальянцев и предоставив им политическую самостоятельность. Большую ошибку допустил и отец Александр Гаваци, этот известный священник плечом к плечу стал с Гарибальди и его друзьями, бросился в опасность и так везде, где только находил подходящее время и случай проповедывал итальянцам и советовал соединенными силами добиться политической самостоятельной жизни. Какую же выгоду принесла эта свобода итальянскому народу? По мнению г. Маиашвили ровно никакую. Наоборот, если его спросить, в настоящее время итальянский народ более в нетерпимом экономическом положении, чем в то время, когда он находился под владичеством Австрии, но для доказательства этого слишком незначителен тот факт, который приводит г. Маиашвили. Правда, в Италии в настоящее время один сеет, другой жнет, правда, там еще не установился желательный экономический строй, — все это тысячу раз правильно, но еще более верно то, что у общественного деятеля и у самого народа в настоящее время имеется возможность уничтожить несправедливость, установить лучшие отношения, ту возможность, которой лишен был, когда Австрия была палачом славных граждан Италии, умственного ее движения, и жизненного дыхания итальянского народа...

Мы хотим фактами доказать г. Маиашвили его ошибки, мы хотим фактами убедить его в той жизненной истине, что политическая самостоятельность — первое условие для всестороннего улучшения жизни, хотя мы убеждены, что и он не является несведущим в этих фактах. Мы это думаем, что г. Маиашвили немного расшаркивается перед истиной, когда оставляет без внимания такие факты, которые именно против его теории (если это наименование не слишком преувеличено) говорят.

Мы думаем, что читатель хорошо должен знать, какое

варварство, какой вандализм проявила хваленая культура и цивилизацией Испания по отношению к одной части Южной Америки, внося в эту страну такой политической и экономической строй, который подверг опасности жизнь коренного населения. Народ так или иначе вырвался от испанского ярма. Что же затем? — Скажут нам господа Манашвили... Какое спокойствие и благополучие установилось после этого?... Вот что: правда, после освобождения рай не установился в Южной Америке, правда, эта свобода не установила там сразу же царство нравственности и прогресса, которое, к слову сказать, всегда является результатом продолжительного культурного процесса; правда, после приобретения свободы, там продолжительное время царил непрекращавшаяся гражданская война и всяческие ужасы анархии, но и то правда, что после страданий неизбежных родов в той стране, постепенно утверждается благополучие и в настоящее время и в этом отношении наблюдатель видит большой успех.

Возьмем еще ту жестокую войну Северо-Американских Соединенных Штатов, которая уничтожила работорговлю. Негры в настоящее время на людей похожи, их культурной жизни и их экономическому и политическому положению, их нравственному и умственному развитию многие и не негры позавидуют, и положение постепенно улучшается, но в то время, когда человеческие их права не были еще признаны, когда они были вещью, когда на плантациях Южной Америки их использовали как рабочий скот и когда рабов—негров преследовали выдрессированными собаками и ружьями, разве возможно было думать об улучшении их экономического положения?... Как это можно говорить? Прежде их должны были признать людьми, прежде всего им должны были предоставить гражданские права. Пока безграничное право плантаторов на негров не было сокрушено, до тех пор даже мысль об изменении экономического, скотского положения негров была бы беспочвенной мечтой... Тут и научное ознакомление с экономической жизнью негров ничего не могло поделать; необходимо было уничтожение рабства и для этого уничтожения нужна была политика крови и железа. Если Линкольн и его единомышленники аболиционисты (противники рабства) сперва позаботились об улучшении экономи-

ческой жизни негров в надежде, что негры поставленные в лучшее экономическое положение, сами изменят свое рабское положение и приобретут политическое равенство, это ведь было бы смешно и нечто ребяческое и совершенно безвредное для землевладельческих штатов Юнона и Луизианы, и борьба самих аболиционистов уподобилась бы разведению огня в безвоздушном пространстве.

Соображения г. Маиашвили¹, повторяем, сильно грешат перед жизненной логикой... он глубоко ошибается, когда не обращает никакого внимания на особенное положение народа... Именно так думал Фихте старший, которого исторические события, — уничтожение политической свободы родины, сделало его политическим вождем своего народа. Какое время было тогда Фихте думать об изучении экономического положения и об его улучшении, когда родина его валялась под ногами Наполеона, когда Родину его раздробили на несколько частей и из этих частей создали разные небольшие княжества, когда сам Берлин преклонялся перед тираном и дрожал... Какое было время рассуждать об экономических вопросах, когда тиран Наполеон все, что выработала история Германии в течение веков, видоизменял, когда он преследовал и уничтожал лучших граждан Германии... Здесь в силу обстоятельств, должна была возгореться борьба не из-за улучшения экономического положения, а за право на жизнь. Долг истинного патриота, истинного деятеля в этом тяжелом, критическом положении требовал противодействовать разрушительным чужеземным силам и откликнуться на общее чувство; так и поступил великий учитель и патриот Фихте. «Мы желаем, — говорил он, — путем образования так развить немцев, чтобы они образовали бы одно целое, которое вдохновлялось и руководствовалось в своих частях одинаковыми целями...» Это несчастное положение родины заставило философа Фихте забыть общечеловеческие вопросы, забыть космополитическую философию, общие человеческие чувства и вся его духовная сила направлена была на один предмет и этим предметом было прежде все-

¹ См. газ. «Шрома», 1883 г., № 1. К сожалению, этот критический обзор не печатается в том виде, как это предполагалось. (Прим. редакции).

го политическое восстановление его родины. Вот что признает предмет своего действия Фихте и это г. Маиашвили отрицается...

Г. Маиашвили скажет: разве немецкий народ и свободный рабочий находятся в счастливом экономическом положении после того, как Германия наслаждается политической свободой?...

В ответ на это мы скажем г. Маиашвили... следующие слова:

«счастливый век не в прошлом, а в будущем».

Наши отцы его не видели, мы тоже не увидим; но сыновья наши увидят и мы должны подготовить это время и Фихте, Гарибальди и все честные деятели национальной борьбы готовят это счастливое время...

В доказательство того, что в настоящее время политическое движение цены не имеет, г. Маиашвили приводит программу действия общественных деятелей Ирландии, Германии и Франции, в которой первое место занимает справедливое изменение экономического положения. Г. Маиашвили говорит, что в настоящее время не политические, а экономические вопросы и различные взгляды на них делают на группы общественных деятелей Западной Европы... Не будем обращать внимания, что не все это правильно: политический строй Европы еще не последнее слово науки. В конституциях Австрии, Германии и Италии и во Французской республике много слабых мест, в них еще не проведено полное политическое равенство и борьба по этому поводу в этих государствах еще не закончена и у жизни и науки еще много забот и работ остается... Но это ничего... Удивительно более то, что г. Маиашвили Францию и Германию сравнивает с теми странами, которые пребывают совершенно в других, диаметрально противоположных условиях жизни; что являются благами пожеланиями (*ria desideria*) для политически поработанных народов, это во Франции, Германии и Англии давно осуществлено и им пользуются в общественной и повседневной жизни...

Сам автор «Письма» признает, что «политические желания республиканской партии (во Франции), а также и самого народа в настоящее время всецело удовлетворены и в этом отношении спорного ничего нет»... Скажите, после

этого должен ли кто-нибудь удивляться, если общественные деятели Франции в своих программах действия приобретения политических прав не уделяют столько места?... Почему не понял г. Маиашвили того слишком простого факта, что во Франции, Германии и Англии общественные деятели эти политические права используют для улучшения экономического положения народа и стараются, чтобы при посредстве этих прав рабочий стал собственником продукта своего труда?...

Мы думаем, г. Маиашвили находится именно в неудобном положении, когда он советует нашим общественным деятелям подражать деятелям этих стран. Не будет плохо понять г. Маиашвили, что совершенно невозможно в наших условиях для деятеля прямо и особенно заботиться только об экономических изменениях. Посмотрите на прошлое Германии, Франции и Англии и там найдете это движение. Ознакомьтесь с прошлой жизнью политически поработанных народов, если нам не верите... Не забывайте и того, что если в настоящее время в Ирландии имеет место аграрное движение раньше вместо этого она испытала чисто религиозное, религиозное и политическое движение и испытала именно тогда, когда её человеческие права, её совесть сжимали кандалы, когда ирландец не имел свободы слова, права устройства митингов (собраний), о своих болячках пикнуть не мог, это еще ничего: когда преследовали его совесть, его религию...

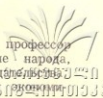
Если понаблюдать за общественным государственным строем, повсюду заметим одно явление, что этот строй и порядок созданы состоятельной частью тамошнего общества в свою пользу; заметим также, что воля и характер государства определяются только той частью общества, которая находится экономически в лучшем положении. Изучение истории и то нам говорит, что там, где существует экономическое крепостничество, пользование политическими правами сомнительно, что кто задумал в жизни глубокие изменения экономические и политические, всегда эти изменения раньше всех состоятельная часть общества использовывала... Подобное явление представляет и Германия. Немецкий рабочий пользуется политическими правами, но эти права не избавили его от экс-

плуатации буржуазии. Это так... но эти факты доказывают или нет ту мысль, что забота о завоевании политических прав является толчением воды и эти права не помогут народу в приобретении экономического благополучия?.. г. Манашвили говорит: «да» но эта мысль ошибочна и для выявления этой ошибки достаточно привлечь во внимание то воздействие, которое имеет политика на экономику...

Для доказательства того, какое влияние имеет политический строй на экономическое положение народа, мы возьмем только дело о государственных налогах. Ясно, что всякая государственная потребность является общей потребностью, поэтому расходы на эту потребность должны быть распространены на всех без всякого различия. Сама справедливость требует для удовлетворения этих государственных потребностей чтоб расходы несли бы все по мере состояния... В Европе в средние века только землевладение это единственное условие, которое предоставляло человеку право голоса в управлении государством, и тогда именно землевладельцы (феодалы и духовенство) были свободны от государственных налогов. В настоящее время землевладение смещено капиталом, буржуазной собственностью и эта собственность более или менее свободна от налогов...

Если оставить Европу и понаблюдать за жизнью России и нашей, заметим, что государственные расходы платят одни, и этим выполняются дела других... Этим оправдывается жалоба итальянского рабочего, что он сеет и жнет, но белого хлеба не ест. «Наша пицца кукуруза, но в достаточной мере и для насыщения и этого мы не всегда имеем, так как слишком дорого стоит, в силу больших государственных налогов и расходов»...

И не удивительно, что иногда производитель рабочий от «голода» и «холода» умирает и в то же время какой-нибудь дармоед роскошествует. Приобретение богатства и устройство жизни добронормально, материальное благополучие не зависит только от труда, а оно определяется теми правами, которые государство дает рабочему на продукт его труда. Проф. Адольф Гульда говорит, что гражданские права имеют большое влияние на сущность экономических отношений, велико и влияние политических прав на экономические условия, но влияние граж-

данских прав еще больше. Это же признает и профессор Вагнер. По его мнению экономическое развитие народа, между прочим, зависит от положения законодательства, которое становится основанием и результатом экономических действий людей...

Это все хорошо, скажут господа Манашвили, но дело в том, что для приобретения этого права прежде всего общественный деятель должен приступить к экономическим изменениям, так как политическое и национальное явления представляют прямой результат экономических фактов. Изменить экономическое положение и политическое само собою изменится. Вот какой практический совет дает г. Манашвили!.. Против этого мы ничего не сказали бы, если б изменение только экономического положения всего народа было бы возможно; что практический совет г. Манашвили ложен и в настоящее время этим советом никто не руководствуется, это подтверждается движениями различных народов Европы и лучшими представителями этих движений. Карл Маркс в своем манифесте 1847 года, между прочим, говорит, что «рабочий народ непременно должен завоевать политические права, чтобы сокрушить иго капиталистов»...

Этим мы заканчиваем разговор о «Письме» г. Манашвили. Мы хотели показать читателю слабые стороны «Письма», хотели доказать ту прочную связь, которая существует между политическими и экономическими явлениями. Насколько мы выполнили наше искреннее желание, суждение об этом предоставляем читателю...

Газета «Шрома», № 48, 1882 г., № 1, 3, 1883 г.

ბიბლიოთეკა
საქართველოს
აქადემიის

ОТ РЕДАКТОРА

Безусловно положительным фактом является в нашей научной жизни выход в свет на русском языке исследования доц. Г. Мегрелишвили по вопросам истории Грузинской общественно-экономической мысли.

Данная вторая часть первого тома «Грузинской общественно-экономической мысли второй половины XIX века» тем отличается от вышедших двух томов, что она включает не только исследования автора, но и им подобранные произведения представителей Грузинской революционно-демократической и революционно-народнической общественно-экономической мысли 60—80 гг. прошлого века. Нет сомнения в том, что в предлагаемой части «Грузинской общественно-экономической мысли» в качестве приложений повторная публикация произведений грузинской политической и экономической публицистики, которые давным давно стали библиографической редкостью и находятся в разных архивах и книгохранилищах, представляет крайнюю необходимость. Публикации вообще основных произведений грузинской политической и экономической литературы на русском языке безусловно будет способствовать созданию научной истории экономической мысли Грузии и народов СССР.

Включенные в предлагаемой части «Грузинской общественно-экономической мысли» Г. Мегрелишвили произведения грузинских публицистов представляют документы, ценные тем, что с одной стороны освещают малоизученные вопросы русского и грузинского освободительного движения указанного периода, а с другой — представляют произведения отдельных представителей идеологической борьбы того же периода излагающие взгляды авторов на актуальные вопросы экономики и политики русского и грузинского освободительного движения.

Исключительную ценность представляют в этом отношении печатаемые Г. Мегрелишвили произведения шести-

десятника Н. Я. Николадзе этого колосса грузинской передовой публицистики второй половины 19 века.

В предлагаемой части «Грузинской общественной экономической мысли» печатается несколько публицистических произведений Н. Я. Николадзе, все они были написаны на русском языке и опубликованы в разное время; из них только так называемая Автобиография, т. е. письмо Н. Николадзе к Бакрадзе от 7. I. 1914 г. публикуется впервые. Письмо к Бакрадзе печатается по тексту, прокорректированному проф. М. А. Полиевктовым в 1928 г. для известного исследователя С. Хундадзе, которое хранится в Публичной библиотеке ГССР им. К. Маркса. Письмо ценно в том отношении, что действительно содержит биографические данные о Николадзе, неполный перечень первых его публицистических произведений с указанием где они печатались и раскрывает псевдонимы Н. Николадзе. Письмо печатается полностью без всяких сокращений и отредактирования.

«Воспоминания» о шестидесятых годах Н. Николадзе, как об этом указывает редакция журнала «Кавкасион», были написаны в Лондоне на русском языке в 1923 г. и впервые опубликованы на грузинском языке в 1924—1925 гг. в журн. «Кавкасион» и «Ахали Кавкасион». На русском языке «Воспоминания» впервые были напечатаны в журн. «Каторга и ссылка» в кн. №33, и в кн. 34, 1927 г. (проф. С. Хундадзе ошибочно указывает №№ журнала 34—35, см. Н. Николадзе, Изб. произв., т. 1, стр. 382, на груз. языке). «Воспоминания» печатаются по тексту журнала «Каторга и ссылка», который в некотором отношении отличается от грузинского текста, без всяких сокращений. «Воспоминания» автору не удалось закончить. Они освещают ход русского освободительного движения в 1861—1862 гг., дают сведения об участии в нем Н. Николадзе и других грузин, рисуют отношение Николадзе к Чернышевскому и его семье, с которыми до конца жизни Николадзе не прерывал дружеских связей и отношений (и эта дружба продолжается и ныне между потомками Чернышевского и Николадзе).

В «Воспоминаниях» дана характеристика революционной и публицистической деятельности Чернышевского и его жены и приведенные факты представляют и ныне 97-500

ромный научный интерес. При выходе в свет этих «Воспоминаний» данные их широко были использованы Ю. Стекловым в известном двухтомном исследовании о Чернышевском, и по сей день «Воспоминания» остаются одним из основных источников в деле освещения вопроса русского освободительного движения и взглядов Николадзе в начале 60-х годов.

«Освобождение крестьян в Грузии» было впервые опубликовано в Герценовском «Колоколе» (№№ 198, 199 в 1865 г.), близким сотрудником которого на короткое время стал Николадзе (в 1865 г.). Статью Герцен одобрял; она печатается по тексту «Колокола» без каких-нибудь сокращений. Как видно из этой статьи Н. Николадзе правильно раскрывает классовую сущность проведенной в Грузии крестьянской реформы. Вместе с тем, «Освобождение крестьян в Грузии» — мировоззренческая статья: в ней Н. Николадзе излагает свои взгляды на национальное движение в Грузии, раскрывает характер колониальной политики Западных держав, и подробно излагает свои социалистические воззрения. И кто хочет уяснить мировоззрение Н. Николадзе, кто хочет составить правильное представление о его политических и экономических взглядах в этом периоде ему необходимо обратиться к «Освобождению крестьян в Грузии». С этой точки зрения большой интерес представляет включенная автором исследования в предлагаемой части «Грузинской общественной мысли» переписка между Николадзе и Огаревым и Герценом. Из этой переписки видно в чем заключаются разногласия между революционным демократом и социалистом Н. Николадзе, с Герценом и Огаревым. Об этом подробно рассказано и в статье покойного Черныка, предпосланной к переписке (апрель—октябрь 1865 г.). Эта переписка отвергает распространенное в грузинской советской науке мнение, что будто и в 60-х годах Н. Николадзе принадлежал мирному крылу социалистов или был буржуазным либералом. Во многом отношении оправдана вторичная публикация «Правительство и молодое поколение» Н. Николадзе. Это произведение было издано в Женеве Вольной Русской Типографией в 1866 г. «Правительство и молодое поколение» было издано по поводу выстрела

Каракозова в царя 4 апреля 1866 года. Брошюра Н. Николадзе, которая была направлена против анархистической тактики террора и заговоров в освободительном движении, вызвала и тогда большой интерес; она выражала чаяния и стремления революционно-демократической молодежи, считавшей себя борцами за проведение заветов Чернышевского и Добролюбова. Эту брошюру тогдашний видный деятель и революционер А. Серно-Соловьевич называл «умной брошюрой» и доказательством того, «что молодое поколение пошло за Чернышевским и Добролюбовым» (см. А. Серно-Соловьевич — «Наши домашние дела», Женева, 1867 г., стр. 9—10). Следует отметить, что это во многом отношении замечательное произведение не стало еще предметом детального изучения и представляет исключительную библиографическую редкость; она не сохранилась даже в личном архиве Н. Николадзе. «Правительство и молодое поколение» публикуется без сокращений по тексту экземпляра Всесоюзной публичной библиотеки им. В. И. Ленина (отдел редких книг). Грузинский перевод произведения «Правительство и молодое поколение» впервые был опубликован проф. С. Хундадзе в 1931 г. полностью. Сейчас готовится второе его грузинское издание вместе с публицистическим наследством (около 20 томов) Н. Николадзе Тбилисским государственным университетом под редакцией и по инициативе проф. Д. Гамезардашвили.

В предлагаемой книге печатается произведение по единственному тексту журнала «Былое», №№ 8, 9, 10, 1907 г. «Процесс 50-ти» видного грузинского революционного народника семидесятника и общественного деятеля И. С. Джабadari, революционная деятельность и идеология которого еще не стали предметом специального изучения.

Вторичная публикация этого произведения И. С. Джабadari, оправдывается тем, что это произведение тоже библиографическая редкость, и оно касается малоизученного периода, «хождения в народ» и «процесса 50-ти»; в нем приведены ценные данные и представляют изложение социально-экономических, революционных взглядов Джабadari — соратника прославленного Алексева и их зна-

менитых друзей по борьбе с русским самодержавием в 70-х годах прошлого века.

Несколько слов следует сказать о произведении известного революционного народника Г. Здановича. Здесь помещена его речь на процессе 50-ти, которая впервые была опубликована в «Вперед» Лаврова в 1877 г., Лондон. Речь Маиашвили печатается без изменения по тексту «Вперед», а «Письмо к нашим общественным деятелям», которое впервые было опубликовано в журнале «Иверия» в 1882 г., печатается в сильно сокращенном виде из-за неимения места. Но раз нет возможности печатать его полностью, то нужно печатать его теоретическую часть, касающуюся вопроса взаимоотношения политики и экономики полностью. Мы так и поступили.

Статья Маиашвили вызвала большой интерес среди передовой части грузинских общественных деятелей и революционеров, т. к. революционное народничество искало новых путей борьбы против царизма и пыталось теоретически обосновать эти пути. Нам представляется, что характерной чертой «Письма» Маиашвили, опубликованное впервые в журн. «Иверия», является обоснование чернопередельческой тактики в освободительном движении и это наше мнение подтверждается еще тогдашними живыми свидетелями, которые указывают, что после раскола «Земли и воли», возникновения «Народной воли» и «Черного передела» Маиашвили не примкнул к первой (см. об этом Аптекман и др.). «Письмо» вызвало большую дискуссию. В грузинской легальной прессе, не говоря ничего о положении дел в грузинских нелегальных подпольных организациях того периода, ухитрились обосновать противоположные взгляды против чернопредельчества, в частности народовольческие. Нам представляется, что с этой точки зрения представляют большой интерес статьи помещенные вслед за произведениями Маиашвили, Умципаридзе-Вольского и Е. Бослевели-Мчедлидзе. Из этих статей с незначительными сокращениями печатается статья Вольского-Умципаридзе — «Что нужнее?», впервые опубликованная в газете «Шрома», № 48 и 49, 1883 г. Е. Бослевели против Маиашвили направил 9 фельетонов, но из них свет увидели только три и те искажены цензурой.

Статьи Бослевели, — «Критический обзор», — пе-

чатаяются без сокращений по тексту газеты «Шрома», т. к. оригиналы еще не найдены.

Следует также сказать, что у Маиашвили приведенный отрывок из предисловия К. Маркса «К критике политической экономии», где сформулированы основания исторического материализма, дается с грузинского перевода в таком виде, как его переводил сам Маиашвили, иначе нельзя было поступить по нашему мнению, т. к. этот перевод Маиашвили отражает уровень понимания им Маркса.

В нашу задачу, задачу редактора не входит подробный научный анализ как исследования доц. Г. Мегрелишвили, так и им подобранных первоисточников грузинской политической и экономической мысли. Но следует сказать, что в данной книге помещенные произведения грузинской публицистики, какими бы не были их слабые стороны и ошибки, имеют не только историческое, но и познавательное значение. Эти произведения принадлежат революционерам, до конца преданным делу освобождения трудящихся, хотя не имеющим представления о настоящих путях их освобождения, но все же эти произведения содержат рациональные зернышки. Все эти произведения проникнуты верой, что будущее принадлежит социализму, который установится через революционную борьбу трудящихся масс, что народ и революция непобедимы, что в конечном итоге реакционные силы общества будут сломлены прогрессивными силами; характерные черты этих произведений интернационализма, а не сепаратизма, социальный оптимизм, вера в то, что какими бы сильными не были реакционные силы мира, они будут стерты с лица земли и человечество пробьется через борьбу трудящихся во главе революционной партии к лучшему будущему, в котором будут ликвидированы эксплуатация, нищета и несправие масс. Эти произведения принадлежат перу домарксистских революционеров, которые несмотря на их ошибочные взгляды по вопросам освободительного движения, своей преданностью интересам народа, революционной чистотой и самоотверженным служением делу освобождения трудового человека, как мужественные и стойкие борцы за человеческое счастье, являются примерами и для нас. Их великие образы зовут нас не щадить свою жизнь и самоотверженно

бороться за утверждение и победу социализма, мира и демократии, за окончательное освобождение простого человека от ига капиталистических и всяких хищников.

Эти произведения говорят нам, что и наши, тогдашние, грузинские революционеры хорошо понимали, что дружба народов, интернационализм, единый фронт в борьбе — залог победы нового социалистического строя.

В отличие от некоторых утопических школ запада в этих произведениях красной нитью проведена мысль, что освобождение народа дело самого народа, и что на гуманизме господствующих классов и их «сочувствии» нельзя строить какие-нибудь надежды. Они враги социального прогресса. Но несмотря на это следует отметить, что домарксовские наши социалисты-революционеры, конечно, не могли указать трудящемуся человеку настоящий путь к освобождению. Это сделали Маркс, Энгельс, Ленин, создавшие научный социализм¹.

Доктор экономических наук, профессор

Н. К. Лачкепиани.

18. VIII. 61. Тбилиси.

¹ Следует отметить, что переписка Н. Николадзе с Герценом и Огаревым с ее научной аппаратурой печатается по текстам публикации «Литературное наследство», т. 62, ч. II, стр. 402—412.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Необходимые разъяснения	3
-----------------------------------	---

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

ГЛАВА СЕДЬМАЯ—А. ПУРЦЕЛАДЗЕ—Идеолог крестьянской демократии 70—80 гг.

§ 1. Формирование общественно-экономических взглядов А. Пурцеладзе	8
§ 2. Критика грузинского феодализма и феодальной апологетики	21
§ 3. О противоречиях капитализма и некапиталистический путь развития	33
§ 4. Социализм и революционный путь его существования	51
§ 5. О путях экономического развития Грузии	67
§ 6. Борьба против колониализма	72
§ 7. Вопросы политической экономии в трудах А. Пурцеладзе	75

ГЛАВА ВОСЬМАЯ—Утопический социализм Тархан-Моурави

§ 1. Краткая биография	115
§ 2. Концепция об общественном развитии	117
§ 3. Проблема устранения нищеты и социализм	126
§ 4. Мирный просветительный путь осуществления социализма и вопросы экономического развития Грузии	140

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ — Политические взгляды Е. Бослевели 155.

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

Произведения представителей грузинской революционно-демократической и революционно-народнической общественно-экономической мысли.

НИКОЛАДЗЕ Н. Я.

1. Автобиография	177
2. Воспоминания о шестидесятих годах	195
3. Письма Н. Николадзе Огареву и Герцену	250
4. Освобождение крестьян в Грузии	267
5. Правительство и молодое поколение	295
ДЖАБАДАРИ И. С. — Процесс 50-ти	345
ЗДАНОВИЧ-МАИШВИЛИ Г. Ф. — Речь на процессе 50-ти	450
Письмо нашим общественным деятелям	459
ВОЛЬСКИЙ-УМЦИФАРИДЗЕ Г. — Что нужнее	478
БОСЛЕВЕЛИ-МЧЕДЛИДЗЕ Е. — Критический обзор	485
ОТ РЕДАКТОРА	499

შრომის წითელი დროშის ორდენის საქართველოს
სასოფლო-სამეურნეო ინსტიტუტის შრომათა ტომი LVI

გაბრიელ ივანეს-ძე მებრალიშვილი
მეცხრამეტი საუკუნის მეორე ნახევრისა და
მეოცე საუკუნის დასაწყისის ქართული
საზოგადოებრივი ეკონომიური აზრი

ტ. I ნაწ. II.

(რუსულ ენაზე)

შრომის წითელი დროშის ორდენის საქართველოს
სასოფლო-სამეურნეო ინსტიტუტის გამომცემლობა
თბილისი — 1961

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Академик Академии сельхознаук Груз. ССР
И. Ф. Сарисвили (отв. редактор), член-корр. АСХН ГССР
И. Л. Джаши, засл. д. н. Л. Л. Декапрелевич, академик
АСХН ГССР, засл. д. н. Л. П. Каландадзе, проф.
В. И. Кантария, проф. Х. Б. Шаламберидзе, проф.
И. Л. Абашидзе, проф. Н. В. Пайчадзе, проф.
Д. Д. Цицишвили, проф. П. Н. Тавхелидзе, Д. Ш. Дгебуадзе.

Редактор Н. Лачкениани
Техредактор Ш. Эльбакидзе
Корректор Т. Суровцева

Сдано в набор 8. IV. 1961 г. Подписано к печати 15. X. 1961 г.
Заказ № 253/897. Формат бумаги 60x92 ¹/₁₆ см. Изд. листов
27.2. Печатных листов 31,7. УЭ 02652. Тираж 1000 экз.
Цена 1-60

Сталинирская типография Грузглавиздата,
г. Сталивир, ул. Исака, 2.

